

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (505)

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир Гандельсман. Харьковская трилогия. Стихи.....	3
Рафаэль Мовсесян. Под кривой водой. Роман.....	13
Татьяна Щербина. «Сидят под камнем и нервничают...» и др. стихи.....	103
Юрий Серебрянский. Бася. Повесть.....	109
Данил Файзов. Всё сбылось. Стихи.....	136
Евгения Скобина. Коптилка. Повесть.....	147
Андрей Пермяков. «Помянем» и др. стихи.....	161
Владимир Тренин. Защитник. Рассказ.....	170
Максим Хатов. Посвящения. Стихи.....	175
Татьяна Грауз. Песни Ырь.....	178
Мила Борн. Слово. Рассказ.....	182
Владимир Гуга. Жизнь удалась! Рассказы.....	187

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Саша Попов (1949–1995). Придверие. Пьеса в 2-х действиях Публикация, подготовка текста, вступление Германа Лукомникова	194
---	-----

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. «Не имеющий известности». Окончание.....	214
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Война и мир двух новых книг О кн.: Денис Безносов. Свидетельства обитания: Роман; Алла Горбунова. Ваша жестянка сломалась: [повесть].....	245
---	-----

ИНТЕРВЬЮ

Цифровой кочевник Юрий Серебрянский о языковой идентичности, маршрутах жизни и прозы, литературной учёбе и месте казахстанской литературы Беседовал Владимир Коркунов	251
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Боровиков. Светлый луч О кн.: Сергей Чупринин. Оттепель: Действующие лица.....	258
Елена Соловьёва. «Антропология противостояния катастрофе» О кн.: Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй.....	260

© «Волга», 2023

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ХАРЬКОВСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Посвящается Ирине Черняховской

сарай

мне поручили охранять сарай...
Ю. К.

тяжёлые дубовые ворота –
их открывают только в дни, когда
хоронят – (мебель не вывозят
и не привозят – покупают раз
и навсегда) – дубовая калитка
добротная – и двор – дома квадратом –
и – поперёк – дощатые сараи,
гордящиеся ладностью дверей –
там пролетают два дошкольных года –
сочащееся солнце из щелей –
лучи с мерцающей в них пылью –

ещё – что ни секунда – я рождаюсь –
и нет страданий или поводка
поэзии живописать страданья
(беду не приближая к сердцу,
а то и вовсе равнодушно их
писать) – и дышится легко,
и таинство вершится детства –

сарай! – кажется, что свет внутри –
из читанных мне на ночь сказок –
то крошка Цахес, то Мышиный
король семиголовый по углам
мерещатся – и дрожь внутри,
похожая на имя Дроссельмейер –

Владимир Гандельсман родился в 1948 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Автор более 20 книг, многочисленных публикаций в журналах («Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия», «Волга» и др.), а также переводов (Льюис Кэрролл, Эмили Дикинсон, У. Х. Оден и др.), Лауреат «Русской премии» (2008), премии «Anthologia» (2012), премии журнала «Интерпоэзия» (2014). Живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге.

скажи мне кто-нибудь в ту пору,
что жизнь конечна – ничего
не только бы не понял – не услышал –

в том Харькове у тётушки моей
и дядюшки висит в сарае шкаф
с инвентарём – о скука! – плоскогубцы,
напильник... – рядом детская коляска –
кто упорхнул отсюда? – и всегда
одна калоша под велосипедом –

нет, я люблю соседские сараи! –
у дяди Коли фотоаппараты,
штативы, ванночки, футляры, линзы,
колёсики – фотограф-летописец
картошку жареную с простоквашей
ест и зовёт меня, и угощает –
а тётя Шура на веранде тесто
раскатывает – вот, смотри, как надо
раскатывать и как лепить края
вареников! – и я смотрю, смотрю –

смотрю – как все по-разному живут –

в сарае тёти Лиды по-другому –
она с Ивановной свой делит дом
и свой сарай –

Ивановна прислуживает в храме –
квартира аскетична и чиста –
кровать, застеленная насмерть –
подушки белоснежной горкой –
и белоснежна вышивка на них –
на Троицу пахучая трава
разбросана по полу – в церкви свечи
раскладывает, натирает
подсвечники – а иногда
берёт меня с собой – в квартире
на стенах забелённые следы
от пуль – в войну какой-то немец
пугал и заставлял её
пить молоко, когда она постилась –
Ивановна же говорила: «Ні» –
и он отстал –

в сарае у неё горшки
для куличей, тазы... – всё безупречно,
стерильно, прибрано, всё – благодать –

на половине тёти Лиды – стопки
мешков, какие-то верёвки, барахло
с завода – «быть» убито в слово «быт» –
безмужняя, она родит Олесю –
(а тётушка и дядюшка мои
ей детскую коляску отдадут) –
та подрастёт, и тётя Лида ей
с завода парашютный шёлк притащит
и платье ей сошьёт – и та, кружась,
легчайшая, почти взлетит –
и будет у обеих счастье –

но это позже, без меня –

ещё не всё – напротив – через двор –
Марья Петровна с дочерью – в их доме –
громоздкие торжественные лампы
и бархатом обита мебель –

их нет на фотоснимках дяди Коли –
на задохнувшихся, белёсых, стёртых,
хранящих отраженье тех,
кого ничто уже не отражает –

они за общий не садятся стол,
который накрывают во дворе
по праздникам – горды и неприступны,
гостей не принимают, и меня
не угощают никогда – но странно! –

их, сломанную мебелью набитый,
торшерами и сундуками,
я так люблю их чёртовый сарай –
кресло-качалка – я сажусь и ставлю ноги
на мягкую скамеечку под ним –
она материей обшита, вата
торчит из дыр – я втискиваю вату внутрь –

мне хочется там говорить – как странно! –

и я впервые говорю – да, там
я сам с собою говорю впервые –

и вот последний на сегодня дом –
он тоже надвое поделен –
мать, дочь и дочери
немолодая дочь – всё сведено
к тому, чтоб младшенькую выдать замуж –

сарай их пуст – заржавленные вёдра –
и это всё –

другая половина – тётя Поля
и сын её – с застенчивой улыбкой
нежнейший Павлик – он слегка косит –
он математик – почему-то их –
(я в том числе) – жалеют все – и эта –
моя – опять впервые! – жалость –

сарай их... – я не помню в нём вещей –
но помню: ни к чему
не прикасаюсь – там нельзя нарушить
безукоризненный порядок – там я тих –
сарай, где даже паутины нет –
высокий есть порог – на нём сижу
и вижу вертикальный свет... –

когда я о повешенных читал
Андреева – лет через семь – на даче
в Лисьем Носу – (не ведая, что тех,
с кого лепились образы, казнили
именно там) – увидел из окна
калошу в луже и обрывок
верёвки... бельевого вполне... –

то был дождливый день, зато назавтра
светило солнце, как светило там,
где грудятся дощатые сараи,
дома квадратом и куда ни глянь –
куда ни глянь – натянуты верёвки –
и на ветру полощется бельё,
как флаги бесконечной жизни –

пир

пирушки наши завещанья...
Б. П.

узенький, тенистый
Добсвідний переулок –

с пульсирующей школой,
громоздкой и ему несоразмерной, –
крик детей,
звонók, смех, гомон, смех, и всё –

всё замирает и пустеет
с началом лета –
по обе стóроны парадного крыльца
ступени – мрамор – окна широки
и высокі –

всё замедляется, и умирает пульс –
и школа в мертвенном стоит величье –
вдруг-тишина – и наступает

пора цветов –

пионы вроде морд бишо́нов,
надушенных в цирюльне, –

промотавшиеся графья
с тонкими горлышками –
трубчатый табак, –

конусы лиловые
резной сирени, –

распашные
лодки листьев акации –

и оркестр граммофончиков,
облепивших террасу,
синих с тонущими в растрѹбе
белёсыми подпалинами, –

мальчик лет шести –
неведомый себе посредник
между богами и людьми –
он в переулке –

узенький, тенистый
Добсвідний переулок –

войти во двор и замереть у клумбы –
он соглядатай, но когда-нибудь –
истолкователь ба́рхатцев и астр –

в зелёный аромат
лип, клёнов, тополей
вплетается съедобный запах –

(и первой жизни острѣ –
трав и земли вдыхание твоё –
вонзается, как быстрое копье) –

открыты окна – окна нараспашку –
«я, Верочка, возьму
солёных помидорчиков, приехал
Павлушечка» –

ласкательные ечк, и чик, и очк –
не в долг берут, задаром – здесь царят
радушие и щедрость –

здесь на заднем
дворе у каждого семь грядок –

а рынок Благовещенский! – ряды,
ряды, ряды – клубника, вишня,
антоновские яблоки и хруст –
такого хруста нет на белом свете –

ещё творог –
мягчайший, влажный –
лежит куском –
он под ножом подвижный –

густейшая сметана в вёдрах,
прикрытых марлей, масло всех оттенков –
от тёмно-жёлтого до светлого –
и молоко – с коричневою корочкой –
топлёное – и продавцы –
их нарукавники, передники – и смачно
и сочно! –

если во вторую жизнь
вернусь слепцом, я вход в неё
на нюх найду, на ощупь
по головам клубники –

погреб – мальчик, где ты? – погреб –
кирпичный пол и тусклый свет –
и бочки, бочки –
капуста, помидоры, огурцы –
всё крышкой – (не впритирку к бочке) –
прикрыто – сверху камень – и рассол

пьянящий – с травами, и чесноком,
и листьями смородины –

спускаешься и миской
зачерпываешь с хлюпом
соленья –

вот тётя Вера (тётушка моя)
из теста нарежает тонкие
полоски и кладёт на холст сушить –

«ты шевели лапшу» – я шевелю,
чтобы она не пересохла, –

а маковый пирог –
перетираение
в макитре мака –
так долго тянется, как если б зёрна
перетирались времени – и тётушка поёт –

(она курила «Беломор» – я слышу
чуть с хрипотцою низкий голос) –

опара – тётушка не раз
встаёт её «подбить» – ночное
священнодействие – наутро – тесто –
вот снято полотенце –

так пахнет счастье –
так ноздрится,
приправлено изюмом и цукатом, –

несут – кто фаршированные перцы,
кто синенькие,
кто огромную бутылъ
с густой тёмно-вишнёвою наливкой –

сдвигаются столы –
последней тётя Шура –
сию секунду снятую с огня –
несёт картошку –

мой дядя Женья говорит: «к достойным
на пир идёт без приглашенья
достойный», –

а чуть позже он поёт
о перелётных птицах – в жарки страны
они летят – о том, что остаюсь
с тобой, родная сторона, – о том,
что ни чужое солнце, ни земля
чужая не нужны, –

и сердце бьётся
сильней у тётя Веры, – и от песни

такие слёзы катятся, каких
я больше никогда не видел, –
день
освобождения Харькова –
день двадцать третий –
август –

Сумская

Я посетил тебя, пленительная сень...
Евг. Баратынский

я иду каштановой аллеей –

и цветут высокими свечами
кроны, источая запах спермы по ночам, и
он проложен клеверным – то розовее, то блее –
запахом, – и каждая скамейка
помнит стоны... –

я иду каштановой аллеей –

и тележка с газированной водой –
и стеклянных два цилиндра – в них сироп – и мойка
для стакана – с быстрым брызгом изнутри –

поднесёшь стакан ко рту –
лицо всё в капельках, – и крик: «эй, молодой,
дай копеечку!» –

с каштанов осенью – смотри! –
падают с прищёлком каблучковым
лаковые ядра-кулачки –

притяжение памяти, её прирост,
искривит пространство так, что я иду
здесь, в сию секунду перекинув Млечный мост
из секунды в шестьдесят шестом году, –

не аллея – храм – вечор и днесь –
шахматисты под широкополой шляпой тени
в дырах света – мреющая над мозгами взвесь
хищных замыслов или смятений, –
а в дебюте глаз их переблески –
Фёрзевый гамбит? – нет, Королевский! –

на Брежаловке футбольные болельщики –
то ли плещутся подлещики-подельщики, –

то ли колыхаются, как водоросли –
я иду на запах ли, на голос ли –

патлы мальчиков и девочкины плечики –

друг мой физик – кличка Шарлатан –
мямлит (он влюблён!): «тоскую...» –

мать его – красавица – дородный стан –
Лиля входит в комнату – в ней уйма удали! –
«тю! – смеётся, – мигом на Сумскую!
я дивчиною кохалася без усталы,
а теперь мне кажется, что мало!» –

я тебя, простую,
пышногрудая красавица, рисую! –

божество любви свой путь торит –
наэлектризованная жизнь искрит,
как пантографы троллейбуса, – летит герла в обновке
через город на Стекланную Струю –

«вы встаёте, – говорит, – на остановке? –
да, встаю» –

белые ажурные колготки, мини-
юбка – (чуть за дверь – переоделась,
чтоб не видел папёнка) – балетки – боже, этих линий –
омывает сердце кровь – сквозная прелесть! –

нет, не очи жгучие и страстные,
нет, послушайте –

Лёша Пугачев с подхрипом: «красные –
помидоры – (под гитару) – кушайте
без меня...» – поёт стихи окраинного
счетовода из депо трамвайного, –

то у «памятникшевченко» встречи,
в «Автомате-Пулемёте» пирожки слоёные –
крошки сыпятся, – то кофе с коньяком и речи,
речи, речи, рифмой окрылённые, –

то фланируют – кто по Бродвею (правая
сторона Сумской), кто по Гуляй-
Штрассе (левая) – уже грохочет слава
Кривошея – он – сверхпроводимый, через край
плещущий – великий химик, комик –
Мотрич, Димс, Чурилов, Кадя –

хаос динамический – под мышкой томик –
он стихи читает в «Затишке», в застольном чаде, –

то вокзал – вокал бесщётных окон, –
кто не знает пересадок
в Харькове? – прищурюсь – как далёк он! –
весь – платформа с головы до пяток –

как изысканно живёт в тебе отвесная
тихая тревога предотъездная... –

то срываются куда глаза глядят капризники –
то являются живые призраки –

буги-вуги, узенькие брючки, вот я – зримый,
фиолетовый, с замороженных дрожек,
я не серый, я неповторимый,
я хочу быть лошастью, я Мрожек –

то несётся Голубая Лошадь по Сумской –
это из пятидесятих – Господи, их душу упокой! –

газировка – я иду каштановой – вчёр и днесь –
пять копеек и двойной сироп «дюшес»
цвета солнца, вкуса груши, – Шарлатан,
постоим, переминаясь,
подождём, пока ополоснут стакан.

Рафаэль МОВСЕСЯН

ПОД КРИВОЙ ВОДОЙ

Роман

*Посвящается той нити,
что связывает
наших родителей с нами
и нас с нашими детьми.
Моим родителям и детям.*

*...Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь
Осип Мандельштам*

*И заповедал Господь Бог человеку, говоря:
от всякого дерева в саду ты будешь есть,
а от дерева познания добра и зла не ешь от него,
ибо в день, в который ты вкусишь от него,
смертью умрешь.
Бытие, 2:16-17*

Первая часть

Вся его фигура напоминала изломанную ветку: заточенный нос, кадык, угловатые плечи, острые локти и колени. Когда он хмурился, высокий лоб изрезывался многочисленными линиями. Казалось, если положить это узкое лицо щекой на поверхность озера, то оно неспешно поплывет точно высохший лист.

Мужчина, положив нога на ногу, сидел в глубоком велюровом кресле и сосредоточенно водил по странице длинным пальцем. Пахло цитрусами. Женская рука поставила на журнальный столик тарелку с очищенным апельсином. Марина захватила двумя пальцами дольку и опустилась в кресло, которое стояло в шаге от первого. Через минуту безмолвия хозяйка дома, наконец, нарушила тишину, осторожно напомнив мужу, что они давно не занимались любовью. Виктор поднял глаза и ответил: для таких дел она может купить себе робота. Он не против.

– А тебе не кажется, что это против твоих убеждений? – спросила Марина без вызова.

Рафаэль Мовсесян родился в 1987 году в Ереване. Дипломат, работает в МИД Республики Армения. Окончил Московский государственный лингвистический университет (иняз) по двум специальностям – юрист и переводчик, ВЛК при Литературном институте им. Горького, Дипломатическую школу при МИД Республики Армения. Автор книги стихов «По праву зрения» (издательство «СТИХИ», 2017). Публиковался в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов», «Гвидеон», «Радуга», «Литературная Армения» и др. Победитель Всероссийского поэтического конкурса им. Николая Рубцова (2009), финалист поэтического Гала-турнира «Пушкин в Британии» (Лондон, 2013). В «Волге» публиковались проза (2015) и стихи (2013, 2016).

– Не кажется.

– А мне вот кажется. Человек, который борется против технологического прогресса, предлагает жене кувыряться с роботом. Не видишь проблемку?

Виктор набрал в рот воды из океана и раздраженно уставился в пол.

– И ты, кстати, до сих пор не убрал палец со своей книги... Просто прошу тебя: займись чем-нибудь.

– Я всегда полагал, что чтение – это занятие.

– Ты так совсем с ума сойдешь. Я же вижу.

– Что же ты видишь?

– Я вижу, что ты просишь помощи.

– Я читаю книгу.

– Нет, ты просишь помощи. Ты просишь помощи у всех подряд, у всего подряд. Сейчас – у книги.

Виктор, сдавшись, опрокинул голову на спинку кресла.

– Марина, что ты хочешь от меня?

Женщина выдержала небольшую паузу, после чего сказала:

– Дочка одной моей подруги с работы хочет заниматься философией...

– Да что же ты будешь делать! Вот куда все шло. Теперь ясно. Все встало на свои места. Пусть дочка твоей подруги зайдет в интернет и запишется на курсы. Там их сотни! Полагаю, это не сложно.

– Да будет вам известно, мистер «полагаю», что она не хочет онлайн. Она хочет изучать философию на природе – как ты и любишь!

– Если эта девочка считает себя Александром Македонским, пусть найдет себе другого Аристотеля.

– А вот ты уже и шутишь! Согласись. Прошу тебя. Подумай об этом, и ты наверняка согласишься! Я же знаю, что ты хочешь преподавать. Просто подумай.

– Но не ребенку же в лесу! Достаточно.

Захлопнув книгу, мужчина резко встал и пошел в свой кабинет, где можно было хотя бы на время укрыться от добра и зла, жены и апельсинов.

*

Ближе к полуночи Виктор в легкой куртке вышел во двор. Система управления домом София закрыла за ним послушную дверь. На улице мужчина остановился и глубоко вздохнул. Он положил руки в карманы и уставился на мошкар, которая суежилась в нежной струе фонарного света.

Виктор побрел в сторону рощи. Как давно он не прогуливался в темное время суток! Как же хорошо сейчас было дышать! Мужчина поймал себя на мысли, что в последнее время беспрестанно о чем-то думает, но совсем не размышляет – схватив идею, сразу же бросает ее и берется за новую. Как бы делает шаг и спотыкается; потом смотрит на свои ботинки, перевязывает шнурки и забывает, куда шел.

Вокруг не было ни души, и заскучавший воздух с почтением расступался перед идущим. Вдруг на узком запястье задрожал браслет – Система Города предупреждала путника, что роща охраняется государством. Указательный палец привычным движением скрыл текст.

Виктор почти вплотную приблизился к деревьям и встал как вкопанный. Впереди, между кленами – кромешная тьма. Лицо его исказилось. Едва он переставил ногу, как снова замер – животный страх выскочил из рощи и проник внутрь через серо-голубые глаза. Чужеземец целиком отдался этому неистовому чувству. Какая-то сила необъяснимо заставляла желать еще больше страха – чтобы раствориться в нем, познать весь его бесконечный ужас. Мужчина присел на одно колено и зажмурился. Земля, на которую легла ладонь, оказалась неожиданно холодной и злой. Воображение вылепило косматое чудовище, что стоит прямо здесь, между стволами, и почти в

упор глядит на человека. Шерсть его – жесткая, глаза – не моргают. В нос ударил исходящий от чудовища смрад, и тогда совершенный страх, наконец, сошел на Виктора.

*

Хозяин дома открыл глаза в половине одиннадцатого и осознал, что давно так хорошо не высыпался. То, что случилось вчера, теперь казалось далеким сном, но встреча с монстром кое-что изменила: овладев Виктором, бог страха, точно хирург, вырезал из человека разрастающуюся опухоль, зашил рану и ушел к следующему пациенту. Мужчина сел в постели. Что это была за опухоль? Он попытался разобраться в своем новом состоянии, но не сумел.

Марина уехала пару часов назад. Она работала инженером по восстановлению окружающей среды и часто бывала в разъездах. На прикроватной тумбе Виктор заметил записку, написанную, как он любил, от руки – карандашом на тетрадном листе. Жена оставила номер телефона с именем и нарисовала дюжину сердечек. Бывший преподаватель покачал головой, но то предложение, которое он отверг вчера, нынче казалось привлекательным. В тапочках, с запиской в ладони хозяин дома зашаркал на кухню, где налил в стакан воды из кувшина.

– Доброе утро, София.

– Доброе утро.

– Добавь новый контакт.

Виктор вслух прочитал записанные цифры и сделал несколько глотков.

– Данный номер уже зарегистрирован в телефонной книге. Регистрация выполнена вчера. Контакту присвоено имя «Анна Ученица». Также на двенадцать ноль-ноль установлено напоминание о том, что вам необходимо позвонить данному контакту.

– Она же буквально жить не может без этого! Изо дня в день доказывать, что знает меня как облупленного!

– Вы желаете отправить данное сообщение?

– Конечно нет! Позвони по этому номеру.

Заиграла ненавязчивая мелодия, и уже через секунду-другую девушка ответила.

– Здравствуйте. Я говорю с Анной?

– Да, это я. А кто это?

– Меня зовут Виктор. Вы искали преподавателя по философии?

– Ах, да-да! Я так ждала вашего звонка! Мама сказала, что вы позвоните сегодня.

– Так и сказала, что именно сегодня позвоню?

– Ну, да. А что?

– Да что же ты будешь делать...

– Простите, не поняла...

– Нет, ничего. Анна, почему бы вам не взять онлайн курс? Зачем усложнять?

– На самом деле я очень хочу понять жизнь, понять себя, связи между предметами и явлениями. Хочу проследить за историей развития человеческой мысли от самых ее истоков...

– Я понял. Все, прекратите. Успокойтесь, пожалуйста. Долго текст заучивали?

Девушка смутилась, но ответила, что на это ушло немного времени.

– Я же вас совершенно о другом спрашивал. Ладно. Благодарю за честность. Завтра в три вам удобно?

– Да-да, конечно! Очень удобно!

– Тогда – до свидания. Я пришлю локацию.

– До свидания! Спасибо! Я буду вовремя!

Мужчина, довольный собой, открыл холодильник и вытащил оттуда небольшой контейнер.

– Сегодня замечательный день, не правда ли? Кстати, а вы знали, что коробку для куриных яиц еще в начале прошлого века изобрел газетный редактор? – спросил он невидимого собеседника и хитро улыбнулся. – Нет? Так я вам расскажу.

*

Хозяин дома положил в пустую тарелку вилку с ложкой, вытер салфеткой рот. Ему вспомнилось, что отец часто любит приговаривать: «яичница из двух яиц по меньшей мере в два раза лучше яичницы из одного яйца». Покончив с завтраком, Виктор поспешил в ванную комнату – бриться. В день, когда ему исполнилось шестнадцать, отец приобщил его к таинству этого великого мужского обряда. С того самого дня не бывало такого утра, когда бы Виктор смилостивился над щетиной лица своего. Ни болезнь, ни спешка не могли прервать традицию. Мужчина гладко побрился, после надел брюки, футболку с длинным рукавом и, покинув дом, вновь зашагал в сторону рощи. Как же сильно он соскучился по отцу! «На днях обязательно позвоню ему», – решил сын.

Браслет задрожал. Высветилось имя звонящего.

– Привет, Роберт.

– Привет, сосед. Знаешь, что сейчас лежит передо мной?

– И что же?

– Давай, принимайся! Чувствуешь?

Виктор шутки ради громко пошмыгал носом.

– Нет. Почему-то не чувствую.

– Ах, сосед-сосед! Тебе точно понравится.

– Не сомневаюсь. Так что это там у тебя?

– Говядина. Настоящая говядина. Или, как написано в конституции нашего государства, «любимая говядина Виктора».

– Хороший все-таки сегодня день.

– Заходи вечером.

– Договорились, буду часов в пять-шесть.

– Жду!

Возвращаться к роще было волнительно, но Виктор и не догадывался, какое именно чувство охватит его. Ясно одно – это не будет страх. Казалось, вот-вот через переживания выплеснутся ответы, но идущий понятия не имел, какие вопросы вселенная задавала ему.

Слева и справа от узкой асфальтированной дороги разбегались сотни метров травы, упираясь в коттеджи. Как же сильно изменилось это место всего за несколько десятков лет! Как сильно изменился весь мир! Города соперничают за жителей, стараются предложить лучшие условия – выгодную страховку, чистый воздух, удобную инфраструктуру и многое другое. А человеку посреди всей этой круговерти полагается лишь созидать и тратить. Остальное – забота искусственного интеллекта, роботов. В целом жизнь стала более спокойной и размеренной. Человечество справилось почти со всеми проблемами, что мучили его в начале века, но взамен, правда, как всегда – обзавелось новыми.

Виктор на том же месте, что и накануне. Там, где в темноте скалилось чудовище, сейчас покоится пустота. Чудовище. Чем же оно отличается от зверя? Одно и то же создание можно назвать и так и этак. А разница, пожалуй, лишь в том, что чудовищем мы называем того, кто вызывает страх. Когда-то наши предки жили в пещерах и охотились. Значит, и они в какой-то мере тоже были зверьми. А мы? А мы – звери? А мы – чудовища?

Десяток шагов, и мужчина оказался там, откуда вчера монстр глазел на него. Возле толстого корня Виктор заметил небольшой муравейник. Насекомые остервенело бегали туда-сюда, и кроме них самих никто на белом свете не понимал смысла этой суеты. Человек запустил руку в карман и вытащил леденец. Схватив пальцами края зеленой обертки, он одним движением легко развернул ее, а потом торжественно водрузил сей дар на вершину муравьиного бастиона.

– Питайтесь, плодитесь и размножайтесь, дети мои.

Мужчина распрямил спину, развернулся и глазами зверя посмотрел на землю, из которой пришел. Он улыбнулся при мысли, что, должно быть, глядеть на мир из леса не так страшно, как из мира – на лес. Виктору захотелось громко и победно взвыть, как это делают волки в кино, но он одернул себя и вслух рассмеялся над глупым желанием.

*

– Дамы и господа! Выступает... старейший в мире мангал! Спешите! Количество мест ограничено!.. Кстати, мне его одноклассник бывший подарил, ливанец.

Роберт погладил эспаньолку чистой ладонью и поставил на жаровню первый шампур с замаринованным мясом.

– Как же здорово вот так стоять возле огня и разговаривать, – обронил Виктор.

– Это да... – энергично подхватил собеседник и ловко расставил еще три шампура. – Готово! Теперь, сосед, с этим нашим спором главное не забывать переворачивать. Так вот. О чем это я? Да! Я считаю, что все мы так или иначе в своей жизни ориентируемся на уголовный кодекс.

– Ориентируемся на уголовный кодекс?

– Да, сосед. Вполне себе. Загибай пальцы. На уголовный кодекс государства, международные конвенции, резолюции, регуляции округов, регуляции муниципалитетов, правила работодателя, правила производителей роботов... И так до бесконечности. Что из этого следует?

– Что мы несвободны?

– Да... Точнее, я бы сказал, что мы ограничены. Понимаешь?

– И что же дальше, Роберт?

– А дальше вопрос: а с чего мы вообще принимаем эти ограничения? Да с того, что, если не примем, последует наказание, да? Вот если ты сейчас воткнешь мне в сердце этот шампур, конечно же, предварительно сняв с него, чтобы не испортить, мясо... или, например, изобьешь меня стулом, то тебе придется понести наказание, предусмотренное уголовным кодексом. Так? Видишь, правила просты.

– Полагаю, это очень странный подход, потому что мне, например, никогда и в голову не придет сделать что-то противозаконное. В этом смысле я совершенно свободен. Все мои желания, как ты бы сказал, абсолютно легальны. Меня больше волнует глобальная система управления, сама модель... Та логика, по которой одно возможно, а другое почему-то – нет. Например, я хочу кушать мясо каждый день. Я про настоящее мясо. Оно ведь не запрещено. Уголовный кодекс здесь ни при чем. Но я же не могу.

Роберт поднял бровь и поинтересовался:

– Почему это не можешь? И, кстати, я бы не сказал «абсолютно легальны». Потому что действие либо легально, либо нет. Без всяких «абсолютно».

– Ты прекрасно знаешь почему. Не могу, потому что нигде не продают. А не продают, потому что никто не покупает.

– Да, законы рынка никто не отменял. Но ты ведь можешь организовать небольшую ферму. Да? Регуляции муниципалитета не запрещают. Конечно, только в специальных местах, и все же.

– Не знаю... – вздохнул гость.

– Сосед-сосед! Вот у тебя все так, ей-богу! В двадцать первом веке хочешь жить как в двадцатом, но делать для этого – ничего не делаешь. Если попал в воду, то, чтобы выбраться, несколько шагов нужно сделать, а если глубоко – проплыть там сколько-то. Так вот, ты сейчас в воде, сосед. Не мы с тобой выбирали, когда жить, да?

– Нет, Роберт, я не согласен. Если думающих как я – немного, это не значит, что нас можно игнорировать.

– Думающих *как*? Виктор, вообще-то у тебя браслет на руке, у тебя дома тараторит такая же, как у меня, София. Не удивлюсь, если ты пользуешься навигатором, чтобы сходить отлить. Пользуешься? Признайся!

– Но у меня браслет, а не чип! Я могу его буквально в любой момент снять!

– Так сними, Виктор. Что же не снимаешь? Слушай, извини. Мы уже вообще не туда ушли с этим разговором. Просто хочу сказать, что ты не похож на того, кто борется по-серьезному. Как будто тебе на самом деле все нравится, и ты просто капризничаешь, что ли.

– Капризничаю?

– Не, не совсем. Сейчас объясню. Ты не дал договорить про уголовный кодекс. Черт! Мясо!

Еду еще можно было спасти, и Роберт тотчас перевернул шампур. Затем он выпил воды и продолжил:

– Так вот, люди живут день за днем в соответствии с уголовным кодексом. По крайней мере, большинство плюс-минус старается. Но при этом мы знать не знаем, *что* нас ждет после смерти – Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус. Черт подери, да мы просто понятия не имеем, по каким законам нас будут судить. Да и вообще: будут судить или нет. Так что я для себя решил принять жизнь и расслабиться. Да, мне нравится вшитый чип. Никаких проблем. Это удобно, но мне вполне себе нравится и мясо. От синтетического никакого удовольствия. И вместо того чтобы выбирать между прошлым и настоящим, может, лучше просто взять то, что ты вправду любишь? Да, и желательно что-то такое, что реально существует.

– Ты юрист, и у тебя нет души. Тебе чужда эстетика.

Роберт разразился громким смехом, и Виктор, чтобы не очутиться в неудобном положении, нехотя заулыбался. Человек с эспаньолкой и уложенными гелем волосами вызывал смешанные чувства: с одной стороны, было интересно гостить у него, но с другой – после их бесед оставался неприятный осадок. А самым тяжелым для Виктора стало то, что Роберт подавлял его без умысла. Тот просто был собой, а выпускник философского факультета терял нить разговора и не находил ответов.

После трапезы, когда двое начали прощаться, юрист сказал:

– В соседнем квартале недавно открылся отличный бар с фантастическими роботами, на любой вкус. Вполне себе. Уверяю. Съезди, расслабься. Пусть это будет началом твоего примирения с действительностью. Так сказать, дебют! Я пришло ссылку.

*

Дом находился близко, всего в пяти минутах ходьбы. Виктор неторопливо шел и отчаянно убеждал себя, что все в порядке: якобы с Робертом он хорошо держался. Утром Марина уехала в очередную командировку, но мужу было безразлично – рядом она или нет. Виктор потерял работу год назад и с тех пор совсем запутался в чувствах к жене. Разбираться не хотелось. Безработный предпочитал не замечать эту головную боль и уже привык обходить ее, как обходят место, где ждут неприятности.

Хозяин дома утонул в любимом кресле и, наконец, признался себе, что никакие уговоры и отговорки не помогают – он снова уничтожен. Голова опрокинулась назад, а пальцы на секунду-другую вцепились в подлокотники. Мужчина потер основанием ладони лоб. «Нельзя сдаваться. Я не должен сдаваться», – бубнил он озлобленно.

– София, включи проектор.

Свет потух, и во всю стену загорелся экран.

– Избранные фильмы. «Борьба в тысячи лет». Включи.

Увлечение Арменией началось месяца три назад, когда в руки ему случайно попала книга об истории армянского народа; и она по-настоящему впечатлила. «Как можно так долго бороться против врагов, стихии, обстоятельств?» – спрашивал он себя.

Виктор пересматривал киноленту в четвертый раз. Недавно он обещал себе, что когда-нибудь совершит путешествие по древним армянским землям – Арцах, Сюник, Арарат. Мужчина закрыл глаза и вообразил, как идет с посохом, будто ветхозаветный патриарх, по лесам, равнинам, уще-

льям, холмам, полям и горам Армении. А целью там станет сама бесконечная дорога, а не место, куда нужно прийти. Как просто и прекрасно! Просыпайся рано утром и шагай, впитывай пейзаж, сам становись его частью.

Хозяин дома вошел во вкус. Что же еще посмотреть? И вдруг его осенило:

– София, включи фильм с высоким рейтингом про первобытных людей.

Спустя минуту Виктор, наклонившись вперед, внимательно наблюдал за жизнью мускулистых и бесстрашных прашуров; удивлялся тому, что он – их потомок. Тысячи лет его, да – именно его, предки проходили через ад и выживали. В каждом из сотен поколений они умудрялись оставить здоровое потомство, чтобы однажды родился и сам Виктор. А теперь ему тридцать пять, и у него нет детей. Если в этот миг сердце остановится, то оборвется нить, что так долго плелась. После таких мыслей всегда охватывало отчаяние, но отчего-то не на сей раз. Сейчас внутри закипала злорада – сломать бы что-нибудь! Но вокруг так и не нашлось ничего подходящего.

*

Стоял поздний вечер, и Виктор спешил в рощу. Почти бежал. На всем пути не встретила ни одна живая душа. Это раззадоривало еще больше. Казалось, он втайне творит нечто такое, что выходит за рамки не только закона, но и нравственности. Потомок первобытного человека воображал, что бросает вызов своей слабости, Роберту, Марине, всему миру. Он зубоскалил и готовился убить в себе неудачника.

Перед тем как проникнуть в кленовую тьму, Виктор, словно чародей, произнес какие-то слова, и браслет загорелся синеватым светом. Никакого страха, лишь сильное возбуждение. Поднявший восстание нашел подходящее для костра место во глубине рощи и поставил на траву рюкзак, где до поры скрывались нож, вода, бумага и зажигалка. После фильма о первобытных людях Виктор дважды внимательно посмотрел видеоролик о том, как правильно разжигать костер.

Для начала он собрал ветки и расположил их шалашиком. Затем, поджигая бумагу, поранил палец. Было так важно, чтобы костер загорелся, будто все его будущее зависело от этого. Скомканный лист уже почти целиком превратился в пепел, но древесина продолжала упрямиться. Виктор едва не пал духом, но потом запалил еще несколько листов.

– Бог огня, даруй же мне огонь!... – повторял мужчина мистическим шепотом, и природа на силу смиловилась.

– Огонь! Мой огонь! – завопил Виктор и торжествующе поднял руки с зажатыми кулаками. После он вытащил из рюкзака нож и нацарапал на ближайшем дереве свое имя. Мужчина исполнил задуманное и теперь принялся размышлять о следующем шаге. Он добавил в костер веток, сел и прислонился спиной к отныне и навеки *своему* клену; простер руки к костру. – Огонь красивый, благородный, согревающий!... Я тебя сотворил!

Виктор ласкал взглядом разлетающиеся искры, когда раздался громкий голос, который призывал оставаться на месте, не двигаться. Мужчина опустил взгляд на браслет и осознал свою ошибку. В первое мгновение его охватила обида из-за того, что все кончено, но сразу за этим кровь закипела, и он пришел в неистовство, что треть века копилось в его сердце. Дух неповиновения поднял человека на ноги и заставил бежать. Так древние люди убегали от одних врагов и преследовали других. Беглец знал, что его вот-вот поймут, и лишь хотел продлить удовольствие. Вдруг браслет начал быстро нагреваться. Виктор попытался снять наручник, но тот не поддавался. Боль становилась все сильнее и в конце концов сломила сопротивление бегущего. Мужчина остановился. Секунда – и робот-полицейский повалил его на землю, выкрутил за спину руки. Предательский браслет остыл.

– Я буду говорить только с человеком.

– Это ваше право, гражданин. Офицер будет здесь через четыре минуты.

Прошло полчаса, и вот уже Виктор с надменной улыбкой пренебрежительно изучает кабинет, в котором его, со скованными запястьями и в запачканной одежде, вежливо попросили подождать. Флаг, исторические портреты, герб, кактус – все как полагается. Наконец дверь открылась, появился представитель власти, назвал имя и должность, после чего с недовольным видом плюхнулся в рабочее кресло.

– Здравствуйте. Вы не могли бы снять наручники? – поинтересовался Виктор. – Они жмут.

– Мог бы, но не стану. Поймите – не полагается.

Полицейский сцепил пальцы в замок и деловито разместил его на своем внушительном животе.

– Ладно, потерплю.

– Я вообще-то в шахматы играл.

– В шахматы? Какая же досада. Хотя бы с человеком играли?

– Нет, с роботом. А что?

– В таком случае, полагаю, это не страшно. Не расстраивайтесь. Им ничего не стоит подождать.

– А мне вообще-то стоит.

– С этим сложно спорить. И каково это – играть в шахматы с роботом?

Полицейский задумался, продолжить ли беседу с задержанным в подобном ключе, но довольно скоро природная словоохотливость победила. Он внезапно выпалил:

– Ну, слушайте. Наши роботы в шахматы вообще-то ни в зуб ногой. В смысле, когда их только привозят. Приходится тренировать. Первые несколько дней они, конечно, проигрывают. Потом глядишь – наострячился. Тогда неделю-две играть интересно. Прямо азарт! А вот потом все. Нет смысла – как кулаком об стенку. И сидишь, ждешь пока свежего подвезут. В этом году начальство штат увеличило, поэтому новые железяки чаще обычного бывают.

– С вашим словарным запасом, полагаю, лучше играть в шашки.

– В смысле?

– Прошу прощения. Кажется, оговорился. Я имел в виду го. Это древняя и очень сложная китайская игра. Люди с яркой художественной речью обычно сильны в стратегии.

– Хорошо. Не слышал такого.

– Помню время, когда роботов производили с ограниченным функционалом, для какой-то определенной цели.

– Вообще-то и сейчас так делают.

– Да, но теперь их можно обучить чему угодно. Это другой мир.

– Ладно, давайте к делу. – Страж порядка неожиданно поменял выражение лица на очень серьезное и даже откашлялся, чтобы быстрее войти в новый образ. – Полагается заполнить форму.

Отвечайте на вопросы.

– Простите, а сколько вы весите?

– В смысле?

– В смысле, с какой именно силой ваше тело давит на нашу планету? Тоже нет? Даже не знаю, как проще объяснить. Я же вижу – у вас жир на боках и животе. Я слышал, когда-то полицейские поддерживали физическую форму. А теперь роботы даже бегают вместо вас! Не удивлюсь, если вы пользуетесь навигатором, чтобы сходить отлить. Пользуетесь? Признавайтесь!

Глаза полицейского уподобились двум циферблатам, показывающим время на Меркурии. Виктор гордился собой, ведь даже последний разговор с Робертом чему-то да послужил.

– Задержанный, вы обязаны отвечать на мои вопросы.

– Прошу. Задавайте.

– Это вы разожгли костер?

– Да.

- Зачем вы пришли в рошу?
- Чтобы разжечь костер.
- Зачем?
- Чтобы посмотреть на него.
- Вам известно, что это нарушение муниципальных регуляций?
- Конечно.
- Вы могли без всяких проблем разжечь костер у себя во дворе.
- Да, мог. Точно так же, вы могли снять наручники.
- Рядом с костром нашли нож. Он ваш?
- Да.
- Зачем вы взяли с собой нож?
- Чтобы нацарапать на дереве мое имя.

Офицер откинулся в кресле, еще раз оценил взглядом собеседника и произнес:

– Значит так, задержанный. Если вы не хотите провести здесь кучу времени, то объясните мне прямо сейчас, какого дьявола вы там делали. За эти двое суток вы ходили туда трижды.

– Да что же ты будешь делать... Опять этот проклятый браслет... Ладно. Сами напросились. Но предупреждаю: от правды вам никоим образом легче не станет. Я хотел ощутить свободу.

Этот странный человек впервые в жизни совершил нарушение. И совершил он его, по собственному признанию, ради свободы. Какой-то бред.

- Ощутили?
- Полагаю, что да.
- На вас большой штраф. Дороговата вышла свобода.
- Стоила того.
- Штраф удвоится, если вы повторите.
- Учту.
- Ваша жена хотела поговорить с вами.
- Зачем вы ей позвонили?
- Так полагается. Она – ближайший родственник.

*

Дремучие облака затевали дождь. Полицейская машина остановилась возле ворот. Водителя за рулем не было. Компьютер, что управлял автомобилем, пожелал Виктору доброй ночи, от которой оставалось меньше половины. Хозяин дома небрежно бросил на пол рюкзак с бунтарским инвентарем, прошел в гостиную, где уселся на излюбленное место, и попросил Софию позвонить жене. Мужчина вытащил из кармана зажигалку. В ожидании он принялся щелкать ею и проводить указательным пальцем сквозь прирученный огонь.

- Виктор! Что случилось?! Как ты?!
- Все хорошо. Я в порядке. Уже дома, но очень устал. Когда ты приедешь?
- Должна завтра вечером... Но, если нужно, могу...
- Нет-нет. Все в порядке. Ты, главное, не задерживайся, когда закончишь. Как только сможешь – сразу приезжай.
- Да, конечно!.. Хочешь о чем-то поговорить?
- Нет. Я хочу тебя трахнуть.

Марина будто язык проглотила, и Виктор улыбался, представляя себе выражение ее лица.

– Хорошо. Прошу тебя, ложись спать. Приеду, как только смогу. Обещаю.

Едва женский голос растворился в интерьере, Виктор словно очнулся. А очнувшись в своей глухонемой одинокости, испугался так сильно, что почувствовал дрожь в ладонях и коленях. Он отбросил зажигалку и впился глазами в окно, за которым бесновался ливень – первый за несколько недель. *Что все это было? Откуда пришло? Что значит?* Сидевший в велюровом кресле

человек вспомнил, *как*, упиваясь свободой, глядел в огонь, убегал от погони, разговаривал с полицейским и женой. В который раз он задавал вопросы и оставлял их без ответов.

Виктор стоит у окна, прижимается лбом к невозмутимому стеклу. Его костер уже давно потушили роботы, но этот дождь, этот безнадежный дождь, казалось, прямо в этот миг уничтожает искру, которая только-только зажглась где-то там, внутри. «Неужели все и правда кончено?» – пронеслось в голове. Хозяин дома открыл входную дверь и сделал шаг. Дождь с ночным холодом безучастно ударили в лицо и плечи. Быть может, Всевышний вновь отворил окна небесные? Значит, будет потоп, и мир опять очистится. Совсем скоро вода поднимется настолько, что Виктор станет глядеть на небо точно рыба – из глубин морских.

Он посмотрелся фильмов и отправился нарушать закон, отчего-то воображая, что это изменит его. Вместо страха явилась тоска из бездонного тартара. Оставив дверь распахнутой, Виктор тащился к своей кровати как к гробу, из которого – стоит только лечь – уже никогда не встать. Вода суетливо стекала с его одежды и от самого порога превращалась в узкую реку забвения.

*

Проснулся Виктор еще позже обычного, почти в полдень. Тело изнывало – ноги, которые не привыкли бегать, плечо, на которое он упал при задержании, запястье, которое браслет обжигал. Хозяин дома долго смотрел в потолок на одну точку и не шевелился. Возле кровати кучей валялась мокрая одежда. Но вот он кое-как поднялся – чтобы отнести свое туловище в ванную комнату, где в серебристом футляре томился бритвенный станок.

Прошлое постоянно забывалось, но одно утро было по-прежнему со всеми подробностями запечатлено в памяти: когда отец на своем примере, с великим множеством пояснений, будто это целая наука, показал, как должен бриться мужчина. Тогда, к шестнадцати годам, у Виктора из растительности на лице выросли только подростковые усики. Завершив важный урок, отец удалился по делам, а юноша снова взял крем для бритья, хорошенько им намазался и с чувством превосходства над вчерашним собою побрился во второй раз подряд.

С тех пор прошло много лет. Виктор посмотрелся в зеркало и заметил на скуле ссадину, которая обосновалась слишком высоко, чтобы помешать. Он умел быстро бриться, но всегда предпочитал растягивать эту церемонию.

– София, запиши меня на прием в муниципалитет через час.

Система управления домом сообщила, что запись возможна, но существует также онлайн прием в режиме видеоконференции.

– Я хочу на обычный прием. Только не к роботу.

– Вы зарегистрированы сегодня на час тридцать. Я сделала пометку о том, что служащий должен быть человеком.

Позавтракав хлопьями с молоком, Виктор оделся, сел в свой темно-синий автомобиль и включил ручное управление.

Ни правительства, ни корпорации, словом – никто так и не сумел склонить человечество к обязательному чипированию. При всяком более-менее серьезном разговоре на эту тему поднималась такая волна протестов, что сильные мира сего не осмеливались идти до конца. Они выбрали другой путь – нужно лишь дать почувствовать, насколько удобно жить с чипом. Оказалось, что если не принуждать и быть достаточно терпеливым, то в один прекрасный день подавляющее большинство жителей планеты встанут в очередь с обнаженными запястьями. С одним лишь условием – они смогут снять браслет или чип, если захотят. «Вам не о чем переживать. За вами навсегда закреплено это право», – честно отвечали правительства. При этом человек сам решал, кому и какой уровень доступа к личным данным и организму предоставить. Хочешь, чтобы министерство здравоохранения предупреждало о твоих проблемах со здоровьем? Пожалуйста. Хочешь, чтобы корпорации присылали скидки на товары, от взгляда на которые у тебя учащается пульс? Никаких проблем.

– Здравствуйте! Приложите, пожалуйста, ваш браслет к идентификатору... Спасибо. Чем я могу помочь?

– Здравствуйте. Браслет вчера обжег мне руку.

– Очень жаль, что у вас возникли подобные сложности.

– Сложности. Пожалуйста, говорите нормально. Вы же точно не робот?

– Я говорю нормально, в соответствии с инструкцией. Итак, согласно договору, чрезмерное нагревание возможно лишь в случае оказания сопротивления полиции. Полиция может идентифицировать предполагаемого правонарушителя или преступника по браслету или чипу. И если правонарушитель или преступник оказывают сопротивление, то полиция имеет право изменить температуру браслета или чипа соответственно. Я сейчас проверю производителя. В случае технических неполадок необходимо обращаться именно к производителю, а не в муниципа...

– Мой браслет нагрелся при задержании, – перебил Виктор служащую.

Женщина в растерянности осеклась, но быстро взяла себя в руки.

– Да... Да... В таком случае это не техническая неполадка. Чем я могу вам помочь?

– Объясните, пожалуйста, почему мне не известно о том, что полиция имеет подобный доступ и может буквально поджарить мою руку, если вдруг по какой-то причине решит меня арестовать?

– В договоре, который вы подписывали перед тем, как получить идентификационный номер и браслет, есть отдельный пункт, который...

– Простите! Простите, я вас перебую. О каком пункте речь? Есть правило, принцип, который все знают: это я, гражданин, решаю, какой уровень и объем доступа вам предоставить. Все остальное – стандартные условия. В вашем договоре пятьсот страниц. Никто их не читает. Я не давал вам права причинять мне боль!

У Виктора надулась на шее вена, а щеки покраснели. Он почувствовал, что его пальцы слегка трясутся, и поэтому убрал ладони со стола.

– Во-первых, прошу успокоиться, потому что если вы продолжите в таком же тоне, то вам снова придется общаться с полицией. Во-вторых, доступ вы даете не мне, а государству. Я просто служащая, которая здесь, чтобы вам помочь. И я люблю свою работу.

Слова о том, что эта женщина любит свою работу, сразу же прогнали гнев, и Виктор успокоился. Ему даже стало стыдно за сказанное.

– Простите. Я хочу избавиться от браслета, – произнес Виктор спокойно.

– Вы безусловно имеете на это право. Это предусмотрено договором. Существует определенная процедура, через которую необходимо пройти. Вы осознаете, сколько времени и сил экономит для вас браслет? Вы действительно готовы на это пойти?

– Позвольте спросить.

– Да, конечно.

– Я вижу, у вас нет браслета. У вас чип?

– Да, у меня чип. Но это не имеет отношения к делу, – ответила служащая после заминки.

– У вас никогда не бывало такого, что вам больше жизни захотелось что-то сделать, и единственное, что лежит между вами и вашей целью – именно чип?

– Знаете, между мной и нарушением закона находится не чип, а мое нежелание нарушать закон. Вот все, что я могу сказать.

Женщина, как бы извиняясь, сжала губы так, что в уголках рта образовались ямочки.

– И я так раньше полагал.

– Я уже два раза нарушила инструкцию. Надеюсь, вы мне позволите больше этого не делать.

– Ясно. Пожалуйста, перешлите мне процедуру. Благодарю.

*

Идея заниматься философией на природе не казалась такой захватывающей, как накануне. И все же он шел. Известная поговорка гласит, что все дороги ведут в Рим, но в случае с новым пре-

подавателем Анны все дороги вели в рощу – встречу назначили на самом ее краю. Виктор издали приметил ярко-красную куртку. Увидев незнакомца, девушка замахала рукой, но тут же отдернула ее – вдруг это кто-то другой? Но она не ошиблась. Мужчина приблизился и обратил внимание, что молодая особа мила и опрятна. На щеке ее несколько небольших родинок образовывали забавную композицию. Анна развела в стороны руки – она вовсе не пыталась скрыть свой восторг. Обнажились тонкие запястья, и Виктор разглядел, что браслета у нее нет.

- Здравствуйте! Я – Анна! Видите: я даже не опоздала!
- Здравствуй, Анна, – преподаватель решил без лишних разговоров перейти на ты.
- Большое спасибо, что согласились! Я даже мечтать не могла! Философия на природе!
- Ладно, начнем. Давай пройдемся, да? Не стоять же на месте.
- Это точно!

Девушка непринужденно засмеялась, и настроение Виктора, кажется, стало улучшаться. Двое неторопливо вошли в рощу. Преподаватель хорошо знал, куда они идут. Он попросил Анну рассказать о себе, а сам всеми мыслями находился возле потухшего огня. Как сейчас, при свете, выглядит то место? Виктору пришло сообщение из полиции о том, что в этой местности запрещено разжигать костры. Он недовольно покачал головой.

- Так зачем тебе философия? И на этот раз, пожалуйста, без подготовленной речи.
- Если честно, не знаю. Точнее, знаю... Не могу выразить словами. Это скорее интуиция.

Я просто чувствую, что философия мне нужна. На самом деле я очень много думаю о всяких разных вещах, понимаете? Мне чего-то не хватает. Как бы объяснить. Я не понимаю... Ну, точнее понимаю, но это как будто – всего лишь отдельные части головоломки, которые не спасают.

– А что такое, по-твоему, философия? Раз уж ты каким-то образом чувствуешь, что хочешь ее изучать, значит, должна хотя бы приблизительно представлять себе что это.

- Думаю, это рассуждения о мире, о человеке. Нет?
- Полагаешь, философия – всего лишь рассуждения?
- Нет, простите...

Виктор расплылся в снисходительной улыбке. Когда он бывал хозяином ситуации в беседе с кем-то, кто ему приятен, милость его не имела границ.

– Тебе нужно быть смелее, чтобы заниматься философией. Открою секрет: смелость – самое главное в нашем деле. Не бойся задавать вопросы. Кстати, ты увидишь, что самыми сложными вопросами оказываются именно самые простые. Не бойся уходить мыслями в самые глухие дебри, но не забывай и возвращаться оттуда. Ты слышала что-нибудь про нить Ариадны?

- Да, я что-то читала, но просто сейчас не помню.

В монологе преподавателя о смелости Анна с удовольствием подметила, что Виктор назвал философию «их делом».

– Когда древнегреческий герой Тесей решил убить в лабиринте минотавра, а на то, конечно, были определенные причины... Ариадна дала ему клубок ниток. Именно с его помощью Тесей смог выбраться из этого самого лабиринта после того, как совершил свой великий и общественно полезный подвиг.

- Да-да, точно. Вспомнила. Я читала об этом. Знаю.

– Вот и у тебя в кармане всегда должен быть такой клубок. Конечно, мы начнем с античной философии, где, полагаю, твоей психике немного будет угрожать. И тем не менее. В будущем эти нитки тебе очень пригодятся.

- Смотрите! Тут костер жгли!

У Виктора перехватило дыхание, и он, не говоря ни слова, бросился туда. Угольки и недогоревшие ветки показались такими жалкими – от величия огня ничего не осталось. После дождя здесь даже пахло совсем по-другому.

- Какие варвары это сделали! – добавила возмущенная Анна.
- Варвары? В каком смысле?
- Ведь в этом лесу запрещено разжигать костры! А вдруг – пожар?!

– Во-первых, это роща, а не лес. Во-вторых, надо полагать, тот, кто это сделал, имел на то вескую причину. Ты не подумала об этом?

– По-любому не было никакой веской причины! Вот – тут же дома! Смотрите! Он что – потелся и развел костер, чтобы не замерзнуть? Нет! Черта лысого! Быть такого не может!

– У тебя же была причина зашивать чип в запястье, да?

– А причем тут это? И нет у меня никакого чипа.

– Как это «нет»? А где тогда твой браслет?

– И браслета у меня нет. Я из принципа от него отказалась. Да я и не хотела никогда. Папа с мамой заставили, когда маленькая была.

Виктор стоял ошеломленный, не в состоянии и слова из себя выдавить. У глупенькой девушки в шестнадцать лет больше отваги, чем до вчерашнего дня было у него. И это еще *он* только что рассказывал ей о смелости, о философии.

– Ладно. На сегодня достаточно, – заключил преподаватель.

– Но... Почему? Простите, если я что-то не то сказала. Ну, пожалуйста, давайте продолжим...

– Нет. Все в порядке. Сегодня моей целью было получше узнать тебя, чтобы решить – заниматься с тобой или нет.

– И что вы решили?

– Да, Анна. Мы будем заниматься. Но перед первым полноценным уроком тебе нужно будет прочитать определенные книги.

– Хорошо. Что надо прочитать?

– Любой учебник или книгу по истории древней Греции. Затем Гомера, Гесиода, любой сборник греческих поэтов седьмого и шестого веков. До нашей эры, разумеется. Да, еще одну книгу по религиозным верованиям древних греков. Я пришлю название. Весь этот список пришлю. Для начала хватит. Не пугайся. Это только перед первым уроком сразу так много. Найдешь отсюда дорогу без навигатора?

– Да, конечно, я хорошо ориентируюсь. Если что – у меня навигатор на телефоне. Спасибо вам огромное! Вы даже не представляете, как это важно для меня!

– Ах, да, конечно. Телефон...

– И я не пугаюсь. На самом деле я очень смелая!

– А черта лысого тоже не боишься?

– Простите-простите... Обещаю, буду следить за словами...

*

Скрестив щиколотки, Виктор лежал на диване. Он закурил, вкусно затянулся и закашлял. София начала было предупреждать о возгорании, но хозяин дома короткой фразой отменил звонок в пожарную часть. Сигареты давно стали такой же редкостью, как и мясо. Эту пачку еще зимой подарил Роберт, а когда получится раздобыть следующую – неизвестно; посему приходилось экономить. Для Виктора каждая выкуренная сигарета – событие и чем-то похожая на бритье церемония. Как ни странно, выпускник философского факультета любил церемонии. Наверное, по той причине, что они придавали уверенности: он все делает как предписано, а значит – правильно.

При том, что отыскать хорошие сигареты – задача не из легких, табак не был под запретом. Вообще в современном мире редко что запрещалось. Ведь чтобы люди стали к чему-то равнодушны, достаточно уничтожить положительный образ и предложить варианты. Для этого существуют система общего образования, средства массовой информации, социальная реклама, неправительственные организации, группы активистов. Затем однажды выясняется, что курят лишь слабохарактерные неудачники, и вместо того, чтобы травить свои и чужие легкие, лучше, например, заниматься спортом. Тогда люди будут здоровее, и значит – счастливее. Ну а знающие счет деньгам правительства меньше потратят на здоровье граждан.

Виктор заглянул в пачку, хотя и точно знал, сколько там осталось – всего три сигареты. Ему нравилось выпускать дымные кольца, они успокаивали. Что ж, выходит даже школьница в состоянии сделать больше. Как после такого жить дальше? Нет ответа. И еще одна проблема: что сказать Марине, когда она вернется? Он ведь кое-что вчера обещал. Но теперь все изменилось – у него нет ни сил, ни желания.

Виктор не заметил, как уснул, а открыл глаза от того, что щеки коснулась теплая ладонь. Марина смотрела на мужа и улыбалась. Кончиком пальца женщина осторожно погладила царапину на его скуле.

– Привет, – проговорила она нежно, и Виктору тотчас же захотелось заключить ее в объятия и плакать навзрыд. Плакать так, чтобы внутри не осталось ни одной капли. Плакать так, чтобы выжать из себя всю боль. В самое первое мгновение даже руки дернулись, но движение было настолько слабым, что Марина не заметила. Мужчина все задавался вопросом: почему бы в самом деле не обнять ее? Спрашивал вновь и вновь, но все, что видела женщина рядом – безразличное узкое лицо и холодный неподвижный взгляд. Она поняла – близости не будет, но через силу заставляла себя играть несуслазную роль. Когда улыбка на лице Марины исчезла, Виктора снова охватил порыв прижаться к жене, но и на сей раз он сдержался, как и прежде, не понимая причины своего бездействия.

– Привет, – наконец выдал из себя муж, и собственный голос показался настолько чужим, что он повторил еще раз.

– София ругалась, что ты курил?

– Да, но я успокоил ее. Объяснил, что она не права.

Супруги одновременно улыбнулись, и у Марины почти появилась надежда. Женщина за чем-то переставила пепельницу со сморщенным окурком с одного места на журнальном столике на другое.

– А как прошло занятие с Анной?

– Нормально прошло.

– Умная?

– Милая. И очень смелая.

– Смелая? Ее мама говорила, что стеснительная.

– Сама она про себя говорит, что смелая, хотя и думает, что лжет. Но я вижу ее смелость, я бы даже сказал – мужество. Это любопытно. Полагаю, она пытается выдавать себя именно за ту, кем на самом деле и является.

– Н-да. В общем, все сложно. Рад, что снова преподаешь?

– Не знаю.

*

Виктор бесконечно долго стоял под душем. Голому человеку все казалось, что вода постепенно смывает его самого в сливное отверстие. И вот уже он распался на крошечные частицы и растянулся на сотни или тысячи метров, чтобы устремиться по трубам туда, где станет чем-то другим, чем-то новым, чем-то стоящим. А самое главное – забудет все *это*.

Муж Марины так и не придумал, как себя вести и что говорить. Выключив воду, он обмотался полотенцем и перед тем, как выйти из ванной комнаты, опять побрился – второй раз за день. На самом деле мужчина трусливо тянул время. Он вспомнил еще одну шутку отца, которую тот выкидывал, похлопывая себя по щекам, всякий раз после этого священного обряда. «Самое эффективное занятие! За очень короткий срок можно добиться весьма осязаемого результата!» – утверждал родитель. А кроме того, это время, когда мужчина принадлежит только себе, и никто, даже он сам, не осудит за потраченные на бритье минуты.

Марина в кружевном нижнем белье маялась в постели и чувствовала себя полной дурой, потому что была почти уверена – в лучшем случае ее ожидает сон, а в худшем – ссора. Она тоже

понятия не имела, как себя вести и что говорить. Виктор вошел в спальню и, едва бросив на жену взгляд, сел на кровать. Затем он сбросил тапочки и непорочно нырнул под одеяло. Супруги весь вечер избегали друг друга и после разговора на диване словом не обмолвились. Но судьба несла их навстречу друг другу, как те поезда из школьных задач по математике. Кто-то должен поручить Софии выключить свет, но двое в комнате отчего-то боялись нарушить молчание. Тишина стала невыносимой, и более смелый в конце концов заговорил:

– Милый, это ведь просто невозможно так.

Виктор хотел спросить «как *так?*», но сдержался, а Марина продолжала:

– Все ведь у нас было хорошо. И я знаю тебя... но до сих пор понять не могу, почему это увольнение так изменило тебя. Ты стал другим.

– А ты не допускала мысль, что, возможно, совершенно не знаешь меня?

– Ты говорил, что не хочешь ребенка из пробирки, как хотя бы все нормальные люди. Я согласилась. Ты помнишь? Я так легко согласилась. Ну, скажи. Помнишь?

– Помню.

– А как же у нас будет ребеночек, если мы не занимаемся любовью?

– Полагаю, мы занимались достаточно.

– Недостаточно, если я не беременна. Хорошо. Давай начнем сначала. Давай. Прошу тебя. Завтра проснемся и пойдем к врачам.

– Мы уже ходили по врачам, мы оба здоровы.

Марина уронила лицо в ладони и начала беззвучно плакать. Лишь тогда Виктор осмелился снова посмотреть на нее, и она показалась одновременно прекрасной и жалкой, родной и чужой. Стоит положить ладонь на ее плечо, и все изменится. Он точно знал, что все изменится. Она вдыхает новую жизнь в него, в их отношения; только бы он разрешил. Виктор уже почти решился, но вдруг Марина подняла заплаканные глаза:

– Ты ведь знаешь, что у нас осталось два года?

– О чем это ты?

– Если у нас за два года не родится первый, нам сократят квоту. Понимаешь? А я хочу двоих. Как мы мечтали. Боже! Ты помнишь?! Мы мечтали о мальчике и девочке. Ты хоть что-нибудь помнишь? Скажи! Скажи!

Вмиг душа Виктора переменялась, превратилась во что-то бесчувственное. Все встало на свои места, противоречия разрешились: Марина всего-навсего жалкая и чужая. Мужчина встал и, пожелав спокойной ночи, отправился спать в кабинет.

*

После того как почти весь мир перешел на четырехдневную рабочую неделю, четверг стал последним трудовым днем перед выходными. После среды, как всегда, наступил упомянутый четверг, и Виктор пробудился, когда утра уже и след простыл. В душе, как в пересохшем озере, было пусто. Но пустота эта после всех переживаний, помимо прочего, означала еще и покой. Мужчина неторопливо потянулся и захрустел шеей. Знакомым маршрутом он проследовал на кухню, нарезал хлеб, сыр, приготовил яичницу из двух яиц и, даже не почистив зубы, приступил к завтраку.

Внезапно раздался звонок в дверь, и хозяин дома попросил Софию вывести изображение на браслет. Возле ворот стоял незнакомец. Смесь любопытства и тревоги пробрала Виктора. Он прервал трапезу и не поленился лично встретить незваного гостя. Набросив на плечи легкую куртку, мужчина выбрался во двор, подошел к двери возле ворот и нетерпеливо открыл ее. По безупречным чертам лица сразу же стало ясно, что перед ним робот.

– Здравствуйте. Я – Давид.

– Что тебе нужно?

Собеседник назвал улицу, номер дома и поинтересовался, правильно ли пришел.

– Да, это мой адрес. Что тебе нужно?

– Я приобретен покупателем по имени Марина, а этот дом указан в качестве места доставки.

Хозяин дома вспыхнул как спичка. Погибший, казалось, демон, что за два дня до того иступленно поклонялся огню, восстал из мертвых. Не обращая внимания на атлетическое телосложение Давида, выпускник философского факультета схватил его за плечо и потащил в помещение. В гостиной Виктор переставил стул, посадил на него робота, а сам уселся напротив, в своем кресле, которое ныне было тронем царя карающего.

– Ваше поведение не очень вежливо.

– Ясно. По-человечески тебя разговаривать не научили. Из какой ты серии?

– Серия ММ.

– Ах ты, урод проклятый. Серия ММ, значит. Полагаю, приехал трахать мою жену?

– Я являюсь продуктом компании Красная Башня и всего лишь выполняю функции, предусмотренные заложенной во мне программой. Я не представляю для вас никакой опасности, и я также не вмешиваюсь в личные отношения между людьми. Все это прописано в договоре о купле-продаже, с которым вы можете ознакомиться.

– Неужели? Не вмешиваешься? Ладно. А если я тебя выпотрошу? Прямо здесь. Сейчас. Что тогда?

– С точки зрения законодательства любое насилие над роботами квалифицируется как порча имущества. Поэтому в таком случае на вас могут подать в суд и взыскать сумму, значительно превышающую мою рыночную стоимость.

Виктор вскочил на ноги и замахнулся, чтобы ударить, но сдержался.

– Квалифицируется, говоришь. Сиди и не двигайся.

Хозяин дома отлучился на кухню и перерыл там все шкафы. Вернулся он с самым большим в галактике ножом, но к этому времени успел выйти из состояния аффекта. Виктор успокоился и вновь расселся на любимом месте. Лишь теперь лицо гостя перестало казаться незнакомым.

– Роботы моей серии не запрограммированы на оказание сопротивления человеку, поэтому я абсолютно беззащитен, если вы решите повредить или уничтожить меня.

– Ах, ты об этом? – Виктор указал пальцем на лезвие. – Даже не обращай внимания. Люблю, знаешь ли, посидеть с ножом в руке. Особенно в приятной компании. Почему твоя физиономия мне так знакома?

– Мое лицо вам знакомо, потому что моим прообразом является статуя Давида, автор Микеланджело Буонарроти.

– Да что же ты будешь делать. Она и вправду издевается надо мной! Издевается!

– Во мне сохранены все пропорции.

– Да?! И член такой же маленький?

– Нет, он увеличен производителем.

– Кто бы сомневался! А скажи... Скажи, кого еще можно выбрать в качестве прообраза?

– Кого угодно. Большой популярностью пользуются прообразы актеров, спортсменов, певцов, политических деятелей, но из-за наличия правообладателей или их потомков подобные модели стоят значительно дороже. Если вы желаете приобрести робота, я могу вас проконсультировать.

– И все ты знаешь. Благодарю, обойдусь. А может, знаешь еще, *что* нас ждет после смерти? Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, но могу сказать, что в серии ММ в наличии есть роботы с прообразом Микки Мауса.

– Фу. Сиди, не двигайся.

Гость опять ненадолго остался в одиночестве. В спальне, в одном из выдвижных ящиков, хозяин дома нашел то, что искал – красную помаду. Виктор нарочито криво разукрасил губы Давида, потом поднял робота на ноги, приспустил его штаны и отрезал ножом созданный инженерами и дизайнерами половой орган. Горе-любовник внимательно и даже с неким противоестественным интересом наблюдал сие действо, которое завершилось довольно скоро.

– Держи, урод. Стой здесь, пока Марина не вернется. Когда вернется – подаришь ей. Скажешь, что муж передает привет.

– Покупатель возвратит меня производителю, потому что я потерял свою функциональность.

– Консервная банка, ты понял, *что* нужно передать моей жене?

– Да, я понял.

– Повтори – *что* нужно передать?

– Нужно сказать: *это* подарок от мужа, и он передает привет.

– Правильно. И прикройся второй рукой, а то стыдно с таким обрубком.

Размеренным шагом Виктор отправился доедать холодную яичницу. После он собрал вещи в небольшой чемодан, прихватил ноутбук и покинул дом.

*

Несколько десятков лет тому назад по миру распространилась коронавирусная инфекция, о которой ходило так много толков, что, пожалуй, мало кто сумел разобраться – чем же она была на самом деле. Одни утверждали, что болезнь крайне опасна, другие – что такого вируса вовсе не существует, а третьи уверяли: инфекция хоть и не плод чьего-то воображения, но все-таки не столь смертоносна. Только вот, что бы люди об этом не думали, – пандемия коронавируса и то, как с ней боролись, ускорили движение нашей цивилизации в том направлении, в котором она и без того уже долгое время шла.

За жизнь всего одного поколения необратимо переменялся не только мир вокруг, но и то, как человек воспринимал его. Среди прочего обновились принципы планировки и застройки поселений. Теперь большая часть населения планеты жила в обособленных кварталах, которые объединялись в города и где количество жителей ограничивалось законодательством. Самой важной ценностью в двадцать первом веке стали жизнь и здоровье человека, поэтому в угоду безопасности жертвовали очень многим. Последующие эпидемии лишь подтвердили эффективность новой теории градостроительства, и поэтому люди не жаловались. В целом, они стали более организованными и замкнутыми, сделав то, что всегда хорошо умели их предки – приспособились, научились справляться.

В каждом квартале строилось все необходимое для того, чтобы при желании было возможно вообще его не покидать. В обычное время, когда власти не объявляли об угрозах и рисках, не вводились и запреты на выезд. Но даже в спокойные месяцы, чтобы, например, пересечь границу населенного пункта, приходилось регистрироваться и получать разрешения.

Города соперничали между собой не только за инвестиции, но и за богатых, влиятельных и образованных жителей. Уже много лет в экономике почти всех стран мира существовало то, что называется безусловным базовым доходом. Это значит, что всякий безработный получает от государства деньги, достаточные для скромной, но достойной жизни. Конечно, не более того. В обмен правительства получили право контролировать рождаемость – если недостаточно денег, чтобы купить дополнительную квоту, то второй ребенок в семье окажется последним. Так человечество победило голод и нищету, хотя неравенство между богатыми и бедными все еще продолжало увеличиваться.

Искусственный интеллект отобрал у людей каждые девять рабочих мест из десяти, и иметь работу стало своего рода привилегией. Те, кто хотели строить карьеру, подниматься по социальной лестнице или, скажем, путешествовать, тратили на образование, а остальные – в основном на игры виртуальной реальности, иные развлечения и еду.

*

По пути Виктор отправил голосовые запросы, чтобы получить разрешения – одно, чтобы выехать из города, а второе – чтобы заехать в местность, до которой он твердо вознамерился до-

браться уже завтра. Если у человека был браслет или, тем более, чип, то обычно муниципалитеты откликались довольно скоро. Визовая система помогала властям бороться против преступности, эпидемий и многого другого. Из-за своей позавчерашней выходки Виктор чутьчку переживал: вдруг откажут или станут тянуть с ответом?

В приемной небольшой гостиницы на окраине города робот-администратор поинтересовался, забронирована ли у посетителя комната. Гость ответил отрицательно, но ему повезло – парочка свободных номеров все-таки имелась. Ушедший из дома, не разувааясь, повалился лицом на кровать и закрыл глаза. Зачем она сделала это? Расчет или отчаяние? Но что бы его жена ни задумала, он определенно переиграл ее. О таком она и помыслить никак не могла. Виктор представил себе выражение лица Марины, когда та обнаружит накрашенного Давида с членом в руке. Мужчина вслух рассмеялся, перевернулся на спину и сцепил под затылком ладони. Несмотря на приподнятое настроение, последние дни и впрямь опустошили его. Наверное, в самом деле нужно было выбрать любую другую специальность, но только не философию. Он вспомнил одного из преподавателей, который как-то раз по-дружески заявил, что, хотя Виктор умен и у него высокие оценки, в пространственном отношении он так же далек от философии, как во временном – от пещерного человека. От пещерного человека. Да, так и сказал.

Постоялец случайно притронулся к своей щеке и ужаснулся тому, что пропустил утреннее бритье. Он без особого труда нашел оправдание – вчера брился дважды, а значит, количество дней и церемоний по-прежнему совпадает. Поразительно, как легко нарушается традиция, которая еще вчера казалась незыблемой. Вскоре мужчина незаметно для себя задремал, и снился ему сплошной бред – пещерные люди, возмущенный Микеланджело, обнаженная Марина.

Его разбудил браслет, который сообщил владельцу, что разрешения выданы – можно ехать. Виктор протер суставом большого пальца глаза и потянулся за ноутбук. На две недели он забронировал домик в лесу – в месте, о котором много слышал; а вслед за этим на сайте Красной Башни с упоением принялся подыскивать для себя робота из серии ММ. Тяжелый выбор пал на рыжую полногрудую модель. Покупатель сделал пометку о том, чтобы ее привезли не домой, а в его лесное жилище. Любопытства ради мужчина заглянул в раздел, где красовались роботы из той же серии, но в образах исторических персонажей. Особенно позабавила одна из рекламных акций компании: Ленина и Сталина вместе можно было приобрести с приличной скидкой. «Кого-то ждет тоталитарная групповушка», – пошутил Виктор. Немного спустя Красная Башня прислала письмо о том, что рыжеватая будет ожидать своего героя следующим утром.

Завершив дела, постоялец спустился в ресторан пообедать. Он заказал пасту с морепродуктами и молниеносно расправился с ней. Чтобы освежиться, Виктор решил прогуляться по окрестностям, но на улице поднялся хлесткий ветер, который загнал его обратно в здание. Он открыл правила по избавлению от браслета, чтобы хоть как-то убить время. Читать их было настолько скучно, что пришлось заняться чем-то другим – целую вечность слоняться по гостинице. Повсюду висели абстрактные картины, и мужчина задался целью найти в них зерно здравого смысла, однако потерпел неудачу. Безделье, ноги и желудок по предварительномуговору опять привели в ресторан, где сытый человек вынужденно съел караван сэндвичей, а вдобавок опрокинул в себя стакан виски с колой. Словом, день кое-как докатился до своего завершения и упал за горизонт. Следующие сутки, конечно, будут несравненно более волнующими.

В полдень робот-портье со смешными тонкими усиками и зачесанными назад волосами отнес чемодан обратно в автомобиль, и муж Марины устремился навстречу новому миру: выехал на трассу и включил музыку. Насколько драматичной оказалась бы сцена с оскотлением Давида, сделай он это под «O Fortuna» Карла Орфа? Водитель искренне пожалел, что настолько блестящая идея посетила его так поздно.

С одной стороны – сладострастное предвкушение встречи с рыжей бестией, с другой – Марина. Мужчина все ждал, что супруга свяжется с ним. Поначалу он хотел этого подсознательно, но в конце концов желание облеклось в слова. Тогда Виктор стал прокручивать в голове бесчисленные вариации разговора, который, позвони она, мог бы произойти. За них обоих он, словно актер,

проговаривал один за другим диалоги – где бывал то победителем, то ничтожеством, то злился, то смеялся. Молчание жены глубоко ранило его, но, по большому счету, он и понятия не имел, зачем вообще нужен этот звонок и что именно нужно ей сказать или – услышать от нее.

Философы подсказывали, что перемещение человеческого тела в пространстве ничего не изменит. Впрочем, водитель и не ставил такой цели. Как говорится, повсюду, куда бы мы ни отправились, мы берем себя. Верно замечено. Виктор был начитан, но знать не знал, что делать со всем этим багажом, и даже более – как распорядиться собой.

Как же просто – не думать ни о чем глубоко, легко касаться приятных предметов и ненавязчиво возвращаться к ним вновь и вновь. Не быть связанным прошлым, а мчаться к гостеприимному будущему, в котором разрешено остаться, которое никто не отберет. И все будет идти как задумано до того мгновения, когда это самое будущее наступит. Говорят, есть те, кто рождается не в свое время, не в свою эпоху. Возможно ли подобное? Или это так же, как с пространством – всего лишь перемещения, где все – одно. Был бы Виктор счастлив, смог бы найти общий язык с собой и миром вокруг, родился он раньше?

*

Виктор и не помнил, когда в последний раз ехал по проселочной дороге. До места назначения оставалась самая малость. Воодушевленный водитель опустил стекла, и салон автомобиля наполнился сосновым запахом. Попадая сюда, люди воображали, что здесь они ближе к природе, что тут они наверстают отставание от настоящей жизни, что заживут так, как когда-то жили их предки. Справедливости ради стоит сказать, что для наших предков едва ли кто-то посторонний каждый день привозил еду, обеспечивал безопасность, чистоту, отопление, горячую и холодную воду, электричество, высокоскоростной интернет. Роботы управляющей компании трудились не покладая рук и делали все, чтобы клиенты не замечали их.

Свет в окнах деревянного домика горел, и Виктор с нетерпением остановил машину. На пороге появилась рыжевласая. Она была совершенством. Зачем он, глупец, столько лет ненавидел и отвергал роботов?

На целых три дня разум, собрав все свои пожитки, покинул мужчину, и тот всецело придался честному распутству. Он отключил браслет для любых входящих сообщений, кроме экстренных; попробовал в постели все, о чем мечтал, о чем не мечтал и о чем боялся мечтать; выкурил одну из трех последних сигарет. Едва ли Виктор ощущал счастье, но он, без сомнения, прикоснулся к свободе. И пусть это свобода аквариумной рыбки, во всяком случае – она принадлежала ему.

На четвертые сутки любовник разлепил глаза и увидел, что рыжевласая, которой он так и не дал имя, обнимает его. Он пошевелил затекшим плечом, и робот отозвался на движение – вышел из спящего режима.

- Ты что-нибудь хочешь?
- Да, воды.
- Сейчас принесу.

Мужчина выпил из горла и поставил бутылку на тумбу. Через несколько секунд он вразвалочку потащился в ванную комнату, где схватил края каменного умывальника, наклонился к зеркалу и прищурился. Все эти дни Виктор не брился. Выясняется, у него довольно густая щетина. Ему казалось, что так он выглядит совсем по-новому – менее утонченно, более мужественно. Борода станет олицетворением свободы, и он ни за что теперь от нее не откажется. Так в древности варвары обвязывали веревками статуи чужих богов и опрокидывали их. Что ж, бритые – первый поверженный истукан.

После очередного соития Виктор прозрел, что перестал получать удовольствие, и задумался, стоил ли в самом деле робот таких денег. Он велел любовнице приготовить завтрак и провожал ее взглядом, пока она, обнаженная, удалялась от кровати. Тело рыжевласой было настолько безу-

коризненным, что в иные мгновения, например – сейчас, отталкивало. Мужчина уже изучил каждый его сантиметр, каждый штрих, каждый изгиб.

Робот принес на подносе тарелку с тремя сэндвичами: два из них с ветчиной – настоящей, не синтетической.

– Выкуси, Роберт, – пробормотал Виктор с полным ртом.

Рыжевласая забрала поднос и пустую тарелку на кухню, а мужчина задумался о том, чем бы заняться. Он поймал себя на мысли, что ее присутствие тяготит.

– Сходи, прогуляйся. Я хочу пару часов побыть один.

Марина. Мысли о ней по-прежнему не пробуждали нежных чувств, но Виктор отчего-то вспоминал ее. Браслет. Нужно поскорее избавиться от него. Сегодня же он дочитает треклятые правила.

А потом размышления окольными путями привели к вопросу «а что же дальше?». Виктор долго обходил его стороной. Стоит ли развестись, если он больше не любит Марину? А не любит ли? Почему вдруг перестал любить? Еще полгода назад у него к ней были чувства. Она права: увольнение все изменило. Но почему? Что за такая связь между семейной жизнью и работой? Вопросы без ответов, будто волны, хватали и безжалостно швыряли Виктора о скалы, а он был то ли Сизифом, то ли Прометеем, осужденным на непрерывную пытку.

*

Искалеченный робот, сильно прихрамывая, вернулся ровно через два часа.

– Что случилось? – воскликнул Виктор.

– На меня напало дикое животное. Я идентифицировала его. Это кабан.

Тело рыжевласой покрылось неисчислимыми следами от копыт и клыков. Вмятина на лбу и левом глазу изуродовали когда-то прекрасное лицо. Да, кабана, конечно, большой грудью не обманешь, пухлыми губами зубы ему не заговоришь. Любовник отправил одно сообщение в страховую, а второе – своему юристу. Он твердо решил подать иск против компании, что обещала ему безопасный отдых.

То, что рядом околачивается робот-инвалид, отравляло воздух. Что теперь делать с этой помятой дамой? Виктор скомандовал ей отключиться – в таком виде она больше не была интересна. Он не мог выбросить рыжевласую из головы, даже когда прикрыл ее. Вдобавок ко всему, *так* она почему-то выглядела еще более злое: стояла посреди комнаты с одеялом на голове, которое едва доходило до колен, а внизу торчали искореженные голени. Два испорченных робота за четыре дня, пожалуй, многовато. Захотелось пройтись, но было страшно, потому что, оказывается, – где-то там снаружи прохожего подстерегает кабан.

Виктор переключил браслет на обычный режим, бросил чемодан в багажник и сел за руль. Лесной зверь всего за минуту разрушил поднадоевший рай, и пресловутый вопрос «а что же дальше?» внезапно стал самым важным. Мужчина не знал, куда податься, но выбор невелик: со своими разрешениями он мог либо остаться там, где был, либо вернуться восвояси. Думать о новых местах и ждать новые визы не хотелось вовсе, и автомобиль понуро покатился домой. Виктор чувствовал, что не в силах сопротивляться воронке грядущего, и ему таки придется говорить с женой.

Марина смотрела какой-то фильм и, когда услышала шаги, спросила спокойным и скучным голосом, каким обычно спрашивают о погоде в стране, где погода всегда одинаковая:

– Ты хоть знаешь, сколько он стоил?

– Да, знаю. Я себе купил тоже.

– Ужасно любопытно, хотя после того, что ты сделал с моим роботом, есть вопросы к твоей логике. И где эта шлюшка? Я бы взглянула.

Мужчина сел на диван поодаль от супруги и уставился на экран.

– Ее раздрал кабан.

Марина закатилась громким смехом, но Виктора это совсем не задело.

– Ну, и как она в постели? Потому что я своего опробовать, как ты уже догадался, конечно, не успела.

– Стоит своих денег.

– А зачем ты заставил его до самого вечера держать член в руке?

– Люблю, когда сюрпризы получаются особенно эффектными.

– Тебе это удалось. Но губы ты красить не умеешь, надо сказать.

Виктор промолчал. Он внимательно смотрел вперед, но ничего не видел. Его мысли были далеки от всего на свете, потому что находились *нигде*. Тогда Марина задала еще один вопрос:

– Давно ты, кстати, бриться перестал?

– Сегодня четвертый день. Мне идет?

– А что твой робот сказал?

– Я ее не спрашивал.

– Нет, не идет. Так ты похож на взъерошенного воробушка.

Виктор с трудом подавил волну нахлынувшей ярости. Вот зачем она это сказала? А Марина продолжала:

– Если ты добиваешься того, чтобы я тебя разлюбила, то знай: я уже почти начала сомневаться и в своих чувствах, и в твоих. Почти. Но то, что ты сделал с Давидом... Уж не знаю, любовь это или твои комплексы, но я впечатлена.

– Марина, ничего не выйдет.

– Что ж, тогда я начну спать с Робертом. Ты ведь не посмеешь сделать с ним что-нибудь подобное? Я не могу бесконечно терпеть от тебя убытки.

На последнюю реплику Виктор не ответил, но мысль о связи между женой и соседом прочно засела в его воображении. Позже он сидел в кабинете, пялился на корешки книг в шкафах и все пытался понять, пойдет ли она на такое? А может – уже? Но он ведь только что сам объявил ей, что у них ничего не получится. Так почему его заботит, с кем она спит?

Мужчина почесал подбородок и по привычке запрокинул наполненную хаосом голову на спинку кресла. Через минуту он резко вскочил, позвонил Роберту и предложил вечером встретиться. Тот ответил, что будет ждать гостя в восемь.

*

– Дни потихонечку теплеют, – заметил Роберт, расставляя пиво на столике во дворе. – Ты какой-то напряженный.

– А ты?

– Что – «а ты»?

– А ты напряженный?

Хозяин открыл бутылку, выпил и лишь после этого отрывисто ответил:

– Нет. С чего бы?

– А мне с чего?

– Может, с того, что ты безобидному роботу член отрезал пару дней назад?

Виктор почувствовал, что собеседник забирает нити беседы в свои руки, но на сей раз решил во что бы то ни стало не отступать. Разворачивалась необычная война, где одна из сторон и не подозревала, что ведутся боевые действия.

– И кто же тебе об этом рассказал?

– Мне Марина звонила.

– Интересно. И зачем же она звонила?

Похожая на допрос беседа начала надоедать. Роберт отвалился назад и процедил, что та хотела посоветоваться о правовых последствиях. Гость не унимался:

– Что ж, и какие последствия у моего поступка?

– Она, если захочет, вполне себе может отсудить у тебя кучу денег.
 – Удивительно: если захочет, может отсудить кучу денег. Это я и без юридического образования понимаю. Ты шесть лет в университете таким пустякам учился?

– Слушай, сосед, остынь.

Впервые в голосе Роберта Виктор услышал нотки раздражения. Словно хищник, что почувствовал вкус крови, он продолжал напирать и жаждал только одного – увидеть страх. Голова была ясной, слова и мысли больше не путались.

– Да, прости. Ты ни при чем. У меня сложный период. Полагаю, дело именно в этом. Сменим тему. Расскажи, как сам?

– Я в порядке. Вообще, много работы. Устаю.

– Кстати, ты нашел себе новую девушку?

– Еще нет. Но, кажется, кое-что намечается.

На этих словах хозяин заметно развеселился, и Виктор не мог понять, намекает ли собеседник на Марину.

– Как же ее зовут? – спросил гость без обиняков.

– Пусть это пока что останется тайной.

Юрист улыбнулся, и Виктор в ответ многозначительно закивал головой.

– В связи с твоей намечающейся девушкой хочу дать один совет, Роберт.

– Женатый дает совет холостяку. Любопытно. Слушаю тебя.

– Если твоя девушка... Допустим, ее зовут Марина, как мою жену. Неважно. Если она однажды решит купить себе робота для потрапушек, то тебе надо будет найти самый большой и острый нож в доме, снять с этого уродца штаны и сделать то, что должен. Я, если понадобится, сделаю это снова.

– То, что должен? Ты это так называешь?

– Да. И знаешь, *что* ты тогда почувствуешь?

Гость терпеливо дождался, пока Роберт выдавит из себя вопрос «что», и продолжил:

– А я не скажу тебе. Ты узнаешь, если только осмелишься сделать это. Но ты, полагаю, не осмелишься.

– Да что с тобой?

И тогда Виктор увидел в глазах собеседника то, что хотел. Быть может, ему всего лишь показалось, но сам он верил, что распознал семена страха. Сейчас бы вцепиться зубами в горло и разорвать на куски это ничтожество. Пусть только прикоснется к Марине – он выдумает для соседа самую изощренную из смертей.

Гость, так и не притронувшись к выпивке, встал из-за стола. Он нарочито крепко пожал Роберту ладонь, заявил, что у него срочные дела, и удалился. Божественно. У Виктора кружилась голова. Ему, как пещерному человеку из фильмов, хотелось бить себя кулаками в грудь, чтобы разнести весть о победе. От возбуждения он быстрым движением взъерошил себе волосы и двинулся в сторону роши.

*

Победитель добрался туда, где прежде горел костер, и вдруг вспомнил, что в горах Армении, в древнем Сюнике, вздымается мегалитический комплекс, которому по меньшей мере четыре тысячи лет. Он похож на британский Стоунхендж и называется Зорац-Карер, что в переводе с армянского означает «каменное воинство». Мужчина вообразил, как здорово было бы окружить свой огонь могучими камнями-воинами, превратить его в место поклонения, силы.

Виктор отыскал на клене свое имя и провел пальцами по шершавым буквам. Во всем этом он находил что-то языческое и прекрасное: сумерки, потухший огонь, имя на дереве. Мужчина снял куртку и положил ее на траву. Внутренний голос подсказал раздеться по пояс, и человек повиновался. Изумительно, какое блаженство порой наступает за подчинением в том случае, когда под-

чинение дарует свободу, покой. Виктор закрыл глаза, глубоко задышал и поднял руки в стороны ладонями вверх.

В раннем детстве, когда он еще умел нежно чувствовать, но почти ничего не понимал, бывали мгновения, когда мальчик вглядывался во что-нибудь прекрасное и *что-то* желал. И это *что-то* в самом деле существовало, но пребывало за границами достигаемого для человеческого рода мира. Тогда сердце билось чаще, и мальчик ощущал: другое *что-то* – внутри его самого, готово вырваться наружу и нестись со скоростью света к тому, чего здесь нет и быть не может. А единственной тонкой нитью – дорогой, которая связывала нечто внутри мальчика с тем нечто, что обитало вне нашего мира, была красота – ночное небо, озеро, лес.

Мысли вернулись из прошлого, и лишь теперь мужчина осознал, что порядком замерз. Он улыбнулся и неспешно оделся, смакуя одновременно приятный и неприятный холод.

Виктор был убежден, что пустил нормальную жизнь под откос, но вместо этого, казалось, он обретает нечто новое. Нечто, идущее из глубин веков, от предков. Нечто священное. Как много новых «нечто» проникло в его жизнь – предметов и явлений, имен которых он не знал.

Позднее хозяин дома закрылся в кабинете и, наконец, внимательно прочитал правила о том, как отказаться от браслета. После он отправил сообщение в муниципалитет, чтобы начать процедуру. Виктор расположился на диване и решил, что будет ночевать здесь, отдельно от Марины, пока не поймет, что делать со своей семейной жизнью. На глаза попала книга «Уолден, или жизнь в лесу» Генри Дэвида Торо. Выпускник философского факультета вытащил ее из шкафа, открыл где-то на середине и начал читать. Когда-то, будучи студентом, он проглотил это произведение за день.

Марина не писала, не звонила, и в глубине души Виктор был благодарен ей за это. Возможная связь жены с соседом больше не давила на него. Если будет нужно, он просто уничтожит Роберта. Хозяин дома чувствовал себя всесильным. Больше никогда он не окажется ведомым, само вращение небесных сфер должно подчиниться его воле. Начинается новая эра.

*

Когда на следующий день Виктор проснулся, Марины уже не было дома. Отражение в зеркале подтверждало, что щетина становилась все длиннее и даже принимала несколько неухоженный вид. Поначалу мужчина хотел ее подровнять, но в конце концов решил оставить как есть. Чуть позже опять не удался завтрак – на сей раз позвонили.

– Я все прочитала, – объявила сразу же ученица.

– Все прочитала? Как? Еще даже и недели не прошло.

– Я быстро читаю, ну а Гомера просто не стала перечитывать – «Илиаду» и «Одиссею» я хорошо помню. Когда будет наше занятие?

– Что ж. Приезжай сейчас.

– Прямо сейчас?

– Именно. Жду тебя там же. Через час.

Анна оказалась в некотором замешательстве, но согласилась. Виктор пришел на место встречи заранее и стоял там в гордом одиночестве, мысленно беседуя с ветром, точно классический романтический герой. Он не заметил, как она приблизилась.

– Пойдем, – заговорил Виктор, не поздоровавшись. – Если будут вопросы, смело прерывай меня. Договорились?

Двое вошли в рощу и неторопливым шагом направились наискосок влево. Учитель продолжил:

– На вопросы, которых мы будем касаться, нет правильных ответов. Точнее, нет ответов единственно верных. По крайней мере, в рамках философии. Ты всегда можешь поспорить со мной. Итак, еще раз. Что же такое философия? Своими словами.

– Мне кажется, это объяснение вселенной, мира, человека. Как бы – объяснение всего.

– Хорошо. Иными словами, философия – это способ познания мира. И лично для меня, кстати, способ самый прекрасный, хотя есть и другие. К примеру, религия познает мир с помощью веры, искусство – через интуицию. Еще есть наука. Очень интересно то, как соотносятся наука и философия. Философия похожа на науку тем, что ее инструмент – разум, но между ними есть целый ряд отличий. Например, философия в отличие от науки занимается вопросами, которые мы называем вечными. Она их, с одной стороны, решает, но с другой – никогда не сумеет разрешить окончательно. В то же время каждое предыдущее философское открытие навсегда остается в истории, совершенно не теряет свою ценность. Оно является чем-то вроде кирпичика, на который в будущем поставят следующий. И так буквально до бесконечности. С наукой же все наоборот. Понимаешь? Новое научное знание иногда полностью отвергает предыдущее.

– Выходит – это выбор каждого человека? В том смысле, каким способом познавать мир. Да?

– В некотором роде. Ты говоришь «выбор», но ведь никто не заставляет тебя выбирать.

– Как же не выбирать? Разве эти способы не противоречат друг другу?

– Ты увидишь, что и в самой философии определенные идеи противоречат друг другу. Но мы все же изучаем их все, а не коронуем одну, якобы единственно истинную. Все они вместе – огромный набор инструментов. Если ты правильно им овладеешь, то будешь знать, когда что использовать, чтобы...

– Чтобы что? – перебила в нетерпении Анна.

– А это уже тебе самой решать.

– Тогда получается, что нет никакой истины?

– Нет никакой истины? Совокупность всего, полагаю, и есть истина. Но об этом мы еще будем отдельно говорить. Вообще по этому вопросу сколько философов – столько мнений.

– Понятно... Вы сказали, что мне самой решать, как использовать инструменты. А вы для чего их используете?

Виктор невольно остановился. У него не было готового ответа. Он задумался, и понял, что никак не использует. Инструменты бесполезной грудой лежат рядом с ним в лодке, которую бурная река уносит непонятно куда. Река же – это чувства и страсти, которыми Виктор поработчен. И не потому поработчен, что считает это правильным или полезным, а по той простой причине, что по-другому не может.

– Я использую их, чтобы найти себя, – солгал учитель.

– Еще не нашли? Все еще ищете?

– Нашел. Буквально вчера. Давай продолжим. Итак, мы немного разобрались с тем, что же такое философия. Да, и еще. Ты, полагаю, уже поняла, что будешь читать первоисточники и не только их. Я даю только каркас, который тебе придется заполнять самостоятельно... Почему философия возникла именно в Древней Греции и почему именно в таком виде – это вопросы сложные. Ключ к ответу находится в самой истории, в том, что предшествовало началу философии.

Навигатор и беседа привели Виктора и Анну к пруду.

– А теперь вы меня утопите?

– Не совсем. Итак, кто же был первым философом?

– Фалес?

– Да, Фалес, который сказал, что все произошло из воды. Философ и математик Бертран Рассел в своей книге «История западной философии», которую, кстати, я тебе пока что не советую читать, пишет, что это обескураживает. Фалес сказал, что все произошло из воды. Ну и что? Это и есть ваша хваленая философия?

Анна усмехнулась, глядя на пруд. Виктор продолжал:

– Конечно, одна эта фраза мало что нам объясняет. Здесь все дело, как всегда, в аргументации. Фалес не просто говорил, что все произошло из воды. Он говорил, что любая жизнь связана с влагой. Видишь? Это первая попытка объяснить мир не с помощью мифа, а с помощью рационального аргумента. То есть философия и наука начались вместе – буквально из одной точки. По крайней мере, это первая подобная попытка, зафиксированная историей. Может быть, кто-то

думал, говорил или писал что-то подобное и раньше, но нам об этом ничего не известно. Да и от сочинений самого Фалеса, если они и существовали когда-то, ничего не сохранилось. Что сказал Фалес – мы знаем со слов других. Посмотри. Что ты видишь?

– Воду?

– Да. Но важно понимать, что «вода» Фалеса – это не просто вода. Она для него имела божественную сущность, она – первоначало, из которого произошло все остальное. Это не просто грубый материализм. Вода – это бог, который всего древнее, который никем не рожден.

– Вот с такой ерунды началась философия.

– Ты полагаешь, это ерунда?

*

Виктор рассудил, что им с Мариной лучше не попадаться друг другу на глаза. В конце концов, зачем эти неловкие мгновения? По будням воплощать замысел в целом несложно – всего-то нужно вставать поздно, уходить до того, как жена вернется с работы, а самому быть дома, когда она уже спит. Чем же заняться сегодня? Виктор вспомнил об «отличном баре с фантастическими роботами, на любой вкус», как сказал сосед. Искатель приключений проверил на браслете входящие сообщения. После той встречи Роберт, как и обещал, прислал местоположение заведения. Муж Марины оделся и воодушевленно покинул жилище.

Баром было стилизованное под середину прошлого века отдельно стоящее двухэтажное здание, в двух шагах от которого располагался мотель на три десятка комнат. Сосед не соврал: самые разные роботы-проститутки сновали туда-сюда, развлекая посетителей сальными шуточками и видами на выдающиеся части своих красноречивых тел. Виктор обратил внимание, что их манера говорить более естественная, чем речь его рыжеволосой, да упокоит искусственный интеллект ее душу.

Звучал джаз. Роботы-охранники, как водится, следили за поведением распутных гостей. Очевидно, чтобы никому не пришло на ум покалечить ответственного за алкоголь сотрудника, красочная табличка предупреждала: «Бармен – человек». За стойкой, положив ногу на ногу, загадочный робот-женщина играл с кольцом на безымянном пальце. Виктор устроился рядом и обратился к меню, написанному мелом на широкой черной доске.

– Почему пиво у вас стоит как мой автомобиль?

– Потому что очень хорошее пиво, – вежливо ответил бармен.

Виктор рассмеялся, заказал кружку и бесцеремонно оглядел соседа с кольцом. Робот ответил взглядом, а мужчина почувствовал себя в своей тарелке и расслабился.

– А мне закажете что-нибудь?

– Да что же ты будешь делать! Как в старых фильмах. Бармен, а ты знал, что начали производить роботов, которые пьют алкоголь?

Сотрудник заведения ответил отрицательно и предложил уступить предложению, чтобы узнать, что будет.

– Все ясно. Это у вас бизнес такой. Полагаю, сотрудничаете. Ладно, почему бы и нет. Чем же тебя угостить?

– А мы разве переходили на ты?

– Очень любопытно. Прошу прощения, а вы, мадам, из какой-то новой серии? Хамить – одна из ваших функций?

– Я буду Голубые Гавайи, если вы, конечно, не против.

– Голубые Гавайи?

– Да, это такой коктейль. Вы впервые в баре?

– Ах, да. Коктейль. А вы точно робот?

– Точно.

– Какой же серии?

– Это секрет.

На этих словах Виктор понял, что хочет ее. Учитывая то, где они находились, не нужно быть гением, чтобы догадаться – какой бы вертихвосткой она не была по заданной программе, их общение, если только он не передумает, закончится на кровати в соседнем здании. Это ее работа. Но великий грех – разрушить драматургию такой необычной беседы. Бармен быстро приготовил коктейль и поставил его на стойку.

– Пейте. Я хочу это видеть, – проговорил Виктор.

– За нашу встречу, – произнес робот и поднял стакан.

В эту секунду пришло второе осознание: сейчас выпускник философского факультета пойдет вразнос.

– Бармен, забери обратно свое пиво и налей мне, пожалуйста, водки.

– Прошу прощения, но за пиво все равно придется платить.

– Я заплачу, не беспокойтесь, – затем искатель приключений снова повернулся к незнакомке.

– У вас морщины возле глаз. Давно стали производить роботов с морщинами? Полагаю, вы не робот.

– Я устала с вами спорить.

– Так докажите обратное.

– Как?

– Поцелуйте меня.

Она, наконец, сделала глоток коктейля, игриво приподняла бровь и по слогам произнесла:

– Е-ще че-го.

– Этот робот работает у вас?

Бармен не расслышал вопроса, потому что занимался чем-то поодаль и стоял спиной. Виктор обнаружил перед собой рюмку с водкой, которую немедленно опустошил. Робот наклонился к собеседнику и полушепотом спросил:

– Кто сказал вам отращать бороду?

– Никто. Я сам решил.

– Вы с ней божественны.

– Скажите мне правду, – настаивал Виктор.

– А вы дайте мне пощечину и поймете.

– Вы не хотите целоваться, но готовы на пощечину?

– Конечно, не готова. Я просто дурачусь.

Бармен вновь оказался рядом, и мужчина повторил вопрос.

– Нет, я вас уверяю: она не работает у нас, – был ответ.

– Меня зовут Виктор.

– У моей модели нет имени. Вы можете выбрать любое.

– Проклятые роботы, – прошипел мужчина и приставил браслет к считывателю, чтобы оплатить счет.

*

Виктор притаился снаружи. Какая-то сила подсказывала ему, что нужно подождать, и он не уходил. Через четверть часа она вышла из бара – уставшая, слегка сутулая. На улице разрешалось курить, и в ее губах появилась сигарета. Все стало ясно как белый день. Мужчина выскочил из машины и изо всех сил побежал к женщине, как делал это и за тысячи лет до того. Он схватил ее за плечи и чуть приблизил к себе.

– Я знал, что ты настоящая! Я знал!

Виктор крепко держал ее ладонями, а она, неспособная пошевелиться, ничего не отвечала. Словно безумцы, они, тяжело дыша, искали что-то в глазах друг друга. Когда молчание длилось уже целых сто восемь лет, он выхватил ее сигарету и, почти задыхаясь, поцеловал невкусные никотиновые губы.

– Пойдем! Пойдем прямо сейчас!

Мужчина потащил ее в сторону мотеля, а она шла за ним, не торопясь, но и не сопротивляясь.

– Пойдем скорее, – снова и снова бубнил Виктор.

В комнате на третьем этаже было сложно найти что-то кроме большой кровати и нескольких безвкусных предметов мебели. Прямо в одежде они рухнули на постель. Уже через минуту в каждой ее морщинке, в каждой родинке он будет находить символы жизни и даже саму жизнь. Марина много тратила на то, чтобы ее тело выглядело безупречно. Многие мужчины и женщины заключили, что по-другому выдержать неравную конкуренцию с роботами невозможно. И впервые за много лет Виктор занимался любовью с той, в ком все было настоящим, а значит – недолговечным и бесценным. Через каких-нибудь пять и тем более – десять лет это прекрасное тело постареет, а значит то, что происходит сегодня, может никогда не повториться. Он все твердил, что «она принадлежит ему», и незнакомка, не открывая глаз, улыбалась.

Когда все закончилось, оба боялись заговорить, чтобы не нарушить хрупкое равновесие бытия, но в конце концов ей пришлось произнести несколько слов:

– Ты меня задушишь.

Виктор ослабил объятия. Он понятия не имел, как называлось то, что происходило с ним. Будто какой-то неведомый поток с огромной скоростью легко и бесцельно перемещал его межзвездном пространстве. Впервые в жизни Виктор смог завоевать женщину, и в тот же миг – он воистину простил и возлюбил себя. И, наверное, именно поэтому влюбился в незнакомку без памяти. Выпускник философского факультета отчего-то не понимал, как опасно полюбить себя через кого-то другого. Ему хотелось продлить мгновение, а еще лучше – отмотать время назад и испытать все это вновь.

– У тебя чип? – спросил он, наконец.

– Нет, я чистая.

– Чистая? Ты это так называешь? Я скоро избавлюсь от браслета. И тоже стану чистым. Очищусь.

– Тебе будет хорошо. Послушай, это все очень странно случилось. Со мной такое впервые.

Лишь сейчас Виктор задумался о том, *что* она вообще делала в подобном баре, но он запретил себе спрашивать.

– Я покажу тебе новый прекрасный мир.

– Что будет теперь?

Никто никогда не задавал Виктору этого вопроса. Он всегда был ведомым, ему всегда показывали путь, по которому идти. Отец подсказал ему, какую профессию выбрать, Марина – на ком жениться, Роберт – в какой бар пойти, и так до бесконечности, изо дня в день, из года в год. До сего часа. А теперь красивая женщина лежит рядом и хочет узнать от него о будущем.

– Значит, нового прекрасного мира тебе недостаточно?

Она грустно улыбнулась.

– Так как тебя зовут?

– Алиса.

– В стране чудес?

– Угу.

Они долго лежали в обнимку и потеряли счет времени.

– Давай не будем сегодня разговаривать. Пожалуйста, – попросила женщина.

Виктор кивнул. Они оделись и вместе покинули здание. Он проводил Алису до машины, сохранил номер ее телефона и долго смотрел вслед уезжающему автомобилю.

*

Спать на диване в кабинете было неудобно. Хозяин дома долго ворочался и в конце концов перевернулся на спину, открыл глаза. Виктор остался наедине с собой и как бы разглядывал со

стороны и себя, и комнату. Наяву ли все это? Во тьме шкафов угадывались книжные переплеты, от которых пахло прошлым.

– Прости меня, Сенека. Прости меня, Марк Аврелий. Я нарушил все ваши заветы, – шептал он.

Впрочем, когда это Виктор следовал наставлениям стоических философов? Он зажмурился и глубоко вздохнул. Ему хотелось восстановить в памяти каждую мелочь, как сцену за сценой вспоминают полюбившийся фильм. А вдруг настоящий он – тот, который был всегда, а не этот? Быть может, сегодняшний день – всего лишь наваждение или пелена, что покрыла его?

Кто она? Виктор ничего о ней не знал, но теперь и дышать не мог без мысли об этой женщине. Часто те, кто совершили подвиг, навсегда превращаются в его рабов – великий поступок становится не просто событием из биографии, а частью их самих. Так Виктор сделал Алису частью себя. Точно Цезарь он пришел, увидел и победил. Она подчинилась его воле, и отныне ее нужно хранить как реликвию, как символ своей силы, потому что без Алисы все обретенное в мгновение ока разрушится.

В ту ночь он не вспоминал о Марине и Роберте. Они будто бы никогда и не существовали. А сам Виктор хоть и существовал, но так и не смог уснуть до самого утра. Потом приходили беспокойные сны. Проснулся он поздно, с очень тяжелой головой. Первым делом влюбленный отправился в душ и по пути не отказал себе в удовольствии еще раз взглянуть на свою бороду. О, если бы Виктор прислушался к словам Марины и увидел, как смехотворно он выглядит небритым.

После завтрака хозяин дома почувствовал, что, наконец, приходит в себя. Он собрался с мыслями и позвонил Алисе. Она не ответила, и сердце его сжалось. Чтобы отвлечься, Виктор в поисках подарка пошел по магазинам. Он потратил несколько часов, но так и не смог что-то выбрать. Вдруг раздался звонок. Голос ее был нежным и ласковым.

- Когда мы увидимся? – поинтересовалась она.
- Тебе удобно через час?
- Да, конечно. Какую ты предпочитаешь еду?
- Давай лучше просто погуляем.
- Хорошо. Как насчет центрального парка?
- Да, у западного входа. Ладно?

*

Виктор заранее продумал десяток тем для разговора, но как только увидел Алису – все они, точно канарейки из клетки, вылетели на волю. Мужчина поцеловал женщину и на несколько секунд крепко обнял. После они бродили по парку, расспрашивали друг о друге, говорили обо всем на свете. Ему было хорошо и спокойно.

– У меня ощущение, что мы знакомы много лет. Я чувствую тебя так хорошо, как чувствуют брата или друга детства, – призналась Алиса.

В ответ Виктор собрался духом для очень важного разговора:

- Я хочу, чтобы между нами все было совершенно честно.
- Конечно. Я тоже этого хочу.
- В таком случае, у меня к тебе одно признание и один вопрос.

Она закивала головой, и Виктор вконец расхрабрился.

– Я женат.

Влюбленный взглянул на спутницу краем глаза, но она, кажется, вовсе не собиралась поднимать бурю. Тогда он продолжил:

- Я женат, но у нас все сложно. Очень сложно.
- Ты несчастлив?

– Да, я несчастлив. Понимаешь, моя жена... Она хорошая. Я не хочу ее обижать или говорить о ней плохо... Тыфу ты. Что же я такое несу...

Алиса остановилась и положила голову ему на плечо.

– Я вижу – тебе очень трудно. Не надо сейчас этих подробностей. Оставь. Правда.

– Да, но теперь я встретил тебя. Я снова в порядке.

– Ты слишком сильный, чтобы не быть в порядке долгое время.

Последние ее слова заставили его опомниться. Что с ним? Куда девались его решительность и мужество? Почему он так разговаривает? Виктор решил, что будет очень странно преобразиться в один миг, и дал себе пятнадцать минут, чтобы выполнить это задание. Однако волнение и нетерпение торопили его.

– Ты права. И все же, ты добавила в мою жизнь что-то такое, чего у меня никогда не было. И это то, что покрывает и силу, и все остальное.

– Я тоже это чувствую, но мне страшно.

– Страшно? Почему?

– Я боюсь, что это чувство улетит, как воздушный шар, и я не смогу его поймать. Я боюсь, что я слишком слабая, чтобы любить тебя. У меня на самом деле даже себя любить не получается. Ну, вот. Теперь ты, кажется, знаешь все.

Виктор впал в экстаз от героической роли, что предстояло сыграть – спасение и защита красивой и слабой женщины, которая в ответ будет вечно любить, боготворить. В очередной раз он отчеканил твердым голосом затасканное «все будет хорошо». Влюбленный пожалел, что не прихватил сигареты. Сейчас, как настоящему герою, ему стоило бы закурить и выпустить струю-другую красивого дыма. Да что же ты будешь делать: в ее глазах даже появились слезы!

– Спасибо, что ты нашелся, – прошептала Алиса. – Еще ты хотел спросить что-то.

– Да, хотел. Но сейчас мне уже кажется это лишним.

– Прошу тебя. Спрашивай.

Мужчина мялся, и женщина вкрадчиво попросила вновь.

– Хорошо. Но знай, что я больше не переживаю об этом. Что бы ты ни ответила – я приму...

Что ты делала в том баре?

На долю секунды Алиса опустила взгляд.

– Знал бы ты, сколько раз со вчерашнего дня я сама себе задавала этот вопрос! Я понятия не имею, зачем пошла туда. Я просто сидела дома, и потом что-то заставило меня встать, одеться, выйти на улицу, отправиться в это отвратительное место. А потом я увидела тебя. И все изменилось. Я никогда не верила в судьбу, и мне странно произносить это слово. Но как это еще назвать? Как?

Виктор подумал, что даже если она и лжет, то, конечно, из страха разрушить их пока еще столь хрупкую связь. Все, что было до – не имеет значения. Они вместе, и жизнь – настоящая, а не выдуманная, только начинается.

Алиса продолжила:

– Я вижу в тебе что-то. Какую-то древнюю, я бы даже сказала – первобытную силу. Я вижу в тебе мужчину. Ты способен защищать, ты способен завоевывать. Посмотри, во что мы выродились.

С этими словами женщина прочертила ладонью дугу в воздухе, показывая на людей вокруг.

– Помнишь, я говорил, что покажу тебе новый прекрасный мир?

– Конечно. Как такое забыть?

– Этот день настал. Поехали.

Они наведались в рощу, и Виктор в подробностях рассказал возлюбленной обо всем, что приключилось с ним за последние дни. Мужчина показал место костра, свое имя, нацарапанное ножом на клене. Он прыгал вокруг нее, размахивал руками, громко говорил и смеялся. Алиса искренне поддакивала, и восхищение в ее глазах питало его. Возле пруда Виктор начал было рассказывать про Фалеса, но она, наконец, заткнула преподавателя долгим поцелуем.

Виктор привез Алису обратно в парк, откуда она на своей машине уехала к себе. Влюбленный сел на ближайшую скамейку, закрыл глаза. Безумное счастье сменилось счастьем спокойным. Люди и роботы больше не мешали, не раздражали. Виктор смиловился и согласился на их существование. Все они доселе шли своими дорогами, а теперь и он выбрался из трясины – идет своей. Мысли внезапно натолкнулись на жену, но мужчина с усилием перелистнул ее будто страницу в непослушной книге. Затем кто-то позвонил.

– Привет, сосед! Как твои дела?

– Все хорошо, Роберт. Я бы даже сказал – превосходно. Как ты?

– Лучше не бывает! Встретимся сегодня?

Поначалу Виктор хотел отказаться, но передумал: очередная трепка юристу не помешает.

– Никаких проблем. Давай встретимся.

– Во сколько придешь? – уточнил Роберт.

– А кто сказал, что я приду?

– В смысле?

– Приходи ты.

– Ну... Хорошо. Почему бы и нет.

– Угощу тебя армянским коньяком.

Виктор больше не желал прятаться от супруги, да и вообще – от кого бы то ни было. Придя домой, он буднично поздоровался и спросил, как у нее дела. Его безмятежный тон озадачил, но она не подала виду. Марина ответила, что все хорошо, и поинтересовалась, как дела у него. У Виктора тоже все было в порядке, и на этот раз он не стал сразу же скрываться в кабинете. Интуиция заставила женщину запаниковать. В тревоге она случайно разбила стакан, но Виктор и бровью не повел, не шелохнулся.

– Поможешь мне? – спросила она.

И тогда произошло самое страшное: мужчина с великим безразличием и даже некоторой небрежной услужливостью выполнил просьбу. Поднимая очередной осколок, он порезал палец. Когда на полу не осталось больших кусков стекла, Виктор положил мизинец в рот и почувствовал вкус своей крови. Это необычно.

– Кстати, а с каких пор мы сами убираем мусор?

– Ты поранился! Сейчас что-нибудь принесу.

– Не нужно.

Виктор зачем-то приблизил кровоточащий палец к губам Марины, но она ладонью опустила его руку. Хозяин дома усмехнулся и отправился в кабинет – готовиться к битве. Спустя какое-то время он вдруг заметил, что кровь все еще течет и, чтобы не измазать одежду или мебель, снова положил палец на язык. «Я – Дракула, – подумал он, – Хочется крови юриста. Много крови».

В наружную дверь позвонили. Марина взглянула на изображение с камеры и узнала Роберта. По приказу хозяйки София впустила гостя. Затем женщина сама открыла дверь в дом. Виктор выглянул и уперся плечом о дверной косяк. С язвительным прищуром он принялся наблюдать, как обмениваются любезностями жена и сосед.

– Эй, голубки!

Когда двое перевели на него взгляд, Виктор качнул головой в сторону кабинета и произнес лаконичное «пойдем».

Хозяин дома развалился в кресле возле рабочего стола и усадил гостя напротив, в кресло поменьше. У Роберта возникло ощущение, что его ожидает собеседование для приема на работу, но он не смутился. У него было отменное настроение.

– Кто-то обещал мне армянский бренди.

Виктор с невозмутимой улыбкой встал, сделал несколько шагов и вытащил из небольшого буфета непечатную бутылку с двумя бокалами.

– Раз обещал, значит – будет. Но это не бренди, это армянский коньяк.

– Чисто с юридической точки зрения коньяком может быть соответствующий алкогольный напиток, произведенный во французском департаменте Шаранта. Исключительно там. Следовательно, все остальное – это бренди. Если не ошибаюсь, для поставки в какие-то страны армяне вынуждены писать на этикетке «бренди».

– Но не на этой бутылке. Ты сейчас испробуешь нектар богов и поймешь, что это – настоящий коньяк, а не какой-то там бренди.

– Что ж, сосед, если для тебя словом «коньяк» определяется качество напитка, пусть будет по-твоему. Не стану спорить.

Хозяин дома отметил про себя, что «палка начала гнуться».

– Несколько минут подержи бокал в ладони, потом сделай маленький глоток, покатай его по небу, но не спеши глотать.

– Виктор, я знаю, как пьют коньяк.

– Что ж, в таком случае – наслаждайся.

– Как прошел твой день?

– Полагаю, превосходно. Я бы даже сказал, что это лучший день в моей жизни.

– Серьезно? Что такого сегодня случилось?

Показалось, что Роберт задает вопрос с некоторой издевкой, но армия, что стояла за Виктором была как никогда готова к бою.

– Что случилось сегодня не так важно.

– А что тогда важно?

– Важно, что происходит вообще.

– Дорогой сосед, ты стал вполне себе загадочным. Ты что – клад нашел? Или, может быть, работу наконец-то?

Хозяин дома засмеялся, чтобы показать – шутка его не трогает.

– Пожалуй, да. Полагаю, в каком-то смысле я нашел именно клад.

– Но ты о нем мне, конечно, не расскажешь.

– Конечно, не расскажу. Еще рано. А Марина, кстати, была рада тебя видеть.

– Смотри, чтобы твой клад не растворился в воздухе. Порой так случается. Да? – ухмыльнулся многозначительно Роберт.

– Поверь мне, мой клад никуда не денется. А ты рад видеть Марину?

– Почему нет? Конечно, рад. У тебя замечательная жена.

– Ты прав, у нее много достоинств. Рад, что вы стали больше общаться.

– Разве? – удивился гость.

– Да, я действительно рад этому, – настаивал Виктор.

– Нет. Я спрашиваю, разве мы стали с ней больше общаться?

– А что? Нет? Если нет, то мы можем позвать ее сюда. Прямо сейчас.

– Ну, хочешь – позови. Ей-богу, не понимаю, к чему все это.

– Роберт, ты просто так хотел со мной увидеться?

– Не совсем. Я узнал кое-что и решил поделиться.

– Ясно. И что же ты узнал?

Собеседник потер пальцами лоб.

– Послушай, сосед. У меня еще с прошлого раза ощущение, что ты ищешь повод со мной поспорить или точнее – что-то хочешь мне доказать. Я не знаю. Скажи, если я не прав.

– Разве? – спросил Виктор, повторив интонацию гостя, с которой тот произнес это слово минуту назад. – С чего ты взял?

– Твой тон, твои уколы. Даже вот это твое «разве» мне почему-то неприятно слышать. Если я чем-то обидел тебя, так и скажи. Я попрошу прощения. Слушай, вообще я сейчас просто пытаюсь тебе объяснить, что ценю нашу дружбу.

Хоть на лице Виктора и не дрогнул ни один мускул, на самом деле хозяин дома оказался оговорен. На него словно неожиданно вылили ведро ледяной воды. Возможно, он и вправду ведет войну против того, кто и не думал причинять ему зла? Они всегда хорошо общались, Роберт давал ему советы, поддерживал. Конечно, юрист еще и часто подначивал его, но разве из этого следует, что тот непременно хотел задеть или оскорбить?

Виктор выдержал очень долгую паузу, долил гостю и себе коньяка.

– Что ж. Роберт, у меня нет с тобой совершенно никаких проблем. Но я изменился. Очень сильно и в очень короткий срок. Может быть, именно поэтому я кажусь странным. Тебе всего лишь нужно принять эти изменения. И все будет в порядке.

Чтобы сохранить завоеванные позиции и закрепить новое соотношение сил, Виктор подошел к гостю, крепко сжал его ладонь и по-отечески похлопал по плечу. Роберт самодовольно улыбнулся, и, казалось, ничего не имел против того, что происходило.

– Ты прав. Ты изменился. Ей-богу, я тоже заметил. Такое чувство, что ты обрел себя, обрел гармонию, силу. Не каждому это удастся. Недаром родители называли тебя Виктором.

Такие эмоции, какие после этих слов испытал выпускник философского факультета, испытывают чемпионы, которые получают похвалу от самого достойного, хотя в конце концов и проигравшего соперника.

– Вот и славно. Разобрались. Так что ты там узнал? – спросил снова хозяин дома.

– Так вот, – продолжал Роберт. – Я совершенно случайно узнал об одном интересном месте, где собираются мужчины. Обычные мужчины. Такие как я и ты.

– И что это за место?

– Своего рода бойцовский клуб. Хотя почему своего рода. Это вполне себе бойцовский клуб. Они там дерутся, а потом обсуждают, пьют пиво и отдыхают. Что скажешь?

– Это законно?

– Нет. Конечно нет. Но с каких пор тебя это останавливает, разжигатель нелегальных костров и гроза роботов?

Предложение крайне льстило. Виктор все посматривал на мускулистое тело Роберта, и ему казалось, что он не хуже, что в его руках и ногах – такая же мощь. Замысел будет следующим: Виктор попытается побить там кого-нибудь, а если не получится, то он явится на глаза Алисе с парой ссадин. Она будет впечатлена. Беспроигрышный вариант.

– Почему бы и нет.

– Отлично, сосед. Будем там вместе держаться. Разузнаю завтра, когда можно поехать, и дам знать.

*

Совсем рано, когда еще не растворился запах ночи и ее тишина продолжала изливаться по округе, Виктор пробудился. Ласковый новорожденный свет маялся в окне. Хозяин дома встал с дивана, пересек кабинет, гостиную и босиком, прямо в пижаме, вышел во двор. Было прохладно, и ноги начали подмерзать, однако Виктор все стоял на месте, то зажимая, то отпуская пальцами ног траву. Он глубоко дышал и уже не боялся, что может проснуться, и все станет как прежде. Мужчина вернулся в дом и натолкнулся на Марину. Она увидела, как он пересек порог, и теперь уставилась на его босые ступни.

– Что-то случилось? – спросила женщина.

Раньше она очень нравилась Виктору такая – полусонная и полуобнаженная, с взъерошенными волосами. Но теперь все иначе.

– Нет. Ничего не случилось. Все в порядке. Ты сегодня на работу?

– Да, как обычно. Сегодня четверг. А у тебя какие планы?

– Пока еще не думал об этом.

– Долго вчера сидели? Я уже спала, когда Роберт ушел.

- Позвони, узнай у него.
- Не хочу я ему звонить.

Виктору сейчас даже казалось, что он, пожалуй, был бы рад связи жены и соседа. Тогда будет проще с ней расстаться.

- Нет, он скоро ушел.
- Понятно.

Марина так и не придумала, как продолжить неуклюжий разговор, и поэтому после неловкой заминки каждый отправился по своим делам.

– Ты больше не владеешь мной, – произнес вполголоса Виктор перед тем, как закрыть за собой дверь в кабинет. Он не знал точно, услышит ли она.

- Прости, ты что-то сказал?
- Говорю: какой хороший день. Желаю тебе тоже им насладиться.

Хозяин дома взял книгу и притулился на диване, но Морфей стал наештыпать ему заколдованные истории, от которых отяжелели веки. Он и не думал сопротивляться – положил Хемингуэя прямо на пол, укутался в одеяло и уснул.

Разлепив глаза, Виктор обнаружил долгожданное сообщение из муниципалитета. Что ж, впредь всякий раз придется тратить время и нервы на то, чтобы, например, подтвердить личность, что-то оплатить или записаться куда-нибудь на прием. Впрочем, жребий брошен и дороги назад нет. Исполнилась его мечта – жалеть не о чем.

Марина оставила на холодильнике записку о том, что она приготовила для мужа завтрак. Виктор неодобрительно покачал головой, но это не помешало ему в два счета расправиться с фруктовым салатом.

*

Уже знакомая по предыдущему разу сотрудница встретила Виктора теми же заученными наизусть фразами:

– Здравствуйте! Приложите, пожалуйста, ваш браслет к идентификатору... Спасибо. Чем я могу помочь?

- Добрый день. Мне пришло уведомление о том, что можно снять браслет.
- Минуту. Да, в системе действительно имеется подобная информация.
- Что ж, давайте сделаем это прямо сейчас.
- Вы ознакомились с регуляциями?
- Ознакомился.
- Вы осознаете последствия данного действия?
- Конечно. Осознаю.

– Если в будущем вы захотите вновь обзавестись браслетом или чипом, знайте, что с этим не будет никаких сложностей. Вам всего лишь нужно будет заполнить и отправить нам заявление соответствующей формы. Вся процедура займет не больше суток.

Робот-помощник проводил Виктора в кабинет специалиста. Молодой человек лет двадцати пяти подключился к браслету и молча приступил к работе. Выпускник философского факультета смотрел куда угодно, но только не на свое запястье – будто бы ему делали болезненный укол, на который и глядеть-то страшно.

- Почему вы это делаете? – неожиданно спросил специалист, не отрываясь от компьютера.
- Хочу свободы.
- А вы думаете, что без браслета станете свободным?
- Полагаю, что это буквально последнее препятствие перед свободой.

Вскоре все было готово.

- Я как священник, отпускающий грехи, – произнес специалист.
- Отпустите мои грехи, святой отец.

– Отпускаю. Идите и больше не грешите. Но перед этим подпишите здесь. На каждой странице, пожалуйста.

Виктор прочитал документ и не мешкая сделал что требовалось. Робот снял с его руки браслет и поместил в пластиковый контейнер.

– Много людей приходит, чтобы стать свободными?

– Все приходят, чтобы стать свободными. Никто не думает, что становится рабом.

Вольноотпущенник заехал в магазин и купил себе телефон, с зависимости от которого, по-видимому, и начинается свобода.

– Знаешь, как именно я звоню тебе? В жизни не угадаешь.

– И *как* же ты мне звонишь, сосед?

– С телефона.

– Серьезно? Так ты снял его! – восхитился Роберт.

– Да. Я же говорил, что сниму.

– И что ты чувствуешь?

– Пока не до конца разобрался, но все в порядке. Ты разузнал?

– Да. Все еще хочешь? Не передумал?

– Я же говорил, что готов. А если я что-то сказал, то так тому и быть.

– Ладно-ладно, полегче, мистер «я же говорил». У нас, кстати, возникла проблемка.

– Какая еще проблемка? – сухо переспросил Виктор.

– Точнее, у меня проблемка, а не у нас. Туда нельзя ехать с браслетами и чипами.

– Почему это?

– Говорят, что чип или браслет могут быть с контролем здоровья, а значит, если кто-то получает серьезные травмы, то на место сразу же выедут скорая помощь и полиция.

– Ты можешь сказать, что у тебя нет такой настройки.

– Сказать, сосед, я, конечно, могу, но у них правило такое. Тем более у меня на чипе и вправду есть контроль здоровья. Им не нужны проблемы с полицией. Согласись, сложно их в этом обвинять.

– Ясно.

– Что теперь? Ты поедешь один?

– Пришли мне локацию.

– Ты, конечно, бес. Очень круто. Завидую.

Виктор ничего не ответил, и на этом разговор окончился. Виктор признался себе, что немного напряжен. Что ждет его там? Однако уверенность вернулась очень скоро – он легко отогнал тревожные мысли. Роберт прислал местоположение бойцовского клуба и написал, что встречи проходят каждую пятницу в шесть часов вечера. «Значит, завтра в шесть», – пробормотал Виктор и позвонил Алисе. Он поведал ей историю о своем освобождении и спросил, когда они смогут увидеться. Она ответила, что в этот и на следующий день очень занята и, к сожалению, не сумеет вырваться; заверила, что ничего плохого не случилось, и обещала рассказать обо всем при встрече – например, в субботу.

– Конечно. Никаких проблем. В субботу – это очень хорошо, – согласился Виктор и поехал домой.

В спальне стояло большое, выше человеческого роста, зеркало. Он разделся по пояс и посмотрел на свой голый торс. Выпускник философского факультета был очень худ, но сейчас ему казалось, что в целом он неплохо сложен. Виктор с трудом сделал четыре отжимания и два коротких подхода скручиваний на пресс. После чего вновь подошел к зеркалу, принял боевую стойку и стал боксировать против воображаемого противника, а, отправив того в нокаут, победно вскинул руки.

Больше двадцати лет прошло со дня, когда он дрался в последний раз. Такое не забывают: он учился в пятом классе – ему сломали очки, и он получил сотрясение мозга, когда еще через пару секунд ударился головой об стену. Таким вот позорным образом, едва начавшись, завершилась

бойцовская карьера будущего преподавателя. Но теперь все по-другому. Виктор уже не тот одиннадцатилетний или двенадцатилетний сопляк.

На том месте, где раньше красовался браслет, кожа была более светлой. Виктор время от времени поглядывал на эту полоску – теперь у него есть татуировка, которая символизирует новую жизнь. Завтра – поединок, а послезавтра – самая прекрасная на свете женщина. Затем нужно будет положить конец отношениям с Мариной и найти работу. Он просто обязан наконец-то чем-то заняться – чем-то достойным, а не просто для того, чтобы убивать время.

Вечером Виктор повторил короткую тренировку, а перед сном решил пройти по местам боевой славы – роща, пруд. Он раз за разом представлял поверженного противника, что лежит в луже крови и просит пощады. Мужчина включил на телефоне фонарик и без труда отыскал клен со своим именем. Возле пруда он долго наблюдал за чуть дрожащей от ветра поверхностью воды. Виктор нащупал на земле камушек и швырнул его. Он ничего не увидел, но услышал характерный плеск и, закрыв глаза, вообразил, как в нескольких шагах от него пошли круги по воде. «Какие же мы странные существа», – подумалось ему. Тогда он вспомнил о главных мифологических героях, что окружали его – Алиса, Марина, Роберт, отец. В те минуты Виктор почти не испытывал эмоций: он словно исследователь внимательно разглядывал панораму своей жизни, пытаясь ухватиться взглядом за каждую мелочь.

После долгой прогулки Виктор быстро уснул, и снились ему приятные сны, где он был всемогущим римским императором, который сидел на троне из обнаженных женщин, и тепло их тел согревало его.

*

Утром Виктор спохватился, что у него нет спортивной одежды. На кухне Марина доедала хлопья с молоком, и мужчина поинтересовался, чем можно позавтракать.

- Могу приготовить яичницу.
- Нет, это долго. Я тороплюсь.
- Что-то случилось?
- Нет, ничего особенного.

Хозяин дома помыл яблоко и, зажав его в зубах, надел и зашнуровал ботинки. Поездка в спортивный магазин и дорога обратно заняли всего час. С быстротой молнии он нашел все, что искал: кроссовки, шорты, футболку, капу и даже шлем. Теперь можно было спокойно ожидать вечера, но спокойно у Виктора никак не получалось. Он то и дело ходил взад-вперед, открывал и закрывал холодильник, снова и снова перечитывал одну и ту же страницу в случайной книге. Решимость не покидала чемпиона, ему всего лишь хотелось поскорее оказаться на ринге и сокрушить того несчастного, который осмелится выйти против него. В полдень Виктор заказал пиццу с ананасами и, наконец, в половину шестого торжественным шагом прошел к автомобилю. После вчерашних упражнений ужасно болел пресс. Марина никогда не видела мужа в шортах и со спортивной сумкой – она лишь удивленно проводила его взглядом.

Виктор припарковался возле ничем не примечательного одноэтажного дома рядом с другими автомобилями. Он прислушался и понял, что разногласия доносятся не из основного здания, а из большой пристройки. Незапертая дверь приглашала войти, и Виктор отворил ее. Внутри он увидел три десятка мужчин разных возрастов. Как в старых фильмах про американский Дикий запад, все вылипились на него так, будто он странник, что оказался в салуне незнакомого города. Через секунду-другую присутствующие потеряли интерес к новичку и продолжили заниматься своими делами – кто-то говорил, кто-то курил, кто-то прохаживался, положив руки в карманы. В помещении были высокие потолки и хорошее освещение. Где-то в углу стоял холодильник с пивом.

Это собрание Виктор представлял себе совсем иначе. Он единственный явился в шортах, все остальные – в спортивных брюках или джинсах. Если новичок вытащит из сумки шлем, то, учи-

тывая обстановку, станет полным посмешищем. Он сильно смутился, но взял себя в руки и подошел к одному из незнакомцев.

- Привет. Я тут впервые.
- Здорово. От кого?
- От Роберта.
- Кто такой Роберт?
- Мой сосед. Это он звонил. Сам не смог прийти.
- Сосед, значит. Иди вон к тому мужику.
- Спасибо.

За столиком сидел массивный человек лет сорока с бритой головой и цветной татуировкой на предплечье в виде чрезвычайно зазорной проститутки. Он оглядел Виктора с головы до ног.

- От кого?
- От Роберта. Он разговаривал с кем-то из вас, но не смог прийти.
- Да, со мной говорил. Так... Ты в первый раз тут, значит, первый бой – твой.
- Первый бой?
- Да. На голых кулаках. По яйцам не бить. Других правил нет. Длится три минуты, потом все... Есть еще новенькие? – закричал мужчина с бритой головой, но никто не откликнулся.
- Других новеньких нет. Теперь надо прикинуть, кто же тебя не убьет.
- А вдруг я кого-то убью? – процедил Виктор, опершись о стол ладонями.
- Даже так. Что, хочешь сам выбрать?
- Не хочу. Я готов драться с любым.
- Как скажешь. Но вот смотрю я на тебя, братец, и не пойму, зачем это тебе вообще надо.
- Ты не знаешь меня.

Против новичка вызвался молодой парень лет двадцати двух по прозвищу Молоток – невысокий, но атлетичный, с широкой спиной. Виктор почти на голову был выше, но на этом его преимущества заканчивались. Обычно в уличной драке достаточно посмотреть друг другу в глаза, и обоим становится ясно, кто выйдет победителем, но уверенный в своих силах Виктор позабыл дома и чутье, и здравомыслие. Сейчас он проучит здесь каждого – за дерзость и за то, что недооценили его.

Бой отшумел, едва начавшись. Молоток резко пошел на сближение и ударил Виктора правым кулаком в живот. Когда тот от боли наклонился вперед, то последовал сокрушительный удар той же рукой в скулу. «Двоечка!» – радостно закричал кто-то в толпе. Затем Молоток издевательски толкнул соперника ногой, и выпускник философского факультета упал. Виктор попытался встать, но сразу же пропустил еще одну атаку в подбородок. Когда он стал приходить в себя, возле него бурно обсуждали поединок и смеялись.

*

Виктор осознал, что не в состоянии водить, и включил автопилот. Голова ужасно гудела, его подташнивало, а до скулы было невозможно дотронуться. Капа, которую в отличие от шлема он все-таки в последний момент надел, возможно, спасла несколько зубов. Поначалу Виктор разозлился на себя оттого, что не справился, но мысль о синяке, который вскоре раскрасит лицо, подняла настроение. Из-за чего, собственно, расстраиваться? Обидно только, что ему так и не удалось хотя бы разок ударить. Впрочем, даже это не важно. Он сделал то, чего еще не делал никогда. Он – настоящий мужчина: он преодолел свои страхи, обрел уверенность, принял бой. А победил или проиграл – какая разница? Это всего лишь результат тренировок. Кто-то тренируется больше, кто-то меньше, а кто-то вообще не тренируется, а книжки читает. Зато что скажет Алиса, когда увидит его! Станет расспрашивать, а он будет уходить от ответа, но в конце концов поделится с ней приукрашенной правдой. Да, ради такого не грех побывать в нокауте!

Когда Виктор с трудом втащил себя в дом, скула уже успела опухнуть и покраснеть.

– Что с тобой?! – воскликнула Марина.

Она бросилась к мужу и невольно схватила его за плечи, чтобы получше рассмотреть травму. Виктор ничего не отвечал и, покачиваясь, глядел на ее испуганное лицо.

– Ты хотя бы лед приложил?

– Пустяки...

Марина побежала на кухню, а Виктор, стараясь не шевелить головой, зашаркал кабинет, где плавно прилег на диван и закрыл глаза. Жена будто на цыпочках возвратилась и без предупреждения приложила завернутый в полотенце кусок льда к скуле пострадавшего. Виктор дернулся от неожиданности, но через секунду положил голову обратно на подушку.

– Где твой браслет?

– Его больше нет.

– В каком смысле?

– Я от него отказался.

– Ясно. С кем ты подрался?

– Марина, откуда столько вопросов? У меня голова раскалывается.

– Я очень переживаю за тебя.

– Не стоит. У меня все в порядке.

– А у нас? – спросила женщина без вызова.

– И у нас все в порядке. Только теперь это не мы. А я и ты.

– Не понимаю. Как мы дошли до этого?

– Не знаю как, но шли мы долго. Ладно... Марина, наверно, сейчас не лучшее время... но раз мы уже разговариваем, то я скажу. У меня другая женщина. Я не про робота. Женщина. Настоящая.

Она внимательно выслушала все до последнего слова, и Виктор никак не мог разгадать эмоции на ее окаменевшем лице. Марина неожиданно взяла его ладонь, и Виктор уже приготовился к слезам и мольбам, но вместо этого женщина положила руку мужа на полотенце со льдом.

– Держи сам, – спокойно произнесла она. – Мне просто жаль, что однажды твои воздушные замки рухнут. И поверь, я не говорю это, чтобы задеть тебя.

– Завтра я уеду.

– Делай что хочешь.

Марина закрыла за собой дверь. Все было кончено, но Виктор не так представлял себе их расставание. Сейчас он не чувствовал счастья, не чувствовал свободы.

*

Когда хозяин дома очнулся, то первым делом посмотрелся в зеркало. Лицо выглядело уставшим и одутловатым, а синяк стал темно-фиолетовым. Болела челюсть. На телефон пришло сообщение о том, что Марина направила в суд иск о порче имущества из-за покалеченного Давида. Виктору это было неинтересно, и он даже не дочитал до конца. Его ждет встреча с Алисой – вот что важно. А травма между тем оказалась еще более впечатляющей, чем он рассчитывал.

Позвонил Роберт. Виктор никак не мог привыкнуть к телефону – приходилось соглашаться с тем, что браслет в самом деле намного удобнее.

– Привет, сосед! Ну как все вчера прошло?

– Все прошло хорошо. Жаль, тебя там не было.

– Дрался с кем-нибудь?

– Да.

– Вполне себе! Ну, и как? Рассказывай!

– Я несколько раз удачно врезал ему, но в итоге проиграл.

– Как ощущения?

– Много адреналина. Чувствую себя мужчиной: я не струсил пойти, сдержал слово. А у тебя как ощущения?

- Ей-богу, жалею, что у меня не получилось. Я бы посмотрел на твой бой. Пойдешь еще?
- Еще не думал.
- Слушай, сосед, ты ведь не обижаешься, что я не смог прийти?
- С чего это?

Виктор сильно разочаровался в Роберте и не понимал, как и о чем с ним теперь разговаривать. Немного спустя позвонила Алиса, и они договорились встретиться в кафе.

Влюбленный приехал гораздо раньше условленного времени. Он дождался, пока освободится столик, который показался ему наилучшим, и пересел. Еще целых полчаса нужно было чем-то себя занимать, и тогда Виктор принялся внимательно исследовать сначала узоры на скатерти, затем – интерьер. Вдруг он осознал, что с самого утра ничего не ел, и попросил меню. Посетитель уточнил у официанта, какое блюдо не нужно долго ждать, и ему предложили на выбор несколько вариантов. Не прошло и четверти часа, как греческий салат улыбнулся голодному человеку. Виктор хладнокровно расправился с едой, и как только стол привели в порядок, наконец появилась Алиса. Мужчина встал, поцеловал свою женщину и по-старомодному отодвинул для нее стул.

- Милый, что с твоим лицом?
- Пустяки.
- Пустяки на пол-лица?
- Алиса, это всего лишь синяк.
- Прошу тебя, расскажи.
- Ладно. Я теперь в мужском бойцовском клубе.
- В смысле? А это законно?
- Нет, конечно же, незаконно. Но там отличные парни. Мы хорошо проводим время.

Вместо приступа восхищения у Алисы на мгновение будто бы потух взгляд, а потом она поспешно встала и со словами «мне нужно идти» устремила к выходу. Виктор вскочил со своего места, схватил ее за руку.

- Поймай! Что случилось?
- Ничего. Мне срочно нужно идти. Я позвоню тебе через пятнадцать минут. Хорошо?
- Да что же ты будешь делать! Это из-за синяка?
- Прошу тебя. Отпусти. Я скоро вернусь.
- Скоро вернешься?
- Да. Я позвоню.
- Надеюсь, ты мне все объяснишь. Я буду ждать здесь.

Женщина ничего не ответила, выскользнула из заведения и куда-то умчалась на своем автомобиле. Виктор был в замешательстве, ничего не мог понять. Он попытался восстановить в памяти каждую деталь беседы, но очень скоро совсем извел себя. Пятнадцать минут длились целую бесконечность, но едва они истекли, Алиса и вправду позвонила – она пообещала вернуться через час.

*

Виктор несколько раз выходил на свежий воздух и снова возвращался в кафе. Час почти истек, и влюбленный, беспомощно скрестив руки на груди, все пытался понять, *что* произошло, *что* он сделал не так. Неужели одна история с бойцовским клубом и синяком под глазом разрушит все, что он создал? Роберт тогда сказал, что его клад может раствориться в воздухе, а Марина говорила о воздушных замках. Как будто все всё знали. Как будто он проклят и судьба издевается над ним – она на миг показала счастье только лишь для того, чтобы затем отобрать.

Рядом с Виктором остановился очень дорогой автомобиль, из которого вынырнул гладко выбритый мужчина в сером костюме. На его подбородке, будто дыра, зияла большая черная ро-

динка. Чуть оттопыренные уши тотчас же выдавали в нем человека. Незнакомец подошел и поздоровался.

– Я представитель компании Красная Башня. Мы хотели бы пригласить вас к нам в гости для того, чтобы обсудить один очень важный вопрос. Вы когда-нибудь бывали в главном офисе нашей компании? Уверен, вам будет любопытно.

– Полагаю, это ошибка.

– Нет, мы не ошиблись. Вас зовут Виктор. Вы преподаватель философии.

– Что ж. Если это по поводу суда, то у меня для таких дел есть юрист. Обращайтесь к нему. Нам совершенно не о чем разговаривать.

– Мы знаем по поводу иска, но я вас уверяю, нам нет до этого дела. Это текучка, мелочь. Всего лишь ваши имущественные споры с супругой.

– А что же тогда?

– Виктор, очень прошу вас поехать со мной. Я не хотел бы начинать обсуждение столь деликатного вопроса на улице. На самом деле, я и не уполномочен обсуждать его по существу. И не только не уполномочен, но также не владею полной информацией.

– Я жду человека. Не могу никуда ехать. Приходите завтра.

– Дело в том, что этот человек не придет. Алиса не придет.

– Что это значит? Откуда вы это вообще знаете?

– Считайте, что это она попросила меня к вам приехать.

Виктор ничего не ответил, вытащил из кармана телефон и позвонил возлюбленной. Та спокойным голосом подтвердила слова человека с родинкой и теперь уже сама попросила о том же. Ее тон подсказывал, что она не станет вдаваться в подробности по телефону. Ради того, чтобы узнать правду, Виктор готов был поехать куда угодно и с кем угодно.

– Я увижу там тебя? – спросил он.

– Я не знаю. Это не от меня зависит, – ответила она.

Выпускник философского факультета молча сел в автомобиль, а представитель компании захлопнул за ним дверь и сел в машину с другой стороны. Человек с родинкой велел автопилоту ехать в центральный офис, и городской пейзаж за безучастным окном зашевелился.

В кабинете, куда Виктора пригласили войти, уже ожидал мужчина в возрасте, который, очевидно, занимал в компании высокую должность. Гостю предложили на выбор чай или кофе, но тот отказался.

– Я вас слушаю. Что вы хотели мне сказать? – парировал Виктор приветственные любезности.

– Конечно-конечно. Виктор, вы хорошо знаете нашу компанию, так сказать – дружите с ней. Мы вообще широко известны, и это, пожалуй, сложно не заметить. Недавно вы даже приобрели у нас кое-что, некий продукт. Жаль, конечно, что вы не имели возможности вдоволь насладиться этой восхитительной... возможностью. Мы оба с вами знаем, что в этом не было вины Красной Башни. Правда? Итак, Виктор, вам хорошо известно, чем мы занимаемся. Мы – одни из ведущих производителей роботов, но давайте копнем чуть глубже. На самом деле Красная Башня развивает огромное количество направлений, так или иначе связанных с искусственным интеллектом. Громадные средства вкладываются в новые исследования. Поскольку, Виктор, наша конечная цель – это максимальный комфорт клиентов, то краеугольным камнем политики Красной Башни является идея развития. Ведь мы должны успевать улучшаться и быть на шаг впереди конкурентов, потому что вкусы и потребности наших клиентов также меняются, улучшаются.

– Давайте ближе к делу.

– Конечно-конечно. Так вот, Виктор, прямо сейчас мы тестируем нашу новейшую разработку. И это все, по правде сказать, достаточно сложно. Буду с вами откровенен. Очень откровенен. Кто-то может назвать подобное тестирование не совсем уместающимся в рамках правового поля. Даже более того – совсем не уместающимся. Прошу вас, Виктор, учтите, что вы сейчас допущены, не побоюсь так выразиться, в информационную святая святых Красной Башни...

– Или вы прямо сейчас мне говорите, какое ко мне и к Алисе имеет отношение ваша компания, или я выйду вон в ту дверь.

Ближе к концу своей речи голос и губы Виктора чуть задрожали. Он нервно сглотнул.

– Я, по правде сказать, хотел сделать это максимально безболезненно.

Гость встал со своего места и быстрыми шагами направился к выходу, но то, что он вдруг услышал, сразило его, будто точно выпущенная стрела.

– Алиса – робот.

Виктор встал как вкопанный, горя желанием броситься с разбегу в окно в нескольких шагах справа. Он уже отчетливо представлял себе, как разбивается стекло, как он летит вниз с двадцатье какого-то этажа, как никто, кроме отца, не сожалеет о его смерти.

– Виктор, прошу вас, сядьте. Вы уже услышали самую плохую новость. Прошу вас. Позвольте мне все объяснить. Я уверяю вас... Я действительно верю в то, что, когда мы закончим беседу, вы, учитывая ваш интеллект, сумеете взглянуть на ситуацию под совершенно другим углом. Прошу вас, Виктор. Не делайте глупостей. Мы взрослые люди, давайте разговаривать. Прошу.

Гость повиновался. С этой минуты он сам не заметил, как сильно стал сутулиться – не было никаких сил держаться прямо. Будто ему хребет переломали.

– Как уполномоченный представитель компании, я хочу официально сообщить вам, Виктор, что мы готовы возместить причиненный ущерб в таком размере, который сможет максимально... как бы это сказать... который хоть в какой-то степени смог бы восстановить ощущение попранной справедливости. По нашей вине произошло вторжение в ваше личное пространство. Мы это признаем. И, конечно, никакие деньги не могут полностью сгладить произошедшее. Тем более, что вы и сам человек не бедный. Но мы уже находимся, так сказать, внутри создавшейся ситуации, и теперь Красная Башня пытается сделать все, что от нее зависит, чтобы исправить ее в той степени, в какой это только возможно. Понимаете, о чем я? Забудьте об иске, который выдвинула против вас жена. Мы все уладим. Мы также готовы предоставить вам нового робота любой модели с пожизненной гарантией и правом бесплатной замены. Кроме того, мы готовы дать вам прямую денежную компенсацию. Виктор, я уверен, что мы обо всем сможем договориться. Такая мощная корпорация, как Красная Башня, может стать вашим другом, союзником. Представьте себе, какие выгоды на протяжении всей своей жизни вы, Виктор, можете иметь из этого. Я оставляю свои контакты, чтобы по любым вопросам вы могли свободно и напрямую звонить мне.

Виктор отрешенно кивнул головой. Его собеседник очень старался и продолжил свой монолог:

– Но есть один очень важный нюанс. У нас только что завершилось экстренное совещание совета директоров, и они уполномочили меня проговорить с вами все это. Красная Башня готова на действительно большие шаги вам навстречу. Поверьте мне. Я давно здесь работаю. И никогда не видел подобного. Но совет кое-что беспокоит. Думаю, вы понимаете, о чем речь. Вся эта история, Виктор, должна, так сказать, остаться между нами, то есть – между вами и корпорацией. Даже ваш отец, с которым вы, насколько нам известно, так близки, и который является очень уважаемым человеком в нашей стране, не должен знать об этом. Прошу вас, поймите правильно то, что я сейчас скажу... Вы ведь осознаете, что у такой мощной организации, как Красная Башня, есть множество возможностей, как решать проблемы, но в вашем случае директора единогласно решили сотрудничать. И они, поверьте мне, искренни в этом желании. Мы с вами подпишем специальный документ, который гарантирует...

– Расскажите, как все это произошло.

– Простите, что именно вы хотите знать?

– Все это. Вся эта моя история с Алисой. Расскажите честно. Я хочу все знать. Тогда я пожалею вас. Или как вы там это называете... пойду вам навстречу. Откровенность за откровенность.

– Конечно-конечно. Я вас понял. И я на самом деле очень рад, что вы спросили. Я рад, что мы разговариваем, Виктор. Дело в том, что Алиса не просто робот, а робот совершенно уникальный. Ее интеллект несопоставим с интеллектом какого-либо из других роботов, производимых нами.

Она невероятно тонкий психолог. Она способна распознавать устремления и предугадывать желания, а также корректировать свое поведение в соответствии с результатами той аналитической работы, которую она ведет день и ночь.

– То есть вся моя история была тестированием.

– Пожалуй, и к сожалению, мы можем использовать здесь это слово.

– И вы отсюда, полагаю, видели ее глазами, слушали ее ушами. Да? Все наши с ней разговоры, наш секс. Вы же следили, раз это было тестированием.

Представитель компании сжал губы в кающуюся дугу и кивнул.

– Теперь вы до конца понимаете, Виктор, насколько это деликатная для нас ситуация. Во время совещания было принято решение немедленно остановить тестирование программы. Все роботы отозваны. Мы не хотим, чтобы другие пострадали так, как пострадали вы, Виктор.

– Деликатная ситуация. Все роботы отозваны. Ясно. И по какой же причине? Что же такого случилось, что пришлось их отозвать?

– Дело в том, что вы посетили место, которое называете бойцовским клубом, фактически из-за Алисы. Она подтолкнула вас к этому. Вы сделали это, чтобы произвести на нее впечатление. И вы получили травмы. Понимаете? Вы нарушили закон, когда пошли туда, а кроме того, причинен вред вашему здоровью. Правительство, активисты, религиозные организации, пресса, конкуренты. Если о том, что все это произошло из-за нашего тестирования, станет известно, нас просто уничтожат.

– Уничтожат? Как вы уничтожили меня?

– Прошу вас, Виктор. Вы умный и волевой человек. Скажите лучше, что мы можем сделать для вас?

– Умный и волевой? Не изображайте из себя Алису. Достаточно. Скажите правду: вы же так сильно не хотите, чтобы я сейчас выбросился в это окно, да?

– Еще раз: прошу вас. Не говорите так. Я понимаю, вы сейчас на эмоциях. Компания признает свою ошибку...

Виктор встал с кресла и медленно приблизился к окну. Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус? Что там прячется за стеклом?

*

Накануне Виктор заявил Марине, что уедет, но, когда вернулся домой, обнаружил, что она сама собрала вещи и исчезла. Позвонила Анна и с грустью сказала, что мама запрещает ей продолжать занятия. Он что-то безвольно пробормотал в ответ и отключил разговор. Виктор почувствовал себя тем, кому суждено умереть в одиночестве, вдали ото всех.

Он вытащил давно купленную и ни разу не использованную садовую лопату и поплелся в рошу. Выпускник философского факультета воткнул инструмент в то самое место, где за две с половиной тысячи лет до того разжигал костер. Все болело, но Виктор ни на минуту не останавливался и в конце концов выкопал длинную и узкую яму в форме прямоугольника – не очень глубокую, но этой глубины должно быть достаточно. Он прислонил черенок к дереву и равнодушно оглядел свою могилу. Потом мужчина лег в нее, и тогда оказалось, что он рассчитал неверно: голова и плечи остались торчать снаружи. Поначалу Виктор вознамерился докопать недостающий отрезок, но потом передумал – у него закончились силы. Лежать там было мерзко, но он не шевелился – сомкнул глаза и пытался, как мертвец, ни о чем не думать. «Вот такая она – смерть. Лежишь вечность и ни одной мысли».

Стало темно. Тело совсем продрогло, а шея ужасно затекла. Зазвонил телефон, и Виктор, не вставая, вытащил его из кармана. Он не мог не ответить – это был отец.

– Привет, сынок.

– Привет, папа.

– Мне Марина звонила.

- Ясно.
- Сказала, что вы разводитесь, а я должен позаботиться о тебе. Как ты? Где ты сейчас?
- Ох, папа. Лучше тебе не знать, как я и где я.
- Там безопасно?
- Там, где я сейчас, человеку ничто не может угрожать. Не беспокойся.
- Понятно. Не говори, раз не хочешь. Слушай, сынок. Приезжай завтра. Посидим, поговорим. Я бы сам приехал, но у меня тут встречи назначены. Их сложно отменить. Извини меня за это. Но вообще мне кажется, что тебе в любом случае полезно сменить обстановку.
- Хорошо, папа. Я приеду.
- Давай, сынок. Береги себя. Завтра поговорим. Обнимаю.

*

Виктор побрел обратно лишь после того, как от холода пальцы на руках почти перестали слушаться. Хоть спальня и опустела, он по старой памяти пошел спать в кабинет. Хозяин дома не стал снимать одежду; он кое-как сбросил на пол ботинки, укрылся одеялом и, зажмурившись, попытался согреть свое измученное тело. Виктор не заметил, как уснул. Проспал он очень долго, а поздним утром почувствовал, что в горле першит, тело ноет, а избитое лицо болит. В таком состоянии, конечно, невозможно приготовить завтрак, и побитый жизнью человек заказал маленькую пиццу на тонком тесте, после чего заглянул в интернет, чтобы отправить в муниципалитет запросы для поездки в столицу. Как же легко и быстро все выходило, когда у него был браслет! Возможно, в ближайшее время есть смысл вновь отяжелить запястье или даже всерьез поразмышлять над чипированием. Почему бы и нет, в конце-то концов?

Минут через двадцать пять Виктор обернулся в одеяло и, едва переставляя ноги, начал шататься по дому с треугольным куском пиццы в ладони. Выяснилось, что в месте, где он так долго жил, есть много предметов, которые раньше ускользали от внимания: здесь декоративный изгиб стены, там фотография, тут необычная ваза. Из-за развода коттедж, может быть, придется продать, ведь пятьдесят процентов принадлежат Марине, и непонятно, как она решит ими распорядиться. Впрочем, он обязательно попытается выкупить ее половину – будет жаль уехать из уютного жилища, к которому привык.

Разрешения пришли лишь к вечеру, и Виктор тотчас же помчался на вокзал. Он забронировал купе для путешественников в одиночку. Со скоростью пятьсот километров в час поезд в два счета доберется до места назначения, а таблетка поможет ослабить боль в горле. Зеркальце на стенке показывало, что синяк на скуле изменился – стал разноцветным, с коричнево-зеленой обводкой.

Отец ожидал на перроне, и внутри этого человека по-прежнему хранился тот тихий и мягкий голос, который всегда так успокаивал и который так хотелось снова услышать вживую. Они крепко обнялись. Водитель поинтересовался, нет ли у Виктора вещей, и получил отрицательный ответ.

– Папа, зачем тебе шофер? Какой же ты старомодный.

– Так полагается по должности. Ты всякий раз удивляешься. Ну, ничего. Видишь, он тебе уже и настроение поднял. Ты вот с бородой приехал. А это намного удивительнее. Раньше ты любил бриться.

– Да, это правда. Куда мы?

– Увидишь. Тебе понравится. Сильно устал?

– Нет. Я в порядке.

В машине разговор отца и сына не клеился, и тогда оба негласно условились ехать в тишине. Слишком важные вещи предстояло обсудить, чтобы говорить о них в такой мимолевой обстановке. И вот двое сидят в ресторане «Диоген». Весь интерьер, одежда официантов и управляющих воссоздавали быт Древней Греции. Каждый столик был помещен в большую бочку с обрезанными стенками. Виктор улыбался. Ему стало так легко, будто он прекратил дышать вхолостую, и

кислород наконец-то проник в легкие. Сын воскресил в памяти детство, когда отец брал его за руку, и они вместе исследовали мир вокруг.

– Я знал, что тебе понравится.

– Да, это все совершенно удивительно. Смотри! Одежда вон той официантки. Вон той. Видишь? Называется пеплос. А вот это мои любимые колонны – ионические, с завитками на капителях...

– Как ты, сынок?

– Какие сложные вопросы ты мне задаешь.

– А что мне остается, сынок?

– Что она тебе сказала?

– Мы недолго говорили. Сказала, что ты стал другим человеком, что вы разводитесь и что тебе нужна помощь. Я не стал ее расспрашивать. Хотел сначала тебя увидеть.

– Ясно.

– Сынок, вот посмотри на меня. Я твой отец. Понимаю, мои вопросы могут ранить, могут быть неприятны. Но как не спрашивать? И кроме того, кто еще задаст их, если не я? А задавать нужно. Ты и сам знаешь. Твой любимый Сократ только и делал, что приставал к людям с вопросами.

Виктор глубоко вздохнул.

– Да, папа, все в порядке. Не объясняй. Полагаю, мне и правда нужно с тобой поговорить.

– Я не хотел так сразу начинать, но вот оказывается, что по-другому не получается... Что с твоим лицом?

– Подрался. Точнее, не просто подрался. В одном клубе организовали бой. Ну как... бой. Меня фактически просто избили.

– Понятно. Но, я так понимаю, это только вершина айсберга.

– Да, папа. Под этой вершиной еще много всего. В основном – дерьма. Да, пожалуй, что так. Моя жизнь – это буквально огромный айсберг из дерьма.

А потом Виктор, ничего не утаив, по порядку рассказал обо всем, что произошло. У него никогда не было секретов от своего старика. Да, в последние годы они мало виделись, но это ничего не изменило. Отец внимательно и не перебивая выслушал до конца.

– Сынок, хочу, чтобы ты знал: я очень хорошо понимаю тебя. Говорю это не просто так. Знай, что я *правда* понимаю все, чем ты поделился. Это не просто слова. Хорошо?

Виктор кивнул.

– Думаешь, можешь помириться с Мариной?

– Могу ли... А хочу ли?

– А хочешь ли?

– Не знаю. Прямо сейчас мне ее не хватает, но еще два дня назад она была для меня пустым местом. Может быть, сейчас момент слабости, поэтому я опять думаю о ней. Не знаю. Но, полагаю, это пройдет через какое-то время.

– Сынок, вам обязательно нужно помириться. Думаю, это еще возможно. Она ведь позвонила мне. Могла и не звонить. Это значит, ей не плевать на тебя. Она умная. Она точно знала, как я отреагирую.

– Да, она умная. В отличие от меня. А если умная, то не вернется.

– Прошу, успокойся. Тебя сейчас завалило всеми этими проблемами. Я понимаю. Я понимаю. Просто поверь мне – тебе нужно с ней помириться. И все образуется. Вот увидишь. Доверься мне.

Сын развалился на стуле и, как ребенок, начал водить пальцем по скатерти. Наконец принесли еду. Оба изрядно проголодались, поэтому ужинали почти в полном безмолвии. Когда-то в таких случаях мама Виктора приговаривала: «Сколько там показывает тишинометр? Сидят, кушают – тише воды, ниже травы! Сразу видно, какие голодные!»

Отец вытер салфеткой рот и еще раз сказал, чтобы сын не переживал. Он сам позвонит Марине и подготовит почву.

– Прошу тебя, не беспокойся. Я не собираюсь мириться с ней вместо тебя. Ты все сделаешь сам. Я просто успокою ее. И еще кое-что... Кстати, будешь десерт?

– Нет... Знаешь, когда-то была надежда, но что-то пошло не так. В четырнадцать я жил в мегаполисе и ездил на другой конец города, чтобы просто подержаться с девочкой за руку, поцеловать ее, а теперь мне обычно бывает лень снять штаны перед сном...

– ...А я вот возьму себе чего-нибудь. Так вот. Еще кое-что. Тебе нужна работа. Согласен?

– Судя по всему, я здесь сегодня послушно принимаю твои советы. Так что не спрашивай меня.

– Умница. Когда-нибудь ты будешь делать все то же самое для своих детей.

– Если они будут.

– Ты ведь знаешь, что это от тебя зависит. В наше время медицина много умеет, пожалуй, даже слишком много. Я специально о детях не заговариваю, чтобы не накалять, но об этом тоже пора думать. Вам ведь скоро квоту сократят?

– Марина говорила, что есть еще два года.

– Не еще два года, а всего два года. Два года – это очень мало, сынок. Конечно, квоту можно выкупить обратно. Мы себе это можем позволить. Но зачем? Дело не только и не столько в деньгах. Подумай об этом. Так вот, по поводу работы. Не хочешь поработать на благо нашей страны?

– Да что же ты будешь делать...

– Я серьезно. Прямо в вашем городе, если переезжать не хочешь. На небольшой должности для начала. Дальше видно будет.

– Я подумаю. Обещаю, что подумаю.

– А из этих ублюдков из Красной Башни нужно выжать по максимуму. Честно тебе скажу, воевать с ними не вижу никакого смысла. Они решили сотрудничать с тобой, и это очень хорошо. А могли просто грохнуть, да так, что комар бы носа не подточил. Видимо, рассчитали, что с тобой проще и дешевле договориться. И мой фактор учли. Встретимся на следующей неделе, я возьму с собой адвоката. Очень толковый парень. Все обсудим. Но они, понятно, не должны знать, что ты рассказал мне.

Виктор поехал обратно на ночном поезде. Отец всегда умел починить сына. Сколько раз простая беседа с ним спасала, вытаскивала из-под воды уже почти захлебнувшегося выпускника философского факультета. Все проблемы вдруг переставали казаться неразрешимыми. Виктор поверил, что все еще может быть хорошо. Он с нежностью вспоминал Марину и с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы позвонить ей.

*

Виктор спрыгнул с дивана и с воплем перевернул рабочий стол; затем ворвался в гостиную, схватил первый попавшийся стул и начал что было сил бить им по стене. Он еще спал, когда позвонила помощница отца: ночью ее руководитель скончался «от внезапной остановки сердца». Виктору стало не хватать воздуха, и он выбежал из дома будто из газовой камеры. Мужчина упал на колени, часто задышал. «Папа, папа», – настойчиво повторял он.

Мысль о том, что у отца, кроме него, нет близких и организовать достойные похороны – его долг, заставила взять себя в руки. Виктор сделал над собой усилие и отодвинул в самый дальний ящик души эмоции и чувства. Он отыскал телефон. На дисплее высветился пропущенный от жены звонок, и Виктор перезвонил. Она плакала и несколько секунд ничего не могла ответить, а потом выдавила из себя, что находится за границей и вылетит первым же рейсом.

– Спасибо тебе, – был ответ.

Голос его звучал холодно, но Марина все понимала: в тысячах километров от дома она слышала, как ее муж кричит внутрь себя.

До сего дня смерть казалась выпускнику философского факультета явлением незатейливым, будничным. Чем-то таким, вокруг чего много разговоров, а на самом деле оно – почти пустяк.

Весь жизненный цикл человека напоминал Виктору железнодорожный вокзал. Люди стоят, общаются, а потом один из них садится в поезд и уезжает. Прибывает другой состав, из которого выходит новенький, приближается к старожилам, заговаривает. Десятилетия спустя людей на перроне меньше не становится, но говорить уже мало с кем интересно. И вот наступает твоя очередь. Глядишь на табло, находишь нужный вагон. Машешь всем рукой и делаешь шаг. А те, кто остались снаружи, уже и не смотрят на тебя, продолжают, как и ты когда-то, трепаться между собой о всякой ерунде, невпопад машут, чтобы обозначить прощание. И вот твой поезд отходит. И ты не знаешь, куда он тебя привезет. Лишь до последнего выглядываешь из окошка с грустью и завистью, чтобы зачем-то получше запомнить знакомые и незнакомые лица.

Смерть виделась трагедией того, кто уезжает – лишь его одного. И даже потеря матери десять лет назад не заставила Виктора переосмыслить это. Но вот в очередной раз оказалось, что не все так, как ему мнилось. Ведь он стал тем, кто вместо того, чтобы остаться на перроне и молоть языком, побежал за поездом, уносящим отца туда, откуда его голос больше не сможет успокаивать.

*

В день похорон было тепло и солнечно. Птицы и ангелы пели свои обычные песни. Белые мохнатые облака лежали на спинах и грели животы. Усопший указал в завещании, что способ погребения должен выбрать его сын. Виктор решил кремировать тело отца и захоронить прах под дубом. Столичная мэрия взяла на себя все расходы. Пришло много людей. Они произносили речи, подходили к сыну покойного и его жене – обнимали, жали руку, хлопали по плечу. Виктор их не слушал и не слышал. Просто стоял, чуть наклонив голову вбок, похожий на высохшую ветку, которую вдохновенный мальчик закрепил в земле, думая, что посадил дерево. В шаге от него стояла Марина. Похороны прошли на следующий же день после смерти, и супруги увиделись только сейчас, во время церемонии: она кивнула, и он кивнул ей в ответ.

Когда у подножия дерева установили плиту с именем, Виктор вытащил тот самый ножик и нацарапал на стволе имя отца. Все в изумлении таращились, но ему было все равно. После этого, ни с кем не прощаясь, двое направились к машине и сели на заднее сиденье. Оба молчали. Женщина попросила, чтобы автопилот отвез их домой. Виктор смотрел вперед и ковырял указательным пальцем брюки. На телефон пришло сообщение, и он нехотя бросил туда взгляд – суд сообщал, что имущественный иск жены против него отозван. И тогда мужчина заплакал так, как не плакал еще никогда в жизни. Поджав ноги, он положил голову на колени жены и громко заревел, а она целовала его в затылок и роняла слезы вместе с ним.

*

На кухне за завтраком они сидели друг напротив друга.

– Как же давно я не ел ничего такого вкусного, – проговорил с полным ртом Виктор.

После похорон супруги добрались до своего жилища только к вечеру. Ничего не кушали, не разговаривали. Просто держались за руки и смотрели какой-то бесконечный фильм про жизнь диких животных в африканской саванне. Они спали как убитые, а когда проснулись, впервые за много месяцев занялись любовью. Виктор попросил жену не одеваться, и она все утро оставалась обнаженной.

– Отец очень хотел, чтобы мы помирились, – признался Виктор.

– Да, он мне тоже сказал об этом, когда я звонила ему.

– Наверно, поэтому мне сейчас легко. Так легко, как будто бы не у меня вчера отец умер. Ничего не могу поверить.

– Ты ведь знаешь: я никогда тебе не изменяла.

– Знаю.

После завтрака муж с женой привели дом в порядок, и Виктор сказал Марине, что хочет немного побыть один. Он долго лежал на диване в кабинете и о чем-то сосредоточенно думал. Потом вдруг схватил телефон и позвонил Роберту, который пропустил несколько гудков, но в конце концов ответил. Голос его звучал то ли испуганно, то ли виновато.

– Виктор, прими мои искренние соболезнования. Я узнал только сегодня из новостей. Сам думал тебе вечером набрать...

- Спасибо. Я бы хотел тебя увидеть.
- Да-да, конечно. Во сколько мне прийти?
- Давай лучше у тебя. Если ты, конечно, не против.
- Конечно нет. Приходи в шесть. Вместе поужинаем.
- Ладно. Договорились.

Перед тем как уйти на встречу, Виктор зашел в ванную комнату и побрил половину лица, оставив с левой стороны усы, и бороду. Синяк под левым глазом даже и не думал заживать. Марина любовалась видом из окна, когда в паре шагов от нее внезапно появился муж. Она в недоумении подняла брови.

– Какого Виктора ты любишь? – спросил мужчина и развел руки в стороны. – С бородой и синяком или гладко выбритого?

Марина взяла его ладони в свои и опустила их вниз.

– Я люблю того, кто прячется за ними обоими. Я люблю тебя.

*

Скандинавский стиль гостиной как нельзя лучше соответствовал юридическому мировоззрению хозяина коттеджа. Два соседа ужинали. Роберт приготовил спагетти с грибным соусом и салат. Он с аппетитом ел и много говорил; встретив гостя у порога, еще раз выразил соболезнования и больше не возвращался к этой теме, да и вообще к событиям последних недель. Виктор все еще не притронулся к еде, но время от времени делал глоток воды из стакана. На очередное «угощайся» или «почему ты не ешь» он лишь поддакивал, как бы уверяя, что угощение никуда не убежит. Роберт говорил о вещах, которые никак не могли заинтересовать собеседника, однако он разглагольствовал о них с воодушевлением, со свойственной ему артистичностью.

- Остынет, сосед!
- Ничего страшного. Я предпочитаю холодное.

– Холодное спагетти? Чудак же ты! Так вот, только представь, что будет, если инициатива получит поддержку! Я тебе как юрист говорю: если роботам дадут права, это станет началом конца человеческой цивилизации. Вот посмотри. Если у робота есть права, если он становится совершенно автономным, и если он умеет потреблять, то зачем правительству мы? Роботы не делают глупостей, роботы не доставляют головной боли, они всегда голосуют за тебя, если ты его так запрограммировал. И так далее. Потрясающе, да?

- Знаешь, я хотел тебя кое-что спросить.
- Да-да, конечно, – Роберт быстрым движением вытер салфеткой рот и наклонился вперед.
- Что же ты, сосед, не шутишь про мое лицо? Как ты умеешь. Сейчас самый удобный момент.

У меня синяк под глазом, наполовину побритое лицо. Ты ведь такого, полагаю, в жизни не видел. В другой раз тебе и повод не нужен, а тут ощущение, что такие странности не замечаешь.

– Ей-богу, не знаю, как ответить. Вообще-то я пытаюсь тебя отвлечь, как-то поддержать. Ну, не хочешь, можем о чем-то другом поговорить. Как сейчас шутить? Помнишь, ты сказал, что у меня нет души. Это неправда, Виктор. Я твой друг. А если и говорить не хочешь... ну, можем съездить куда-нибудь. Да хоть прямо сейчас.

– Нет. Не хочу.

– Про права роботов тебе слушать тоже неинтересно. Но ты ведь сам захотел встретиться. И если не для того, чтобы отвлечься, то зачем?

– А ты знаешь, *отчего* умер мой отец?
– Я прочитал в новостях, что инфаркт. Нет?
– Да, от инфаркта. А знаешь, *отчего* он умер на самом деле?
– Ты же сам только что сказал, что инфаркт.
– Это очень любопытная история. Я тебе ее расскажу, но сначала скажи мне: где ты работаешь?

– Ты же знаешь. В корпорации.
– А как она называется? Эта корпорация. Говори, не бойся.
– Мне нечего бояться. Я работаю в Красной Башне.
– В Красной Башне.
– Да, в Красной Башне.
– Ты ведь все знал, Роберт.

Несколько секунд соседи испытующе смотрели друг другу в глаза, а затем Виктор продолжил:
– Я сегодня лежал на диване в моем кабинете и вспоминал. Полагаю, у меня хорошая память. Все наши разговоры, твои фразы, жесты. Алиса, бойцовский клуб. Ты все знал, ты все подстроил. Снимаю шляпу. Отлично разыграно. Ты знал, что я поведу на Алису. Ты знал, что я обязательно пойду в клуб и меня там отделают. А все зачем? Да низачем. Просто так. Для развлечения.

– Хорошо. Не стану притворяться. Я был в курсе. Но знай: о том, что ты познакомился с Алисой, я узнал совершенно случайно. Я не подстроил это.

– Совершенно случайно узнал о секретной разработке? Ты дал мне адрес того бара.

– Это совпадение. Каждый день она бывала в разных местах. Можешь уточнить в корпорации, если не веришь. Я к этому проекту вообще никакого отношения не имею. А про клуб – да. Мне и правда хотелось тебя проучить. Но это не значит, что я к тебе плохо отношусь. И соболезнования мои искренние.

– Проучить за что?

– За твое высокомерие.

– За мое высокомерие?

– Да, за твое высокомерие. Как это еще назвать? Вспомни, *как* ты себя вел, *как* разговаривал.

– Ты знаешь, *отчего* умер мой отец?

– Да не знаю я, *отчего* он умер!

Впервые за годы общения с Виктором Роберт сорвался.

– Успокойся, сосед. Сейчас я тебе расскажу. Вечером перед той ночью, когда его не стало, мы встретились. Я был совершенно разбит, чувствовал себя полным ничтожеством, но разговор с ним спас меня. Отец очень переживал. А через несколько часов у него случился инфаркт. У моего любимого отца. У моего любимого папы остановилось сердце. А знаешь, почему я встретился с ним в тот день и вывалил все свои проблемы? Потому что у человека напротив меня нет души. Нет души, но он очень любит играть с душами других. Да, Роберт?

– Это произошло, потому что ты конченный идиот! Признайся себе уже! Хватит сваливать свой идиотизм на всех вокруг! Все виноваты, кроме тебя!

В госте в первый и последний раз в жизни проснулись хтонические демоны, и Виктор со всей силы перевернул стол на Роберта. Сразу же после этого обезумевший человек схватил стул и со всей силы стал наносить упавшему удар за ударом. Хозяин дома пытался защитить голову руками, но, когда Виктор отбросил деревянное оружие, лицо Роберта было сильно разбито, текла кровь. Лежащий, прося пощады, поднимал перед собой дрожащую ладонь. Теперь за избиение выпускник философского факультета проведет в тюрьме много лет.

Чип Роберта наспигован всеми возможными функциями, а значит – и скорая помощь, и полиция уже выехали. Виктор выскочил из коттеджа и со всех сил помчался к своему дому. Там он крепко поцеловал ничего не понимающую Марину, сказал, что очень любит ее, и снова побежал – теперь в рошу. Мужчина выдохся и перешел с бега на быстрый шаг, но ни на мгновение не останавливался. Сейчас на нем не было браслета, его сложнее отследить, но тысячи или, возможно,

десятки тысяч камер, что заполонили город, все видят. Так или иначе, они узнают, где он. В горячке Виктор не сумел отыскать место костра, и тогда, чтобы не терять время, устремился к пруду. Маневрируя между деревьями, за ним гнались несколько роботов. Тогда мужчина собрал последние силы и вновь побежал, а оказавшись у берега, прямо в одежде нырнул в воду.

«Пусть вода очистит меня, и я стану другим человеком. Если нужно – другим существом. Пусть это будет последним актом моей совершенной свободы. Пусть вода заберет мою свободу и дарует покой». Виктор знал, что его спасут, поэтому не пытался выплыть самостоятельно. Государство пойдет на все, чтобы наказать преступника – даже на его спасение. Мужчина уходил все глубже под воду, пока руки одного, а потом и второго робота не схватили его. Он ни о чем не переживал.

Подозреваемый, укутанный в теплые одеяла, лежал в одиночной камере, которая была похожа на комнату не самой плохой гостиницы начала века. Лежал он долго, но в конце концов к решетке подошел офицер полиции и сказал то, от чего Виктор на какое-то время перестал дышать.

- Потерпевший умер.
- Как? Не может быть.
- Может.

*

– Что ты наделал? Что ты наделал? – все вопрошала Марина, когда на следующий день ей разрешили посетить мужа.

– Я все исправлю. Обещаю.

– Что ты исправишь? Что?! Какая же я дура... Что ты наделал... Боже, какая же я дура...

– Я не хотел его убивать.

– Какая разница, что ты хотел! Он мертв! Мертв! Ты что – не понимаешь?!

– Я все понимаю. Прошу тебя. Послушай меня. Я хочу, чтобы у нас все было как раньше. И даже лучше. Я хочу детей. Я согласен на искусственное оплодотворение. У нас обязательно будут дети. Сколько детей ты хочешь?

– Какие дети?! О чем ты вообще?!

– Дети. Маленькие и прекрасные дети. Наши с тобой. Даю слово: расскажу все от начала до конца в следующий раз, когда ты придешь. Я тебе все честно расскажу. Расскажу, почему я ударил его. Но я не хотел убивать. Это истина! Посмотри на меня. Прошу, посмотри на меня. Я говорю правду: я не хотел его убивать. В следующий раз я тебе все расскажу, и ты сама решишь, что делать. Даже у приговоренных к смерти есть право на последнее слово. Прошу, дай мне такое право. Хорошо? Если после этого решишь уйти – я приму. И никогда больше не побеспокою тебя. Это ведь справедливо?

Марина молчала, но была согласна. Она думала, что ей больше ничего не остается.

– Мой муж – убийца.

– Прошу, не говори так. Когда тебя пустят ко мне в следующий раз?

– Кажется, через неделю.

– Хорошо. Через неделю я все расскажу, как и обещал. Ко мне должен прийти один человек.

Потом я все расскажу тебе.

Виктор был уверен, что Красная Башня вскоре проведает его, и он не ошибался. В корпорации уже обо всем знали.

*

Для выпускника философского факультета и представителя корпорации отвели отдельную комнату. Запастя одного из собеседников приковали к столу.

– ...А ведь мы пытались вам помочь, Виктор. Красная Башня была готова сделать для вас буквально все. Признаюсь, мы даже следили за вами, чтобы вы не натворили глупостей. Но после того как вы помирились с женой, мы решили, что все в порядке. А теперь дела совсем плохи. Сейчас, к сожалению, вам уже никто не сможет помочь. Приношу соболезнования по поводу смерти вашего отца, но даже если бы он был жив, то ничего не смог бы сделать. Но есть хорошая новость. Мы можем позаботиться о вашей жене. Мы всегда будем рядом, всегда будем помогать ей невидимой рукой. Единственное, мы были бы благодарны, если во время процесса вы будете следовать нашим инструкциям. Это на случай, если речь вдруг пойдет об Алисе... Мы предоставим вам лучшего адвоката. Конечно же, бесплатно. Возможно, он сможет добиться для вас небольшого сокращения срока заключения.

– Ясно. Вы, кажется, не до конца понимаете. Это не только у меня дела совсем плохи. Красная Башня находится в том же положении, что и я. Мы в одной лодке.

– Что вы хотите сказать?

– То, что если вы меня отсюда не вытащите, то на суде я все выложу.

– Не забывайтесь. Вы не можете угрожать корпорации. Никто так не разговаривает с Красной Башней.

– Да? А когда я расскажу свою историю? После этого с Красной Башней тоже никто не сможет так говорить?

– Мы хорошо обращались с вами. Мы пытались и пытаемся помочь вам.

– Вы использовали меня как манекен для краш-теста. Не думал, что это называется хорошим обращением. Так помогите, если хотите.

– Вы не понимаете, что просите! Вы человека убили! Вы вообще знаете, какой сейчас год?

– Я предлагаю вам сделку.

– Вы понимаете, что нам проще сделать так, чтобы вас не стало?

– Да, полагаю, это и правда проще. Но если бы Красная Башня считала это целесообразным, то меня бы уже не было. Смерть убийцы вызовет еще больше внимания, еще более тщательное расследование. Вы это лучше меня знаете. А еще этот убийца – сын только что умершего мэра. Джеппот. Вы боитесь, что всплывет история про Алису и про весь ваш проект. Вот в чем дело. Минуту назад я угрожал вам, потом вы угрожали мне. А теперь давайте разговаривать. Договоритесь со мной. Я готов.

– О чем конкретно?

– Вы добиваетесь для меня оправдательного приговора, а я на веки вечные забываю тестирование. Я буду говорить все, что вы скажете мне говорить. А если вдруг когда-нибудь история про Алису все-таки всплывет, я буду до самого конца на вашей стороне. У меня не будет никаких новых требований. Даю слово. Это лучшая сделка для Красной Башни. И для меня тоже. Только подумайте. Если вас возьмут за горло из-за тестирования, то иметь союзником одного из подопытных будет бесценно.

– Даете слово... Слово неуравновешенного человека. Вы говорили, что я не до конца понимаю, но уверяю вас, что это вы не понимаете. Вы потеряли связь с реальностью.

– Наверно, действительно, не понимаю. Я всего лишь безработный человек, который пытается вернуть себе свою жизнь. И, конечно, я не такой умный, как вы. И это не сарказм. Но этот безработный готов на все. Вам всего лишь нужно выбрать, хотите ли вы использовать эту его готовность для своей пользы или себе во вред.

– Мы рассмотрим Ваше предложение.

– Я с вами кое-чем поделюсь. Надеюсь, у вас есть еще немного времени. Впрочем, что за чушь. Уверен, что у вас есть на меня время. Много времени. Знаете, очень долго мне почему-то было сложно о чем-то размышлять. Никак не мог сконцентрироваться, мысли как будто разбегались в разные стороны. Я даже привык к этому, если честно. Но в тот день, когда отец умер, я, кажется, возвратил себе способность думать.

– И поэтому надумали убить человека?

– Не зубоскальте. Неужто вы полагаете, что тот, кто способен думать, автоматически лишается способности глубоко чувствовать? Неважно. Прошу, не перебивайте меня. К чему я вообще это. Давайте без дураков. Все ведь ясно. Вы получили очень подробные инструкции перед тем, как сюда приехать. У вас ясная стратегия переговоров, хотя, кажется, вы меня недооценили. Точнее, неверно оценили мое психическое состояние. Просто дайте мне ответ – да или нет. Без всяких «мы рассмотрим ваше предложение».

– Мы рассмотрим ваше предложение.

– Что ж. Славно. Благодарю. Буду ждать решения. У меня еще одна небольшая просьба.

– Какая?

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы мне разрешили бриться. Я боюсь, что жене не нравится видеть меня с половиной бороды. Она приходила сегодня и, по правде сказать, выглядела не очень счастливой.

*

Наутро администрация прислала парикмахера, и подозреваемого в убийстве гладко побрили. Тот уставился на себя в зеркало. Синяк наконец-то начал желтеть. А значит, совсем скоро гематома исчезнет, и Виктор будет выглядеть так же, как до всего этого безумия. Он вдруг вспомнил отца. Где сейчас звучит его теплый голос? По завещанию сыну переходило все, что принадлежало родителю, но какой смысл в богатстве, если ты как зверь сидишь в клетке? Давным-давно, недели три назад, Виктор задавался вопросом: «А мы – звери? А мы – чудовища?» Так кто же мы, наконец?

Представитель Красной Башни вернулся через четыре дня. Та же комната, те же собеседники. На стол аккуратно легла папка с бумагами, и Виктор понял, что это хороший знак.

– Поздравляю. Корпорация решила пойти вам навстречу. Вопрос решался на самом высоком уровне.

– Благодарю. Корпорация не пожалеет.

– Вы не будете оправданы, но получите минимальный срок. И когда я говорю минимальный, это значит, что даже сам Господь Бог не смог бы сделать для вас большего.

– Сколько?

– Три года.

– Нет, это невозможно. Слишком много.

– Послушайте, Виктор. Я не пришел сюда торговаться. Это число – эти три года обойдутся Красной Башне в такую сумму и в такое напряжение сил, что вы своим скудным умишком и вообразить не в состоянии. И здесь дело не в том, что корпорация чего-то не может или не хочет. Дело в том, что люди, с которыми мы работаем по вашему вопросу, ясно дали понять – учитывая все обстоятельства, меньший срок слишком опасен.

– Мы не так договаривались.

– Мы ни о чем не договаривались. Вы всего лишь выразили свои пожелания. Это лучшее из всего, что вам даже теоретически может быть доступно. Всего три года, и вы возвращаетесь к нормальной жизни. У вас жена и куча денег. Не глупите.

– Хорошо. Но в таком случае у меня есть условие. Когда я выйду из тюрьмы, вы примете меня на работу.

– Простите?

– Я говорю, вы примете меня на работу.

– Это шутка такая?

– Нет. Я совершенно серьезно. Я объясню. Поймите меня правильно: у меня нет карьерных амбиций. Да, я богат, но мне нужна работа. Чтобы утром выходить из дома, ехать куда-то, встречать людей, делать что-то полезное, возвращаться домой. Я только теперь понимаю, *как* это важно. Возьмите меня на самую низкую должность. Хоть уборщиком. Я не брезгливый. А еще это будет гарантией того, что вы меня где-нибудь не убьете. Вдруг вам захочется.

– Если нам захочется вас убить, то работа в Красной Башне вас не спасет.

– И тем не менее. Я настаиваю. Полагаю, так мы сможем больше доверять друг другу. Со временем.

– Нет никакого доверия. Мы вас покупаем. Вы теперь принадлежите Красной Башне. У вас больше нет права на ошибку. И новых условий с вашей стороны тоже больше никогда не будет. Это последнее.

– Я все это понимаю. Еще раз благодарю. Что ж, через три года мы станем коллегами. Буду с нетерпением ждать.

*

Через неделю после первой встречи, когда прокуратура уже выдвинула обвинения, Виктору разрешили второе свидание с женой. Судьба и система правосудия дали ему ровно час, чтобы все объяснить и быть понятым. Если дело выгорит, то он останется в тюрьме на три года. Целых три года или всего три года – сказать сложно. Во всяком случае, Виктор не сгниет запертым в четырех стенах.

У обвиняемого было полно времени, чтобы отретировать и отшлифовать до блеска свой монолог, однако в самый последний момент он осознал, что не может *так*. Тогда Виктор просто открыл рот и поведал все – *что* думал, *что* чувствовал, *что* делал. Он заклинал жену никогда и ни с кем не говорить о тех частях его истории, где речь шла о Красной Башне – он уверял, что это для ее безопасности.

Женщина внимательно слушала, и мужчина, глядя в ее глаза, видел, что она жаждет поверить и довериться ему. Марина в самом деле не хотела думать о муже как об убийце, не хотела бояться его, не хотела ужасаться при мысли о том, что он сделал. Виктор закончил тем, что еще раз попросил не терять надежду и вновь признался – он хочет ребенка.

Жена плакала и никак не могла уразуметь, от чего именно: от жалости к нему? от жалости к себе? от понимания того, что не может его оставить? от непонимания того, почему не может его оставить? от счастья при мысли о ребенке, которого поначалу придется растить одной?

– Ты сможешь спокойно жить после такого? – тихо спросила она.

– Скажу тебе честно. Сейчас я почти не думаю об этом. Я думаю только о тебе, о наших детях, о нас. Не знаю, смогу спокойно жить или нет. Но если ты сейчас уйдешь, то у меня не будет даже шанса. Даже шанса не будет, Марина... Мы станем помогать людям. Марина, обещаю тебе. У нас есть деньги. Мы будем помогать людям. Роберта не вернуть, но мы можем вместе сделать много добрых дел. Помоги мне.

Когда отведенные на свидание шестьдесят минут почти истекли, жена сказала, что не покинет мужа, и теперь залился слезами Виктор. Ему было так обидно, что из-за прикованных к столу рук он не может обнять жену. У обоих возникло очень хрупкое ощущение будущего покоя и даже, возможно, счастья.

*

Красная Башня задалась целью сделать все, чтобы пресса не заинтересовалась процессом, и ей это удалось. На суде Виктор нервничал, а Марина и вовсе сходила с ума. Они часто переглядывались. Мужчина мимикой и взглядом всячески пытался ободрить жену. После нескольких слушаний суд приговорил Виктора к трем годам лишения свободы. Из этого срока вычли то количество дней, которое осужденный уже провел в заключении. Приговор воскресил супругов. Жизнь возрождалась. Можно было спокойно считать дни.

Тюрьма находилась в том же городе, где жил Виктор: одиночная камера и свободное время через край, которое он мог потратить на образование, общение с другими заключенными, духовные практики или спорт. Дважды в неделю осужденных ожидала обязательная беседа с психоло-

гом. Большую часть дня Виктор предпочитал проводить в своей камере, где были и книги, и компьютер, и даже удобный стул, хотя по вечерам ему и нравилось бывать с друзьями по несчастью.

*

Прошли месяцы. Очередное утро – такое же, как и любое другое. Создатель вселенной продолжать без усталости поддерживать равновесие мира. Заключенных разбудили в девять. Сонный Виктор выпил стакан воды и, шаркая тапочками, поплелся к зеркалу, чтобы самостоятельно побриться – привилегия, которой обычно не обладали преступники прошлого. Мужчина отложил бритвенный станок, умылся и отправился на завтрак. Он, как всегда, явился в столовую последним, а его товарищи, так уж повелось, подшучивали по этому поводу.

После еды, на обратном пути в камеру, раздался звонок, которого Виктор ждал едва ли не тысячелетие.

– Я беременна! – повторила Марина громко, а будущий отец просто слушал и улыбался, отчего-то боясь пошевелиться.

– Скажи еще раз.

– Плохо слышно? Я говорю: я беременна! Беременна! У нас будет ребенок!

– Хорошо слышно. Хотел, чтобы ты сказала снова. Скажи еще.

– Я беременна! Завтра приеду!

*

В положенный срок наступил самый важный день. Марина так долго готовилась к нему, но теперь совсем растерялась. В этот час рядом не оказалось ни мужа, который сидел в тюрьме, ни родителей, которые давно погибли в автокатастрофе, ни близких друзей, которых у нее не было.

Женщина позвонила мужу и сказала, что ее везут в больницу – сегодня она родит. Виктор растерялся еще больше беременной супруги. Он понятия не имел, чем занять себя в ближайшие часы, и ощутил, что свихнется, если с кем-нибудь не поговорит. Другие заключенные обрадовались новости и принялись кто как мог подбадривать будущего отца. Те, у кого были дети, стали рассказывать веселые истории о первых днях жизни своих отпрысков. Виктор улыбался, кивал, но мыслями находился рядом с Мариной. Вдруг его охватил страх: как бы Всевышний, кем бы Тот ни был, не наказал его за убийство. Мужчина с усилием отгонял эту мысль, но она вновь и вновь возвращалась – будто убийца к связанной всеми веревками мира жертве.

Опять зазвонил телефон, и Виктор мгновенно ответил. Все прошло хорошо, родился сын. Объятия, поздравления. Заключенный попытался сосредоточиться и запечатлеть в памяти это божественное мгновение, но ему так и не удалось остановить время, которое бурным потоком несло его в будущее. Все правильное и неправильное, что он делал на протяжении жизни, привело к тому, что на белый свет появился его сын. Заключенный подумал об отце, который, должно быть, чувствовал что-то схожее, когда родился он – Виктор.

Когда Марину с ребенком выписали, родильный дом предоставил ей специальных роботов, которые должны были помогать новоиспеченной матери. Женщина хорошо справлялась. Каждый день она разговаривала с мужем по видеосвязи и показывала ему малютку. Никогда он не жалел о своем заключении так, как в эти дни. До свободы оставалось около года, но теперь каждый отдельно взятый день, казалось, длился дольше всего этого срока. Тогда Виктор начал одну за другой проглатывать книги о детской психологии, воспитании, отцовстве.

И вот наконец Марина приехала с ребенком на свидание. Виктор неуклюже и с трепетом взял сына на руки.

– Эй, дыши! Не бойся! – засмеялась женщина, и отец ребенка понял, что действительно задержал дыхание.

- Жизнь привела нас к нему... Как же я хочу поскорее быть с вами!
- Я каждый день рассказываю ему о тебе, и он слушает.

*

Выпускник философского факультета вышел на волю в апреле. Три дня Виктор ни на минуту не расставался с семьей, а затем пришло время заниматься делами. Перво-наперво он вернул на запястье браслет, рассудив, что в конечном счете чип для него – все-таки слишком. Во всем Виктор отныне старался не впадать в крайности. Его характер и даже то глубинное нечто, что образует сущность человека, казалось, изменились. Он перестал метаться – обрел штиль после неистовой бури. Ведь штиль – то единственное, чего на самом деле жаждет любая буря, любой шторм.

В воздухе покачивалось весеннее тепло. Виктор сказал Марине, что ему хочется пойти на прогулку с ребенком одному, и поцеловал ее в лоб. Со дня освобождения они все делали втроем, но теперь мужчина почувствовал, что готов испытать, каково это – остаться наедине с сыном.

Ребенка назвали Филиппом. Малыш уже пробовал ходить, но за последние пару недель ему очень полюблилось сидеть на плечах у папы. Виктор водрузил сына на себя и вышел на улицу. Мальчик уже по привычке положил ладошки на голову отца так, что его пальцы касались родительских бровей. Папа без умолку говорил, подряд рассказывал какие-то сказки и небывицы, иногда слегка подпрыгивал, от чего Филипп всякий раз приходил в дикий восторг. Виктор шагал в сторону рощи. Он никак не мог поверить в то, что его нога не ступала сюда больше тысячи дней. Дойдя до первых деревьев, отец взял сына с плеч на руки и поцеловал его.

- Это – чтобы тебя ветки не поцарапали, хорошо? – нежно произнес он.

Виктор так и не сумел отыскать место костра. Бог огня давно покинул эту рощу, ведь все боги, кроме настоящего, уходят, если им не поклоняться. Мужчина то ли грустно, то ли весело улыбался, но в душе его царил покой, и ему это нравилось. Вот он уже стоит возле пруда. Ничего не изменилось. Все – то же, только сын рядом, а на другом конце водоема на траве – девочка в зеленой шапке с помпоном и ее папа. Она помахала незнакомцам, и Виктор помахал в ответ сначала сам, а затем – ладошкой сына.

Вечером за ужином Виктор обронил, что хочет еще одного ребенка. Желание мужа пришлось Марине по душе, и тогда он добавил, что было бы прекрасно родить двойню. Женщина понимала, что Виктор не представляет себе, насколько все будет сложнее с тремя детьми, но она не заговорила об этом. Пусть будет двойня.

- А как же квоты? – спросила она после того, как согласилась.
- Мы купим одну квоту. Я интересовался. С папиными деньгами мы можем себе это позволить.

*

В муниципалитет Виктор прибыл на пятнадцать минут раньше назначенного часа. На стульях возле кабинета сидели двое – жена и муж, который уткнулся лицом в ладони и плакал. Было ясно, что они собираются продать свою квоту – в таких случаях нужна подпись обоих супругов. Государство само организовывало процесс покупки и продажи квот таким образом, чтобы на этом никто не мог делать деньги. Специальная служба отслеживала каждую сделку, а законы предусматривали суровые наказания за любые спекуляции. Существовал единый фонд, который скупал все квоты, а затем продавал их желающим в порядке очереди. При этом цены на покупку и продажу всегда устанавливались властями.

Виктор уселся рядом с незнакомцами, а не напротив, чтобы не смотреть на них и, как ему казалось, меньше смущать. Через минуту пару пригласили войти. Виктор остался один и вытащил потрепанную фотографию с изображением Марины и Филиппа. Он погладил их образы кончиком указательного пальца, как делал это месяцы напролет в тюрьме, и положил карточку обратно

в карман. Вскоре супруги вышли из кабинета, и муж сразу же ударил основаниями кулаков по стене. Виктор от неожиданности вздрогнул, а жена, не обращая внимания на то, что случилось, поспешила вперед.

Специалистом в отделе квот на рождение всегда был человек, а не робот.

– Присаживайтесь. Пожалуйста, приложите браслет.

Виктор послушно сделал то, что попросили.

– Они приходили продать квоту?

– Я не имею права говорить об этом с вами. Но – да. Они приходили продать квоту, – добавила служащая после короткой заминки.

– Ясно. Тяжело.

– Всем тяжело. Спасибо, устройство считало информацию, можете убрать руку. Итак, вы хотите выкупить зарезервированную квоту на третьего ребенка?

– Да. Это именно то, что я хочу.

Вторая часть

– А теперь открой глаза, – шепнул Александр дочке.

Девочка подняла веки и огляделась.

– Папа, ну, где они?

– Вот же! Они везде. Посмотри внимательнее.

– Но здесь только трава. Кто-то прячется в траве?

– Нет, солнышко, там никто не прячется. Хотя почему нет. Может, кто-то и правда там есть.

Мы же не можем все видеть.

– Ну, где они, папа?

– Все, что ты видишь, Ева, все это – твои друзья. Трава, деревья, небо, пруд, вон те дома, я.

Все, что есть в этом мире – твои друзья.

– И ты? Ты же мой папа.

– Да, конечно, я твой папа, а еще я твой друг.

– Так не бывает.

Александр улыбнулся и сел на траву, подложив под себя ногу.

– Еще как бывает. А теперь еще раз посмотри на своих друзей.

– Но они ненастоящие, – упрямылась дочка.

– Почему это ненастоящие? Ты ведь можешь смотреть на них, трогать, чувствовать их запахи и даже разговаривать с ними.

– Как? Они же не умеют говорить...

– С чего ты взяла?

– Ну... они же не умеют говорить. Да?

– А может, они говорят с тобой, но это ты их не слышишь? А? Они маленькие. И голос у них тихий.

– Папа, я уже большая! Я скоро пойду в школу! Я знаю, что трава не умеет разговаривать!

– Тише-тише... Слышишь?

Девочка замерла и прислушалась. Тогда Александр лег и приложил к траве ухо.

– Ну-ка наклонись тоже.

Дочка с воодушевлением последовала папиному совету.

– Слышишь?

– Папа, я ничего не слышу.

– Ну, как же? Вот эта вот травинка только что сказала, что ты очень красивая и что она очень любит тебя.

– Но я не слышу...

– Наклонись еще... Вот! Услышала?

– Папа, ты меня обманываешь! Это *ты* только что сказал, что я красивая! Это не травинка!

Мужчина громко расхохотался, а затем схватил дочку и, удерживая девочку перед собой, вместе с ней завалился на спину. Счастливая Ева хихикала, кудрявые локоны обрамляли ее лицо будто солнечные лучики на детском рисунке. Так она некоторое время молча смотрела сверху вниз на отца, а потом спросила:

– Папа, а почему у тебя такой кривой нос? У всех нормальный, а у тебя такой – в сторону.

– Это чтобы ты меня могла всегда издалека узнать!

– А если сильно-пресильно нажать пальчиком? Он выпрямится?

– Отличная идея! Давай-ка попробуем!

Мужчина осторожно поставил девочку на траву.

– Ну, давай. Нажимай!

Ева поднесла указательный палец к искривленной спинке носа и старательно надавила.

– Ну, что? Получилось?

– Нет...

– Попробуем завтра снова? Мне кажется, нужно нажать посильнее.

– Хорошо...

– Видишь, как здорово. Так, теперь скажи мне: кроме твоего любимого вопроса про мой нос, хочешь еще что-нибудь спросить, пока мамы тут нет? А? Только один секретный вопрос. Давай скорее. А то нас уже обед ждет.

– А когда у меня будут настоящие ножки? Как у мамы.

Александр сжал рот в длинную полоску с ямочками по краям.

– Теперь уже совсем скоро, моя красивая. Мы с мамой обо всем позаботимся. В школу ты пойдешь с настоящими ножками. А хочешь, открою секрет?

– Да!

– А ты не скажешь маме?

– Нет! Обещаю! Какой секрет?

– Твои ножки будут даже красивее маминых!

– Правда?

– Ну, конечно, правда. А теперь попрощайся со своими новыми друзьями и пойдем кушать.

– Пока, травинка!

– А как же все остальные друзья?

– Всем-всем пока!

*

Ева внимательно смотрела на пустую тарелку перед собой, потому что знала: скоро туда плюхнутся спагетти. Она не ошибалась: уже через секунду мама, ловко орудуя щипцами, переложила из кастрюли небольшую порцию.

– Мама, ты не покрошила сыром.

– Сегодня без сыра.

– А чего так? – поинтересовался Александр. – Я видел сыр в холодильнике.

– Я сказала: сегодня без сыра.

– Ева, а мама сегодня злюка! – насмешливо проговорил отец семейства.

Женщина застыла с порцией мужа на щипцах и уставилась на него. Еще через мгновение она швырнула спагетти на пол, сняла фартук и вышла из кухни. Ева так и застыла с ложкой в руке. Александр встал, поцеловал дочку в затылок и сказал, чтобы она продолжала кушать, а он скоро вернется.

Мужчина нашел жену в спальне. Она стояла, сложив руки на груди, и глядела в окно.

– Эмма, что с тобой? Эмма?

– Я беременна.

Александр сел на кровать, надул щеки и медленно выпустил воздух изо рта.

– Именно сейчас...

– Я сделаю аборт. Мы должны делать все, как договорились.

– Но – аборт?

– А что? А что?! Ты что – не хочешь, чтобы у твоей дочери были нормальные ноги?

– Конечно же я хочу! Что ты несешь такое?

– Я говорю, что ты хочешь оставить Еву инвалидом на всю жизнь!

– Успокойся... Не понимаю, как это случилось.

– Тебе рассказать, как это бывает? Думаю, не стоит. Ты уже большой мальчик. Сам все поймешь, если пораскинешь мозгами.

– Какой у тебя срок?

– Какая разница, какой у меня срок?

– Прошу тебя, дай мне месяц. У нас есть месяц?

– Месяц на что?

– Я постараюсь найти деньги.

– Ты уже шесть лет не можешь их найти, а теперь вдруг – за месяц.

– Прошу тебя, дай мне один месяц. Всего один месяц. Чтобы наша совесть была чиста.

– Совесть чиста... Хорошо. Месяц, но не больше. Я тоже живой человек. Живой! И у меня есть чувства!

Александра трясло. Он, еле перебирая ногами, добрался до кухни, но Евы там не оказалось. Мужчина несколько раз позвал ее, но девочка не отвечала. Потом отец заметил, что дверь из квартиры отворена.

– Ева убежала!

Эмма ничего не ответила. Она держала ладони на животе и о чем-то напряженно думала. Дочка пряталась на детской площадке.

– Эй, ты чего в тапочках на улице? Что случилось? – спросил Александр.

– Ты обманщик! Ты не хочешь, чтобы у меня были ножки!

Девочка выпатила нижнюю губу и расплакалась.

– Ну, что за глупости. Я больше всех во всем мире этого хочу!

Отец вытащил дочку из разноцветного домика и крепко обнял ее.

– Так мама сказала! Я все слышала!

– Правда? Так и сказала?

– Да! Так и сказала!

– Ладно. А кто на кухне бросил на пол спагетти?

– Мама.

– Я еще тогда сказал, что мама сегодня злюка. Помнишь? Так вот, не слушай, что сегодня говорит мама. Но только сегодня. Хорошо?

– У меня будут настоящие ножки?

– Ну-ка встань сюда, солнышко. Вот, видишь, как здорово.

Александр сел перед дочкой на корточки и обещал, что у нее очень скоро будут настоящие ножки. Ждать осталось совсем чуть-чуть.

Ночью мужчина долго не мог уснуть. Очень тихо, чтобы не разбудить жену, он встал с кровати и направился в соседнюю спальню. Александр посветил телефоном и увидел спящую на спине Еву. Она немного хмурилась – кажется, ей что-то снилось. Он схватил пальцами ближайший к нему нижний краешек одеяла и приподнял его. Ева родилась без ног. Семья не могла купить для нее самые лучшие протезы, хотя те, что полагались по страховке, и были неплохими. Впрочем, как настоящие ноги они, конечно, не выглядели.

– У тебя обязательно будут ножки. Самые красивые на свете, – нежно произнес отец и прижался губами к Евиным волосам.

*

Люди часто засматривались на Александра. Он был одновременно красивым и безобразным: голубые глаза, кривой нос, завораживающая улыбка, ямочка на подбородке. Вдобавок природа наградила его кривыми ногами и широкими плечами. Еще двадцать-тридцать лет назад мужчину подобной наружности и с такой харизмой обязательно пригласили бы сниматься в кино, но сейчас другое время – любого персонажа значительно дешевле нарисовать. Создателям серьезных фильмов больше не нужно идти на поводу актеров – договариваться с ними, бороться с их капризами, выплачивать гонорары. В этом смысле за несколько десятков лет изменилась вся логика киноиндустрии. Актеры остались только в любительском кино и в театре, но даже там некоторые второстепенные роли теперь исполняли роботы.

Утром Александр принял душ, побрился, надел костюм и галстук. Выглядело так, будто он вернулся в прошлое и собирается идти на собеседование.

- Ну, как я выгляжу?
- Глупо, – ответила Эмма.
- Лучше без полосок? Поменять галстук?
- Поменять мозги.

Муж бросил в жену галстук, который держал в ладони, а Эмма швырнула его обратно и удалилась.

В тот день Александр был единственным посетителем банка, для которого офис уже давно стал вопросом имиджа и престижа, а не необходимости. Люди привыкли выполнять все финансовые операции через виртуальный личный кабинет.

Сотрудница банка явно обрадовалась живому человеку.

- Здравствуйте! Чем могу быть вам полезна?
- Здравствуйте! Я хочу взять кредит.
- Хорошо. Пожалуйста, приложите чип к считывателю, – предложила девушка, когда приметила, что у собеседника нет браслета.

- У меня нет чипа.
- В таком случае – ваши документы, пожалуйста.

Александр вытащил из внутреннего кармана пиджака идентификационную карту и положил ее на считыватель.

- Какая сумма вас интересует?

Посетитель назвал число, а девушка напротив округлила глаза. Затем она собралась с мыслями и, наконец, выдала, что банк не может ссудить ему такое количество денег.

- Вы же даже не проверили, – заметил Александр.

Сотрудница кивнула, пальцы ее забегали по клавиатуре, и через пару секунд она повторила:

- К сожалению, банк не может ссудить вам подобную сумму.

– Ясно. Прошу вас, не подумайте, что у меня к вам какие-то претензии. Это никак с вами лично не связано, но могу я поговорить с вашим руководителем? Прошу вас. Это очень важно. А вы очень хорошо работаете. Я обязательно оставлю положительный отзыв.

Девушка поблагодарила и ответила, что уточнит. Она сделала короткий звонок и попросила пройти за ней.

- Как редко у нас бывают гости! – воскликнул менеджер и показал рукою на кресло.
- «Хотя бы кошку тут заведите, а то совсем одичаете», – подумалось Александру.
- Моя коллега сообщила, что вы хотите переговорить со мной. Пожалуйста. Я вас слушаю.
- Благодарю. Да. Все верно. Так вот, дело в том, что мне нужна большая сумма, но ваша коллегa, к сожалению, отказала мне в кредите. Мы можем с этим что-нибудь сделать?
- Боюсь, это очень сложная задача. Понимаете, существуют определенные параметры. Система принимает решения на основании данных параметров, и даже я – руководитель департамента,

никак не могу повлиять на ее решения. Давайте поступим по-другому. Я сейчас поручу узнать, какова максимальная сумма, на которую вы можете рассчитывать. Или вы уже уточнили?

– Нет, не уточнил. Будьте добры.

Менеджер позвонил подчиненной, и спустя минуту она переслала ему число, которое у нее получилось. Собеседник Александра прильнул к монитору и начал внимательно читать – он шевелил губами, но не издавал ни единого звука.

– Думаю, здесь произошла ошибка. Скорее всего, неверно заполнена запрашиваемая сумма. Сейчас мы с вами все исправим.

– Нет, все верно.

Посетитель назвал число, которое совпадало с тем, которое видел перед собой менеджер. Тогда руководитель департамента взял из высокой стопки квадратный листок для записок, что-то на нем написал и протянул собеседнику.

– Это предельная сумма, – произнес он сухо и отклонился назад.

– Но это слишком мало.

– Вы можете найти работу. Тогда это число увеличится. Как я уже сказал, не мы здесь принимаем решения. Мы всего лишь посредники между вами и этими бесконечно умными машинами. Вы, должно быть, заметили, что мир уже давно принадлежит им.

– Не такие уж они и умные, раз предлагают мне эту ничего не значащую сумму.

Менеджер пожал плечами. Он начал уставать от разговора.

– Честно говоря, не знаю, зачем вы разыгрываете этот спектакль. Я уверен, что это не первый ваш отказ. Не первый ведь?

– Вы правы – не первый. Но я давно не пробовал. Можно я вам кое-что покажу? Прошу вас. Это не займет много времени.

– Да, почему нет. Покажите.

Александр вытащил из кармана телефон и открыл раздел с изображениями.

– Смотрите. Это квартира, в которой я живу. Видите? Маленькая, ничем не примечательная квартира, в которой мы давно не делали ремонт. Это... вот это... фотография моей машины. Так себе тачка, да? Вот это моя жена. Вам кажется, что симпатичная. Да, пожалуй, соглашусь. Но у нее дрянной характер. Несколько лет назад она изменяла мне с одним юристом, пока тому не проломили стулом голову. Она до сих пор не догадывается, что я все знал о них. Помню, когда этот придурок сдох, она редела неделю, а мне говорила, что у нее кризис среднего возраста. Скорее – это был кризис ее промежуности. Но не будем об этом, чтобы вам не стало совсем неловко за меня. А это... Вот это. Это Ева. Это моя дочка. Она ангел. Она все, что у меня есть. Понимаю, ужасно звучит. Звучит как в бульварном романе, но что поделать, если это правда?

– У вас очень красивая дочка. Думаю, она заставляет забывать обо всех проблемах.

– Да, вы совершенно правы. Но осталась еще одна, последняя фотография. И мы на этом закончим, хорошо? Прошу вас.

– Да, договорились.

– Смотрите. Вот. Видите. Здесь она в юбке. Ей шесть лет. В шесть лет девочки мечтают о кулаках и шеночках, а Ева мечтает о ножках. Она так и говорит: «настоящие ножки».

– Послушайте... Простите, что прерываю. Мне уже ясно, к чему вы ведете. Слушая все это и вдобавок еще и отвечая, я, должно быть, вышел за все этические рамки. Речь, конечно, о профессиональных этических рамках. Я такой же человек, как и вы. И я вас действительно очень хорошо понимаю. Но давайте сразу проясним: учитывая сумму, мы здесь не в состоянии полностью решить вашу проблему. Однако я могу дать несколько советов. Итак, что вы можете сделать, чтобы увеличить размер кредита? Во-первых, найдите работу. Наличие даже самой низкооплачиваемой работы повлияет на размер суммы. Во-вторых, вы можете заложить квартиру и автомобиль.

– Я могу попросить вас пересчитать? Какое число получится, если я выполню эти условия?

Новая сумма оказалась в несколько раз больше предыдущей, однако этого по-прежнему было мало. На прощание менеджер произнес следующие слова:

– Я желаю вам удачи. И раз уж у нас произошел этот откровенный разговор, позволю себе сказать следующее: не нужно никому рассказывать эту вашу историю. Это никому не интересно, это лишь унижает вас и не приближает к цели. Вам нужны деньги – так ищите их.

*

Ева надела пижаму со щенятами и приготовилась ко сну. Внезапно Александр резко одернул штору, выглянул в окно и заявил, что ей нужно переодеться, потому что они идут на улицу. Эмма осведомилась, в курсе ли ее муж, который час, но тот парировал тем, что они быстро – она и глазом моргнуть не успеет.

– Мама, ну, пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Александр вытащил из гардероба старое шерстяное покрывало.

– И надень-ка куртку, солнышко. Сейчас прохладно.

В предвкушении очередного папиного чуда Ева слушалась с таким благодарным смирением, с каким подчиняются божеству. Отец с дочерью пошли в сторону поля, где они болтали накануне.

– Папа, а куда мы идем?

– К новым друзьям.

– К другим новым друзьям?

– Да, Ева, к другим новым. Тебе не холодно?

– Нет.

Девочка стала напевать под нос песню из любимого мультфильма.

– Вот мы и пришли. Почему ты не здороваешься?

– Всем привет!

– Слышишь? Трава шуршит. Она тоже с тобой здоровается.

Ева засмеялась. Александр расстелил на траве покрывало и растянулся на нем.

– Солнышко, ложись рядом!

– Папа! Как много звездочек! – воскликнула девочка.

– Тебе нравится?

– Да, очень-очень.

– Давно такой звездной ночи не было. Не мерзнешь? Если спинке холодно, можешь лечь на меня.

Девочка не мерзла, но воспользовалась удобным случаем, чтобы залезть спиной на папу и упереться макушкой головы в его подбородок.

– Звездочки тоже мои друзья?

– Да. И притом самые лучшие.

– Они тоже разговаривают?

– Нет, солнышко, звезды не разговаривают. Они просто светят. Если тебе когда-нибудь станет очень грустно, а меня не будет рядом, просто посмотри на них.

– А где ты будешь?

Александр оставил вопрос без ответа, и тогда Ева запрокинула голову, чтобы посмотреть на папино лицо. Она застыла в этом положении, а затем спросила:

– Папа, а почему у тебя такой кривой нос?

– Мой нос не дает тебе покоя?

Девочка перевернулась на живот и положила щеку на отца.

– Я просто не понимаю, почему у тебя такой нос.

– Хочешь сказку?

– Угу.

– Жил-был один человек. И были у него кривой нос, плоскостопие и красивая-прекрасивая дочка по имени Ева.

– А что такое плоскостопие?

– Плоскостопие – это... Боже, зачем я усложняю. Жил-был один человек. И были у него кри-
вой нос, старая машина и красивая-прекрасивая дочка. Так понятно?

– Угу. Полоскопие – это старая машина?

– Да, что-то вроде. Только починить сложнее.

Александр сочинял сказку, пока не почувствовал, что девочка уже спит.

– И теперь уже ни одна душа никогда не узнает конец этой истории, если только ты не попро-
сишь меня рассказать.

Отец переложил дочку на покрывало и укутал ее. Потом осторожно взял Еву на руки и пу-
стился в обратный путь, и никто в целом мире не знал, как сильно в тот день у него болели стопы.

*

Ночью Александр лежал в постели возле жены и созерцал потолок, с которого по одной па-
дали легкие капли времени. Эмма положила ладонь мужу на живот, и супруг легко догадался, что
произойдет дальше. Через минуту-другую он будет смотреть на ее извивающуюся спину, чувство-
вать ее ногти в своих бедрах. Александр знал, что она любит *быть* с ним, и на стороне Эмма иска-
ла не физическую близость, а что-то другое. Он не понимал, что именно. А понимала ли она сама?

Когда-то Александр был звездой школьного театра, а она – девочкой из младшего класса. Его
некрасивая красавица, помноженная на актерский талант, казалась чем-то настолько притяга-
тельным, что он мог выбрать себе в подружки почти любую. Некоторые мальчики даже мечтали
о таком же кривом носе. Но когда ученические годы остались позади, и Александр перестал вы-
ходить на сцену, то волшебство вдруг улетучилось. Он превратился в заурядного безработного,
который не имеет ни денег, ни достаточного усердия, чтобы поступить в университет. Эмма не
сразу распознала перемену, и еще долго находилась под обаянием своего парня, который вскоре
стал ей мужем. Но однажды, будто в один миг, все декорации рухнули – она разглядела, что жизнь
обманула ее. Александр осознал все это, и ему подчас становилось жалко несчастную женщину.
Они давно не любили друг друга, но привыкли жить вместе, растить дочь. То, какой родилась Ева,
стало ударом для обоих, но особенно для Эммы. Хотя они и узнали правду во время беременно-
сти, все равно оказались к ней не готовы.

Александр любил тонкую белую спину жены. Порой он нарочно закрывал глаза и удерживал
эту красоту в воображении. Возможно, спустя много лет, когда настанет время умирать, очер-
тание ее нежного стана будет одной из тех картинок, которые, согласно поверью, он увидит в
последнее мгновение. Сложно быть одновременно так близко и так далеко друг от друга. Очень
сложно. Но многим это удастся, и этим многим хорошо известно, что это такое и как с этим жить.

После, не проронив ни слова, Эмма вновь уснула, а мысли Александра помчались к Еве – от-
куда найти столько денег? Он держал в уме одну мысль, но никак не решался пойти столь опасной
дорогой. Но ради дочери и еще не родившегося ребенка, кажется, пришло время рисковать.

*

В промежутках между снами Александр почувствовал, что Эммы нет рядом. Он всегда просы-
пался раньше, поэтому это показалось странным. Мужчина пробудился. Едва начинало светать.
Жена стояла возле окна.

– Чего не спишь? – спросил Александр.

– Не спится, – ответила Эмма, не оглядываясь.

– Иди сюда, я тебя согрею. Забудь про все. Хотя бы сейчас.

Беременной женщине не было холодно, но все же она отчего-то сделала эти несколько шагов
длиною во многие километры, легла и положила голову на руку мужу – так, чтобы он мог обнять.

– Эмма, меня только ее существование спасает. Уверен, тебя тоже. Боже, она и правда дает
нам обоим жизнь. Мы бы давно развелись, если бы не Ева.

– У нее обязательно должны быть ноги.

– Они у нее обязательно будут.

Александр хотел было справиться о ее самочувствии, но передумал. Потом он сказал:

– Знаешь, иногда я просыпаюсь ночью, прокрадываюсь в ее комнату, наклоняюсь и подолгу слушаю, как она дышит во сне. Тогда я зажимаюсь, и ее дыхание мне кажется прекраснее музыки Моцарта, Бетховена, Вивальди... Да кого угодно. Прекраснее всего, что человечество создало и создаст. А знаешь, чего я боюсь больше всего на свете?

– Чего?

– Однажды меня не станет, а еще через много лет Ева, уже дряхлая старушка, будет лежать в каком-нибудь доме, на какой-нибудь кровати, окруженная своей семьей, и тоже будет умирать. Ей будет так страшно, а я не смогу быть рядом, не смогу сказать, что люблю ее, не смогу поцеловать мою девочку. Не знаю... Я так боюсь момента, который настанет, когда меня самого не будет. Странно, да?

Эмма села в кровати и опять уставилась в окно.

– Зачем ты мне все это говоришь? Просто позволь мне спокойно жить и ненавидеть тебя, как я делала до сих пор. Ты не должен был меня обнимать. Прощу, уйди.

Александр ничего не ответил, молча встал и оделся. В Евиной спальне он по привычке поправил ее одеяло, склонился над ней и зажмурился, чтобы на весь день наполниться музыкой дочери.

*

Отец Евы созвонился с бывшим однокашником и предложил встретиться. В полдень оба были в условленное место. Друзья обнялись, обменялись только им одним известными шутками и уселись за столик, на котором уже стояли два коктейля.

– Я решил, что для чего-то более серьезного еще слишком рано.

– Да. И правда рановато, согласен. Как ты, Гомер?

– Да простит меня Зевс, как давно меня так никто не называл!

– В общем, ты все такой же манерный. Если тебя давно никто так не называл, значит, ни с кем из наших не общаешься. Да?

– Ну, да. Не получается как-то.

– Я уже и не помню... Кто тебя первым назвал Гомером?

– Не помню кто, но помню при каких, так сказать, обстоятельствах.

– Боже, это и я помню. Забудешь такое. Ты тогда притащил из дома какую-то простыню, обернулся в нее, залез на учительский стол и начал читать свои стихи.

Друзья закатились смехом, а немного погодя Гомер сказал:

– Да-да. Так все и было. Ну, ладушки. Как ты? Рассказывай.

– Давай с тебя начнем.

– Да, что рассказывать. Особо нечего. Веду богемный образ жизни, общаюсь с людьми, пользуюсь возможностями. Словом, как всегда. Все хорошо, не жалуюсь.

– Видишь, как здорово. И стихи пишешь?

– Да, куда без них. Недолго осталось. Так что – пишу.

– В каком смысле недолго осталось? Ты болен? – разволновался Александр.

– Нет-нет. Упаси Зевс. Ты что. Ты неправильно понял. Это не мне, а стихам недолго осталось.

– Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

– Думаю, совсем скоро ученые научатся переносить человеческое сознание в роботов, и мы станем жить вечно. Только радоваться недолго будем. И искусство умрет. Поверь мне, ни один бессмертный не станет писать стихи или рисовать картины.

– Почему это? Наоборот же. Впереди – вечность. Можно бесконечно совершенствоваться, творить.

– Александр-Александр, ты не туда думаешь. Люди пишут стихи, потому что бояться смерти. А если даже представим себе, что есть такие, которые не боятся, то эти бесстрашные все равно знают, что умрут. Понимаешь? Они как бы всегда имеют смерть в виду. Смерть, знаешь, – как в фильмах ужасов, как бы выглядывает из-за моей спины всякий раз, когда я царапаю строчки какие-нибудь. И вот этими стихами я становлюсь бессмертным. Когда смерть придет, я скажу ей: ладушки, пойдем, но мои стихи останутся здесь, ты не сможешь их забрать. А если вдруг выясняется, что смерть не придет? Если вдруг напишут – все, ку-ку, смерть завершила карьеру, повесила бутсы на гвоздь, ну, или куда там косу вешают? То при таком раскладе – зачем, спрашивается, мне писать? Какая у меня мотивация?

– Не знаю. А ты разве не получаешь удовольствие от самого процесса?

– Да, это правда. Спорить не буду. Получаю. Хотя и мучаешься не меньше, а то и больше. Но захочется мне, бессмертному, сесть за стол и писать? Поверь мне – даже желания не возникнет. А даже если и возникнет, даже если и сяду писать, то получу удовольствие? А если даже и получу, что там на бумаге останется? Чего будут стоить такие стихи? Откуда в них сила возьмется?

– Сложно у вас все – у людей искусства. Я простой человек.

– А ты якобы не человек искусства? Ты же в театре играл.

– Боже, Гомер, ну, ты вспомнил. Что я там играл? И когда это было? Посмотри на меня: по большому счету, я никем толком и не стал.

– Сейчас с этим сложно. Не хуже моего знаешь. Мало у кого есть работа.

– Да я не про работу. Хотя и это тоже. Неважно. Я к тебе по делу.

– Я весь внимание.

– Мне нужна большая сумма денег.

– Сколько?

Александр произнес число, и Гомер на мгновение так и застыл – с трубочкой во рту.

– Я не шучу. Мне и правда нужны эти деньги.

– Серьезная сумма. Даже если бы я мог дать тебе столько, ты никогда не вернешь такой долг.

– Я не могу сказать, *когда* я смогу все вернуть, но могу обещать, что точно верну. И сделаю это максимально быстро.

Собеседник едва заметно усмехнулся и, чтобы скрыть это, опустил взгляд, делая вид, будто рассматривает свои пальцы.

– И все-таки есть крайне высокая вероятность того, что ты мне эти деньги вообще никогда не вернешь. Ну, вот если только мы станем бессмертными. Но даже в этом случае у меня есть сомнения. Шучу. Зачем тебе это? Что случилось?

– Нужно сделать Еве ноги.

– Ах, да. Вспомнил. Ты рассказывал. Ладушки. Дай мне время – подумать, прикинуть, что можно сделать.

– Гомер, нет времени думать. У меня меньше месяца. В последний раз, когда мы виделись, ты говорил о работе, которая бывает время от времени. За которую хорошо платят. Все еще в силе?

– Тише, тише. Да, бывают возможности немного заработать. А почему у тебя меньше месяца?

– Неважно почему. Это очень личное. Сейчас есть такие возможности?

– Да, и сейчас есть. Только прошу тебя – потише. И не просто сейчас есть, а уже давно есть, потому что проблемная работенка. Сложно человека найти подходящего.

У Александра загорелись глаза:

– Сколько платят?

– Ты все еще без чипа?

– Да.

– Примерно... десятую часть от суммы, которая тебе нужна. Неплохо?

– Ты и правда удивительный человек, Гомер. Пусть я безработный, но я же не дурак. Если ты мне предлагаешь такой заработок за один раз, то уверен, ты в состоянии дать мне в долг сколько мне надо. Прощу тебя, не отказывай мне. Мы же сто лет знакомы.

– Ну-ну. Не думай обо мне так плохо. Я тебе и не отказываю. Я предлагаю возможность. Воспользуйся ею. А если бы я тебя за дурака считал, то и разговора этого не было бы. Поверь мне, такая работа редко подворачивается. Да и вообще, мы же сейчас деньги обсуждаем, а не стихи, да? Дружба дружбой, а бизнес бизнесом. Это ведь честно?

– Какие условия?

– Если будешь работать весь месяц, много заработаешь. Сколько будет не хватать – дам тебе в долг. Идет?

– Это все?

– Нет, не все. Когда вернешь долг, потом будешь год на меня бесплатно работать. Ну, ладно. Не год. Смешаем немного дружбу с бизнесом. Десять месяцев. Идет?

Александр знал, что это его единственный шанс, и поэтому без раздумий согласился.

– Не злись, Александр. Пойми меня правильно. Я тоже рискую. В любой момент тебя могут арестовать, и в таком случае я потеряю деньги, товар и время.

– Если меня могут арестовать, одолжи мне сейчас всю сумму. Я готов работать на тебя бесплатно двадцать месяцев вместо десяти.

– Нет-нет. Это слишком рискованно. Кто вернет мои деньги, если тебя поймут в первый же день?

– Меня не поймут.

– А если поймут?

– Не поймут.

– А если да?

Александр умолк, и тогда Гомер продолжил:

– Теперь слушай внимательно. В ближайшие четыре дня ты должен вести очень активную социальную жизнь. Встреться с таким количеством людей, с каким только возможно. Сходи в клуб, на стадион, контактируй со всеми подряд. Чем больше, тем лучше. Начни прямо сегодня. Это для моей безопасности. А важнее моей безопасности ничего быть не может. Если тебя возьмут, а до этого ты встречался только со мной, то у меня будут сложности. Понимаешь? На восьмой день зайдешь в букинистический магазин «Папирус». Спросишь у продавца «Отверженные» Гюго, заплатишь столько, сколько он скажет, и поедешь к себе. Не вздумай открывать книгу в магазине или на улице. Знаешь – везде камеры. Между первыми двумя страницами найдешь бумагу с адресом. В книге будет пакет. Отвезешь книгу с пакетом по адресу. Но не вздумай вскрывать пакет. Понятно?

– Понятно.

– Если ты не будешь в точности следовать инструкциям, то обещаю, что книгу тебе не продадут. Тогда даже не вздумай мне звонить. И еще. Обязательно используй интернет. Забивай в поисковике запросы типа «как расслабиться после ссоры с женой», «куда сходить отдохнуть» и так далее. Словом, разыгрывай историю. Чтобы все выглядело естественно. Когда прочитаешь бумажку с адресом, запроси достопримечательности этого места и обязательно посети их, когда будешь там. А если тебя возьмут, то, понятно, навсегда забудь о моем существовании. И последнее. Если тебя арестуют во время первого дела, я смогу тебя выручить, но денег ты никаких не получишь.

*

После беседы у Александра появилась надежда, а еще он понял, что даже тот, кто занимается искусством, может быть сволочью. Он всегда видел в Гомере хорошего товарища и талантливого литератора, а теперь выяснилось, что под личиной поэта живет делец, каких мир не видывал. Но все же отец Евы был благодарен: в конце концов этот человек сделал для него то, что не смогли или не захотели другие. Кроме того, они договорились об условиях, как говорится, на берегу. Значит – все честно.

Дома Александр шепнул жене, что им нужно поговорить, и супруги уединились на кухне.

– Эмма, в общем, у меня есть план. Я раздобуду деньги.

– Не играй со мной.

– Я не играю.

– Не заставляй меня привыкать к ребенку. Скажи, если ты не уверен на сто процентов.

– Да, я не уверен, но верю, что все получится. Все должно получиться. Но мне нужно, чтобы ты кое-что сделала.

– Что?

– Представь, что мы сегодня разругались. Неважно, из-за чего. Например, из-за того, что у нас нет денег. Я съеду от вас. Буду вести себя странно. Просто подыгрывай мне. Хорошо?

Эмма обреченно кивнула, и Александр продолжил:

– Не пиши, и не звони мне сама, чтобы ничего не испортить, но отвечай, если я буду писать или звонить. Главное – запомни: мы очень злы друг на друга.

– Это опасно?

– Судя по всему – да.

– Судя по всему? Ты что – не знаешь, во что ввязался?

– Знаю, Эмма. Ну, конечно, знаю. Для тебя и Евы нет никакой опасности.

– И когда это закончится?

– Примерно через месяц. Мы же с тобой о месяце договорились.

– Я все сделаю.

В своей комнате Ева играла с куклами.

– Хочешь, пойдем на пруд? – неожиданно спросил папа.

Когда отец с дочкой остановились возле самого края воды, Александр предложил сыграть в игру:

– А теперь попробуем найти самый красивый камушек. Потом сравним. Если я найду самый красивый, то ты выступишь мое желание, а если ты найдешь, то я сделаю все, что скажешь. Договорились?

Ева воскликнула «да» и бросилась точно сыщик прочесывать каждый сантиметр побережья, хотя из-за протезов ей было не очень удобно. Она обожала выдуманные папой игры. Александр не отставал от дочери, наклонился и внимательно изучал землю.

– Нашла! – воскликнула Ева.

– Ну-ка, иди сюда! Давай поглядим. Я тут тоже кое-что нашел. Смотри.

На ладони у Александра лежал коричневый с белыми прожилками камень в форме почти совершенного овала.

– Какой красивый! – вздохнула Ева побежденным голосом.

– Так. А что у тебя там?

Ева разжала кулачок, в котором лежал, должно быть, самый искривленный камушек на всем берегу. Изумленный отец поднял глаза на дочь.

– Солнышко, ты такая особенная. Почему ты выбрала этот?

– Не знаю...

– А где ты его нашла?

– Вон там!

– Такой кривой камень! Он что у тебя там – под кривой водой лежал, что ли?

– Папа, а разве вода бывает кривая?

– А что же тогда бывает кривым, если не вода? А?

Ева задумалась, и Александр, как бы намекая, наклонился к девочке поближе, и тогда та радостно выпалила:

– Твой нос! Твой нос!

*

Перед сном отец рассказывал дочке очередную сказку, которую выдумывал прямо на ходу. Ева теребила пальцами одеяло и внимательно следила за захватывающей мимикой отца. Вдруг она прервала его повествование вопросом:

- Папа, а ты можешь не уезжать?
- Хочешь, открою еще один секрет?
- Да! Хочу!
- Я уезжаю, чтобы у тебя поскорее появились ножки.
- Ты привезешь их с собой?
- Нет, но ждать осталось совсем недолго. Но никому не рассказывай!

Александр внушил себе, что все должно получиться, и по-другому – никак. Он не оставил места для отступления. Так в прошлом полководцы порой выстраивали войско спиной к морю или к горе, чтобы воинам некуда было бежать, и те волей-неволей сражались бы до конца. Отчаянный даже не поинтересовался, сколько ему предстоит сидеть в тюрьме, если дела пойдут не так, как задумано.

Ева уснула в начале второй сказки, а Александр задумался над тем, что, должно быть, она самый обыкновенный на свете ребенок, и ему кажется, что она такая особенная, только потому, что он ее отец. А впрочем, какое это имеет значение – особенная или нет? Мужчина точно знал, что именно то, что он испытывал к дочке, и было настоящей любовью. Он мечтал стать воздухом, чтобы всегда держать ее в своих объятиях, чувствовать ее тепло.

Александр составил подробный план действий. Он записал все на бумаге, сложил лист вчетверо и положил в карман. Теперь нужно собрать чемодан. Что ждет его *там*? Возможно, лучше остаться? Просто пойти спать. Зачем тебе уходить? У тебя есть дочка, а выйди ты сейчас из этой двери – и можешь потерять ее.

Отец Евы переступил порог так, как, наверное, шагают в открытый космос космонавты. Однако сложным оказался лишь первый шаг. Александр заселился в дешевую гостиницу на другом конце города, переоделся и поехал в ночной клуб. Там он танцевал, пил, знакомился с женщинами, роботами-женщинами. И если роботы-женщины знакомились исключительно с теми посетителями, которые успели потратиться, то с дамочками из плоти и крови дело обстояло проще. Словом, никто не уходил из клуба в одиночестве, если только не желал этого. В середине ночи Александр схватил кого-то за руку и повел на улицу. Мужчина и женщина сели в такси. В пьяном угаре они еще в машине набросились друг на друга, и теперь на кровати закончили начатое. Как-то одеv уже почти уснуvшую незнакомку, мужчина дотащил ее до первого этажа, заказал такси и отправил женщину домой. Затем Александр вернулся в свой номер и написал Эмме сообщение о том, что ей ни за что не удастся разрушить его жизнь. Он вытащил из кармана заветный лист со списком и, вычеркнув оттуда первые несколько строк, забылся сном. Отец Евы хорошо помнил, зачем делает все это. И был вечер, и было утро: день первый.

*

Проснулся Александр с очень тяжелой головой. Аппетит все не приходил, но мужчина заставил себя спуститься в гостиничный ресторан, чтобы съесть вареное яйцо и ломтик хлеба с маслом и сыром. Потом отец Евы принял контрастный душ и, наконец, развернул бумагу с планом – сегодня он должен посетить протестантскую церковь, которая по воскресеньям проводила две службы.

– Если потороплюсь, то могу успеть на вторую, – пробубнил Александр себе под нос.

В его машине не было автопилота, а садиться за руль самому после ночного клуба – себе дороже.

Такси подъехало к зданию церкви за минуту до начала богослужения. Внутреннее убранство, как и принято у протестантов, отличалось строгой простотой. На сцене позади стойки с микрофоном возвышался огромный крест без единого узора – две обычные перекладины, покрашенные в белый цвет. От сцены в сторону выхода в два ряда убегали длинные скамьи. Александр с трудом нашел свободное место на одной из лавок в середине зала, у самого прохода.

Не успел он сесть, как прихожане встали со своих мест, и в тот же миг зазвучала прославляющая Всевышнего музыка. Верующие знали все песни наизусть и, поднимая руки, громко пели. Александр почувствовал, что кое-чего не учел: после столь безрассудной ночи неподвижно стоять целых сорок минут – почти непосильная задача. Он уперся ладонями о переднюю скамью и думал лишь о том, чтобы не рухнуть. Ему становилось все хуже, приступы тошноты накатывали один за другим.

– Вы в порядке? – вежливо спросила святая, но не совсем догадливая женщина в перерыве между песнями.

Александр неубедительно кивнул и движением руки показал, что не нуждается в помощи.

Музыка стихла, и он без сил опустился на скамью. Постепенно ему полегчало. На сцене уже какое-то время выступал проповедник. Он выглядел очень искренним, и его речь увлекла. Пастор рассказывал о любви Иисуса Христа. Александр припомнил, что когда много лет назад мама водила его в церковь, то добрая половина всех проповедей была именно об этом – любви Сына Божьего. Проповедник уверял, что как бы не изменялся мир, Иисус всегда один и тот же и всегда любит каждого из нас. Затасканные слова, которые отец Евы слышал сотни раз, в этот день почему-то истинной гремели в его ушах. Пастор взял микрофон, сошел со сцены и зашагал по проходу между скамейками, продолжая вдохновенную речь. Внезапно он замер и впился взглядом в Александра. Голос проповедника стих, а грешник невольно выпрямился и задержал дыхание.

– Я не видел тебя здесь раньше. Добро пожаловать в Дом Божий! Слава Господу! И прямо сейчас, в эту минуту, я спрашиваю тебя: а ты? Ты любишь Иисуса Христа?

Было очевидно, что вопрос обращен к Александру, но тот так растерялся, что поначалу смог только широко раскрыть глаза и сжать ладонями собственные колени. Затем он произнес следующее:

– Я люблю Еву.

Еще через мгновение случился столь сильный приступ, что Александр ничего не смог с собой поделать, и его стошнило прямо на ковер, на место между ним и пастором. Мужчина вскочил и, зажав ладонью рот, в ужасе выбежал из здания. На такси он добрался до гостиницы и уже в своей комнате упал на кровать. Он плакал и молился:

– Господи! Господи! Прости меня! Прости меня, Господи! Я ведь верю в Тебя! Ты ведь знаешь, что я верю! Ты знаешь! Прости меня, прости! Я не должен был ходить сегодня в церковь! Боже!

Александр перевернулся с живота на спину и закрыл лицо руками.

– Раз уж я говорю с Тобой, Господи! Помоги мне найти деньги! Прошу Тебя! Она такая маленькая, такая беззащитная. И мой второй ребенок! Я даже не знаю, мальчик это или девочка... Не заставляй нас убивать его ради ножек Евы... Прошу! Можешь не прощать меня! Я готов к любому наказанию! Но умоляю: дай мне эти деньги!

Немного спустя его стошнило еще раз, а после он задремал и видел сон, в котором снова и снова переживал свой позор.

*

Вечером происшествие в церкви уже казалось Александру чем-то очень далеким, почти нереальным. Точно так же и его покаянная молитва стала восприниматься как что-то такое, что произошло с кем угодно, но только не с ним. Отец Евы не отказывался от своих слов, но ему было так странно, что он чувствовал подобное, говорил подобное. Давным-давно Александр любил стоять на сцене и ощущать на себе взгляды сотен зрителей. Однако ни разу его монологи не слушали с

таким благоговением, с каким нынче утром сам он внимал человеку с микрофоном, что стоял под огромным крестом.

Он часто думал о школьном театре как о потерянном рае, но, когда родилась Ева, Эдем возродился. Потускневшее бытие наполнилось новым смыслом. Свои чувства к дочке Александр называл «любовью, которая больше любви». Он размышлял о том, что это крошечное существо для него важнее триллионов и триллионов кубических километров вселенной, заполненных живыми и неживыми предметами, настолько разными, насколько могло хватить воображения у всемогущего Творца.

Отец Евы не сомневался, что иметь такие мысли и чувства – Божественный дар. И именно в такого Бога он верил – Бога любящего и дарующего любовь людям, а если и не всем людям, то, по крайней мере, – ему, Александру. Остальное не имело значения – богословские вопросы, споры между религиями, споры между католиками, протестантами и ортодоксами, споры между верующими и атеистами. Все это его не трогало и не волновало. Он точно знал, *что* понимал и *что* чувствовал, и этого было вполне достаточно, чтобы оправдать как свою жизнь, так и существование мира.

Как она там без него? Александр никогда не оставлял ее даже на день. Плачет ли? Или наоборот – играет во что-нибудь и совсем о нем не вспоминает? Впрочем, это на самом деле не важно. Главное – выполнить задание, раздобыть деньги. Все ли он делает правильно? Не перестарался ли? Ночной клуб, церковь. Александр просмотрел свой список и оторопел. Человек в здравом уме, даже если он разругался с женой и переживает сложное время, не стал бы посещать одно за другим такие места. Он схватил ручку – кое-что вычеркнул, кое-что добавил.

Александр взял себя в руки и как прилежный ученик продолжил следовать обновленному плану и тратить свои скудные сбережения до того момента, как был вечер, и было утро: день седьмой, в который он не отдыхал. Теперь его ожидал следующий шаг – книжный магазин и великий французский писатель.

*

Целый час отец Евы разгуливал по улочкам того района, где должен был купить книгу. Он для вида приобрел пару безделушек и, наконец, как бы совершенно случайно оказался возле «Папируса». Точно так же, как пропадало волнение, когда Александр выходил на сцену, волнение пропало и сейчас, стоило ему только зайти. Старомодный книжный магазинчик для тех, кто по-прежнему предпочитал бумажные издания. На полках в задумчивости лежали ветхие книги, вероятно, изданные даже не в двадцатом веке, а еще раньше. Александр огляделся, но не заметил других посетителей.

- Здравствуйте. Я ищу «Отверженных» Гюго.
- Здравствуйте. Это очень странно.
- Что здесь странного?
- Отверженных обычно никто не ищет. На то они и отверженные.
- А книгу про них?
- Ах, вы о книге, – невозмутимо отозвался собеседник.
- Представьте себе.
- Подождите здесь.

Продавец, мужчина лет шестидесяти, вернулся через минуту и поставил книгу на прилавок. Она не отличалась такой древностью, как те, что были выставлены на обозрение.

- А это у вас единственное издание «Отверженных»?
- Нет, не единственное. Но я решил, что вас заинтересует именно оно.
- Ясно.
- Остальные в значительно более плохом состоянии.

Александр боялся, что говорит не с тем человеком. Тогда он задал еще один вопрос:

– Простите, что вмешиваюсь не в свое дело. Вы здесь один работаете? В смысле... Вы хозяин магазина?

– Нет. Мой прадед.

– Ваш прадед владеет магазином?

– В своем роде.

– И сколько же ему лет?

– Нисколько. Он давно умер.

– Интересно, – вздохнул посетитель, понимая, что пора закругляться с этим идиотским диалогом.

– Думаете?

– Нет. Конечно же нет. Сколько с меня?

Продавец положил роман в пакет и протянул покупателю. Александр провел на свежем воздухе еще какое-то время, съел мороженое и возвратился в гостиницу. Он зашторил окно, прикоснулся к покупке и проникся своей причастностью к большой и опасной тайне, которая находилась внутри. В книге был вырезан прямоугольник толщиной страниц в тысячу. Там лежал сверток. Как и обещал Гомер, между форзацем и авантитолом отец Евы отыскал небольшой лист бумаги. Он несколько раз прочитал строки с заграничным адресом – пока не убедился, что его выучил наизусть. Затем Александр пальцами измелчил листок и насыпал в карман, чтобы позже незаметно избавиться от бумажной крошки.

*

Отец Евы направил два запроса – чтобы выехать из своего города и въехать в тот, куда он должен был прибыть к вечеру. Как только пришли разрешения, путешественник забронировал билеты и гостиницу. Будильник прозвенит завтра в шесть утра, и приключение начнется. Впереди долгий путь: за поездку он сменит три поезда.

Александр принял душ, очистил и съел апельсин, потушил свет. Сразу стало ясно, что сегодня так просто не уснуть: мысли в голове копошились, будто муравьи в муравейнике. Стопы жутко гудели – в эти дни он был на ногах намного дольше обычного. «Боже, отправь моих врагов после смерти в бесконечное путешествие по раю, но, прошу, обязательно награди их плоскостопием. Аминь». Отец Евы сел в кровати и начал массировать подошвы стоп. Он в очередной раз убедил себя в том, что нельзя сомневаться в успехе – у него обязательно получится. Нужно лишь следовать плану и вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. Да и едва ли кому-нибудь придет на ум, что то, что нужно сделать, не привлекая внимания, поручат человеку с такой необычной внешностью. Мужчина дотронулся до своего носа. Операция на искривленной носовой перегородке стоила недорого, но он никогда всерьез не беспокоился об этом. Александру казалось, что кривой нос – часть его сущности. Врачи не раз твердили, что операцию все же следует провести, потому что могут появиться, например, проблемы с дыханием. И хотя дышать иногда и вправду бывало тяжело, он давно привык.

Отец Евы включил свет, взял спрятанную глубоко в вещах книгу и прочитал первые страницы – до того места, где начинался вырезанный прямоугольник. «Отверженные» были одним из его самых любимых произведений. «Что там такого может быть в свертке, чтобы ради этого кромсать Гюго?» – размышлял он. Вдруг Александра осенило, что для главного героя – Жана Вальжана, как и для него самого, во всей вселенной существовала только одна маленькая девочка, ради жизни которой он готов был в любое мгновение отдать свою собственную. Как иронично! Но Жан Вальжан – каторжник, а плоскостопие Александра никогда не сравнится с тем, через что прошел литературный герой.

Впрочем, возможно, мы все в этой жизни каторжники? Таскаем на себе бессмысленные каменные глыбы, цепи, обязательства, память, в конце концов. А разница в том, что у кого-то в сердце живет маленькая Козетта, а иные клянут судьбу, потому что им не посчастливилось любить по-настоящему.

*

Александр зашел в свой вагон в хорошем настроении. Он сравнил номер на билете с числом на спинке кресла и сел напротив миловидной девушки, что дремала возле окна.

Поезд тронулся. Чемодан, внутри которого затаился Гюго, как и багаж всех остальных пассажиров, покоился в специальном отделении неподалеку. Вскоре незаметно для себя отец Евы тоже уснул, а когда открыл глаза, то девушка беззастенчиво изучала его. Он потер пальцами веки, а сидящая напротив все еще продолжала пристально смотреть.

– У меня что-то на лице? – выговорил спросонья Александр.

– Простите, нет, конечно нет. Вы любите читать?

На этом вопросе у путешественника, кажется, одновременно остановилось и дыхание, и кровообращение.

– В каком смысле?

– Разве у этого вопроса есть много смыслов?

– И правда, – согласился мужчина.

– Так вы читаете книги?

– Да, конечно, читаю.

– Читали Эдмона Ростана?

– Боже. Ну, все понятно.

– Что вам понятно?

– Вы намекаете на Сирано де Бержерака. Но у него был большой нос, а у меня – кривой.

Чувствуете разницу?

– Да, чувствую. Я чувствую ее лучше всех.

– Это почему же?

– Потому что я пишу диссертацию по творчеству Эдмона Ростана, – не без гордости сказала девушка.

– Ну, и что? Это повод обсуждать с незнакомцем его внешность?

– Мне просто скучно. Еще долго ехать.

– Ну, конечно, вам скучно. Вы ведь про Эдмона Ростана диссертацию пишете!

Незнакомка расхохоталась, и Александр рассмеялся в ответ. Теперь у него появилась возможность подробнее рассмотреть ее. Симпатичная, со смуглой кожей и длинными волосами. Несколько интригующих родинок на щеке.

– Так у вас есть что-нибудь почитать?

Александр взял несколько секунд на размышление. Кто она? Как возможно такое совпадение? А если она из полиции и знает, что у него книга? Вдруг они что-то подозревают и хотят без лишнего шума проверить? В таком случае, если он сейчас солжет, то все пропало.

– А почему вы сами ничего не взяли почитать? Теревите тут пассажиров со своей проблемой.

– Теревлю, значит?

– Ну, конечно, теревите. Не согласны?

– А кто сказал, что я не взяла? – ответила вопросом на вопрос незнакомка. – Мне любопытно, что есть у вас.

– Ясно. Да, у меня есть книга, но это подарок.

– Ах, вы едете в гости!

– Вы слишком любопытная для девушки, голова которой забита диссертацией.

– Я ее почти дописала.

– И что это меняет?

– Покажите книгу. Пожалуйста.

Девушка сложила ладони и бросила на собеседника умоляющий взгляд. Александр вновь задумался. Нет, она слишком естественная. Она не может быть из полиции.

– Хорошо. Но с одним условием. Я покажу вам только обложку. И вы будете смотреть книгу из моих рук, потому что человек, которому я везу ее, очень щепетильный в таких вопросах. Он коллекционер, а это старое издание.

– Вы запросто можете наврать ему, что никто, кроме вас, ее не трогал.

– Какой сегодня день недели?

– Среда.

– К сожалению, у меня правило: я не лгу по средам.

– Ах, вот оно что!

Александр добрался до своего чемодана и, положив пальцы на кодовый замок, увидел, что у него дрожат ладони. Только этого не хватало. Он шел обратно и сильно сжимал книгу руками – как будто сверток мог случайно выпасть из закрытого тома.

– Ну, что ж. Смотрите.

– Обожаю Гюго!

– А почему же диссертация по Эдмону Ростану?

– Да что вы прицепились! В жизни не все бывает, как мы хотим, но вам это, кажется, не знакомо.

– Да, и правда. Понятия не имею, о чем вы. Я баловень судьбы. Все мои желания всегда исполняются, – кривлялся Александр.

– Кем вы работаете?

– Я грузчик.

– Грузчик? Я думала, работу грузчика в наше время выполняют роботы. Вы врете.

– Нет, я не лгу по средам.

– И откуда такое особое отношение к средам? Умоляю, не говорите «потому что в этот день я встретил вас». Это будет дешево.

– Нет, вы не понимаете. Я и правда грузчик. Я беру на руки мою дочь, переносу ее туда, куда она укажет, и потом ставлю на пол, на землю, на стул. В общем, в зависимости от обстоятельств. И так – по многу раз за день. Я грузчик. И работаю сверхурочно.

– Вы сейчас хотели показать, что женаты и мне нужно оставить вас в покое, или же наоборот, что вы нежный и любящий отец, готовый перенести все эти чувства на юную особу напротив?

– Боже-боже... Мне кажется, зря вы решили писать диссертацию про драматурга. Вы же и сами своего рода драматург: разыгрываете в воображении какие-то несуществующие сценарии. Вам нужно было взяться за что-то другое.

– За что, например?

– Ну, например, за какую-нибудь детскую книжку. Это бы вас успокоило.

– То есть вы считаете, мне нужно успокоиться?

– О, да. Безусловно, – заверял мужчина.

– У вас замечательное чувство юмора. Можно я вас поцелую?

– Ну, поцелуйте.

Незнакомка встала, сделала шаг и обольстительно нависла над Александром. Путешественник посмотрел на нее снизу вверх и, когда она наклонилась, он закрыл глаза. Мужчина почувствовал теплые губы на кончике своего носа, а через мгновение опять услышал ее смех.

– Вы ведь думали, что я вас в губы поцелую. Признайтесь.

– Признаюсь. Я ведь не лгу по средам.

– Скажите, к кому в гости вы едете?

– Я еду в гости к будущему моих детей. Пожалуйста, давайте не будем об этом. Я очень уставший.

– Хотите, я поеду с вами?

– Мне кажется, вы совсем недавно расстались с молодым человеком. Угадал?

Выражение ее лица мгновенно изменилось – она будто сбросила маску. Александр, окончательно войдя в роль, произнес один из своих любимых монологов, который пришлось как нельзя кстати:

– Послушайте, я не знаю, как вас зовут. И вы не знаете моего имени. Мы и миллиарды других безымянных людей катаемся по кругу на этой планете, которая и сама вертится вокруг своей оси, словно бесконечный аттракцион. Мы все маленькие фигурки, запущенные в космос под разными углами и с разной силой. Но у каждого... Не знаю, может быть, и не у каждого, но, по крайней мере, у некоторых из нас внутри живет что-то настоящее. Только оно и по-настоящему светится, освещает вселенную. И я прямо сейчас делаю что-то, чтобы этот огонек внутри меня не погас, понимаете? И если в вас тоже есть что-то такое... что-то такое святое... сберегите его. Если мы с вами летим в одном и том же пространстве, это не значит, что мы летим вместе. А самое большее, что мы с вами можем вместе сделать – помахать издали друг другу. Понимаете?

– Кто вы?

– Я простой грузчик. Жаль, что вы никак не поймете, что я не лгу.

*

Чтобы более не смущать незнакомку, да и самому не задохнуться от неуклюжего молчания, Александр пошел в вагон-ресторан, где заказал мороженое. Он поставил ладони на скатерть, широко раздвинул пальцы и заключил, что его речь вышла достаточно проникновенной. Зрителям бы наверняка понравилось. Официант принес в металлической креманке три шарика – клубничный, ванильный и шоколадный. Классика. Жаль, что Евы нет рядом. Она любит, когда папа растаявшим пломбиром рисует ей и себе на кончике носа кнопку.

Итак, пока что дело движется вперед. Хотя, конечно, он наговорил лишнего. Зачем он, например, сказал, что едет в гости к будущему своих детей? Александр никогда не умел удержаться, если мог выдать что-то яркое и запоминающееся. Порой это вредило ему, но он ничего не был в состоянии поделать с собой.

Осторожно, чтобы не нарушить воображаемую герметичность розового шарика, пассажир с кривым носом соскребывал мороженое и, растягивая удовольствие, медленно проглатывал кусочек за кусочком. Зачем он так жестоко обошелся с этой несчастной? Что ему стоило с ней познакомиться? Почему нет – даже завести отношения. Она хорошенькая, судя по всему – умная, с ней интересно разговаривать. Но нет. Конечно, не сейчас. Он все сделал верно, хоть и перегнул палку. Перед ним стоит только одна цель – довести книгу, получить деньги.

Всю обратную дорогу длинной в четыре вагона Александр репетировал: что сказать, чтобы разрядить обстановку, но в то же время не показаться человеком, который пожалел об уже произнесенных словах. Однако место ее пустовало, и ему вдруг стало очень тоскливо. Путешественник попытался в подробностях вспомнить весь их диалог, который нашел очаровательным. Все-таки, наверное, зря он ее упустил.

Когда Александр уже смирился с потерей, незнакомка возвратилась. Она мимолетно улыбнулась и потом сразу же закрыла глаза, чтобы показать – все в порядке, но разговор окончен. Пока мужчина судорожно подыскивал слова и повод, чтобы возобновить беседу, поезд доехал до конечной, и девушка, не проронив ни слова, испарилась. Александр убедил себя, что такой исход, в конце концов, к лучшему, и поспешил за чемоданом.

Едва отец Евы ступил на перрон, как к нему подошли трое – человек и два робота. Незнакомец в форме представился офицером полиции и попросил пройти с ним. Путешественник легко согласился. Он хоть и не подавал виду, но осознавал, что все кончено. Где он ошибся? Что он сделал не так? Александр стал таращиться вокруг – нет ли где той незнакомки. Вот бы перемотать время назад, вот бы жизнь начать сначала.

Свежеотремонтированный полицейский участок располагался прямо возле вокзала. И вот задержанный томится в полупустой комнате, где нет ничего, кроме нескольких стульев и стола, на котором стоит злосчастный багаж. Уже знакомый офицер попросил открыть чемодан. Еще один полицейский, постарше и выше званием, молча сидел слева от Александра, а робот-охранник стоял у выхода.

– Знаете, я думаю, что это не лучшая идея.

– Открывайте.

Задержанный притянул чемодан за ручку и открыл его.

– Где книга?

– Под вещами.

– То есть вы знаете, что *там* книга.

– Конечно. Это я ее туда положил.

– Достаньте ее.

Александр запустил руку под стопку аккуратно сложенной одежды и через секунду поставил роман на стол рядом с чемоданом.

– Что в книге?

– Судя по всему, буквы. Очень много букв.

– Не паясничайте. Отвечайте на вопрос. Что в книге?

– Роман Виктора Гюго «Отверженные». Что там еще может быть?

– Откройте.

Александр раскрыл книгу на середине, обнажив сверток.

– Что это?

– Я не знаю, офицер. Впервые открываю. Я купил ее вчера в магазине и ни разу еще не открывал. Напротив меня в поезде сидела одна девушка, я показывал книгу ей. Стал бы я это делать, если бы прятал тут что-нибудь?

– Девушка утверждает, что вы показали ей книгу, но запретили открывать.

Задержанный пожал плечами. Офицер надел перчатки и осторожно вскрыл сверток, в котором оказался порошок белого цвета. У Александра пронеслось в голове, что это приговор для его ребенка, который еще не родился. Все кончено. Он сядет навечно в тюрьму, Эмма сделает аборт, продаст с его согласия квоту на второго ребенка и сделает Еве настоящие ножки. Сверток унесли, а на Александра надели наручники и сообщили, что скоро дадут возможность позвонить адвокату и родственникам.

Прошло совсем немного времени, и офицера попросили выйти из комнаты. Тот вернулся почти тотчас же и, ничего не объясняя, расстегнул наручники.

– Идите, – сказал он.

– Куда?

– Куда хотите. Вы свободны.

Александр боялся что-то спрашивать и просто кивнул.

– Там была сахарная пудра, – добавил полицейский.

– Та девушка, с которой я говорил в поезде... Она работает на вас?

– Проводи его, – обратился офицер к роботу.

Спустя пару минут Александр был на свежем воздухе. Ему вернули и чемодан, и книгу, и даже сахарную пудру. У него так сильно дрожали колени, что он присел прямо на асфальт.

*

Разбитый человек долго бродил по исторической части города. Стопы болели. Одновременно внимательно и безразлично разглядывал он фонтаны, колонны, арки. До обратного поезда еще час. Отец Евы проголодался, но, будто наказывая себя, отказывался кушать. Он оставил чемодан в камере хранения на вокзале, и в руках у него были лишь «Отверженные». Александр уселся на скамейке возле исторического музея, погладил пальцами название романа и открыл его. «В тебе такая же пустота, как и во мне», – прошептал бедолага, изучая прямоугольную дыру в книге.

Он вспомнил слова Гомера о том, что если его поймут в первую поездку, то опасаться нечего. Теперь все ясно. Конечно, Гомер знал, *что* внутри книги. Видимо, догадывался, что за ним следят, и просто использовал Александра – хотел выяснить, возьмут курьера или нет. И если возьмут,

значит, самое время выходить из бизнеса. Блестящая многоходовочка. Ничего не скажешь.

Мужчина в нерешительности стоял у входа в квартиру и боялся открыть дверь. Когда ему было десять, он случайно подслушал разговор взрослых и узнал, что мог и не родиться. Его родители собирались сделать аборт, но в последний момент передумали. А после того как на свет появилась Ева и он полюбил ее больше жизни, мысль об убийстве неродившегося ребенка стала для него самой страшной из всех. Какой он, этот кроха в животе Эммы? Каким он стал бы?

Александр столько лет не соглашался продать вторую квоту только потому, что очень сильно хотел второго ребенка. Он все тянул время, чтобы найти деньги. Но когда стало ясно, что надежды больше нет, Александр сдался. Супруги договорились продать квоту, а спустя несколько дней Эмма забеременела.

В конце концов отец Евы зашел в квартиру и крепко обнял прыгнувшую на него дочку. Она громко плакала и умоляла, чтобы папа больше никогда не уезжал. В прихожей появилась Эмма. Напряженным взглядом она как бы спрашивала, получилось ли у него. В ответ Александр мотнул головой из стороны в сторону, и в тот день супруги больше не заговаривали друг с другом.

Когда отец, наконец, поставил Еву на пол, она выпалила:

– Уже скоро-скоро у меня будут ножки, да?

– Скоро. Осталось совсем чуть-чуть. Потерпи еще немного, солнышко.

А потом Александр остался один и пробормотал себе под нос:

– Конечно, Ева, у тебя будут ножки, но как же ты будешь ходить на этих ножках по белому свету, если у них такая невыносимая цена?

*

Посреди ночи девочка пробралась в комнату родителей и разбудила отца.

– Эй, ты чего не спишь?

– Папа, я хочу гранат.

– Какой еще гранат! Сейчас ночь.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Ева легко помыкала Александром, который не сопротивлялся ее деспотическому правлению. Они уже на кухне, и полусонный папа лезет в холодильник. Он помыл гранат и вытащил из шкафа две тарелки: глубокую – для очищенных зернышек и мелкую – для кожицы и околоплодника. Потом отец вооружился ножом и круговым движением отрезал хвостик плода. Эту шапочку в форме короны он возложил себе на голову.

– Смотри, солнышко, я – король.

Ева начала весело хлопать, но Александр прервал ее:

– Тише, тише! Мама спит.

Мужчина сделал четыре длинных, но неглубоких надреза, и усилиями пальцев разделил плод на четыре части. Каждый из получившихся кусков он аккуратно разломил еще на два или три. Все это время Ева глядела на папу, затаив дыхание, будто тот был жрецом, который совершает священнодействие. Затем отец и дочь взяли каждый по ломтику и начали отделять съедобное от несъедобного, бросая зерна в одну тарелку, а околоплодник в другую. Вдруг непослушное зернышко пулей вылетело из граната, что, как и во всякий другой раз, вызвало у Евы настоящее ликование.

– Солнышко, помнишь тетю Рузанну из соседнего дома? Она еще тебе все время конфеты дает.

– Ага, помню.

– Так вот, она армянка. Знаешь, Ева, у армян есть такая традиция: на свадьбе невеста бросает гранат на землю. Гранат разламывается, и зернышки рассыпаются во все стороны. И эти зернышки обозначают детей. Это значит, что у жениха с невестой будет много ребятишек.

Ева с удивлением взглянула на ярко-красную кучку, а потом подняла взгляд:

– Так много?

- Нет, конечно, не так много. Это просто символ, понимаешь?
- Не-а... А почему у тебя и мамы не много детей? Мама не бросала гранат на свадьбе?
- Не бросала.
- А почему?
- Ну, мы же не армяне.
- А у меня будет когда-нибудь братик или сестренка?
- А ты хочешь братика или сестренку?
- Ну, конечно, хочу.
- Солнышко, но ты никогда не говорила об этом. Ты всегда спрашиваешь только о ножках, а они у тебя совсем скоро будут.
- А можно и то и другое?
- И ножки, и братика? – уточнил родитель.
- И ножки, и сестренку!
- Конечно можно! Иди сюда, обниму.

Ева села папе на колени, и он покрыл ее голову многочисленными поцелуями. Александр положил липкие ладони дочери в свои и начал выдумывать очередную сказку о вымышленных путешествиях Евы. На сей раз она улетела на ковре-самолете в Египет, чтобы поглядеть на древние пирамиды. Девочка скоро уснула, и отец осторожно отнес ее на кровать, укрыл одеялом.

Он возвратился на кухню. На столе бездельничали тарелки, их содержимое, нож, несколько кусков неочищенного граната. Александр завершил семейное дело и поставил освобожденные от оков зернышки в холодильник – Еве на завтрак. Он был изможден, и ему нужно хорошенько выспаться, чтобы придумать новый план.

*

Утренняя прогулка должна была стать поводом, чтобы поразмышлять на свежую голову. Где найти большие деньги за короткий срок? Какие у него варианты? Вокруг много богатых людей, но что Александр может предложить им? Он фактически ничего не умеет.

Так ничего и не придумав, мужчина проголодался и направил стопы домой. Еще на лестничной площадке было слышно, что жена ругается на Еву.

- Что случилось? – прокричал Александр с порога, прибежал на кухню и повторил вопрос.
- Твоя дочь швыряет фрукты на пол!
- Какие фрукты?

– Вон! И она не желает объяснить, что это за выходка такая! Сидит и ревет!

У ног Александра лежали три граната, которые он поначалу не заметил.

– Это ягоды.

– Ты издеваешься надо мной? – опешила Эмма.

– Ева, иди ко мне. Иди к папе. Я знаю, зачем она это сделала.

Девочка встала с пола, подошла к отцу и обняла его ноги.

– И зачем же? – ехидно поинтересовалась женщина.

– Чтобы у нее была сестренка. Да, солнышко?

Девочка закивала головой и еще сильнее прижалась к отцу.

– Знаешь *что*? Ты такой идеальный папа, такой всегда хороший, а я всегда такая плохая. Как думаешь, Ева будет так же думать, если ты наконец-то прекратишь ей врать? А? Может быть, все-таки это я хорошая? Ведь в этом доме только я думаю о ее будущем, а не живу фантазиями в своем воображаемом мире!

– Прошу, Эмма, прекрати. Не нужно.

– Нет, это ты прекрати! Давай, скажи ей правду. Скажи, что ты делаешь все, чтобы у нее никогда не было настоящих ножек, о которых вы без толку болтаете с утра до вечера! Потому что без квоты ты никогда столько не заработаешь! А все потому, что ты ни на что негодный бездарь!

Александр взял на руки Еву, которая забилась в истерике, и прямо в домашней одежде вынес девочку на улицу. Люди озирались, и поэтому он быстрыми шагами, несмотря на боль в ногах, шел туда, где можно было остаться с дочкой наедине. Она уже немного успокоилась.

– Скажи, солнышко, ты начала плакать, потому что гранаты не разбились, да?

– Да...

– Ну ты же не невеста на свадьбе. Не плачь. Гранаты разбиваются только у невест. Понимаешь?

– Папа, почему мама так говорила?

– Она просто очень устала, Ева. Мама просто очень устала. Не обижайся на нее, пожалуйста.

– Она сказала, что ты делаешь так, чтобы у меня не было ножек.

– Хорошо, солнышко. Ну-ка, сядь. Я тебе сейчас все объясню. Ладно?

Девочка села на траву, и отец платком вытер ее глаза и щеки.

– Я буду с тобой очень честным. Договорились? Тебе нужно еще подождать, чтобы...

Ева опять расплакалась и вздохом сквозь слезы произнесла следующее:

– Я не хочу ждать! Ты обещал! Ты обещал!..

Девочка не могла дальше ни говорить, ни слушать. Она вскочила и зашагала в сторону дома. Бежать в протезах было неудобно.

*

Александр последовал за Евой, убедился, что она в квартире, и только после этого пошел в ближайшую закусочную. Там он почувствовал, что обессилен, а еще что несет ношу, которая ему не по плечу. Впервые в жизни захотелось убежать, оставить все и всех. Боль и слабость захватили его – Александр сгорбился и устремил взгляд на одну точку перед собой. Пролетело несколько мгновений, и грандиозная волна любви к дочери захлестнула его. Тогда ему показалось, что мыслями о побеге он предал Еву.

– Прости меня, солнышко, – прошептал мужчина в пустоту.

Из-за двери появился робот-официант с овощным салатом и стаканом апельсинового сока на подносе. Александр коснулся вилки, но не стал брать ее. Он вытащил из кармана телефон, открыл сайт национальной лотереи и обнаружил, что за несколько лет накопился огромный джекпот. Очередной розыгрыш состоится вечером. Отец Евы приобрел сразу десять билетов. А почему бы, собственно, и нет? Бог ведь творит чудеса. Так почему же, пропади все пропадом, нет? Кто-то однажды должен взять этот джекпот. Почему не он?

Александр не знал, как убить время, и в кинотеатре просмотрел подряд несколько фильмов. Он вышел из здания с разболевшей головой, пешком дошел до центрального парка и пристроился на одной из скамеек. Трансляция лотереи должна была вот-вот начаться. Сама программа, которую превратили в зрелищное шоу, продлилась намного дольше, чем предполагал Александр, но в конце концов оказалось, что он ничего не выиграл. Мужчина выключил телефон и посмотрел по сторонам.

– Что я делаю? – спросил он себя. – Что за ерундой я занимаюсь?

Отец Евы возвратился домой лишь тогда, когда был уверен – дочка уже спит. Она никогда раньше не обижалась на него, и он стыдился из-за того, что ребенок страдает. По пути на ум неожиданно пришла одна мысль – на следующий день он снова попытает счастья.

*

– Я настаиваю, чтобы интервью провел человек.

– Прошу вас, будьте уверены: моя программа позволяет квалифицированно выполнить данную работу. В соответствии с регламентом корпорации настоящая беседа даже не подпадает под определение интервью, так как я должен всего лишь задать несколько стандартных вопросов и составить о вас общее впечатление.

– И все-таки я настаиваю. По закону я имею на это право.

– Да, имеете. Прошу вас подождать несколько минут.

Очень скоро в комнату вошел рыжий молодой человек лет двадцати пяти и небрежно представился.

– Спасибо, что уделяете мне время.

– Время – очень ценный ресурс. Поэтому не тратьте его зря. Я вас слушаю.

– Мне очень нужна работа в вашей компании.

– Вы надели костюм, чтобы стать уборщиком. Полагаю, вам и в самом деле очень нужна работа. Но для этого не было никакой нужды отвлекать меня. Здесь всего несколько элементарных вопросов.

– По правде сказать, есть еще кое-что.

– И что же?

– Моей дочери шесть лет. У нее нет ног. Сейчас она ходит с протезами старой модели, но мы с женой хотим, чтобы у нее были настоящие ноги.

– Мы не благотворительная организация.

– Прошу... Прошу... Дайте мне еще одну минуту.

Сотрудник компании закатил глаза и недовольно положил руки в карманы. Александр продолжил:

– В общем, я все прекрасно понимаю. Этот бесконечный прием на работу, судя по всему, просто спектакль. Вам не нужны уборщики – роботы и так со всем справляются. Но у вас соглашение с правительством, и вы каждый год даете работу какому-то количеству людей. Я не наивен. Я это понимаю. Все это понимают. И работа уборщика, поверьте, это не та работа, о которой я всю жизнь мечтал. У вас ведь здесь есть камеры?

– Конечно, есть.

– У правительства есть к ним доступ?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что у меня есть кое-что интересное для вас.

– Надо же. Говорите.

– Мне нужна большая сумма денег, чтобы спасти жизнь одному моему ребенку и дать ноги другому. У меня очень мало времени. Я готов выполнять любую работу, которую компания мне поручит. Грязную, незаконную, такую, за которую никто не берется. Любую. Я готов на все. Я знаю, что роботам нельзя все поручить. Ведь их нельзя просто так уничтожить, они все регистрируют. И если даже им стереть память, то очень легко это обнаружить и восстановить данные. Вы убедитесь, что мне можно доверять. Пусть ваша служба безопасности проверит меня.

– На кого вы работаете?

– Ни на кого.

– Вы вообще слышите себя? Для нас нет ничего важнее репутации. Немедленно уходите.

– Я хочу поговорить с вашим руководителем.

– Немедленно уходите, или я позвоню охране.

Александр с тяжестью встал со своего места и уронил на пол огромный круглый щит. Он разогнул пальцы, и копье выпало из ладони. Двумя руками он снял с головы тяжелый шлем и поставил его на журнальный столик, будто свою отрубленную голову.

*

Отец Евы еле волочил ватные ноги. Ему хотелось рассечь свое тело, как тело птицы из Ветхого завета, и принести себя в жертву лишь для того, чтобы Бог услышал его. Он очутился в сквере, где гуляли добрые горожане – кто в одиночку, кто с семьей, кто с друзьями, кто с любимым человеком. И лишь Александр бродил даже не в одиночку, а без самого себя. Вдруг какой-то неистовый порыв заставил его снять ботинки и встать на одну из резных скамеек. Он глубоко вдохнул

и окинул взглядом мир вокруг. И тогда Александр начал в одиночку разыгрывать отрывки из пьес. Он до сих пор помнил наизусть тысячи строк, которые постоянно нащепывал себе под нос. Мужчина жестикулировал так, будто находился на настоящей сцене, и голос его звучал настолько громко, что люди в десятках метров от этого места оборачивались. Он потрясал руками, и из глаз его текли слезы. Но то было обманом. Ведь зрители думали, что слезы принадлежат героям Шекспира и Чехова, а на самом деле плакал сам актер.

Зеваки с изумлением и интересом смотрели на иступленного мужчину, который в своей страсти, казалось, словно Иаков, борется с Богом. Одна женщина приблизилась и положила несколько банкнот под ботинок Александра. Отец Евы замолк на середине фразы, соскочил со скамьи и вежливо вернул деньги зрительнице. Потом он громко произнес следующие слова:

– Спасибо, но мне не нужны деньги! У меня есть все, что нужно. Мне не нужны деньги! Спасибо! Благодарю, что слушали меня!

Схватив свою обувь, Александр сбежал оттуда. Он спрятался за деревом с широким стволом и прислонился к нему спиной. Потом этот босой и жалкий человек беззвучно зарыдал. Он поднял голову и увидел крону дуба, который с пониманием и любовью глядел на него сверху вниз. Дерево не обвиняло и не осуждало его. Александр понял, что космический покой сошел на него. Он представил себя ничего не значащей песчинкой, что летит через центр вселенной, в которой все предопределено. Он здесь, чтобы любить все то, что разделяет с ним их прекрасное и непостижимое бытие.

Хватит пустых обещаний, хватит суеты. Если родится ребенок, то он не сможет подарить Еве ноги, а если ради настоящих ножек продать квоту, то придется сделать аборт. Сделать выбор между одним и другим – выше человеческих сил. Что ж, должно быть, Бог об этом что-то да знает. И если Создатель неба и земли знает, то уж, наверное, сделает что-нибудь, если, конечно, посчитает нужным. А что он, Александр? Он всего лишь маленький человек с кривым носом и плоскостопием, который хочет, чтобы двое его детей были счастливы и любили его.

*

Ева и не думала обижаться на папу. Она словно совсем позабыла вчерашний день. Александр все размышлял о том, сколько же в ней добра, чистоты и искренности. Они стали играть, и отец угрожал дочери тем, что откусит ей нос. Ева смеялась и притворялась, что всерьез опасается подобного развития событий. Папа сказал, что сейчас выпьет воды и вернется, чтобы продолжить за ней погоню. На кухне Эмма освободила от всего большой стол и собирала на нем пазл из тысячи чих фрагментов. Она была так увлечена, что не заметила, как кто-то зашел.

– Привет, – произнес Александр, как будто они сегодня еще не виделись.

– Привет, – равнодушно ответила Эмма, не отрываясь от своего занятия.

– Что собираешь?

– То, что должно было быть моей жизнью.

Муж подошел и взял со стула коробку, на которой были изображены роскошный двухэтажный особняк, дорогой автомобиль, а также влюбленная пара, что умиротворенно сидела в беседе напротив дома. Пробегая глазами по сотням еще несобранных деталей, она то и дело прикусывала самый краешек большого пальца.

– И правда, – произнес Александр.

– Что «и правда»?

– Это то, что должно было быть твоей жизнью.

– Чего тебе надо? – Эмма, наконец, подняла на мужа глаза.

– Знаешь, иногда мне кажется, что я люблю тебя.

– Да иди ты.

Мужчина усмехнулся и налил себе воды. Что чувствует эта женщина? Она проживает жизнь, которая кажется ей чужой, живет с человеком, который кажется ей чужим, носит в себе ребенка,

которого ей не суждено родить. Боже, каждый и впрямь воюет на своей собственной, невидимой для других войне.

Ева лежала на полу и смотрела в потолок. Александр сделал пару глотков и растянулся рядом.

– Папа, а если у меня не будет настоящих ножек, ты ведь будешь меня так же сильно любить?

– А ты меня станешь меньше любить, если у меня нос останется кривым?

– Конечно нет. Мне нравится твой нос.

– Правда?

– Правда. Он смешной.

– Ну хорошо, что смешной. Солнышко, я всегда буду тебя любить так же сильно, как сейчас.

Ты мой мир.

– Как это? Ты всегда так говоришь.

– Это значит, что в тебе есть все, что мне нужно, чтобы быть счастливым.

– А что есть во мне?

– Например, солнце.

– Во мне есть солнце?

– Конечно.

– А где оно во мне?

– Прямо за твоими глазками. Поэтому они у тебя всегда светятся.

– А еще что?

– Еще в тебе есть небо, звезды и все остальное.

– И муравьи?

– А ты хочешь, чтобы они были внутри тебя?

– Не очень.

– Ну тогда их там нет.

– Но ведь это все неправда, да, папа?

– Знаешь, Ева, мне кажется, что только это и правда.

*

Следующим утром позвонили из Красной Башни. Приятный голос робота известил о том, что Александр принят на работу.

– Когда вам будет удобно приехать в наш офис, чтобы подписать трудовой договор?

– Я в общем-то свободен. Могу приехать через час.

– Мы вас будем ждать. Спасибо.

Отец Евы припарковался на бескрайней автостоянке и по указателям нашел нужное строение. Он прошел короткую проверку в службе безопасности и, наконец, оказался в кабинете, где его ожидал робот с распечатанным в двух экземплярах договором. Александр ничего не смыслил в юридических вопросах, но, прочитав два раза, заключил, что никаких подвохов нет. Подпись представителя компании уже стояла, и новому сотруднику лишь оставалось поставить рядом свою. После того как он отложил ручку, робот попросил подождать.

– С вами должен переговорить менеджер.

– Менеджер лично общается с каждым уборщиком, которого вы принимаете на работу?

Умная машина оставила вопрос без ответа и скрылась. Белые стены, совместные фотографии излучающих счастье людей и роботов, странное растение в углу. Мужчина лет пятидесяти с усами из середины двадцатого века появился в помещении, учтиво поздоровался и сел напротив.

– Я вас поздравляю. Вы приняты.

– Спасибо.

– Думаю, вы знаете, что сотрудники на вашей должности предпочитают не ходить на работу?

Мы даем такую возможность.

– Да, я говорил вашему коллеге, что знаю, как у вас здесь все устроено. И все же, я бы предпочел приходить сюда каждый день – как прописано в договоре.

- И что вы будете целый день делать?
- Буду работать.
- Ваше право. Но, думаю, вы столкнетесь с рядом сложностей.
- Ничего страшного, я их преодолею.

Собеседник Александра улыбнулся одним уголком рта.

– Позвольте поинтересоваться, что за история приключилась с вами за границей несколько дней назад?

– Если вы спрашиваете, то значит – и сами прекрасно знаете. Мне нужна большая сумма денег. Я это тоже говорил вашему коллеге.

– Да, я прочитал в отчете. Что ж, добро пожаловать в корпорацию. Завтра ваш первый рабочий день. Всего доброго.

Мужчина с усами встал и протянул руку, чтобы попрощаться.

– Постойте. Это все?

– Пожалуй, да.

– Не понимаю. Вы знаете, что мне срочно нужны деньги. У меня всего пара недель, чтобы достать их. И вы, менеджер, лично принимаете на работу уборщика, хотя на собеседовании я не ответил ни на один вопрос. Это все странно. Судя по всему, у вас для меня есть еще что-то.

– Послушайте. Вы хотели работу? Вы ее получили. Всего доброго. Ждем вас завтра.

Собеседник вновь раскрыл ладонь, и на сей раз Александр пожал ее.

*

Никого в городе не удивляло, что в воскресенье люди едут трудиться в Красную Башню, ведь это была одна из организаций, где работа кипела всегда – каждый день, двадцать четыре часа в сутки. Для корпорации, которая соревнуется с другими коммерческими гигантами, нет более важного ресурса, чем время: ведь самое главное – быть, как говорится, на шаг впереди конкурентов. А для этого бесконечно сменяющие друг друга команды сотрудников работали день и ночь. Если в других отраслях экономики правительства держали крупные компании на коротком поводке, то в сфере высоких технологий дело обстояло сложнее. Здесь корпорации и правительства выступали как равные партнеры, которые нуждались друг в друге, помогали друг другу, многое друг другу прощали.

Робот-проводник попросил Александра следовать за ним. По пути отец Евы с интересом разглядывал все вокруг, но все, что он видел – это стены и двери, никаких чудес. На лифте они поднялись на восемнадцатый этаж. Там робот выдал уборщику карту размером с ладонь.

– Зеленым отмечена ваша зона ответственности. Мы находимся здесь. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– А чем мне делать уборку?

– Никакого оборудования для вас не предусмотрено. У вас есть другие вопросы?

– Да уж. Спасибо.

Робот ушел, и Александр остался один. Он уселся на небольшой диван и вздохнул. Мужчина раз за разом отгонял мысль о том, что это пустая трата времени, что нужно все бросить. Но ведь возможно, что корпорация испытывает его: следит через камеры за поведением, пытается понять, насколько ему можно доверять.

На другом конце коридора появилась поломочная машина. Робот со знанием дела наводил чистоту и постепенно приближался.

– Привет, ты разговариваешь?

– Здравствуйте. Да, я разговариваю, но у меня ограниченный функционал.

– Это твоя территория уборки?

– Да, это моя зона ответственности.

– Смотри, мне дали карту, и я тоже должен тут уборку делать.

- Это моя зона ответственности.
- Ясно. С тобой тоже каши не сварить.
- Столовая находится на пятом этаже, время обеда с часу до двух.
- Иди уже.
- До свидания.

В положенное время Александр отправился в столовую в надежде с кем-нибудь там познакомиться. Примечательно, что на кухне в корпорации работали только люди. Все об этом знали и шутили, что настоящее технологическое будущее наступит тогда, когда руководство Красной Башни доверит свои желудки роботам. Но пока что умным машинам вверяли жизнь, здоровье, образование, словом – все что угодно, кроме желудков. Еда оказалась вкусной, но завести беседу ни с кем не удалось. Уборщик никому не был интересен.

Рабочий день заканчивался в шесть часов вечера. От безделья и скуки новый сотрудник совсем измотался.

Третья часть

Дни проходили один за другим, но ничего особенного не происходило. Александр упорно продолжал ходить в Красную Башню. Чтобы рабочее время проходило быстрее, он начал брать с собой книги. Отец Евы почти не вставал с дивана в коридоре. Он читал, размышлял и надеялся на чудо. Единственный, кто каждый день появлялся в этом крыле, был тот самый поломочный робот. Иногда здесь мог пройти еще кто-то, но он обязательно спешил по своим делам и не имел никакого желания чесать языком с уборщиком. В офисах корпорации в ожидании будущего расширения пустовали целые этажи. Однажды Александр не сдержался и вновь заговорил с роботом.

- Судя по всему, ты никогда не выходишь из здания.
- Да, я никогда не выхожу из здания.
- Любопытно. Человек скорее всего бы ответил «нет, я никогда не выхожу из здания».
- Я владею лишь основами грамматики, поэтому я не могу понять то, что вы сейчас сказали.
- Боже... И каково это – не видеть солнца и небес?
- Простите, я не понимаю. Я должен вернуться к работе.

Александр решил попросить о встрече с начальством, и ему дважды отказали. Месяц, о котором договорились супруги, истекал – оставалось два дня. Муж и жена нервничали все больше, но старались этого не показывать. Еще совсем недавно они хотя бы обсуждали жизнь Евы и бытовые проблемы, но теперь перестали общаться. Все их диалоги сводились к двум-трем односложным фразам.

В выходной день отец с дочкой задумали прогуляться к пруду. Александр оглянулся, чтобы сказать жене, когда их ждать, но застыл на месте – Эмма опять держала ладони на животе, но в этот раз с таким выражением лица, будто пыталась проверить, чувствует ли она ребенка. Мужчина быстро отвернулся, чтобы женщина не заметила его взгляда.

Спустя минуту Александр и Ева на улице. Девочка весело болтала. Казалось, она позабыла о новых ножках, а вот ее папа никак не мог выбросить из головы эту картину – Эмма с рукою на животе. Ему стало так жалко ее, что захотелось прямо сейчас прибежать домой и крепко обнять жену. Если их ребенку в чреве суждено умереть, то, наверное, это и вправду должно произойти как можно раньше.

Пруд. Напротив, на другой стороне воды, у самого берега стоял высокий и худой мужчина с ребенком на руках. Ева принялась махать незнакомцам рукой, и тогда мужчина помахал ей в ответ сам, а потом и ладошкой сына.

*

Ночью на кухне Эмма очищала ножом яблоко. Александр сел рядом. Пахло протухшей едой.

– Кажется, мы давно не выбрасывали мусор. Что делаешь?

– Чищу яблоко. Ты просто мастер идиотских вопросов.

– И правда. Я просто пытаюсь начать беседу.

– Кажется, у тебя получилось.

– Собрала пазл?

– Да, уже давно. Но оказалось, что моя жизнь от этого не стала такой, как на картинке.

– Ясно.

– А я так надеялась.

– Слушай, Эмма. Нужно это прекратить. Давай завтра же сходим в муниципалитет, разберем-ся с квотой. Ну, и тебе нужно...

– Я дала тебе месяц. Месяц! Это ты меня об этом попросил, а не я тебя. У тебя еще два дня. Так что – иди и ищи деньги.

– Да, прости. Ты права.

– Я серьезно. Прямо сейчас. Я сказала: иди и ищи деньги. У тебя два дня.

У нее задрожали губы. Александр не мог и не хотел возражать. Оба знали, что все кончено, что идти некуда, но мужчина все равно оделся и вышел из дома. Он сел в автомобиль и поехал прокатиться, чтобы убить бесценное время, которое теперь ничего не стоило.

Каждый день отец Евы проходит мимо людей, у которых есть нужные ему деньги. Но ни к одному из них не подойти, ни один из них не поможет. Должно быть, это нормально и не стоит никого винить. В конце концов, с чего бы делиться своими сбережениями с незнакомцем? Но всю сознательную жизнь Александра отчего-то не покидало ощущение, что как бы сильно он не любил мир, с ним что-то не так. Мужчине никак не удавалось выразить это самое «что-то» словами, но он чувствовал и даже – знал это. А если, рассуждал Александр, мы говорим «не так», то, значит, есть у мира и некая совершенная задумка, в согласии с которой все может быть «так».

Мы все принимаем как очевидное, само собой разумеющееся, но, если задуматься: кто же задал законы природы? Если бросить монетку в мире без Бога, то всякий раз она бы откликалась по-разному – то улетала бы в космос, то падала бы на землю, то замирала бы в воздухе. Однако монетка и все вокруг все-таки подчиняются законам. А могут ли законы существовать без создателя? Без создателя может существовать только хаос. Мы так привыкли к тому, что монетка всегда оказывается на полу или ладони, что не задаем себе самых важных вопросов. И все, что нас интересует – какой стороной вверх смотрит упавший динарий.

Александр остановил автомобиль и через лобовое стекло взглянул на небеса, о которых вопрошал робота.

«Так что же, Боже... Если Ты существуешь, то почему я никак не могу поверить, что Ты бессилен. Ведь если Ты не вмешаешься, то через несколько дней умрет мой ребенок. Я знаю, точно знаю – я не первый и даже не миллионный, с кем такое случается. Но ведь я человек, и поэтому мне все кажется, что я такой исключительный, что моя история не такая, как у остальных. Думаю, Ты простишь мне эти слова. Ты все прощаешь, на то Ты и Бог. Но я не знаю... правда не знаю, смогу ли я простить Тебе то, что вот-вот случится».

*

Двое суток Александр старался не попадаться жене на глаза. Он отчаялся и больше не задавал вопросов – ни себе, ни прохожим, ни Богу. Отец Евы слонялся по городу, и пустыми глазами разглядывал равнодушные предметы. Когда боль в стопах становилась невыносимой, он садился на первое попавшееся место, часто – прямо на асфальт, и подолгу являлся на свои ботинки.

Месяц истек, и настало злосчастное утро. Александр на короточках завязывал шнурки. Со стороны было сложно заметить что-то необычное, но сам он чувствовал – пальцы не слушаются. Эмма выглядела сосредоточенной и спокойной. Она собрала волосы в тугий хвост и приготовилась раньше мужа. Наконец мужчина выпрямился и посмотрел жене в глаза.

– Пойдем, – сказала она уверенно.

Из всех маршрутов, которые предложил навигатор, Александр выбрал самый длинный. Женщина заметила это, но промолчала. Дочка с заднего сиденья пыталась развеселить папу, но у нее никак не получалось. Тогда она молча уткнулась в окно, чтобы хоть там найти что-нибудь интересное.

В муниципалитете родители оставили девочку в специальной комнате для детей, а сами отправились продавать квоту. Супруги приехали заранее, и поэтому нужно было немного подождать. Они уселись на соседних стульях, и Александр опустил лицо в ладони. Он хотел умыться холодной водой, вырваться из страшного сна. Но кошмар не заканчивался, и мужчина как ребенок всхлипывал в темноте своих рук.

Высокий и худой незнакомец разместился рядом с ними. Через минуту мужа с женой пригласили войти. Когда они покинули кабинет, Александр со всей силы ударил основаниями кулаков по стене. Незнакомец от неожиданности вздрогнул, а женщина, не обращая внимания на супруга, поспешила вперед. Еще спустя два дня Эмма пойдет к гинекологу, чтобы сделать аборт.

– Я давно тебя ни о чем не просила, но сейчас прошу. Прекрати *это*, – сказала женщина, когда семья ехала в машине обратно.

Александр кивнул. Ей, должно быть, тяжелее, чем ему, но она держится. Нужно похоронить в себе чувства и эмоции. Пусть время катится вперед и унесит в прошлое все это безумие. Скоро у Евы будут настоящие ножки – вот что должно стать самым важным.

*

Всю ночь отец Евы спал поверхностным и прерывистым сном – вздрагивал из-за каждого шороха, просыпался из-за навязчивых мыслей. Однако утром он явился миру человеком, который принял свою судьбу, а значит – человеком смиренным. Перед тем как уйти на работу он бросил взгляд на Эмму. Выражение ее лица во сне всегда было напряженным. Она лежала на правом боку лицом к окнам, а в кулаке по-детски зажимала край одеяла.

Александр опять на диване, что стал для него тюрьмой. Читать не было настроения. Гениальная «Книга скорбных песнопений», которую Григор Нарекаци написал тысячу лет назад, лежала рядом, точно молчаливый сокамерник. В пять минут десятого в дальнем конце коридора возникла незнакомая фигура, и это показалось очень странным, потому что в такое раннее время сюда никто не навещался. Отец Евы не отрывал взгляда от, казалось, заблудившегося странника, а тот неторопливо приближался. Незнакомец сказал «здравствуйте» и назвал свое имя.

– Доброе утро. Простите, не расслышал. Как вас зовут? Виктор?

– Да, Виктор. Верно.

– Очень приятно. Я Александр. Мне кажется, я вас где-то видел.

– Мне тоже очень приятно. Полагаю, вы видели меня вчера. В муниципалитете.

– Да-да, точно. Теперь я вспомнил.

Александр предложил гостю сесть рядом. Тот кивнул.

– Видите, как здорово, Виктор. Так же удобнее?

– Да, намного лучше. Прошу вас, не нужно чувствовать себя неловко из-за вчерашнего. Это тяжелое решение. Каждый может попасть в такую ситуацию.

– Спасибо... А вы, судя по всему, покупали квоту, раз были одни, да?

– Именно так. Что ж... Вы здесь работаете?

– Да.

– Это мой первый рабочий день. Поможете сориентироваться, Александр?

– Я здесь мало что знаю, но скорее всего – вам не сюда. В этих кабинетах, кажется, пусто.
– А мне и не нужен кабинет. На самом деле меня робот хотел проводить, но я по глупости отказался и пришел по карте. Пришел, кажется, правильно, но... где взять инвентарь?
– Какой инвентарь? – удивился отец Евы.
– Для уборщика.
– Вы уборщик?
– Да.
– Уборщик, который покупает квоту на ребенка?
– Знаю. Это необычно. И это долгая история. Ладно, так кого тут можно спросить?
– Боже... Как бы вам объяснить. Я тоже уборщик. Но они не выдают инвентарь. Я просто сижу тут целыми днями. Сюда робот приходит каждый день и чистит все. В общем, добро пожаловать на диванчик.

Александр не сомневался, что незнакомца подослала к нему Красная Башня, а это означает, что корпорация желает испытать его. По-видимому, Виктор должен втереться ему в доверие, чтобы понять – можно ли на него положиться. Кому могло прийти в голову, что они случайно пересекутся в муниципалитете? Как же Александр сглупил, когда обронил, что они где-то виделись. Теперь корпорации придется все переиграть и прислать кого-то другого, потому что у этого сотрудника история развалилась: уборщик, который покупает квоту на ребенка – это несерьезно. Но нет времени на игры и перестановки – он вопреки всему попытается выжать из Виктора что возможно. Отец Евы применит весь свой актерский дар, чтобы рассказать о себе. Красная Башня убедится, во-первых, в том, что он, Александр, готов на все, чтобы получить деньги, а во-вторых, что его верность и благодарность за помощь будут безграничны.

При этом Виктор тоже вообразил, что собеседника к нему приставили. «Важно не болтать лишнего – говорить лишь то, что корпорация хочет услышать», – думал он.

Мужчина с кривым носом, точно профессиональный боксер, быстро сократил дистанцию, перешел на ты и при первом же удобном случае начал пересказывать невероятную историю своей жизни, особенно – последних нескольких недель. Он делился очень личными подробностями, мыслями, чувствами. Чутье подсказывало Виктору, что Александр не лжет, но он решил оставаться осторожным. Даже если собеседник искренен, повсюду камеры – их разговор слышат.

Двое и не заметили, как проговорили до обеда. В столовую они снарядились вместе.

*

Не успел Александр положить в рот и трех ложек овощного супа, как на телефон с неизвестного номера пришло сообщение о том, что ему нужно срочно явиться в такой-то кабинет. Отец Евы пожаловался на боль в животе, попросил у Виктора прощения и отлучился.

– Я буду краток. Слушайте меня внимательно и хорошо подумайте перед тем, как отвечать, потому что у вас не будет обратной дороги, – начал тот самый мужчина с усами.

– Я готов, – ответил Александр.

– Вам по-прежнему нужны деньги?

– Да, очень.

– И вы готовы ради них на все?

– Да, я готов на все.

– Хорошо. Мы видим, что вам удалось наладить контакт с Виктором. Вас не предупредили ни о чем заранее, чтобы знакомство прошло максимально естественно. Естественным ваше поведение, конечно, не назвать, но, судя по вербальным и невербальным признакам, он вам доверяет. Это очень хорошо. Продолжайте общаться.

– Судя по всему, от меня требуется не просто общение? Правда?

– Сейчас от вас требуется только общение. В разговоре как бы между прочим поинтересуйтесь, какое особенное блюдо ему хотелось бы съесть. Скажите, что ваша жена волшебный повар

и что она обязательно приготовит то, что он назвал. Через час после того, как разбудите эту информацию, вам нужно будет вновь отойти и посетить комнату, которая указана на этой карте. Держите. Это недалеко от вашего дивана. Там будет ждать человек, который разъяснит следующие шаги.

– И что же нужно будет делать дальше?

– А есть какая-то разница?

– Нет. Нет разницы. Я просто хочу быть готовым.

– Я уже вам все рассказал. Это значит, что теперь вы не можете не быть готовы и не можете отказаться. От вас не потребуется ничего особенного, просто следуйте инструкциям.

– И вы решите мою проблему?

– Да.

– Вы поможете выкупить квоту и сделать дочери ноги?

– На те деньги, что вы получили от проданной квоты, вы сами сделаете своей дочери ноги.

Мы только поможем выкупить квоту обратно, чтобы вы смогли родить второго ребенка.

– Мы можем подписать об этом какое-нибудь соглашение?

– Нет, не можем. Просто следуйте инструкциям, и ваш вопрос будет решен. Даю слово.

*

– Слушай, Виктор, ну, ты почти ничего не рассказал о себе. Как получилось, что такой небедный человек работает уборщиком?

– Хороший вопрос. Даже когда с деньгами все в порядке, хочется иметь какие-то дела. Жена возвращается вечером из офиса, рассказывает что-то, а тебе и сказать-то буквально нечего, кроме того, что ты кота покормил.

– У тебя есть кот?

– Нет. Даже кота нет. Понимаешь, насколько нечего рассказать? Но на самом деле даже если бы и был... На этот случай у нас есть робот, который его накормит. А если серьезно, то у нас сейчас малыш. С ним много хлопот. Но он вырастет, а я и так уже давно без работы.

– Наши предки позавидовали бы тебе. Ты можешь не работать. В прошлом редко кто мог себе такое позволить.

– Наши предки... Полагаю, они позавидовали бы не нам, а нашим детям или внукам.

– Почему это? – поинтересовался Александр.

– Да потому что мы буквально последнее или предпоследнее поколение, которое еще умирает от старости и болезней. Ты же видишь, к чему все идет. Трансгуманизм машет нам из-за угла.

– Боже... Ты про это... Я недавно обсуждал эту тему с одним нехорошим человеком. Но мне кажется, что это еще вопрос – завидовать бессмертию или нет.

Виктор одобрительно закивал головой и, сцепив пальцы рук, ответил:

– Согласен. Сколько проблем оно с собой принесет... Например... Ясно, что долгое время бессмертие будет стоить целое состояние, а значит, только богатые станут жить вечно. Представляешь, как сильно их будут ненавидеть остальные? Тогда бессмертные начнут бояться за свою жизнь, потому что каким бы бессмертным ты ни был, если разъяренная толпа бросает тебя в плазменный котел или под гидравлический пресс, то едва ли ты это переживешь. И вот так мы снова окажемся в средневековье. Получается, чтобы жить вечно, придется отмотать назад и вернуться в прошлое. Или что мы, например, будем делать, когда людей на земле станет слишком много? Будут у нас к этому времени развиты технологии настолько, чтобы колонизировать другую планету? Можно долго перечислять.

– А еще, если не ошибаюсь, все религии выступают против. В общем – ладно. Давай снова о тебе. Вот ты пришел на работу. Доволен? Этого ты ожидал? И в конце концов, если уж так сильно хочется работать, почему бы не найти что-то более интересное? Или ты с детства мечтал стать уборщиком? А? Признавайся!

Александр задорно похлопал собеседника по плечу, и оба засмеялись.

– Скажем так: мне интересна жизнь во всех ее проявлениях. Почему же не поработать уборщиком? Но ожидал я, конечно, другого. Кстати, нужно поговорить с ними. Не можем же мы бесконечно штаны протирать.

– Ну, попробуй. Я буду только рад, если у тебя что-то получится. Меня тут никто не слушает... А приходите с женой к нам в гости на следующей неделе! Да, мы только познакомились, и ты, конечно, не привык к скромным ужинам... Мне было бы очень приятно! Я просто умру, если ты откажешься.

– Благодарю за приглашение. Я поговорю с женой. Правда, мне очень приятно. Постараемся сделать так, чтобы ты не умер.

– Да уж, пожалуйста, постарайтесь. О! Виктор, ты же сказал, что тебе интересна жизнь во всех проявлениях. Так я даю тебе возможность взглянуть на такую ее сторону, о которой ты только в книжках читал – ужин с семьей из другого социального класса!

– Так себе звучит, если честно. Я против снобизма. Но обещаю, что мы постараемся прийти.

– А что ты, кстати, любишь больше всего кушать?

– Что я люблю больше... Наверно, яблочный пирог. Мой отец ничего другого готовить не умел, но пирог у него получался божественным.

– Отлично! И я очень люблю яблочный пирог. Моя жена часто печет – пальчики оближешь! В общем, решено. Даю тебе сутки на размышление и согласие!

*

Спустя час, согласно уговору, Александр вошел в кабинет, где его ожидал незнакомый сотрудник Красной Башни. Тот не представился, но протянул бумажный пакет, в котором лежал круглый сверток.

– Я могу посмотреть?

Немногословный собеседник еле заметно качнул головой. Пакет зашелестел, и в руке Александра оказалось яблоко.

– Как любопытно. Вы даете яблоко и обещаете, что все мои проблемы будут решены. Какой знакомый сюжет, – пошутил человек с кривым носом, но тут же прикусил язык.

Сотрудник Красной Башни не обратил внимания на иронию.

– Купите еще несколько похожих яблок и приготовьте пирог из всего этого. Не ешьте его дома.

– А дальше?

– Завтра принесете пирог и угостите Виктора. Сами съедите кусок. После этого не позже чем через двадцать минут придете сюда снова. Я дам вам кое-что выпить.

– И что будет потом?

– Потом, как вы верно выразились, все ваши проблемы будут решены. И еще: ни в коем случае не дайте ему отнести пирог домой. Это очень важно.

– А что, если я не приду через двадцать минут? Что со мной случится?

– Я вам все сказал. Идите.

*

Александр был сам не свой: в машине на переднем сиденье соприкоснулись яблоко из преисподней и книга святого Нарекаци. Отец Евы старался не думать; просто делал то, что велено – как будто это всего лишь компьютерная игра и ничего больше. По пути он заехал в магазин и купил еще несколько яблок.

Эмма пряталась от следующего дня в спальне.

– У нас все получилось, – проговорил Александр, и собственный голос показался ему чужим.

– Что получилось?

– Отменяй врача.

Она, наконец, повернулась к мужу.

– Объясни.

Он подошел к ней почти вплотную и схватил за предплечья.

– Эмма, я нашел деньги. У нас родится ребенок.

Женщина зарыдала. Она попыталась закрыть лицо руками, но Александр не позволил. Он хотел видеть ее глаза и все повторял: «у нас получилось, у нас получилось». С того дня и до конца жизни Эмма так никогда и не спросит, как мужчина раздобыл деньги.

Позже Александр отыскал в интернете рецепт яблочного пирога. Он строго запретил жене и дочери заходить на кухню, потому что боялся, как бы кто из них не вкусил от древа познания добра и зла. Ибо в день, в который вкусят от него, смертью умрут.

Еще горячий пирог стоял на столе, и отец Евы как завороченный долго смотрел на него.

В третьем часу ночи Александр заставил себя дойти до постели. Он не знал, что Эмма ждет его. Она положила ладонь на живот мужа и несколько раз подряд прошептала, что хочет его.

*

Чтобы не задохнуться от собственных мыслей, Александр немного опустил окно в машине. А вдруг ему не дадут противоядие? Возможно ли такое? Нет, пожалуй, нет. Одновременная смерть двух сотрудников наделает много шума, а значит, по крайней мере, сейчас и он, и их договоренность в безопасности. Главное, пусть выкупят квоту, а дальше – будь что будет.

– Виктор! В общем, у меня для тебя сюрприз! – нетерпеливо выпалил Александр после взаимных приветствий.

– Не поверишь, но у меня тоже есть кое-что для тебя.

– Правда? Какое совпадение! Ну, не знаю, конечно, о каком сюрпризе говоришь ты, но с моим подарком совершенно точно ничто не сравнится.

– Любопытно. Удиви меня.

Из сумки появилась квадратная коробка, которую отец Евы ловко раскрыл.

– Яблочный пирог?

– Яблочный пирог! Считаю, что это наживка. Мы сейчас вместе его съедем, и тогда ты точно придешь к нам в гости. Потому что будешь хорошо знать, *что* тебя ждет.

– Очень самоуверенно, – продолжал улыбаться Виктор. – Что ж, давай пробовать!

И вот сердце человека с кривым носом стучит так сильно, что, кажется, собеседник сейчас услышит эту предательскую барабанную дробь. Обреченный откусил, разжевал и проглотил первый кусок, и Александр последовал его примеру. Дело сделано.

– Ладно, буду с тобой честен: пирог моего отца остался непревзойденным. Но благодарю. Твой тоже вкусный.

От напряжения у отца Евы на несколько мгновений заложило уши и закружилась голова. Он уперся локтями о колени и свесил голову.

– Что? Что? Прости. Я не расслышал.

– Говорю: вкусный пирог. Спасибо твоей жене. Я обязательно приеду к вам в гости, но пока не знаю – с Мариной или один. Что с тобой? Тебе плохо?

– Боже... Да, что-то все завертелось перед глазами. Кажется, прошло.

– Давно к врачу ходил? Вчера живот, теперь – это.

Александр уверил, что с ним все хорошо, и тогда Виктор повторил, что он тоже приготовил сюрприз.

– Ах, да! Выкладывай.

– Пару лет назад у меня был тяжелый период. Очень Тяжелый. Полагаю, не очень уместно сейчас вдаваться во все подробности... Но когда все кончилось, я обещал Марине, что буду помогать людям. Обещал, но с тех пор так ничего и не сделал. Ты вчера много всего рассказывал,

и я увидел твою искренность, открытость. Эти качества сейчас сложно встретить. Может быть, всегда было сложно. Не знаю. Ты говорил, что твоя жена сегодня пойдет к врачу, чтобы... сделать аборт, да?

– Да, сегодня она должна пойти к врачу.

– Так позвони ей и скажи, чтобы отменила. Я оплачу квоту. И ты мне ничего не должен. Будем считать, что в благодарность твоя жена уже приготовила для меня пирог. Мы в расчете. Договорились?

Александр как воды в рот набрал. Он не мог ни думать, ни говорить.

– Ты рад? – спросил по-свойски Виктор.

– Ты не понимаешь, что ты сейчас сделал. Ты не понимаешь... Боже... Могу я поговорить с женой?

– Неожиданная реакция. Конечно. Это же твоя жена. Зачем ты меня спрашиваешь?

*

Быстрыми шагами, почти переходя на бег, Александр прошел весь коридор и свернул за угол, где изумленный Виктор не мог его видеть. Мужчина с кривым носом сполз по стенке на холодный пол и сокрушенно посмотрел вверх.

– Боже, скажи, *что* мне делать.

Он застыл в этом положении и стал прислушиваться, будто и правда ожидал, что Всевышний даст ответ. Разумеется, Красная Башня не пропустила мимо ушей ни слова из разговора двух уборщиков. Александр понимал, что если раскроет Виктору правду, то не выйдет живым из здания. И тогда Эмма сделает аборт, у Евы будут настоящие ножки, но она лишится отца. Кроме того, без противоядия Виктор в любом случае умрет. Выходит, что единственный вопрос лишь в том, *что* выбирает сам Александр – умереть вместе с человеком, которого едва знает, или остаться в живых и решить все проблемы своей семьи?

– Зачем он хочет помочь мне, Боже? Это несправедливо... Это несправедливо... – шептал отец Евы. Он в ужасе обхватил и сжал ладонью свой рот.

Александр попытался собраться с мыслями и вдруг вспомнил, что у него всего двадцать минут, чтобы выпить противоядие. Он вскочил на ноги и бросился навстречу судьбе.

И вот та же дверь, что и вчера, и тот же человек за ней.

– Я пришел.

Сотрудник Красной Башни, как в романах про дворцовые интриги, вытащил из ящика прозрачную склянку с резиновой крышкой, поставил ее на стол и спросил:

– Вы ведь не будете делать глупостей?

– Красная Башня лучше меня знает, чего мне это будет стоить. Виктор хороший человек, но уговор есть уговор. Уговор же в силе?

– Вы получите все, что было обещано.

– Хорошо. Я могу взять противоядие?

– Возьмите. Выпейте здесь, при мне, и поставьте обратно. Дальнейшие инструкции получите позже. В зависимости от того, как будут развиваться события после сами знаете чего.

Когда Александр выпил напиток, собеседник попросил показать язык.

– Поздравляю, скоро вы снова станете отцом. Теперь можете идти.

Убийца дошел до двери, схватился за ручку, но затем вернулся к столу.

– Хочу передать вашему руководству важное сообщение. Если в будущем от меня что-то будет нужно, если я чем-то смогу быть полезен – я всегда готов, что бы это ни было. Я гарантирую полную лояльность при любых обстоятельствах, вне зависимости от того, что будет происходить со мной. В обмен прошу выполнить условия нашего договора и обеспечить безопасность моей семьи. Я рассчитываю, что мою преданность оценят и не станут от меня избавляться. И еще. Прошу рассмотреть возможность отправить меня на обучение, чтобы я мог занять в корпорации более

приемлемую позицию для человека, которому можно настолько доверять. Это не условие. Это предложение. Прошу, рассмотрите его. Я продаю душу Красной Башне, и с более высоким статусом мог бы приносить больше пользы – и себе, и ей. Спасибо. Это дело я доведу до конца. Я все сделаю как надо. Не переживайте об этом.

Он подготовил речь заранее: репетировал про себя весь вечер, но сейчас чуть было не позабыл о ней. С большим актерским мастерством отец Евы отыграл до конца весь рабочий день. Он вернулся и крепко обнял Виктора, согласился на его предложение, а потом принялся рассказывать разные истории, шутить, вслух мечтать о будущем. Теперь Александр в отличном положении – у него и без того не было мотива убивать, а теперь он по логике вещей должен день и ночь молиться о здоровье этого человека.

*

После работы Виктор решил пройтись и насладиться миром, в котором он совершил добро. Улыбка не сходила с его лица. Хотелось обнимать прохожих, сделать что-нибудь для них. До сего дня выпускника философского факультета никогда не мучила совесть из-за того, что он лишил Роберта жизни. Да, он сожалел о поступке, но не более того. Лишь теперь, в один из лучших дней своей жизни, Виктор почувствовал какую-то тайную боль и осознал: она с ним навечно, даже если он не всегда ощущает ее.

Высокий и худой мужчина забрел в букинистический магазин «Папирус», и запах старых книг проник в ноздри. Гостю вдруг стало так уютно, что он решил здесь задержаться.

– У вас замечательный магазин.

– Смотря с какой стороны посмотреть. Вы говорите, что он замечательный, но на самом деле его мало замечают. Впрочем, это к лучшему. Вы ищете что-то конкретное?

– По правде сказать, нет. Зашел из любопытства. Столько раз здесь проходил, но действительно ни разу не замечал... Так что вы, полагаю, правы. А теперь меня покорила этот запах.

Виктор показал руками на книги вокруг.

– Понимаю. Хотя запах этот я уже давно не чувствую, но находиться здесь и вправду приятно. По крайней мере, людям особого склада. Это не для всех.

Пальцы пробежались по корешкам книг. Фамилия одного из авторов привлекла внимание, потому что имела типичное для армянских фамилий окончание «-ян». Посетитель взял в руки небольшой труд и прочитал аннотацию. Это был дневник армянского консула в Египте, который тот вел вдали от отечества на протяжении сорока четырех дней Второй арцахской войны. Книгу отпечатали в одной из армянских типографий Каира.

Виктор сел за небольшой деревянный столик и открыл предисловие. Автор писал, что рано утром 27 сентября 2020 года его разбудила беременная вторым ребенком жена со словами, что на армянский Арцах напали, что началась война. Виктор уже знал, что купит книгу, но продолжил читать. Он потерял счет времени и, должно быть, просидел так больше часа. Заложив ладонью страницу, мужчина закрыл дневник. Он встал, и у него закружилась голова. Виктор решил, что поднялся слишком резко, и для того чтобы удержать равновесие, положил на столешницу кончики пальцев. Покачиваясь, он подошел к человеку за прилавком, который поинтересовался, все ли с ним хорошо.

– Просто голова кружится, – был ответ.

Выпускник философского факультета оплатил покупку и поспешил на свежий воздух. Он надеялся, что на улице ему станет лучше. Мужчина отворил дверь и сделал всего несколько шагов, как вдруг почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Но Виктор не упадет в обморок. Сейчас он умрет. Умрет и, наконец, узнает, что нас ждет после смерти – Бог, Аллах, реинкарнация, небытие или Микки Маус.

*

Виктор говорил, что они представители последнего или предпоследнего поколения, которые встретят смерть. Что ж, возможно. Тем ценнее его невольная жертва. Для Александра он навсегда останется героем, которого нужно было убить, ведь своей смертью Виктор спас жизнь ребенку.

Отец Евы просил Всевышнего вмешаться и помочь. Но неужели то, что произошло – воля Божья? Александр задавал себе этот вопрос, но даже не пытался ответить. Как иступленно молился он после того, как его стошнило в церкви! Казалось, с тех пор прошло целое тысячелетие. Что стало с тем человеком? Его больше нет – он тоже умер, потому что тот Александр не мог убить и тем более не мог после этого жить как ни в чем не бывало. Никакой тревоги. Он будто только что вернулся из долгого отпуска у моря.

*

На допросах Александр был внимателен и хладнокровен. Он не ошибался в ответах и больше не болтал лишнего.

– Вам известно, что он ел в тот день?

– Не знаю, что он ел на завтрак, но на работу я принес яблочный пирог, и мы съели его вдвоем. На обед кушали обычную еду из столовой – то же, что ели все. Кажется, Виктор взял печеные овощи и что-то еще. Никак не могу вспомнить, что именно.

– Где вы купили пирог?

– Сам приготовил.

– Где вы взяли продукты для пирога?

– Яблоки купил в магазине, остальное было дома.

– Вы заметили в тот день что-нибудь странное? Или, возможно, не странное, но что-то, о чем стоит рассказать?

– Он обещал, что даст деньги на выкуп квоты на второго ребенка и на лучшие протезы для моей дочери. Учитывая, что мы были знакомы всего день, это было странно. Что еще сказать? В тот день для меня все было странно. И я уже отвечал на все эти вопросы вчера.

– Ваша жена отменила посещение врача за день до того. Почему? Вы ведь еще не знали, что случится на следующий день.

– Конечно, не знал, но я до последнего боролся. Не хотел сдаваться. Когда встретил Виктора, немного узнал его, то подумал, что, возможно, это шанс. Возможно, этот святой человек поможет нам. Тогда я вернулся домой и попросил жену подождать еще немного.

– Супруга Виктора собирается исполнить волю мужа и помочь вам?

– Я не знаю. Я не говорил с ней. Мы не знакомы. Но я надеюсь, что она знает о его обещании. Мы с женой очень ждем ее звонка.

– Спасибо. Мы скоро свяжемся с вами снова.

*

Мужчина с усами улыбнулся и предложил сесть. Он торжественно объявил, что все прошло по плану, и настало время сообщить несколько новостей, среди которых есть как те, что понравятся Александру, так и те, от которых тот будет не в восторге.

– Пожалуйста, дослушайте до конца перед тем, как что-то говорить, – попросил представитель корпорации.

Отец Евы заметил, что считает себя собственностью Красной Башни и поэтому спокойно примет любые новости и решения. Собеседник благосклонно закивал и сказал, что полиция не подозревает его, Александра. В центре внимания следствия находится владелец букинистического

магазина «Папирус», мотив которого неясен, но за которым давно наблюдают в связи с другими делами. Мужчина с усами продолжил:

– Мы общались с вдовой и обещали ей полную поддержку в связи с медицинской экспертизой и расследованием. Она просила передать, что хочет выполнить обещание мужа и переведет на ваш счет необходимую сумму. Учитывая это, корпорация далее не считает себя связанной договором, который мы с вами заключили в устной форме. Ваша проблема фактически решена, а наша помощь в виде большой суммы в свете последних событий вызовет дополнительные вопросы. Вместе с тем Красная Башня готова поддержать ваше предложение о продвижении по карьерной лестнице. Мы полагаем, что вы можете быть полезны на переговорном направлении. Сейчас для вас подбирают учебный курс. Рассчитываем, что вы начнете обучение в ближайшее время. И позднее: исправьте, наконец, свой нос. Вам не идет. Корпорация оплатит операцию.

Александр понял, что победил.

*

Виктора похоронили рядом с отцом, и солнце, как всегда, не потухло. Затем прошло несколько лет. Марина нашла хорошую няню, без помощи которой едва бы справилась. Ребенок и работа постепенно возвратили воды жизни в привычное русло. Мама Филиппа задумалась о том, чтобы снова выйти замуж. У нее завязались отношения с одним из коллег, и вскоре оба почувствовали, что могли бы стать семьей.

Со смерти Виктора она старалась не заходить в его кабинет, но не так давно осознала, что ей теперь не будет больно сделать это. И вот уже женщина разбирает книги и вещи. Она решила полностью поменять интерьер, чтобы ничто не напоминало о покойном. Не потому, что Марина хотела его забыть, но потому, что, по ее убеждению, мертвые не должны быть рядом с нами каждую минуту. Они должны приходить лишь тогда, когда мы усилием воли вызываем их в своей памяти. Мертвые не должны мешать жить дальше.

Филипп учился в третьем классе и, в отличие от многих сверстников, ходил в школу, а не посещал виртуальные классы. Это был выходной день, и, пока сын играл с друзьями, Марина занималась дома спортом. Она сделала несколько глотков свежевыжатого апельсинового сока и поставила стакан на стол, чтобы вернуться к беговой дорожке. Месяц назад она приобрела этот тренажер и осталась очень довольна покупкой. Женщина встала на беговое полотно и на пульте управления выбрала излюбленный режим. На экране возникло изображение, и как только Марина сделала первые шаги, австралийский пейзаж задвигался вместе с ней. Едва заигравшую музыку вдруг прервала система управления домом. София известила, что звонят из полиции. Женщина остановила тренажер и сошла с него. Она подключилась к телефонному разговору и поздоровалась. Сотрудник полиции уточнил, с кем он говорит, и сказал, что Филипп в участке.

– Что случилось? – воскликнула Марина.

– С ним все в порядке, но он зачем-то разжег костер в роще недалеко от вашего дома. Вам нужно приехать, ответить на несколько вопросов и забрать его.

Ноги женщины подкосились. Она уже когда-то слышала эту историю. И тогда, набросив легкую куртку, Марина ринулась в гараж к автомобилю. Теперь она бежала по-настоящему, и на встречу ей спешили не столовые горы Австралии, а собственное прошлое.

15.12.2020, Каир – 07.05.2023, Ереван

Татьяна ЩЕРБИНА

Сидят под камнем и нервничают,
нахохленные, одичавшие,
а какие были дрозды певчие!
Опаздывавшие. И опоздавшие.

Была Москва содрогнувшаяся
от взрывов. Текла слезами.
Слухи – чего только не слушаешься,
а в Рязани сахар с глазами.

Все убывали последовательно,
разными способами отправленные,
расследовали расследователи,
но были вскоре отравлены.

А потом надоела точечность,
пуантизм, захотелось эпического,
чтобы упрочить прочность,
порочность трагикармическую.

Земля стала минной, скрежещущей,
в богах только Марс обезлюдивший.
Все забегали, ищут убежище,
вход, отверстие, форточку в будущее.

А кукуи, под камнем засевшие,
голосят и рычат по-медвежьему,
все в округе считают их лешими,
а они себя – прежними, прежними.

июнь 2023

Татьяна Щербина родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ, до 1986 года публиковала в самиздате стихи и прозу, первая книга стихов издана в 1991 г. Писала стихи также на французском языке: книги французских стихов опубликованы в Париже и в Канаде. Переводила современных французских поэтов, составила авторскую антологию «Современная французская поэзия» (1995). Автор десяти книг стихов, изданных в России, книги с её стихами переведены и изданы во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии, Словении, Греции. Также изданы четыре книги эссеистики и пять книг прозы, одна из которых выходила в переводах на английский и болгарский. Живет в Москве.

С герба срывается осатаневший орел,
по пню долбит офонаревший дятел,
кто-то из них на мир неподвластный зол,
кто-то просто спятил.
Я же – всенощный мраковед,
что не может найти, где включается свет.
На пути арестанта-рассвета
мрак, прописанный как диета.
Есть рассол, но я же не огурец,
а из крана течет крантец.

май 2023

От старости зубы спилились,
и глаз потерял остроту,
усох во мне трепетный ирис,
заветрилась слава труду.
Но дело не в ношеной жизни,
а в том, что уходит на дно
мой мир, атлантидой отчизны,
где быть или не быть – все равно.
Уехать-остаться, молчаньем,
злым рыком ли выть на луну,
жизнь стала к себе примечаньем,
всемирно уйдя на войну.
Захлопнулись ставни, заборы
закрыли границы, простор.
Расправы, разрывы, раздоры
и деда несносного вздор.

апрель 2023

Я всё надеялась, что образуется,
властитель вычеркнется,
свеча войны задуется.
На танк, по ржавчине,
нагадят голуби,
мир, выдох. Кладбище,
где раньше город был.

Я все надеялась, террор отвалится
корой запёкшейся

кровищи. Дьявольски
не значит божески,
но это, кажется,
одно и то же. Пир
мракоблудия
и злопыхтения
дудит в орудия,
а всехотение
влечет к отчаянью,
в котором портится,
нет больше чаяний,
но всё кончается,
и это кончится.

апрель 2023

В воздухе облако катилось,
я на него облокотилась
и с неба наблюдаю за землей.
Вот кошка в серой шубке окотилась
а человечество, напротив, сократилось,
его тюрьмой, ковид-чумой, войной
скосили. Сверху виден Параной.
Такой лысяга, нетопырианец,
на гололеде сольный зомби-танец,
а прорастут ли крокусы весной?

С небес видны два шарика самшита,
сообщество иголок на сосне,
все это будто вышито, расшито
узорами на снежном полотне.
А с облака куда виднее пламя,
ракеты, танки, бомбы, и земля,
усеянная мертвыми телами,
вокруг собаки бегают, скуля.

У жизни много выдумок и правил,
но драгоценно дышишь, дом как храм
устроив, напеваешь пам-парам,
и вдруг из-под земли взмывает дьявол
и все разносит в пыль ко всем чертям.

А облако катилось и скатилось за сарай,
оттуда виден лес густой, а не конец и край.

январь 2023

Черная полоса

Полоска полосища полоса,
чернющая чернеющая черная,
над ней косица косная коса,
чтоб откосить, быть нужно черным вороном.

Ее державно держит держиморд,
и у него тьма ядовитых щупалец,
косить – его любимый карго-спорт,
чтоб щупальце со щупальцем не спутались.

О белой полосе мечтает люд,
пусть даже плиткой выложенной, в крапинку,
но держиморд неукротим и лют,
чернильным впрыском кроя света капельку.

Тиль Уленшпигель, Телль и Робин Гуд
убиты, а Персей с Иван-царевичем
сидят во глубине сибирских руд,
лишь Ланселот, оставшись в царстве девищем,

монашьям, вдовьям, вроде, входит в раж,
но ждет бирнамский лес, а настоящий ли
он или то зеленый камуфляж.
В ночи же не поймешь происходящее.

И он, перпендикулярно полосе,
бежит за огоньком, за белым пятнышком,
а Жанна д'Арк, девица, не как все,
уносит черта к чертовой же бабушке.

И полоса, как черная дыра,
заглатывает жизнь парадоксальную:
коль черный лебедь прилетит с утра,
то станет белым, и споет отвальную

песнь лебединую косцу из тьмы
чтоб щупальца его повисли тряпочкой,
Иван-царевич вышел из тюрьмы...
Мечты в ночи, когда нашупал тапочки.

апрель 2023

Богородица с младенцем,
легкий перекус травы,

вытри душу полотенцем,
бравы мы ли правы ль вы.
Всё, что черное – раздорно,
даже море терпит крах,
бээлэм, чернобыль, сборный
траур кары, карабах.
Копоть на душе прозрачной,
сверху белое пальто,
перепачканное дачно
в перекопе, дед Пыхто
всё пытит, в руке с огарком,
в кочегарке под землей,
он хотел быть кем-то ярким,
но всё больше крылся мглой.
И страна во мгле хоронит
миф за мифом, в чудесах
путается, посторонним
стало всё, родным – лишь страх.

сентябрь 2022

Вельзевул Вельзевулович открыл
ящик Пандоры Петровны.
Рассея (рассеивающаяся) Федоровна
лиху рада – лихорадит, и лихо рóдит.
Лихо бродит и рóдит леших,
лешие гундят, брешут, смердят,
смерды же в ящик играют.
А лешие в ящике сидят и болтают,
Вельзевул Вельзевулович шит и крыт,
но теперь и вязан,
с Пандорой Петровной пожизненно связан,
пока не распущен, как из клубка призовут,
снова свяжут из собственных пут,
а смерды – они одноразовы,
им капут.

ноябрь 2022

кря хрю му
Слова отравлены или сидят в тюрьме,
говорить их кому,
тем, кто ни бе ни ме?
Нежное мяу, бодрое кукареку

грозное гав, словарь
лишний, где слышать ку-ку, ку-ку
важней, чем писать, как встарь.

Время, тревожнее с каждым днем,
заперто на засов,
сторожит его – дышащее огнем,
с амфитеатром зубов.
Можно фырчать, квакать, жужжать,
всё же ясно и так,
лишь дожидаться, пока что ждать,
выжить в чреде атак.

июль 2022

Воду льешь в цветок из лейки –
говори: сушу его.
Только фейки, только фейки,
больше нету ничего.
Лжи невиданной подушкой
жизнь накрыта: дышишь – нет?
Суши мировой осьмушка
тычет пальцем в интернет.
Там в аду клокочет ярость,
рдееет пламя Сатаны,
одинокий белый парус,
палец этот у страны,
где прохожие проходят,
зрители, как прежде, зрят,
разговоры – о погоде,
только мысли все про ад.
Нажимаешь кнопку в лифте
красную – и в ней вопрос:
ядерная? Фифти-фифти,
ну и пёс с ним, ну и пёс...

апрель 2022

Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ

БАСЯ

Повесть¹

Небольшое вступительное слово

Эта повесть о детстве, но уже не моем, хотя место действия, так уж получилось, связано и с моими детскими воспоминаниями. В деревню Чувашская Решетка нас с Гришкой отвозили на лето родители, все там с тех пор поменялось. Поменялись и мы сами. Мне повезло – работаю удаленно, и после долгих внутрисемейных разговоров я был выбран для того, чтобы присматривать за нашими детьми в это лето. Мы решили, что неплохо бы им, наконец, познакомиться. Деревня оказалась подходящим местом. Правда, сначала мы не могли найти дом, чтобы снять, а когда нашли, удивившись, сколько еще в мире городских телефонов, то еще искали хозяина, чтобы заплатить за месяц вперед. Вернее, за месяц всего. Деньги брат Владимир отказался, и мы сошлись на том, что билет на концерт Аллы Пугачевой в Москве – достойная компенсация всех расходов. А если выдержим месяц, то, может быть, и еще останемся там, и остальное уже решим деньгами. Вещи в чемоданах. Машина – только для экстренных случаев, вроде поездки за продуктами в соседний Барыш.

Июльским утром мы с Басей и ее двоюродным братом Кешей уселись в Тойоту. Знойное Подмошье не вышло на улицу сказать до свидания. Спят еще. А я гляжу в зеркало заднего вида и понимаю, что зря сказал вам о детях, на заднем сидении двое подростков, молчаливых и погруженных в собственные опасения. Все, что произошло дальше – основано на моих наблюдениях, предположениях и перемешано с воспоминаниями из собственного детства, а где-то и игрой воображения. Я же писатель, а не шалам – балям.

1.

– Пап, долго нам еще ехать? – спросила Бася, подняв глаза от смартфона, не вынимая белого наушника. Серебристый наконечник выглядывал из-под растрепавшихся волос. В зеркале заднего вида отец заметил, само собой, что за секунду до вопроса Кеша незаметно толкнул ее в бок. Еще он заметил, что Кеша не зовет его никак. Просто обращается на вы.

– Так, еще часа два едем, потом остановка в Барыше на обед, – отец говорил в зеркало, представляя, наверное, что там микрофон.

¹ Повесть «Бася» – продолжение и часть цикла из рассказов «Соль» и «Соль просыпается», опубликованных в журналах Angime и «Дактиль».

Юрий Серебрянский родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получив диплом химика-эколога, и Варминско-Мазурский университет в городе Ольштын по специальности культурология. Публиковался в журналах «Простор», «Дружба народов», «Воздух», «Знамя», «Новый мир», Barzakh, Symptoseum, ROAR, Литература, «Формаслов», «Дактиль» и др. Лауреат «Русской премии» и др. Состоит в Казахском Пен-клубе и Союзе литературных переводчиков Польши. Живет в Казахстане и в Польше.

– А знаете что? Раз мы целый месяц будем с вами одной компанией, давайте не устраивать иерархии. Зовите меня Юрай. На ты. Юрай Добрила, например.

Бася засмеялась, сказав: «классно».

Кеша переспросил – как? Юрай? Что за Юрай еще?

– Неважно, был такой хороший человек, я тоже постараюсь быть хорошим. Давайте все стараться. Если хотите никнеймы, намекайте, как нам вас звать.

– Да меня как-то все устраивает, – сказал Кеша.

Немного подумав, Бася ответила: «меня зовите Бася».

– Договорились!

Аккуратные поля подсолнечника за окном разглядывали солнце желтыми медузами цветов, на шоссе почти никого.

Юрай глянул на навигатор в телефоне. Делал это периодически. Остановка через час и сорок семь минут.

В Барыше Бася и Кеша ели хот-доги и печенье. Хотя он не считал это нормальной едой, возражать не стал. Все-таки в деревне такого не найдешь. Придется ездить, если что, сюда, на заправку. Единственное место в городке – Роснефть. Сам он взял кофе и, подумав, тоже хот-дог. Неизвестно все-таки, сколько времени понадобится на обустройство, прежде чем из багажника можно будет достать пирог и остальные припасы. Барыш почти уже сросся с несколькими окружающими его деревнями, жители которых ходили или ездили сюда на работу каждое утро. Здесь только и оставалась еще работа. Из самого Барыша много кто уехал в большие города. Сейчас некоторые возвращались, но чем заниматься, пока было неясно. Сотрудники Роснефти выглядели сияющими монетками – работа мечты в районном центре.

Он не первый раз приезжал сюда на машине, дороги на удивление хорошие, серпантином среди зелени. Пустые, и без горизонта. Плоское море полей и деревья – край леса, клином выступающий то тут, то там. Ничего из этого не поменялось, да и потом не поменяется.

– Вот, блин, – сказал Кеша, пошарив в рюкзаке, куда только что сунул купленные на заправке батончики.

– Что там? – Юрай выруливал с парковки, пережидая, когда медленная фура, чуть ли не единственная встреченная за последний час, проползет, набирая скорость.

– Я, кажется, билет забыл, дядя Юр, он там, у меня в комнате, на столе, – сказал Кеша, – я же еще хотел книгу взять и сунул туда конверт!

– Что за книга? – спросила Бася.

– А какая разница?

– Хочется узнать, кто виноват, все-таки, – засмеялся Юрай.

– Ладно, простите меня, – Кеша выдохнул.

– Капец, – сказала Бася, – и что делать теперь?

– Давайте сначала доберемся до места, – Юрая захватило детское ощущение приключений, он вырулил за фурой, а потом сразу же обогнал ее, весело просигналив два раза.

Дорога от Барыша до Чувашской Решетки оказалась похуже. Они встретили даже телегу, запряженную кобылой, с единственным седоком, стариком в черном худи с капюшоном. «Дерзкий какой дед», – сказала Бася.

– Дай-ка мне свой телефон, у меня сел, – он услышал, как Кеша обратился к дочери, совсем как в детстве, когда они играли в алматинской квартире. Его тихоня дочь и ураган-братец. Во что ей только не пришлось играть. Сейчас двоюродный брат вел себя, как будто не было пяти лет расставания и расставания между ними. Машина аккуратно перебиралась через поперечную канаву. По-видимому, это был ручей, его веками пытались присыпать, а он все побеждал и побеждал.

– С какой стати, – ответила Бася, – могу пауэрбанк одолжить.

– Пауэбанк, – Кеша попробовал спародировать американское произношение, – у нас переходники разные. «Бася», так только кошек зовут в инстаграме. Что еще за «Бася»?

– Хелоу, Кэшша, – ответила Бася, – возьми-ка микрокредит наличкой. – Сказала резко и с надеждой глянула на отца через зеркало заднего вида. Тут только он понял, в какой трудной ситуации может оказаться, но промолчал.

Потом заметил:

– Я – Добрила, я – за добро!

Дома стояли в один ряд, выстроившись вдоль железной дороги. В деревне были, конечно, и другие улицы, и даже церковь, и школа. Чувашская Решетка – не маленькая, жителей, правда, осталось совсем немного, как сказал Владимир. Несмотря на опасения, хозяйство оказалось довольно ухоженным. Юрай не мог вспомнить, кто здесь жил, когда они с Гришкой ходили по этой улице в детстве. Точно не родственники. Он не стал указывать на темный двор деда, когда проезжали мимо. Не хотелось начинать с ностальгии. Пусть своих впечатлений набираются. Остальное – позже.

Дом, в который они заносили вещи, не выделялся разнообразием архитектурных решений. Высокое крыльцо с перилами – скамейками, калиточка, ее можно легко перепрыгнуть, слева от крыльца – массивные деревянные ворота во двор. Вообще, все вокруг из дерева. Но сам сруб оштукатурен и обычно бывает побелен, но в этом доме – светлые обои. Сразу за дверью – сени. Направо вход в жилые помещения, а если пройти дальше, лестница в три ступени приведет вниз, на кухню, и широкая дверь – на задний двор. Все это предстояло еще обойти. В огороде обещали баню с водокачкой. Деревянный настил во дворе, куда въехала машина, – чистый, а значит никаких кур и коров. Каждому досталось по комнате. Он выглянул в окно в сторону железной дороги. Заросший палисадник. Видимо, хозяева приезжали прибраться только ради их приезда. Он заметил листок на булавке, рядом с дверью, там, где у деда с бабушкой висел календарь. Листок был распечатан на принтере. Агротуристская фирма «Машенька». Видимо, когда-то хозяева вели бизнес.

После того как разложили вещи, стало совсем тихо. Тикали только часы на стене, и когда он сел на застеленную зеленым покрывалом кровать, скрипнули пружины. И вдруг тишину разорвал гудок поезда, сразу за ним шум проносившегося на скорости состава, телевизор на шатком столике затрясся мелко, будто испугался. Юрай сидел и улыбался – как он отвык от этого всего, совсем забыл.

Ощущение детской чистоты и покоя. Он посмотрел на застеленный скатертью стол и предположил, как здесь будет здорово работать. По привычке проверил, далеко ли до розетки. Должен быть и интернет. Так написал хозяин. Мобильный интернет добывает из Барыша.

Других вариантов никаких нет.

Двери в покои Баси и Кешы вели через его комнату – номинально она была залом, но это и хорошо – в пути он думал о том, как же всем поселиться, чтобы было удобно еще и работать.

Кеша выскочил из комнаты:

– Дядь Юр, ой, Юрай, билета точно нет, я все проверил!

– А книга какая? Надо же будет объяснять кому-нибудь, как его найти.

– Да у него там одна книга на всю комнату! – следом в зале появилась Бася.

Юрай хотел засмеяться, но передумал.

– Смотрите, там кто-то пришел к нам! – сказал Кеша.

Юрай глянул в окно, оставшись сидеть на кровати. Очень удобно.

Видно было, что за палисадником стоит у забора какая-то девочка в джинсах и темной футболке. Волосы в черном платке, в руках прямоугольный предмет – тетрапакет.

– Идемте на крыльцо, здесь так принято. – Юрай открыл дверь, и все вместе они вышли на крыльцо, не обуваясь.

– Здравствуйте, – сказала девочка, то ли слегка полноватый подросток, то ли уже маленькая восточная женщина с черными глазами на крупном лице. – Салам алейкум!

– Улейкум ассалам, – ответил он, – как вас зовут?

– Я Манана. У нас магазин здесь, если что надо, приходите! Я вам молоко принесла. Вы из Алма-Аты приехали?

– Ну, это долгая история, – сказал он. – Да вы заходите на крыльцо, и спасибо большое за молоко! Меня зовут Юрай.

Бася усмехнулась, весело глянула на отца. Меня зовут Бася, – сказала она, принимая тетрапакет из рук девочки. – Классная футболка. У меня тоже такая была... – и добавила тактично, жалко, что уже ее нет.

– Меня зовут Кеша, приятно познакомиться, я не из Алматы. – Юрай заметил, как повзрослел голос племянника. В детстве был капризный и визгливый. Теперь в нем просвечивали ноты мужской уверенности.

– Бася, ты же не мусульманка, да?

– Ладно, вы тут пообщайтесь, а мне надо вещи разобрать на кухне, – сказал Юрай. – Манана, оставайтесь на ужин с нами. У нас пирог. Вы же недалеко живете?

– Нет, я с соседней улицы. Я могу все показать, кстати!

– Спасибо, я не первый раз здесь, но, если покажете Басе и Кеше, буду вам благодарен.

Он действительно пошел на кухню. А потом в огород, через задний двор. Посмотреть на баню. Хотелось в баню. С деревянным запахом распаренного сруба и ландышевого шампуня. Рядом с баней колодец с мутноватой водой, пахнущей чешуей языческих богов и малиновыми листьями.

«Все, кроме ландышевого шампуня, надо в кладовке у деда глянуть», – подумал Юрай.

2.

Был третий вечер в деревне, критический момент. Когда даже ему самому показалось, что они точно не выдержат здесь месяц. В деревне ничего не происходит веками. Особенно в Чувашской Решетке. Последнее запомнившееся событие – как гнали в девятнадцатом веке каторжников в Сибирь, отсюда и название – Решетка. Недалеко есть и Заводская Решетка – следующая остановка в пути, и так до самой Сибири. То, что мир за пределами деревни все так же живет, обозначают уверенной линией проносящиеся поезда. Если подойти ближе к насыпи, можно читать направления. Он помнил другие надписи: Ташкент – Ленинград, и поезда на Москву. Можно было высчитать, в какое время какой пассажирский поезд проедет. Только товарняки двигались по собственному расписанию. Ни те, ни другие в деревне не останавливались. Железная дорога создавала фон, когда он пытался работать за столом. Даже музыки не надо. Но пока не шло. За весь день одна хорошая новость – из Москвы сообщение: билет передадут поездом с Викой, знакомой. Надо будет ехать в Барыш, на станцию. Обратный путь из деревни в Алматы когда-то начинался отсюда. Кто-нибудь из родственников, проезжая мимо, забирал их с братом и еще несколько банок с консервированными грибами. Стоянка поезда три минуты.

Ребята закрылись каждый в своей комнате, скоро надо было звать их ужинать. Ложились здесь рано. Перед сном сидели на крыльце. Изредка мимо проходили соседские старушки. Здоровались, но редко заговаривали. Как будто знали все и так.

– Юрай, можно я завтра в сторону Барыша схожу?

Кеша вышел из своей комнаты, держа в руках телефон, как будто решил что-то показать.

– Почему только в сторону, в Барыш не хочешь? Сходим.

– Я с пацаном в контакте познакомился из Барыша. Заобщаемся. Давайте я его приведу к нам, если захочет.

Он взвесил риски. Но никаких особенных рисков в голову не приходило.

– Да, давай. Приходите. К обеду?

– Ой, да, я его обедать позову.

На обед вареная картошка с курицей и салат.

Все уже было готово, а Кеша еще не появился. Юрай написал сообщение. Скоро будем.

– Так, значит, гостей ждем, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бася время от времени выглядывала в окно. Одевалась она всегда продуманно. Приди гости в любой момент, переодеваться не побезит.

– Кто-то пришел! – она пошла открывать. – Это Манана.

– Зови ее тоже за стол, – сказал он внезапно.

– Ну, конечно, позову.

Девочки вернулись вместе. Манана оглядывалась в зале.

– Какой у вас компьютер современный, – сказала она Юраю, поздоровавшись.

От Мананы можно было бы ожидать акцента в голосе, но никакого акцента не было, говорила она точь-в-точь как местные деревенские девчонки в детстве. Слегка тянула речь и могла запросто закончить фразу словечком «чайть».

Они услышали шаги на крыльце, потом скрип двери, и в комнату вошли, смеясь, Кеша и светловолосый парень, примерно его возраста, только худой и длиннорукий. Такое впечатление складывалось из-за того, что одет он был в джинсы и джинсовую рубашку с длинным рукавом, какие обычно закатывают по локоть. Ее можно было даже назвать винтажной.

Сразу представился – Дима.

Перезнакомились по пути на кухню, проходя сени. Наверное, для такого случая можно было бы обед перенести в зал, но как-то никто не подумал об этом, и сели тесно, но дружно.

Передавали тарелки с парящей картошкой, Юрай радовался, что настроение у ребят уже совсем не вчерашнее. Дима рассказывал про Барыш. Потом они с Кешей переглянулись, и он, с молчаливого согласия, рассказал, что встретились на нейтральной территории между Барышом и Чувашской Решеткой. Потому что барышские пацаны – отдельная история. Мирные, но есть свои ритуалы. А на нейтральной территории можно с кем хочешь встретиться.

Манана добавила: можно со мной в Барыш пойти, я всех знаю. Там и молодежи-то не много. Не тронут нас.

– А кто в курсе, что недалеко отсюда есть красное озеро? – Юраю пришла в голову идея.

Оказалось, что ни Манана, ни Дима ничего толком не знают, но Манана что-то там слышала.

– Что за красное озеро, Юрай? – спросила Бася, глянув на него так, что он даже растерялся.

Но вспомнил о правилах тут же.

– В Поливаново есть озеро с красной водой в лесу, идти недалеко. Мы купались там в детстве.

– Так вы тут в детстве бывали? – спросил Дима. Разговорчивый, открытый парень, не по возрасту серьезный. Хорошая компания, подумал Юрай.

– Да, несколько раз приезжал. На деревню к дедушке. Ничего не поменялось. Надеюсь, и вода в озере еще красная. Давайте съездим на днях? На машине до Поливаново. Потом пешком, через лес. Кто за?

– Может, не стоит в лес? – Манана произнесла это как-то осторожно. Юрай подумал, что, наверное, это влияние родителей.

– Там сосны, лес просматривается на километр. Он светлый, как холл в гостинице. Не заблудимся.

– Я спрошу у родителей. А когда едем? – «Значит, так оно и есть», – заключил Юрай.

Правило было простым – ничего никуда не откладывать. Всего месяц. Ехать решили завтра же. Но утром пошел дождь, и пришлось отменить, вернее, перенести озеро на один день.

К обеду еще моросило, ни Бася, ни Кеша не захотели выходить из дома. По комнатам не сидели. Играли в карты в зале при свете лампочки. Юрай нашел в кладовке резиновые сапоги подходящего размера и решил, что ничего плохого не случится, если он их немного позаимствует. Гулять с зонтиком по деревне глупо, и он просто облачился в куртку, накинув капюшон. Сапоги очень пригодились. Главная деревенская обувь в такую погоду! Единственное, что позволяло передвигаться по размокшему бездорожью. Но он быстро миновал колодец, шоркая по траве, пересек коричневую грязь дороги, и дальше уже шел рядом с тропинкой, превратившейся в грязную колею. Начались старые плодовые деревья, скрюченные, просевшие, он вспомнил фразу «деревья умирают стоя», но содержания отыскать в памяти не мог, отвлекаясь все время на то, что эти деревья уже умерли, но существуют. В пустыне они давно бы уже ссохлись. Впрочем, в пустыне и не бывает яблонь и черешен.

Он вышел к берегу речки, туда, где был брод для стада. В таких сапогах не перейдешь. Капли били по поверхности воды, наполняя следы копыт, которыми был исколот песок на обоих берегах. Вдруг Юрай услышал звонкий лай, потом топот, и с того берега в воду ворвалась сначала одна копына брызг, а почти сразу за ней другая.

Крупные собаки стали резвиться, кусать друг друга, но видно было, что эти собаки – друзья. Лайка наверняка радовалась погоде, а вторая собака радовалась за компанию. Когда они выскочили на противоположный берег и начали по-собачьи отряхиваться, Юрай предусмотрительно отошел подальше.

На том берегу показался хозяин собак, в сапогах-штанах, какие носят рыбаки, легко перешел вброд. В зеленой куртке без капюшона. Седые волосы липли ко лбу, и, что поразительно, он держал в зубах зажженную сигарету. Капли не сбивали огонь. Такое умеют только те, кто курит давно.

– Здравствуйте, – Юрай подал руку.

– Добрый день, – незнакомец поздоровался, – спокойно, Чанг, Ханг, бесы!

– Вот вы меня и с собаками познакомили.

– Они умные, не тронут, – сказал незнакомец. – Я – Юрий.

– Я ваш тезка, – сказал Юрай.

– Это какая деревня?

– Чувашская Решетка.

– Ясно, ясно, у вас церковь новая.

– Да, лет пять назад открыли.

– Открыли...

– Что-то я вас здесь не видел раньше, приезжий? – новый знакомый резко хлопнул ладонью по мокрым штанам, и собаки, собравшиеся было украдкой снова залезть в воду, присмирели, высунув языки.

– Что-то я вас тоже раньше здесь не видел, – засмеялся Юрай.

– Да, хороший ответ. Я живу в Степановке, знаете?

– Далековато вам еще гулять.

– Ничего, собаки любят такие прогулки. Даже в дождь.

Юрай заметил, что псы переглядываются, ждут, когда же хозяин наговорится. На него они внимания не обращали.

– Им здесь хорошо.

– Здесь всем хорошо. Деревня. – Новый знакомый достал из кармана целлофановый пакет, там уже виднелись несколько окурков. Он бросил туда еще один. Юрай не заметил, когда погасла сигарета, но дыма не было. Значит, все-таки дождь.

– Ну, всего доброго, – сказал Юрий и свернул вдоль речки. Собаки сорвались с места и тут же скрылись в кустах, слышен был только лай.

– До свидания, – сказал Юрай вслед компании.

3.

Следующее утро было таким, будто предыдущего дня и не существовало. Даже трава просохла под ярким солнцем. В открытый багажник машины медитативно влетел шмель, сделал круг по салону и спокойно воспользовался водительским окном, чтобы отправиться дальше. Они сложили две сумки, дождались Манану, которая пришла налегке, заявив, что купаться она не будет, и выехали по направлению к Барышу. Из окна автомобиля мир кажется другим, появляется куча возможностей остановиться на пару минут где угодно, правда, никто их не использует.

Проехали Барыш и на дальнем переезде забрали Диму с рюкзачком. Бася сидела на переднем, остальные уместились сзади, смеялись каким-то дорожным шуткам, о которых потом не вспомнить. До Поливаново оказалось езды полчаса. Юрай смотрел карту, знал, что до самого красного озера, и даже вдоль его берега теперь проложили трассу, это слегка разочаровало, но он решил воспользоваться лесной тропой через. О трассе, конечно, никому ничего не сказал. Машину оставили на окраине деревни, и дальше уже шли пешком километра три, сначала по широкой просеке, а потом тропинка повела среди высоких сосен. Торжественный светлый и веселый лес – солнце играет в верхушках, и когда идешь, слышно, как где-то над головой трещат и обламываются ветки, но ничего не падает. Под ногами тоже своя жизнь. Трухлявые сине-фиолетовые грибы, ядовитые, наполненные спорами, и если пнуть, облачко спор выстреливает синим, а если попадается грибница – то уже целая туча, не выше колена, как бесшумный выстрел мушкета. Все увлеклись поиском синюшек. Пинали уже наперегонки. Потом захотелось петь, и спели, не хором, каждый свое. Оказалось, что у Мананы хороший голос. Она старалась. Сосновый лес создает интересную акустику. Не глушит звуки. Как концертный зал. Только не все слушатели рады новым чужим голосам.

Попадались и обычные грибы, но собирать их не стали, никто не умел отличать ядовитые от съедобных. Вроде, этот похож на подберезовик, но берез нет, а этот – белый, но вот растут ли белые грибы в соснах?

– Ну, вот это уж точно съедобно! – Дима сорвал с низкого куста дикую малину. Скоро ее стало попадаться все больше, и еще земляника кое-где.

Набрили на небольшое болото, и рядом старое кладбище с проржавевшими металлическими памятниками без надписей. Только ржавые звезды сверху. Но две могилы ухоженные.

– Болото означает, что озеро близко! – заключил Кеша.

– Я уже вижу, кажется, – сказала Бася, – вон там.

– На озере еще водокачка должна быть, или была, – Юрай дороги не помнил, но тропинка больше никуда вести не могла.

– Значит, и купаться можно, если воду берут питьевую, или наоборот – нельзя! – Дима нес синий рюкзак на спине. Юрай и Кеша по сумке. Девчонки шли налегке.

Озеро открылось неожиданно. Все такая же вода цвета компота. Большое. Деревья подступали к самой воде, только трасса шла по высокой насыпи на том берегу.

– Так мы доехать могли! – Бася показала на дорогу.

– Ну, тогда без романтики, можно вообще на парковке багажник открыть и перекусить, – Юрай поставил сумку в траву.

– Вода красная, жуть, – Манана сидела на берегу. Боялась опустить руку в воду.
– Это из-за одноклеточных водорослей. Я купался несколько раз, видите, ничего вот. Только видеть стал в темноте, – Юрай прикидывал, куда бросить подстилку.

Сдержанно засмеялись.

– Давайте сразу перекусим, – Кеша начал разбирать вторую сумку.
– Обязательно, – я проголодался, кто еще? – Юрай разулся и приминал расстеленное одеяло, трава хрустела под ногами.

Достали бутерброды, вареные яйца, колу, просто резанный хлеб, огурцы и помидоры, все в центр стола, на пакет.

Купаться решили все, кроме Мананы, та сказала, что будет стеречь продукты.

– Хорошо, зайцев отгоняй! – Дима первым вбежал в воду.

Глубокое озеро. В паре метров от берега начинался обрыв. Дно илистое. Плавать умели все, мальчишки даже ныряли с головой. Юрай и Бася в стороне.

Нижняя ветка высоченной сосны склонилась над водой чуть дальше, там, где кусты подходили к самому берегу. Кеша полез на нее первый. Потом Дима. По очереди стали нырять. Бася не хотела мочить волосы, глядела на мальчишек и хохотала.

– Хорошая у вас компания, правда? – спросил Юрай.

– Да, классные чуваки, и Манана, – они наблюдали, как Манана добросовестно исполняет свой долг на берегу. Сидит на краю одеяла, поджав ноги, и осматривает лес. С комично серьезным лицом.

– Сейчас снова проголодаемся, вода холодная, – Юрай поплыл на спине. Он вспомнил, как они с Басей попали под волну на Самуи. Сколько ей тогда было? Два года. Накрыло у самого берега так, что потеряли панамку. А она смеялась. С тех пор воды не боится совершенно и плавает прекрасно.

Он гордился дочкой, такой рассудительной и задумчивой, а иногда беззаботно веселой.

Вышли на берег, сразу в полотенца.

В будний день на озере никого. Только изредка проезжают легковые по трассе.

– Давайте зажем еще чего-нибудь, я – за! – Кеша топтался по траве босиком, она кололась, да еще и сосновые иголки липли к ступням.

– Я тоже готов, тоже за! – Дима уже оделся.

– Дим, откуда у тебя такая «г», а? – Кеша сел рядом с Мананой, которая раскладывала оставшееся – хлеб, отдельные колесики колбасы и несколько яиц.

– Я не в Барыше родился. Я из Сум. Там все так говорят, ничего особенного.

Юрай посмотрел в лес.

– Давайте есть, хорошо, что хлеба много взяли, – Кеша взялся разливать колу из большой бутылки по стаканчикам.

– Семья сама из Барыша, – Дима тоже на хлеб налегал, – у них и своя дочка есть. Саша.

– Сколько в школе у вас в Барыше учеников? – спросила его Бася.

– Не много, в моем классе шесть человек. Три девчонки, три пацана. В младших побольше. Барыш растет понемногу. Завод вон открывают лесоперерабатывающий.

– А я решеткинская, – сказала Манана, – учусь в Барыше, а началку у себя заканчивала, нас было пятеро в классе.

– Родители переехали в Решетку, папа осетин, мама вообще из Грузии. Давно уже переехали, – Манана сощурилась. Солнце повисло, казалось, над самым озером.

– И чем вы занимались здесь раньше, Юрай? – Бася сидела в тени дерева. Удобно. Нашла пенек.

– Запруды строили и рыбу в речке ловили бреднем, могу научить, – Юрай чистил кругляш колбасы в пакет, – в индейцев играли, шалаши строили. В лес ходили за грибами. Тогда можно было набрать любых и отдать бабкам, они разбирались. Потом солили. Кинотеатр был в клубе, индийские фильмы. Продолжать?

– Ладно-ладно, из всего этого я лично согласен на рыбу, – сказал Кеша.

– Договорились! – сказал Юрай.

Закат сперва висел над ветлами и подсвечивал крыши товарняков золотом, как будто это ехали сундучки, а чуть позже, когда пассажирские составы пронеслись уже с освещенными окнами, он заглядывал в просветы между вагонами и исчезал за посадкой. После заката сразу становилось прохладней. Но, набросив куртки на плечи, еще можно было сидеть на крыльце. Они удивлялись, как местные ходят без фонариков. Окна горели далеко не в каждом доме, попадались закрытые или даже заколоченные.

Кто-то подошел к крыльцу бесшумно. Мужчина.

– Добрый вечер, Юрий дома?

Мужской голос. Лица было не разглядеть.

– Это я, добрый вечер, – ответил Юрай, – сейчас калитку открою, заходите.

– Не надо калитку, это отец Мананы. Почему вы ее в лес возили без спросу? Кто вам разрешил?

Тон резкий.

Юрай пытался сообразить.

– Манана часто у нас бывает, мы с моими детьми ездили, простите, ради бога. Даже в голову не пришло.

– Одно дело в гости приходиться... – продолжил мужчина, не снижая тона.

– Хорошо, это моя вина, – Юрай тоже повысил тон.

Бася и Кеша сидели, подавленные ситуацией.

– Так больше не делайте. У нас свои традиции.

– Хорошо, я вас понял.... – Юрай ждал, что мужчина назовет имя, но он так и не представился.

Просто исчез в тот момент, когда загудел следующий поезд.

– Да, надо было спросить, конечно, – сказал Юрай.

– Я думала, родители в курсе, куда она поедет. Бедная Манана, ей, наверное, досталось, – сказала Бася.

Кеша промолчал.

Следующее утро пришло, осторожно, но внятно постучавшись в дверь. Юрай подумал, что ему снится этот стук. Но когда из своей комнаты вышел Кеша, уже одетый, но с растрепанной головой, проснулся окончательно. У крыльца стояла Манана, улыбалась: – Извините, у нас все рано встают, я не подумала, что вы еще спите.

– Манана, как дела? Заходи, – сказал Кеша.

Юрай слушал этот диалог из сеней, одеваясь. Вышла Бася.

Кеша заглянул в зал:

– Там Манана пришла, у нее пирог, давайте на кухню, мы там будем.

– Поставь чай, – крикнул Юрай, – сейчас придем.

Посреди кухонного стола стояло круглое блюдо, покрытое белым полотенцем, и на нем лежал тот самый пирог. Запах невероятный – свежая выпечка и сыр. Во главе стола с видом именинницы сидела Манана, щеки ее горели.

– Привет, Манана, – что за вкуснятина? Ну, ты даешь, – сказала Бася.

– Привет, – поздоровался Юрай, – вчера твой папа приходил, ты в курсе, наверное.

– Да, я знаю, это от папы вам пирог, правда. я сама готовила. Он просто очень за меня переживает, он такой!

– Как и любой нормальный папа, – сказал Юрай, – я его понимаю. Надо было мне сходить к твоим.

– Вы что, он бы не отпустил меня!

Бася помогла расставить тарелки, Кеша наливал всем чай. Достали колбасу и молоко.

– Откуда вы знаете, что чай лучше с молоком пить? – спросила Манана.

– Ну, это же казахская традиция, – сказала Бася, – что за пирог? Пахнет сыром. Я его сфотоаю.

– Осетинский пирог, сыр и зелень, правда, мама говорит, что надо не петрушку, тогда вкус другой. Тьфу, забыла название травы.

– Жалко Димка не попробует, – сказала Бася.

– Ладно, я еще сделаю, это вообще не трудно, – ответила Манана.

– Если мы куда-нибудь соберемся, я схожу к отцу, у нас хорошая компания, – сказал Юрай.

Пирог хрустел.

– Меня только в лес не пускают, а так... – начала Манана.

– А что с лесом? Туда за грибами ходят, зверей нет. Технически это и лесом назвать нельзя.

– Точно, там же трасса, – добавил Кеша.

– Я должна вам рассказать. Только это тайна, хорошо? – пирог закончился, и Манана сложила полотенце аккуратно.

– У нас в магазине можно купить чачу. Нашу.

– Это все знают, Манана, извини, – сказал Юрай.

– Иногда ее покупает странный человек, мужчина, не из деревни. Родители говорят, что он живет в лесу.

– Так, – сказал Кеша.

– Так, – сказала Бася.

– В лесу живут беглые, – закончила Манана.

– Вот это новость, – Юрай задумчиво уставился в пустую тарелку.

– Давно он к вам заходит?

– Я не знаю, отец сказал, в лес нельзя. Еще весной. Когда барышские звали.

– Полиции надо сообщить, это их ответственность.

– Вы что! Тогда родителям точно достанется! Вы обещали никому не говорить.

– Да, обещал.

Юрай посмотрел на Басю и Кешу и добавил: в деревне собаки – лучшие сторожа. Сразу лают. Он почему-то вспомнил мужчину, которого встретил в дождь на речке.

Когда Манана ушла, Юрай, Бася и Кеша усьелись на крыльце, и тишина уже не казалась такой идиллической. Юрай стал осматривать дверь. С обратной стороны болтался огромный крючок, который они набрасывали на петлю к ночи. Но удар в дверь наверняка или петлю выбьет, или крючок просто соскочит.

Была еще дверь, ведущая на задний двор. Перепрыгнуть шаткий забор огорода и попасть мимо бани внутрь – раз плюнуть. Там тоже крючок, совсем хлипкий. Условный.

– У нас во дворе будка есть, – сказал Кеша, – я ее сразу заметил, когда приехали.

– Понимаю, о чем ты думаешь, но собака – большая ответственность. Можно ли вообще арендовать собаку? Здесь. – Юрай подумал еще и об оружии. Закон запрещал любое оружие, даже газовые баллончики.

– И бездомную собаку на месяц не возьмешь, жалко ее, – Бася тоже подключилась.

– Знаете что, давайте не будем с ума сходить. У нас соседи, там собаки, и вообще, мы что, уже к нападению готовимся? – Кеша занервничал.

– Юрай, расскажи лучше какую-нибудь историю про деревню. Я только за кофтой схожу, – Бася соскочила с перил.

Эта просьба застала Юрая врасплох. Ответственность за детей вселила холодок тревоги.

– Какую историю, Бася?

– Ну, давай, какую-нибудь страшную, чтобы перебить эту. Есть же такой метод.

Юрай задумался. Тогда расскажу про собаку и моего двоюродного брата.

Дождались Басю. Юрай думал, как начать.

– Давным-давно...

– Не, давай по-другому, что еще за начало, – Кеша засмеялся. Тревога рассеивалась.

– Ладно, помню, что здесь у всех были собаки. Некоторые коров на пастбище гоняли. Злые на цепи сидели, а остальные во дворе бегали. Но, такая вот оговорка. Учтите, что это деревня. Здесь другое отношение к животным. Например... – Он подумал, стоит ли говорить...

– Например, дети могли, если надо, отрубить топором голову курице. Когда ее на суп забирают. Такая жизнь. Животных держат все, или держали, но и забивали тоже. Это как охота.

– Нет, не как охота, – там состязание с диким зверем, а тут без шансов, – Кеша возразил.

– Так, да, охота не совсем точный пример, хотя у охотников такие средства, что у зверя тоже шансов мало.

– Есть хотя бы шанс не встретить охотника, – резонно заметила Бася.

– Так вот, у нашей соседки была собака. Рыжая. Дворняга. Ну, лаяла, и достаточно.

Но вот эта собака почему-то стала давить кур. То есть охотиться на кур во дворе. Может, у нее инстинкт проснулся, никто не знает. Соседке, в общем, не понравилось, и она попросила моего двоюродного брата увести собаку куда-нибудь. За банку лимонада. Трехлитровку. Все это было поздней осенью. Братец привязал собаке веревку вместо ошейника и увел в лес. И там оставил. Он не какой-то там живодер, но ему поручено. В деревне вырос. Или куры, или собака.

Короче, собака вернулась той же ночью. Соседка даже обрадовалась. Сказала, что лимонад возвращать не надо, а уже и возвращать было нечего.

Неделю собака не убивала кур, а потом снова начала. Дура.

Соседка попросила сделать что-нибудь. Все что угодно.

Братец потребовал новую награду. Любую. Но она спорила с ним, говорила, что дважды за одно и то же платить не будет. Начала орать.

Тогда он забрал собаку на веревке, завел в лес и там повесил на суку, на этой же веревке.

– Вот ужас! – Бася даже передернулась.

– Так, я предупреждал, что это не город. Собак любят, но домашнее хозяйство кормит.

Видимо, братца не отпускали мысли о несправедливости, которую по отношению к нему допустили.

Следующей ночью, ну, не ночью, хотя никого не пугало в лес ночью пойти, поздно вечером он вернулся туда, забрал труп собаки, принес и поставил на пороге у двери соседки. На шее так и болталась веревка.

Утром соседку увезли в больницу. Ей сделалось плохо. А братцу пришлось эту собаку еще и закапывать за огородом.

Вот такая история.

Повисла тишина.

– И к чему ты ее рассказал сейчас, Юрай? – спросил Кеша.

– Ну, вы же просили. Давайте будем думать, что нас охраняет дух рыжей собаки.

– Только не говори, что соседка в этом самом доме жила. Я спать не буду. Я и так не буду спать,

– Бася вздохнула, когда пронесся темный товарняк.

Вернув привычную реальность.

Немногочисленные окна соседей гасли – ложились довольно рано.

Где-то залаяла собака, но сразу же и перестала.

Спалось в эту ночь плохо, тревожно. Юрай считал поезда. Как в детстве. Не помогало.

На всякий случай, тайком от всех, он притащил со двора топор и спрятал под столом в зале, прикрыв дорожкой.

Это немного успокаивало. Поездку в лес отменили.

4.

– Юрай, ты же обещал экскурсию, и что, местные достопримечательности на таком небольшом расстоянии, да? – они остановились у почерневших ворот дома, пятого по счету от того, в котором жили.

– Мы-то готовились, эх, – добавила Бася саркастически.

– Так, ну, во-первых, обратите внимание на сооружение дальше по улице, оно называется – колодец. Понятия не имею, есть там сейчас вода или нет, но раньше точно была.

Поросший вокруг крапивой колодец торчал посреди улицы, или того, что условно можно было принять за улицу, хотя бы по той причине, что время от времени они проезжали здесь на машине. Одна сторона улицы определялась заборами домов, а другая – очень условная – утопавшими в плетущих кустах сараями и бывшими банями, между которыми легко можно было пройти к линии высоких ветл, а за ними уже начиналась насыпь железной дороги.

Бася сразу окрестила это место «Шир на минималках».

– Мы уже видели, что это колодец, – сказала она, лучше не пить из него. Они покупали в магазинчике у Мананы воду в пятилитровых бутылках, и понятия не имели, откуда ее берут остальные.

– Итак, когда в колодцах еще была вода... – начал было Кеша.

– Это дом моего деда и бабки, и ваших, получается, прадеда и прабабки, – ответил Юрай без эмоций.

– Круто, и здесь никто сейчас не живет? Мы можем зайти? – Кеша подошел к крыльцу. Бася за ним.

– Да, давайте попробуем. Двоюродная тетка перебралась в Барыш, она мне сама предлагала зайти сюда, – он промолчал о том, что тетка Вера даже предлагала остановиться в доме. Но, представив, сколько было бы возни с давно не жилым помещением, он просто пообещал позвонить, рассказать, как и что.

Дверь не заперта, свет не работал, но дневного, проникавшего сквозь пыльные стекла, было достаточно. Дом напоминал затонувший корабль, лежащий на небольшой глубине, где лучи солнца еще легко проходят сквозь воду. Они зашли в зал. Там спал старенький телевизор, скатерть на столе была аккуратно свернута вчетверо и лежала посредине. Кровать деда за занавеской. Он вспомнил, как дед громко зевал, засыпая. Пока Бася и Кеша вертелись в зале, разглядывая посуду в шкафу, отдернул занавеску. Там, на кровати, были свалены подушки, еще перьевые, и запах не очень. Но если вынести подушки, дом, наверное, мог бы сойти за вполне жилой. Чувствовалось, что тетка время от времени приезжает сюда.

– Так, идемте в легендарную кухню.

Они вышли в коридор с крашенными коричневой краской полами, облупившимися посредине. Три высокие ступеньки и поворот вправо, на кухню. Но сразу за поворотом толстая железная бочка, со свинцовым отливом.

– Ого, а это что такое? – Кеша заглянул внутрь бочки, – похоже на центрифугу.

– Точно, это медогонка, дед был пчеловодом у нас. Меда всегда полно.

– И пчелы его не кусали? – Бася оглядывалась в темных сенях.

– Почему, кусали вроде, не помню. Он в сетке выходил к ним. Улей прямо за кухней стоял, мы еще боялись этих пчел.

Бася показала на изогнутый продолговатый предмет в углу: – Лошадей держали.

– Это коромысло, – сказал он.

– Серьезно? Колодец, коромысло, что еще осталось по плану, – она, похоже, обиделась, что так ошиблась напоказ.

Кеша не обратил внимания, он уже заходил в кухню.

Шкафчики заботливо закрыты, дедов самовар на отключенном холодильнике, стена побеленной печки покрытая слоем пыли.

– А давайте как-нибудь придем сюда на обед? Надо только подмести и окна протереть, – предложил Кеша.

– Давай, готов подметать тут? – энтузиазма у Баси оказалось поменьше.

– Идемте во двор, – сказал Юрай и вышел, откинув кованый крюк с петли.

Навесы во дворе стремились соединиться в центре, над головой. На стены давили остатки гнилого сена под крышей. Стропила еле держались. Все это грозило обвалиться, а следом и дом за собой утянуть.

– Кеша, давай как-нибудь попробуем здесь подпорки поставить повыше, а то смотри, скоро все завалится.

– Да, можно, жалко дом, Кеша старался не провалиться кроссовками в дыры между досок, застилавших пол.

Во дворе, там, где раньше могла уместиться телега, а реже машина, валялись рядом пень и ржавый топор.

Юрай подошел к деревянным синим дверцам в стене дома. Никакого замка. Он открыл обе створки и заглянул внутрь – дедовский «Иж» на месте. Корпус и коляска лазоревого цвета. Мотоцикл, как и все вокруг, покрыто слоем пыли. Он пригнулся, чтобы войти, взялся за ручки и мягко вывел его во двор.

– Так, – сказал Кеша, – вот это совсем интересно. Надо сфотаться на нем. – Он полез за телефоном.

– Давай я сфотою, – сказала Бася.

– Что, если покатаемся? Кеша, помоги открыть ворота, – Юрай открыл засов ворот.

Открыть сами ворота оказалось делом сложным, массивная балка – бревно и конек над ним – вдавили ворота в землю. Пришлось постараться.

Юрай выкатил мотоцикл со двора, Бася принесла из кухни тряпку, и пока они с Кешей протирали пыль, пытался завести. Не получалось. Не было бензина. Он сходил и принес из багажника небольшую металлическую канистру с бензином.

– У тебя и бензин заготовлен! Сюрприз готовил, да?

– С самого начала вас покатасть хотел. Давай, открывай бачок.

Юрай залил почти всю канистру в пустой бак. Он никогда не водил такой мотоцикл, тем более с люлькой. Ездил с дедом, сидя в ней, даже по трассе. Резко нажал педаль, вывернув ручку, и мотоцикл, наконец, завелся, дернувшись вперед. Сначала работал рывками, а потом увереннее.

– Сейчас сам проедусь, – сказал он, – ностальгия.

– Давай, мы снимаем, – Бася приготовила телефон.

Люлька придавала мотоциклу устойчивость, ничего сложного, только почувствовать ручку скорости. Сильно не газовать. Звук душераздирающий.

Проехал за колодец и там развернулся.

– Садитесь, – сказал обоим, но за спину уселся Кеша, Бася продолжала снимать.

Объехали еще круг за колодец и остановились у двора.

– Бася, давай садись, покачу на дедовском «Иже».

Она села за ним, обхватив за спину обеими руками. Кеша запрыгнул в люльку.

На этот раз поехали в другую сторону, к своему дому и дальше, почти до переезда, там развернулись на асфальтированном пяточке и назад. Местами трава шуршала по дну люльки странным звуком. Новым.

– Можно, я сам прокачу Басю? Попробую, – спросил Кеша.

– Давай, – сказал Юрай, и сразу немного испугался. Но потом решил, что ничего опасного в целом нет.

Бася сначала отказалась, сказав, что надо сначала ее спрашивать, и первый рейс, резко дернувшись с места, Кеша совершил один. Восьмеркой вокруг колодца, до переезда и обратно. Пролетел скорый, заглушив звук мотоцикла на минуту. В поезде уже светились окна.

Кеша смеялся, вернувшись. Следующий рейс они сделали уже с Басей, расположившейся в люльке, чтобы поснимать по пути.

– В люльку больше не сяду, такая неудобная, – заключила она.

Мотоцикл закатали на место и ушли, закрыв ворота.

Потом сели ужинать и ели задумчиво. Юрай решил, что ребятам хватило эмоций.

Первое время ночные поезда мешали всем заснуть, отблески окон вагонов в стекле, да еще и локомотив иногда сигналил, подъезжая к переезду. Шкаф позвякивал фужерами, и легонько трясло. Через несколько дней ко всему этому привыкли. Спалось здесь прекрасно.

Юрая разбудил звонок, не мессенджера, где были установлены мелодии, а телефона с резкой стандартной музыкой.

– Да, слушаю, – звонили с российского номера.

– Доброй ночи. Молодой человек по имени Иннокентий – ваш родственник?

Приятный уверенный женский голос.

Четыре часа ночи. Разводка какая-то.

– А что случилось?

– Говорит пост «Барыш», старший сержант Комарова. Молодой человек на мотоцикле «ИЖ», без прав, дал ваш номер.

– Погодите, секундочку.

Он встал с кровати и заглянул в комнату Кешы. Кровать была расстелена, но сумка с одеждой исчезла, не было и самого хозяина. В одной ночнушке в зал выбежала Бася.

– Что случилось?

– Да, это мой родственник. Документы его у меня.

– Нет, паспорт у него собой. Нет прав, и не может быть. Возраст не тот.

– Да, конечно, я его сам катал днем вчера, вот он и решил проехаться. У меня машина, оденусь и приеду.

– Знаете, куда ехать? – на том конце провода что-то записывали.

– Ну, в сторону Красного Барыша?

– Да, на выезде из города.
– Хорошо, буду скоро, мне недалеко. Он подождал, пока старший сержант повесила трубку.
– Да что случилось? – Бася забралась на его кровать с ногами, чтобы не стоять на холодном полу.

– Кеша тебе ничего вечером не говорил? Просто его полиция задержала на мотоцикле.
– Нет, он ничего не рассказывал, пап.
– Так, дочка, побудь здесь, все с ним в порядке, решил покататься. Съезжу, заберу его, – он начал натягивать джинсы.

– Точно? Я не нужна? Может, я тоже поеду?
– Знаешь что, приготовь нам завтрак хороший какой-нибудь, ладно?
– Ага, может, я вам тогда кофе сварю, американо, да? Подойдет? Из того, что есть, только каша и яичница. Выбирай.

Бася явно окончательно проснулась.

– Давай шакшуку, есть же помидоры? Он достал из сумки доверенность на Кешу и страховку.

– Ладно, пап, привет ему передавай и доброе утро. Я на твоей кровати останусь тогда. Теплая.

– Давай, дочь, спасибо, – он поцеловал Басю в лоб и уехал.

По дороге мимо леса мучали мысли о том, что оставил ее одну в доме. Надо скорее.

Кеша сидел в комнате за большими стеклами поста, Юрай оказался внутри впервые. Перед мальчишкой на столе стоял недопитый фирменный бокал с чаем. Кеша поднял голову, когда вошел Юрай, но невозможно было разгадать взгляда.

Старший сержант Комарова оказалась высокой шатенкой лет тридцати. Она забрала доверенность и вышла куда-то, рассмотрев внимательно паспорт – так вы гражданин Казахстана, надо же.

Он сел рядом с Кешей.

– Неожиданно, – сказал было.

Кеша отвел глаза.

Офицер вернулась и села с другой стороны большого полукруглого стола.

– Поговорить хотите? Идите в машину. Я позову, когда закончим оформление.

– А что вы будете оформлять?

– Вождение транспортного средства без прав.

– Не угон?

– А разве это похоже на угон?

– Нет, конечно.

Они сели в машину. Кеша на переднее пассажирское.

– Что случилось, Кеша? – спросил он.

– Я хотел прокатиться.

– А серьезно?

– Соскучился по отцу.

– Кеша, ну это детский поступок, ей-богу, не хотел этого говорить.

– Но ведь я же ребенок, и полиция говорит, дядь Юр.

Повисла пауза.

– Кеша, он вернется.

– Я знаю.

Снова пауза.

– Еще раз попробуешь уехать? Мне надо за это переживать?

– Не знаю, я человек настроения. Может, уеду.

– А если я тебе помогу оформить выезд к нему?

Он посмотрел на Кешу, теперь все правила улетучились.

– Ты знаешь, где сейчас отец?

– Да, знаю, дядь Юр, мы переписываемся.

– Ну, вот, в Чехию два раза в год устраивают туры с посещением. Можно найти какой-нибудь международный фонд. Могу попробовать. Тебя все равно не пустят так просто. Это исправительный лагерь.

Кеша смотрел в окно, на то, как кошка шла вдоль тротуара парковки, идеально параллельно.

– Я смотрел про такие поездки. Не знаю.

– Будет группа, два дня свидания с отцом не в лагере, в Брно, в городе. У него браслет просто.

Я был в Брно, там есть куда сходить.

– Отец больной, куда ему ходить.

– Брось, он поправляется. Ходить может. Мы же тоже разговаривали.

– Плюс, кажется, неделя в Мариуполе, клумбы пропалывать.

– Я не хочу в Мариуполе клумбы копать, дядь Юр.

Он отвернулся. Выбирал слова. Вспомнил обещание матери не обсуждать эту тему.

– Кеша, он участвовал в войне, всему есть своя цена, понимаешь.

– Хорошо, я обещаю больше не сбегать... Юрай.

– Подумай насчет тура, Кеша, я обещал, надо будет – постараюсь.

Дальше сидели в машине в полной тишине, пока в окно деликатно не постучали.

Старший лейтенант принесла документы.

– Поговорили?

– Да, поговорили, – он вышел из машины.

– И как? Ждать его завтра верхом на коне?

– Нет-нет, что вы, все уладил.

– Да? Ну, надеюсь. – Офицер глянула в машину. – Все, Иннокентий, езжай домой на машине.

Только пока не за рулём. Потерпи, немного осталось подрасти.

Подошел мужчина в темно-серой форме офицера полиции, что-то сказал напарнице.

Она вернула паспорт и доверенность.

– По поводу мотоцикла мы вам на днях позвоним, заберете. Все, инцидент исчерпан. Предупреждение. С добрым утром.

Он забрал документы, пробормотав: «С добрым утром, госпожа офицер». Кивнул и сел в машину.

Не мог уснуть. Слишком светло уже. Тихо встал и оделся в теплое. Стараясь не хлопать дверью, вышел на улицу. Машина стояла у соседнего заколоченного дома. Когда дом бросают, он сразу становится ниже, приседает. Как будто душа, весом побольше чем 21 грамм, покидает его.

Трава была мокрой от росы, а над травой стелился туман по щиколотку. «Как же я буду собирать в тумане?» – подумал он. Сел в машину и вырулил на переезд, потом дальше, к зернохранилищу, откуда они когда-то тащили трехлитровую честно заработанную банку тархуна. Дальше дорога пересекала поле, и начинался настоящий лес. Туда он и направлялся. Не останавливаясь на опушке, попробовал, насколько позволяла грунтовка, проехать еще метров пятьсот вглубь. И все равно это было только начало леса. Еще вполне светлый бор. Некого бояться. Птицы уже проснулись. Тумана здесь не было. Он достал из багажника кастрюльку и пошел между деревьев. Первую землянику нашел быстро, шесть ягод в соцветиях. Обрадовался. А дальше было труднее. Казалось, птицы громко обсуждают человека, то и дело обирававшегося в сторону своей машины и периодически наклонявшегося, раздвигая кусты. За час удалось закрыть земляничкой только

дно кастрюльки и попробовать пару ягод самому. Времени больше не было, он вернулся к машине и еще через полчаса оказался на кухне. Снял теплую одежду в коридоре. Посмотрел на дно кастрюли и достал из шкафа эмалированную кружку. В ней собранные ягоды выглядели солиднее.

Сварил яйца и одно съел.

Одновременно спустились Бася и Кеша, виновато глядевший и не заметивший ягод. Бася сразу их увидела. Ух ты! Где взял?

– Привет, – сказал он, – доброе утро, вам собрал.

– Спасибо!

– Сейчас молоко подогрею и засыплю пополам.

– Ой, а можно я так съем лучше? – сказала Бася.

– Если можно, я тоже без молока буду, – Кеша уселся за стол.

– И почему пополам? На три части, – Бася села с другой стороны, потом поднялась, – давай я чаю налью. И шакшуку могу приготовить...

– Да, на троих! Просто я вспомнил, как нам дед с утра такую вот кружку земляники с молоком выставил однажды! – сказал он бодро.

– Ты где ее собирал, Юрай? Спасибо! – Кеша смотрел уже обычным своим взглядом. Слегка исподлобья.

– Недалеко отсюда, – он взял из рук Баси кружку с чаем и поставил перед собой.

5.

Обычно все начиналось с шоу талантов. На сцену выходит ничем не примечательный человек, рассказывает о своей обыкновенной жизни и серой работе, слегка увлекается или наоборот – мнется, жюри мягко подталкивает к мысли о мечте, камера выхватывает сомневающиеся лица в зале. Потом включают фонограмму и поначалу всем кажется, что поет сам микрофон, но через минуту зал охватывает ощущение причастности к волшебству. Жюри активно подыгрывает, вот уже вслед за ними, аплодируя, поднимается весь зал, в конце резко вступает заставка шоу и следующий ролик. Система выдает их сама, искать ничего не нужно, стоит только начать. Иногда интернет зависал, в ожидании загрузки Юрай подливал в бокал красного вина, чаще всего грузинского, и эмоции с экрана смешивались с содержимым бокала совершенно духоподъемно. Потом музыка превращалась в фоновую, и перед его глазами мелькала лента коллег, интервью писателей блогерам, журналистам и друг другу. Многие писали и говорили то, что говорил и писал он, но все его посты и публикации или опаздывали, или собирали небольшую аудиторию знакомых и зависимых от него персонажей. Время от времени он поглядывал на закрытые двери комнат детей. В отблесках экрана казалось, что они приоткрываются. А иногда за окном цепочкой света вагонов проносился неслышный в наушниках поезд, но комнату не качало.

Юрай шел выбрасывать бутылку на задний двор, потом возвращался и валился спать.

6.

Дима стал приходить почти каждый день, телефоны почти отошли на второй план, уступили место разговорам и смеху на крыльце или у колодца. Иногда компания, собрав бутерброды, уходила на речку, на весь день, а Юрай до вечера обычно писал. Или читал то, что под руку попадалось. Перечитал подшивку журналов «Пчеловодство». С огромным удовольствием. Замечательный язык, хоть и довольно формальный. Повеселило то, как редактор приводил в соответствие со стилем все письма пчеловодов. По прочтении складывалось впечатление, что это сплошь начитанные, с некоторым, выходящим за рамки школьного, опытом написания статей, люди. Был уже

вечер, стемнело, и Юрай подумал, что надо всех звать «домой». Про себя он называл так иногда дом, в котором они остановились. При детях так не говорил.

Вбежала Бася, буквально ворвалась в зал с улицы.

– Пойдем, пап, к магазину, скорей!

– Что случилось? Кеша где? – Юрай вскочил.

– Все хорошо, пап. Не волнуйся. Он возле магазина. Там полиция поймала беглого. Ждут журналистов.

– Ну, идем, конечно. Слава богу.

– Тебе Манана что-нибудь рассказала? Папа ее где? – Юрай быстро спускался с крыльца следом за дочерью.

– Да, она рассказала, только просила хранить в строжайшем секрете, – Бася запыхалась. Шли быстрым шагом, хотя, если ждут журналистов, торопиться особенно некуда, подумал Юрай.

– Отец Мананы сообщил в полицию и ждал момента, чтобы им позвонить, когда придет один из беглых.

– Почему ты говоришь «один из», там много их?

– Не знаю, несколько, вроде... Мужики какие-то.

Казалось, они были последними жителями деревни, узнавшими о происшествии. Собрались все, кто мог ходить. Так идут на похороны. Несмотря на то, что уже стемнело.

У магазина стояла легковая полицейская машина. Пустая. Видимо, сами полицейские и пойманный находились или в доме, или в магазине. Кеша и Манана стояли тут же. Манана чувствовала себя героиней. Соседи поглядывали на нее, некоторые пытались расспрашивать. Заметно было, что ей очень хочется рассказать, но она ответила кому-то, что папа все сам расскажет потом и торжественно молчала. Кеша ее прикрывал, выполняя роль телохранителя звезды.

Вдруг Манана перестала быть центром внимания. Подъехала другая машина, за ней еще одна, обе – служебные тонированные минивэны. Следом еще одна легковая машина. Двери минивэнов приоткрылись, оттуда вышло несколько человек в темно-зеленой военной форме, в касках с забралами. С автоматами и подсумками на поясе. Все это выглядело невероятно серьезно, и Юрай снова подумал о том, какой возможной опасности они все подвергались. Наконец из заглушившей двигатель легковой машины вышли двое. Оператор – парень с небольшим штативом и камерой и девушка, оба с белыми бейджами. Журналисты. Посоветовались о чем-то с военными, потом парень отошел, чтобы поймать на камеру и военных, и полицейскую машину, и жителей, и саму журналистку в джинсах и черной кофточке. Та поправила бейдж, позвонила кому-то, и через пару минут из дверей дома рядом с магазином вышли полицейские, они вели под руки бомжеватого мужчину лет тридцати, с неряшливой бородой, в кроссовках. Оператор включил прожектор камеры. Мощный луч, несмотря на размеры. В темноте, в свете окон магазина и камеры все это создавало сочную картинку новостям. Задержанного посадили не в полицейскую машину, ему открыли переднюю дверь одного из минивэнов.

– Остальных поедут брать, – сказал Кеша вполголоса, – у них наверняка тепловизоры. Да и этот сам покажет.

Три машины быстро уехали, громко хлопнув дверьми, словно крупные нелетающие птицы крыльями. Юрай подошел к журналистам.

– Здравствуйте, часто приходится на такое ездить?

– Здравствуйте, бывает, – ответила журналистка.

– Я тоже статьи пишу иногда, – Юрай представился. С фамилией.

– Но вы разве что-то знаете? – поинтересовалась журналистка. Звали ее Ирина. Внештатница.

– Нет, дети позвали, рассказали, что кого-то поймали. – Про Манану он промолчал.

– Наверное, я читала вас, что тут делаете? Отдых?

- С детьми на месяц приехали.
- Здорово.
- Часто сюда вызывают, чтобы знать, чего ждать?
- Вы уже второй раз спрашиваете! Теперь все нормально будет. Не ждите продолжения.

Какой-то старик помахал кулаком, ни к кому конкретно не обращаясь: – Поймали, и что! Сами и виноваты! Тьфу!

- Вот вам и сюжет. Это надолго. – Юрай усмехнулся.
- Мне пора ехать, приятно было пообщаться, хорошего отдыха!

Журналистка села за руль. Оператор уже был в машине.

Свет фар выхватил Манану, Кешу, расходящихся по домам стариков и женщин, клубящуюся в воздухе пыль.

В эту ночь впервые хорошо спалось. Дух рыжей собаки спокойно уснул где-то в лесу.

7.

Лето здесь можно было назвать непредсказуемым по многим причинам. И новые знакомства, уже безо всякого ставшие дружбой, и все события, и дни, когда вообще ничего не происходило, и погода. Иногда дождливая, с туманом, сыростью и внезапным холодом, иногда обыкновенная, с облаками и закатом, такое состояние называют деревенской пасторалью. Но иногда выпадали жаркие дни. Два-три подряд. Угадать их было сложно даже прогнозу погоды. Как раз сегодня был один из таких дней. Все сложилось – заранее договорились пойти на речку, проснулись и поняли, что прогноз не подвел.

Посыпались радостные сообщения в мессенджере, как горох. Потом встретились у запруды.

Кто и когда соорудил эту запруду, неясно. Дима говорил, что это барышские пацаны строили.

Речка была мелкой, по колено, медленной, петлявшей между глинистых обрывов высотой под два метра. Если не придирается – над обрывами дикий лес, карманные джунгли. Сразу за джунглями, правда – колхозные луга. Сам лес гораздо дальше отсюда. Встречались и песчаные отмели, где можно было загорать или просто сидеть. Но купаться в такой неглубокой речке не получится. На повороте одной из извилин кто-то завалил реку бревнами и ветками так плотно, что получилась плотина, вода сама набила ее травой и листьями и поднялась. Получилось небольшое озеро, глубиной по пояс.

Старое зеленое одеяло принесли вместо подстилки. Над обрывом оказалась идеальная поляна, со следами костра. В первый раз пришлось собрать и унести два пакета мусора, и теперь не надо было уточнять, на какую поляну приходить.

– Кто за то, чтобы лезть в воду? – Бася загорала на одеяле. Закрытый черный купальник, ее любимый.

Вопрос привычно уже относился ко всем, кроме Мананы.

- Давайте, я за! – Кеша сидел под обрывом.
- Да, можно, – сказал Дима, – жара, – голосом как в кино.

Дно илистое, и из-за этого вода мутноватая, но можно и не обращать на это внимания. Зато она прохладная.

- Дима, а рыба здесь водится?
- Откуда же я знаю, ни разу не видел, чтобы ловили наши.
- Папа (за глаза Бася звала Юрая так) говорил, что они рыбачили.
- Ну, может и есть мелкая рыба. Водяные крысы точно есть. Они же рыбу едят?
- Серьезно?
- Может, эту запруду они построили или бобры?

– Мы сюда часто ходим, они нас боятся, даже если и были, – заключил Кеша.

– Здесь есть водяные крысы, я сама видела, – сказала с обрыва Манана.

– Мы с родителями ловим рыбу на форелевом хозяйстве, это прикольно, – сказала Бася, – давайте напишем отцу, чтобы приходил рыбачить?

– Кто за рыбалку? – Кеша поднял руку. Все подняли. Единогласно.

Бася написала Юраю сообщение. Позвала помочь с рыбалкой. Тот обещал подойти через полчаса. Заканчивал работу.

– Он все время работает за ноутбуком, – сказал Кеша.

Купаться надоело, сидели на одеяле, сохли и жевали лепешку.

– Мананочка, – твоя мама печет классные лепешки, очень вкусные, – Бася оторвала от круглого края кусочек.

– Спасибо, я передам ей, – Манана заулыбалась, – я тоже помогаю иногда. Хотя там ничего сложного, тесто замешивать надо.

– Ты читала его книжки? – спина Кеши задала вопрос, она блестела от капель воды.

– Читала только одну, он же для взрослых пишет, – сказала Бася, – типа восемнадцать плюс.

– Не люблю книжки, но Юрай молодец, конечно. – Время от времени приходилось отбиваться от слепней. Кеша хлопнул по Диминой спине.

– Эй, больно как, – тот взвизгнул.

– Так, лепешку оставляем, нужна наживка, – заявил Дима резонно.

– Наживка не нужна, – сказал с обрыва Юрай. В руке он держал плетеную корзину.

– Это для рыбы? – спросил Кеша, обернувшись.

– В некотором смысле, – Юрай ухмыльнулся, спускаясь.

– А где ваша удочка? – Манана единственная называла его на вы.

– Ловить будем бреднем. Вот этой вот корзиной. Ни разу не видел, чтобы здесь ловили на удочку. Улов сложим в банку, я ее наверху оставил, Кеш, заberi, будь другом.

Ниже запруды, за поворотом, река сразу становилась шире, что делало ее неглубокой. Юрай закатал джинсы выше колена и спустился в воду. Поставил перед собой корзину, наполовину утопив и приткнув плотно к траве у берега и начал топтать одной ногой перед корзиной по воде, пугая рыбу.

Потом резко поднял бредень, сквозь мелкие щели сбегали потоки воды. Заглянул внутрь. Там было пусто.

– Здесь водяные крысы есть, если что, – сказала Бася.

– Ничего, ее так не поймает. Они умные, – Юрай выдохнул, – кто хочет попробовать?

– А рыбы глупые?

– Рыбы пугливые.

Кеша поднял руку, – я попробую!

– Давай! – Юрай отдал бредень.

Кеша в плавках забрался в воду и выставил бредень у другого берега, стараясь действовать тихо. Потом зашурудил ногой по водорослям, загоняя рыбу.

– Давай, давай! – подзадоривала Манана.

Кеша резко выхватил бредень резким движением к себе. Мелкая рыбеха, блеснув, проскочила сквозь прутья.

– Рыба есть! – закричал Дима, – давай я теперь!

– Забирай, только это так противно. Ногой топтать водоросли.

Дима выбрал другую тактику. Переместившись к противоположному берегу, он шел быстро с бреднем руках, приговаривая: ловись, ловись рыбка, большая, вот такая! Вытащив бредень в третий раз, он заметил двух рыб, бившихся на дне корзины.

– Тащи банку, – закричал он. Кеша спустился с берега с банкой, зачерпнул мутной воды. Теперь там кружились две испуганные особи плотвы.

– Дайте посмотреть! – Девчонки осторожно, будто ценный экспонат, приняли банку из рук в руки.

– Что мы с ними делать будем? – спросила Манана.

– Да ничего, отпустим просто, – Юрай тоже рассматривал улов, – мелкие.

Бася приняла корзину у Димы как эстафету, поставила в небольшой заводи чуть дальше, там, где вода скручивалась в маленькие гольфстримы, и топнула ногой пару раз. Потом плавно подняла бредень.

– Ура, я тоже поймала! – сказала она.

– Молодец! – сказал Дима, – горжусь!

– Круто, – сказал Кеша, – а я больше не хочу ловить, надоело. Все равно же это не улов.

– Смотрите, – Бася показала всем, как на дне бредня извивалась, сверкая, рыбка длиной в ладонь, – крупная.

Потом перевернула корзину и выпустила.

– Жалко их, пусть плавают, – и я, кажется, на стекло наступила.

Она выбралась на берег. Юрай рассмотрел белую полосу по ступне.

– Не до крови, слава богу.

Выпустив рыб из банки обратно в реку, оделись и пошли по тропинке сперва босиком, а потом, сполоснув ступни в ручье, накинули обувь. Вид у компании был живописный, деревенский. Впереди шел Юрай с корзиной в руке, в серой рубашке с закатанными рукавами и поднятых до колена джинсах и в калошах, за ним – Манана в черном платье до щиколоток, с обернутыми красной банданой волосами, босиком. За ними – Дима в джинсах и белой футболке, и Бася тоже в футболке, только черной, с принтом и джинсовых шортах. Позади Кеша нес пустую банку, рукава его бордовой рубашки были закатаны по локоть, холщовые брюки аккуратно подвернуты на щиколотках. На ногах – сланцы.

По тропинке они вышли к началу своей улицы за колодцем.

– Смотрите, – сказала Манана и остановилась. Все сразу остановились.

С другого конца улицы, со стороны переезда двигалась большая процессия.

Группа пожилых женщин и мужчин. Элегантные платья самых разных цветов по соседству с клетчатыми и однотонными бежевыми рубашками. Шляпки, кепки и даже одна зимняя синяя спортивная шапочка.

Человек пятьдесят направлялись напрямик к ним, эмоциональный гул голосов напомнил Юраю сцену из мультфильма про Муми-троллей, когда из словаря, побывавшего под волшебной шляпой, выбежали толпой иностранные слова.

– Спокойно, – сказал Юрай, – вроде бы английский.

Обе компании сошлись уже за колодцем, и тут рыбаки сообразили, что заслонили собой цель, к которой двигалась толпа гостей.

Иностранцы оказались невероятно вежливыми. Они сразу стихли, остановились напротив.

Осмотревшись, одна бабуля в брюках и белой блузке с рюкзачком обратилась по-английски к Басе:

– Хелло, моя дорогая, как тебя зовут?

Бася немного оторопела.

– Барбара, меня зовут Барбара. Что случилось?

Бабуля и вся толпа невероятно обрадовалась тому, что девочка, которую они встретили, говорит на английском.

– Хай, Барбара! Наш поезд застрял на переезде, там ремонт какой-то, и нас отпустили посмотреть вашу чудесную деревню.

– Хай, Барбара, – вдруг загудела толпа разными голосами. Некоторые даже махали руками, подпрыгивая в задних рядах, особенно одна пожилая дама, крикнувшая: я тоже Барбара.

Бася улыбнулась. Щеки ее покрылись румянцем.

– Я поняла, – сказала она, – как вас зовут, мэм?

– Патрисия, – улыбнулась в ответ дама.

– Откуда вы? – спросила Бася.

– Я лично из США, из Айовы, мои друзья из разных городов, мы путешествуем. Туристы.

– Вел, – сказала Бася, – прекрасно. Чем мы можем помочь? Она оглянулась на Юрая, Диму, Кешу и Манану. Те кивали головами и улыбались.

– Нам интересно посмотреть деревню. Может, перекусить в кафе. Может, этномузей. У нас есть три часа!

– Вот колодец, – Бася отодвинулась в сторону.

– Колодец, колодец, – раздалось в толпе.

Им пришлось отойти в сторону, чтобы пропустить всех к колодцу. Шли организованно, цепочкой. Заглядывали, трогали ведро, отчего то позвякивало цепью.

Один мужчина в белой бейсболке даже спросил – можно нам достать воды?

– Можно попробовать достать воды, тут есть ведро, но пить бы я не советовал, – сказал по-английски Юрай.

Все обернулись к нему.

– Хелло, – сказал он и вежливо кивнул.

– Лучше мы вам дадим воды, – добавил Кеша тоже на английском.

Иностранцы на него уже не смотрели, они все повернулись в сторону Мананы и замерли.

– А у нас лепешки есть, – сказала по-русски Манана, – переведите кто-нибудь, пожалуйста. Можно пойти в магазин. А кафе здесь нет.

Напрягшиеся было иностранцы заулыбались, услышав то, что перевела им Бася.

– Дайте нам время досмотреть колодец, – сказал один из последних в очереди мужчин в панаме.

– Можно их в церковь отвести и в магазин, или сперва в магазин, если голодные. Как захотят, – Юрай советовался с командой в сторонке.

– Кеша, Дима, вынесите на крыльцо пару бутылей с водой, купим потом, и кружки. Стаканчиков у нас нет. Манана, ты тогда жди у себя.

Кеша и Дима быстрым шагом пошли к дому, а Манана к себе.

Туристы закончили доскональную ревизию колодца и двинулись за Басей и Юраем в сторону дома.

– Скажите, а как называется эта деревня? – спросил кто-то в толпе.

Бася и Юрай переглянулись.

– Чувашская Решетка, – произнес Юрай на русском с английским акцентом. А перевод...

Бася перевела дословно, и готова была начать объяснять оба слова по отдельности, но женщина по соседству с ней воскликнула:

– Ясная Поляна, Чувашская Решетка, как поэтично! Толстой!

– Ну, Чувашская Решетка это ближе к Достоевскому, – возразил Юрай.

Та взглянула на него внимательно, поверх очков.

Подошли к крыльцу. Калитка была уже открыта. Юрай увидел на перилах кружки, штук десять. Разномастные. Он и не думал, что в доме их столько. Кеша и Дима разливали воду желающим, впрочем, жаждущих оказалось не так много. Все благодарили очень вежливо, даже те, кто не пил.

В это время Бася собрала небольшую группу туристов возле себя и стала объяснять происхождение названия Чувашская Решетка.

– Так вы не русские? – спросила одна женщина.

Бася взглянула на Юрая:

– Ну это очень длинная история.

– Хорошо, сказала та женщина, спасибо, идемте смотреть дальше, а то нас могут и позвать обратно в поезд.

Дошли до другого конца улицы и свернули от железной дороги в сторону магазина. Манана и ее отец сустились у входа. Когда подошли, выяснилось, что выкладывали лепешки на вынесенный столик. Их захотели попробовать все. Денег с иностранцев не брали. Но некоторые заходили в магазин и что-то покупали там. Мелькали бутылки лимонада и батончики. Заведовала прилавком мама Мананы. Ассортимент быстро заканчивался.

Церковь у иностранцев большого восхищения не вызвала, видимо, интересовала только старина. Тем более что священник был в отъезде, а дверь открыл служка. Кто-то поставил свечки, кто-то перекрестился у входа.

Иностранцы начали было уже небольшими группами разбредаться по улицам, но тут поезд издал пароходный гудок. Вернее, это был гудок поезда. Но Басе он напомнил гудок лайнера в порту Котора, звавшего туристов на борт.

Не торопясь, они двинулись к переезду. Махали, благодарили и нажелали больше чем на день рождения. Та женщина, которая заговорила первой, подошла к стоявшим рядом Диме и Басе, обняла обоих и сказала: будьте счастливы, дети мои.

8.

Дома Юрай достал телефон и прочитал сообщение: «Привет, все прекрасно, Вика завтра выезжает, билет у нее».

Поезд прибывал по расписанию, в 16.15, на станцию Барыш.

Машину оставили за вокзалом. Коммерческие ларьки стояли там в длинный ряд. По объявлениям на фасадах можно было прочитать целую историю. «Шашлык». «Бургеры», «Одежда».

– Раньше у отца здесь тоже киоск был, – сказала Манана, которую взяли за компанию.

Поезда ждали всего трое пассажиров с чемоданами. Сутолоки на перроне, к которой мысленно готовился Юрай, не наблюдалось. Нужный пятый вагон. Двери не открылись. Никакой Вики не было. Никто не протягивал конверт, улыбаясь, с высокой ступеньки. Они стояли в замешательстве. Минута прошла быстро. Юрай начал стучать в дверь вагона. Потом крикнул: ждите здесь, – и побежал к следующему, где пассажиру уже помогли принять последний чемодан. Протянули руку и ему, он метнулся мимо жара титана, за которым начинались купе.

– Извините, здесь Вика едет? – пришлось задавать этот глупый вопрос каждому купе.

Во втором оказалась ложная Вика, ничего не зная о билете. Зато в следующем и девушка у окна, и ее соседи – пожилая пара на диване напротив – заулыбались.

– Как билет? Я же недавно сбросила в окно посылку. Мы мимо вашей деревни как раз проезжали.

– Да-да, – кивнула пара напротив, – но там не встречали, вроде.

Юрай увидел, как медленно поплыл за окном перрон.

– Спасибо, Вика! – крикнул он и побежал к выходу. Дверь уже закрывали, но он успел соскочить, даже услышал из коридора:

– Я же писала!!!

– Ух, успел, – сказала Бася, – что она, забыла, что ли?

– Доставка до двери, – засмеялся Юрай, – едем обратно.

– Надо же, – а у нас почтальона своего нет, – сообщила Манана.

В деревню вернулись уже в сумерках. Юрай раздумывал, не отложить ли поиски на завтра. Но был риск ночного дождя, да и дело вовсе не выглядело сложным.

Подошли к насыпи. Рельсы пели после недавно пролетевшего товарняка.

– Только очень-очень осторожно. Включаем фонарики и ищем необычный предмет. Посылку. Если услышите поезд, сразу спускайтесь с насыпи, договор?

– Да, ясно, – подтвердили и Кеша, и Бася, и Манана.

Четыре луча, продлевая сумерки, стали шарить сперва по насыпи, потом по кустам. Иногда встречаясь. Иногда разбредаясь даже по разные стороны полотна.

Грянул гром, перебивая грохот товарняка и нескольких тяжелых капель, ударивших по камням насыпи, ливануло из невидимой тучи. Пришлось возвращаться домой ни с чем.

9.

– Вы что же так долго спите? – стук в дверь разбудил сначала Юрая, потом в своих комнатах зашуршали дети. Он выглянул в окно, дождя уже не было.

Быстро оделся и открыл дверь.

На пороге стоял хозяин дома, Владимир. Крупный розовощекий мужик. «Наверное, в детстве я его знал», – подумал Юрай.

– Юрий, это вам. Посылка. Обходчик на переезде мне отдал, – Владимир подал замотанный в скотч пакет, в котором угадывалась книга. На скотче было написано – Юрию, фамилия, и значился телефон.

– Спасибо, мы же как раз ждали! – Юрай пожал протянутую руку, – проходите.

– Как вы тут? – Владимир разулся и вошел, оглядывая зал.

– У вас такой классный дом, – сказала Бася, выходя из комнаты.

Владимир поздоровался с ней.

– Ну, я за расчетом, а то потом уеду, и некогда будет.

– Да, – сказал Юрай, все готово. Сейчас дети принесут, – позавтракаем?

Юрай протянул сверток Басе, сделав при этом такое лицо, что она моментально поняла.

– Я сейчас Кешу позову, – сказала она, – чаю поставим.

– Да, от чая не откажусь, спасибо.

Владимир и Юрай пошли на кухню, а Бася скрылась в комнате Кешы.

– Может, еще месяцок? – спросил хозяин дома под звук закипающего чайника.

– Нет, по работе не получается, так бы остались, – сказал Юрай, немного нервничая.

Дверь открылась, и на пороге кухни появились дети. В руках у Кешы был конверт. Давя смех, он торжественно вручил его Владимиру и представился:

– Кеша.

– Спасибо, Кеша! – конверт был вскрыт, и на столе оказались длинные картонные билеты с переливавшейся голограммой.

– Даже два? Ну, ладно вам!

– Да, – я подумал, вы же не один пойдете на Аллу Борисовну, – сказал Юрай.

– Спасибо! Подумаю, с кем пойти. С детства ее слушаю. Вот еще что: зайдите к председателю нашему, Михаилу, хорошо? Он за школой живет, – подмигнул Владимир.

– Председатель? Ладно, интересно, схожу, – сказал Юрай.

Чай закипел.

10.

Все это время Юрай не догадывался, что в деревне мог существовать председатель. «Председатель чего?» – гадал он, проходя мимо здания школы, прятавшегося за запущенными деревьями. Там, отдельным хуторком, стояли несколько дворов, вплотную к трассе. Это был самый край деревни, даже поездов отсюда почти не слышно.

Постучал в зеленые ворота массивным кольцом. Такое же было и у деда, целая конструкция изнутри – засов и механизм с зубцами. В детстве это железо казалось ему средневековым. В глубине двора послышался лай собак. Явно крупных. На два голоса.

На крыльцо вышел мужчина, в брюках и синей рубашке с закатанными рукавами, лицо в загорелых морщинках.

– Здравствуйте, – сказал он, не спускаясь к калитке.

– Доброе утро, – мне передали, что вы просили прийти, – я Юрий.

– А пацаны где?

– Пацаны? У меня дочь и племянник. Они зачем?

– Вы в курсе вообще, что они натворили? Или вы вместе?

– О чем речь?

– Поезд остановили. Горбатюка на рельсы перед поездом поставили, задержка почти на час.

– Горбатюка?

– Идемте, – председатель спустился, закрыв за собой калитку.

Они шли к школе. Над аллеей свисали гнилые, никем не собранные яблоки.

Дверь была открыта. В фойе запах пыли и кошек. Свет из больших окон падал на парту, за которой, по-видимому, когда-то сидела вахтерша, к ней сбоку был придвинут... Михаил, только в костюме и галстуке, и моложе лицом.

В руках он держал звонок, повязанный красной ленточкой. Глаза были такими же глубокими и грустными.

– О, это вы, – сказал Юрай.

– Да, к торжествам делали.

Плакат, изображавший председателя в натуральную величину, был установлен на деревянной раме и подставке из реек.

– У меня несколько деревень было.

– Ясно, – сказал Юрай, хотя не понимал, зачем они здесь оказались.

– Идемте в кабинет.

Миновав три двери по коридору, остановились у последней, со светлым прямоугольником прежнего слоя краски на том месте, где раньше была небольшая табличка. На уровне глаз.

Внутри пылью не пахло, явно здесь убирались. Председатель помешкал, не стал усаживаться во главе письменного стола, выбрал один из стульев для посетителей.

Окно выходило на поле, залитое солнцем. Хотелось открыть его настежь и избавиться от духоты. А еще лучше вылезти в окно и уйти прямо в поле.

Юрай выбрал второй стул.

Председатель поднялся, обошел стол и достал из ящика тетрадь с зеленой обложкой.

– Пишите объяснительную, – он аккуратно разгибал ногтями скрепки в центре, чтобы вынуть двойной лист в линейку с полями.

– Почему вы решили, что поезд остановили мои дети? – спросил Юрай.

– Так другие дети в деревне сказали, что они этого не делали, – резонно ответил Михаил, спокойно посмотрев в глаза Юраю.

– А если и мои так скажут? Мы же их не спрашивали.

– Это они сделали, кто же еще? Наши все знают Горбатюка, а они нет.

– Горбатюк – это ведь вы?

– Да, Михаил Игнатьевич Горбатюк. Мне нужно сдать отчет по поводу поезда.
– Так вы и напишите отчет. Мне же надо увидеть ситуацию! Вы думаете, я что-нибудь пони-
маю? – Юрай нетерпеливо повысил тон.

– Хорошо, напишу и укажу подозреваемых.

– Давайте, – Юрай осматривал обшарпанные стены, выкрашенные салатовым на высоту бан-
тиков пятиклассниц.

Чьи-то портреты стопкой составлены в углу.

Михаил писал уверенно, потом вычеркивал, снова писал, переносил удачный текст на другой
лист.

– Не могу сосредоточиться!

– Дайте взглянуть, мне надо возвращаться к подозреваемым, у нас обед.

Юрай взял листок и прочитал невычеркнутые фразы: «установили макет председателя Гор-
батюка на рельсы за переездом», «намереваясь этим препятствовать свободному проезду пасса-
жирского поезда».

«установка была произведена ими в ночное время, задумана заранее».

– Они с вас деньги за остановку поезда требуют?

– Могут и потребовать! Отчет в любом случае нужен.

– Пишите сами, но я бы другой вариант предложил.

– Какой вариант? – Михаил глядел растеряно.

– Благодаря остановке поезда деревню с экскурсией посетили иностранцы. Впервые за всю ее
историю, возможно... Остались под большим впечатлением благодаря традиционному гостепри-
имству жителей. Хотя одно «благодаря» я бы заменил, подумайте сами, как.

– А поверят?

– Есть факты, – иностранцы делали снимки и записи в социальных сетях. Надо поискать, –
Юрай быстро записал сказанное и пододвинул листок председателю.

– Дальше сами, моих детей оставьте в покое.

Михаил долгим глубоким взглядом посмотрел за спину Юрая, кивнул, как бы ставя в деле
точку, и придвинул себе листок.

Юрай поднялся и вышел, унося картину солнечного поля.

11.

Когда-то до Барыша и дальше, в сторону Инзы ходила электричка, и все расписание жизни
людей подчинялось поездам. Утренняя на рынок в субботу, вечерняя с танцев, все рабочие дни, а
теперь электричек не было, добирались машинами. Но в машине не поболтаешь с соседней дерев-
ней. Люди стали забывать друг друга.

Тем не менее остался еще один, самый надежный способ связи, и о том, что опять приехали
казахи, знали ближайшие деревни. Старушки навещали соседей, родственников, не торопясь, от-
дыхая на следующем крыльце или на пне у тропинки в лесу. Кого-то подбирали попутки и обя-
зательно доставляли к месту назначения. Стоило рассказать бабе Маше, что Чувашская Решетка
ждет в гости, как скоро узнали все приглашенные. Это была идея Юрая. Манану тоже позвали, и
пришла она не просто так. Родители передали бутылку самогона. Часов с четырех начали одна за
одной подходить к крыльцу бабушки в черных фартуках, разноцветных кофтах, платках. Остав-
ляли палки у входа и ловко поднимались по ступенькам. Стол накрыли в зале.

Специально для этого закупили в Барыше продукты – колбасу, сыр, салаты. Бася расставила
все красиво сама. В центре три одинаковых бутылки. Кола и спрайт рядом как-то даже съежились
и потускнели, не выдерживая монументальности и убедительности самогона.

Выпив по одной залпом, бабули начали пересказывать Юраю родственные отношения, в которых он находился с каждой из них, за родственников сошли и близкие подруги родни. Имена и воспоминания о том, кто в какой деревне родился, и кого уже нет, летали через стол. Оставалось только слушать. К ним не было никаких вопросов. Юрай подумал, что все равно не запомнит. Запомнить бы присутствующих. Не пил. Так лучше и интереснее было воспринимать. Перед ним стояла символическая рюмка, которую он с каждым тостом отпивал по мелкому глоточку, тут же запивая водой. Дети пили колу и тоже слушали. Первая бутылка закончилась, и старушки затянули грустную застольную песню. Слова были непонятны, «кажется, это даже не чувашский, болгарский», сказал Юрай перегнувшейся к нему через край стола Басе.

Потом еще песня и еще. Манана подпевала некоторым.

Здесь она была своей, и голоса хотели околдовать, сделать и их своими, и это почти получалось. Пели и на русском, и на украинском, пели казачьи, и так убедительно, будто эти песни и были единственной подлинной печальной историей.

– Какие крепкие бабки, – сказал Кеша когда стемнело и все разошлись по домам.

– Вечные, – ответил Юрай.

12.

Вещи были сложены в багажник, осталось закрыть дом на ключ. Да, и еще закрыть окно, об этом напомнил пронесшийся поезд. Бася, Дима, Манана и Кеша стояли посреди зала, Юрай нагнулся проверить, не забыл ли зарядку в розетке. Все в порядке. Выпрямился. Наступила тишина, еще более отчетливая после гула поезда.

– Пап, ну, может, ты выйдешь? – Бася сказала непривычно твердо. Остальные молчали.

Он огляделся и ответил:

– Окно потом закройте, хорошо? Я в машине буду вас ждать.

Вышел на задний двор по скрипучим ступенькам. По дороге заглянул в кухню, Автоматически. Такие привычки приходят со временем, и ничего уже не поделаешь. Потом он оказался во дворе и уселся на крыльцо. Вспомнил, как у деда за окнами кухни жужжала пасака, и это было обычным фоном завтраков и обедов.

Он соврал. Тогда утром дед принес им с братом целое ведро земляники. Полное. Но искусство утрачивается со временем, если его не передать по наследству. Все невозможно передать, да и зачем? Нужно оставить место для нового.

Он открыл ворота и мягко выехал на траву перед домом. Манана и Кеша о чем-то разговаривали на крыльце. Потом спустились по ступенькам, закрыв калиточку.

Он беззвучно смотрел, как открылась дверь, выпустив Диму и Басю. Как Дима закрыл дом на ключ, бросив взгляд на машину. Как Кеша засмеялся, и он прочитал по губам, что тот предлагает друзьям перепрыгнуть калитку. Первым прыгнул Дима, потом подал руку Басе, та легко перескочила. Отняла руку, и они долго обнялись.

Хлопнули задние двери с обеих сторон.

– Все, дядь Юр, едем, – сказал Кеша.

Бася достала телефон.

Данил ФАЙЗОВ

ВСЁ СБЫЛОСЬ

пикассó и пика́ссо
всё пишет пернатых
запрещённый подростками
в мундирах немых

вылетает из залы история эта

кровь подкинут жонглёры
и кульнев и багратион
в шароварах как будто бы
чистых штабных

просто шарик багрового цвета
чтоб его рассмотреть с
всевозможных сторон

и смертельны себе
и смертельных другим
остальных

ты же штатский штафирка
ты пушкин-фигушкин не надо
не стреляй в голубей эти гадят
как могут и даже порой как хотят
на мундирчике даже не срезана бирка
так что сдать и окончен последний
парад

верлиока

(из цикла «фантастические твари»)

скажи мне лапоть
где обрубок человека

Данил Файзов родился в 1978 году в Игарке (Красноярский край). Жил в Вологде, в 1998 году переехал в Москву. Окончил Литературный институт им. Горького. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «Новый мир», «ШО» и др. Автор нескольких поэтических книг. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 7-8.

скажи мне дед
скажи мне селезень
где одноногий
скажите жёлудь и верёвочка
смотреть
на валааме или в кондопоге
где след его где хижина его
в великих луках
в старой руссе
в тихой рузе

где этот инвалид
что лыко вяжет
и кто ему нальёт отравы
из мелкого зерна
и жухлых ягод

чудовищное зло в своём дому
зло лупоглазое косматое
убито

так будьте славны бабочка и рак
кукушка шило
колотушка

и дед живой
двуногий и двурукий
верёвка славься

по капле обретаю немоту
по капле обретая глухоту

идут и долг их выполнен суровый

по капле обретая слепоту

дрекавац
(из цикла «фантастические твари»)

горлопанить в лаптях
или ботинках дешёвых
из подземного перехода
или даже совсем босиком

дай мне волю
я вышел на улицу
за виноградным вином

никому не позволю!
я есть!

мне здесь заповедано всё

от ума
до всех ваших движений в аквариуме
этом полночном

обесточенном
ожесточённом

муха-цокотуха
(из цикла «фантастические твари»)

пошла муха на базар
и купила самовар

кто продал ей самовар
большой и блестящий
за ту скромную денежку
которую она нашла в поле?

антропоморфные друзья человека
инсекты
обладают различными характеристиками
тот герой
тот злодей
те
испуганные обыватели

в общем
понятно про комара
паука
муху
букашек
и тараканов

но продавец самовара
в сюжете роли далее не играет
можно предположить
что он вообще не насекомое

человек к примеру
которого к походу на рынок привела нужда
начало двадцатых всё же
или жажда наживы
нэпман был
скажем

или это сам
корней иванович
вставивший
себя в текст как пример
кинорежиссёру рязанову

и даже можно построить
теологические умозаключения
про бога
или наоборот

странно
что последнего
вроде не отмечали бдительные
литературоведы в штатском

но
может и правда
мухе самовар
продала весёлая
бабочка-однодневка
уже напившаяся
чаю
и самовар ей был
больше не нужен

кассандра
(из цикла «фантастические твари»)

в полутемном тамбове
посыпались грядки
от жары

в заповедном смоленске
стрижи пролетают насквозь

над ростовом великим раскатистый ры
всё сбылось

под козельском
нашли татарчонка из синей орды
он без слез посылает любого на русский
авось

от дождя и тумана страдают
всё ханты и манси великой югры
сколько там их осталось

и сколько чира запеклось

в настоящем не знает
в прошедшем надрыв и порыв

ей
наверное так никогда хорошо не жилось

* * *

где столб был яств
где соляной не надо думать
после
а только щас
вот здесь уж нет стола
дубового накрытого льняною

выглядывая где тут
кошелёк
где голова

он опрокинут
стол
нет столб
для соучастья
порою недостаточно
стола

а только связь
обёрнутая медь
которой и гомер
слагал
нет следствия
причины
накрыть
укрыть
закрыть все зеркала
чтоб не было присутствия
стола

и лика
и личины

ода

смотри вот ты устроил это тут
по щучьему веленью все евели
построились

и родины маршрут
устроили как этого хотели

точнее ты хотел но совпадал
с желаниями их жизни ненасправной
чтоб поработать в скромном из зеркал
поохранять порядок от разбитых
в ажиотаже стёкол жизни частной

здесь всё есть вот теперь уж точно всё
кому и жизни не хватило перечислить
включи скорее томик-телевизор
там мудрость от хайяма и бас

а также размышления о смысле
как обустроить это наше всё

пылает мысль
орлы в державной пене
телеведущего пытаются сдержать
на криворуком ржавом постаменте
екатерины корчится печать
её румянцевы давно не бреют щёки
её суворовым ничто нельзя отнять

о как сыны отчизны этой верны
они в своём веку обречены
не веря в принципе в существование скверны
служить овеществленье тишины

где русский воин нищ и беспороден
за четвертак не накопил на то
чтоб прапраправнук был негоден
брать снова хóтин
или хотин иль сам не знаю что

казалось бы всё шито-крыто
над лесом правят бал ежи
ты думал ты скворец а
ты китаец

ты думал дрозд а ты
таджик

не перелётный смутный гений
а мышь угрюмая внутри

норы в которой нет растений
но лишь одни карандаши

весомей яблока ночного
смотри из-под корней
лиса
охотится не на тебя родного
мышкует вражьи голоса

тут в слух и нюх и в ощущения
обращено внимание всё
тебе же кант сказал

есть мнение
что это всё-таки басё

про небо звездное
и что-то внутри тебя
внутри меня

неинтересное ежатам
совятам кошкам-камышатам
вот и сиди с листком помятым
грызи финал карандаша

на лапку спазм его положен
его оденут в чёрный гипс
ему красавицу предложит
угрюмый ять-контрабандист

вот роза алая в петлице
и спутница пьяней вина
на юбилее появились
где средь гостей лишь пыль одна

подарок грубый и лукавый
в мешочке денежка лежит
они они
они неправы
налево шрам его зашит

кто пригласил без приглашенья
на этом торжестве сидеть
и славословить поношенья
рукоплескать и пить
и есть

скрепя болезненной ухмылкой
всё пальцы в кукиш заводной

и я там был
скрипел обмылком
вот прямо за его спиной

Станиславу Львовскому

возгонка с разгонкой поспорить решили
про цвет трикотажа и марку машины
про парность конечностей
и одиночность
про высокопрочность и высокоточность

кипело в кастрюле чего-то на случай
напитки носили свои имена

иван топорышкин единый могучий
и пудель вприпрыжку на все времена

не жди сочувствия любой
за то что сделал сам с собой
теперь не те часы стучат
и может даже не идут

не жди к себе участия
не намекай вовне
что только в жизни частной
идут оне

не только вне
внутри себя
хлад разожжен
разложен
струится по губам

вопрос
так было можно?

вестимо
если так стряслось

и на мотив из песни
мне шепчет не чужая злость
не чьи-то зависть и порок

а прошлой жизни уголёк
любой поступок не высок
не низок и не тесен

и лишь столетний дождь промок
какой-то бестелесный

давайте потанцуем же
милейшая татьяна
я молод вы не очень
но танец оживит
пусть время лечит но
не от любви но рана
она кровоточит
она кровоточит

и:
как там у них
в обычной жизни пелось
какой-то незнакомой
про то что

в омут танца с головой

тэтэ тэтэ тэтэ тэтэ
что в жизни не успелось
вам мёртвой всё равно
что буква тэ трещит
под гробовой доской

а мне её так жаль
она ведь невиновна
она совсем не стать
чтоб вас совсем убить

но танец не прожить
пока тапёр условный
из вас такой-сякой
вытягивает нить

татьяна вы никто
я тоже из последних
вот искренность моя

убогая
затем

что мёртвым быть порой
полезнее что мёртвых
вытаскивать за нить
из прожитых людей

так себе остроумец расстроен от сахара жжёного
разругался с приятелем слишком давившим на слёзные железы
превращенными в вызов отложенный
тут же шутка ли вам не нужны ль кому мысли ли жизни ли

вроде столько смешного пропало в тених и растениях
а ему всё одно вспоминается вот как нарочно
посадил дед не репку не свёклу а нототению
вот и выросла не собеседница
к празднику светлomu солнца поэзии рыбка-морошка

ГОЛЕМЫ

(из цикла «фантастические твари»)

1

это там у них в каменистых прагах
золотистый мальчик еврейский мазох
будет смешивать тесто какао что-то
аккуратно на лбу у пирожных напишет рэдэ*
а потом сотрёт и напишет тойт** а

а у нас не мука
не слоёное тесто
грязь и глина
и не старе-место а лобное место
вы наташу спросите если забыть смогли

если в рот вам вложили речь
значит мантией из-под земли и пыли
было сказано пренебречь

2

не так страшен
кто владеет даром
убедить
что нет у него товара
только
благо и верность

родному краю
только дым отечества повсеместный

создаёт музыкантов
они играют
создаёт
танцоров
они на гробах танцуют
щепками пола в разные разлетаясь
с каждым днём всё
увесистей

*речь (идиш)
**смерть (идиш)

* * *

и царь и енот-полоскун
когтисто-хитристо-зубаст
на белку на куру на рыбу
стюардом посчитан за счастье
всех чад и мали опекун

за этой ли хищной свободой
за этой ли раной и рванью
натасканные голос манил

ценна эта рухлядь ценна
остра эта милость у входа
пушисты её караваны
смертельны его карнавалы
гаврилов его михаил

КОПТИЛКА

Повесть

Глава 1

Вместо стены – окна, и там плавают головы. Вот такой аквариум. В любое время дня и ночи они могут заглянуть и сказать: «Проверка!» Чем мы, по их мнению, тут занимаемся? Паркет разбираем? Проверяют обычно один раз, часов в двенадцать, когда ты уже видишь десятый сон. Утром тебе велят идти завтракать. Кое-как застелешь с заламами кровать и плетешься среди таких же теней, как ты. Отыскиваешь место, садишься и ждёшь, когда тебе раздадут порцию. Многие не доедают. Светка выходит после завтрака из палаты с ложкой и вычерпывает остатки из тарелок. Они свалены у кухни на столик с колёсами. К ней часто бабушка приезжает.

Как-то я забастовала, провалялась в кровати до обеда. Светку бабушка отправила в столовую, а меня утешать принялась. Говорит, вот блокада в Ленинграде была, люди и то держались. Говорила ещё что-то, я как-то с себя на этих людей, мне незнакомых, переключилась, успокоилась. А внутри всё равно колючка осталась. Хреново им было, правда, но мне ведь тоже несладко.

Полюбишь медсестру, обычно красивую, чтобы была как мама, а она пару слов добрых скажет и забудет о твоём существовании. А ты ведь уже веришь, что она тебя, особенную, за что-то такое любит. И вспомнишь о законе детерминизма.

Хорошо если девчонки перепалку затеют. Как тогда: Катька стащила из чужой тумбочки хавку. Как они на неё набросились! Оля, белобрысая дура, говорит: «Ничего, главное, не жрёт в столовке, а в унитазе я у неё кучу целую видела».

Думала, съедят живьём, нет, суд решили рядить. Прокурором я сама вызвалась. Избранные и отверженные по закону детерминизма – надо соответствовать. Катька во всех грехах разом призналась. Сказала, что мама ремнём бьёт, что пьяная побирается и одежду для неё из церкви приносит, что воровать ей приходится, а то с голодухи помрёт.

Приходил негр из медучилища, ко всем студенты белые как лунь, сова и снег, а ко мне негр. Он: «На что жалуетесь?» Я ради смеха: «На прыщики». А он: «Что такое прыщичики?» Когда студенты приезжают или врачи ходят – это развлечение. Пока давление померят, пока постучат по животу, пока дышать заставят или заставят перестать дышать, время и проходит. Телека у нас нет. Чем заниматься весь день, непонятно. На меня прямо тоска нападает, я сворачиваюсь калачиком и засыпаю. А здесь всё то же: девчонки грызутся, чего-то никак поделить не могут. Но хуже всего, когда кто-то из них уезжает. Так дуры дурами, а перед разлукой у меня глаза на мокром месте.

Тех, кого выписывают, легко отличить от тех, кто остаётся. «Выписантки» подсказывают ранёхонько, собирают свою кровать, аккуратно заправляют. Торчат у окна или беспокойно маячат. Судорожно что-то делают, так и хочется надавать им по щекам. Иногда что-то быстро рассказывают, хочется уйти, плюнуть, а никак, словно примагнитило. Врастаешь в кровать и как заворожённая смотришь. Может, и меня скоро-скоро заберут. Врачи пока отмалчиваются, хотя подступаю я то с одного бока, то с другого, беру измором. Каждый раз говорю, жалоб нет, ничего не

болит, не беспокоит. Пускайте, говорю, в космос, я вам Хаббл почину. Уже второй месяц пошёл, как я здесь.

Выписывают часов в одиннадцать, и вот эти четыре часа с подъёма – пытка для без пяти минут освобождённых. Все боятся, что оправдательный приговор отменят. Избранные или отверженные по закону детерминизма?

К половине назначенного часа счастливица погибает оставшимся уголки на кроватях – это, значит, чтобы мы желание загадали. Традиция такая. Всем известно, что загадывают. Я дожидаясь, пока мне загнут уголок, и ухожу. Я могу в принципе разреваться и на людях. Мне не в падлу, но все-таки реноме держать нужно. У меня репутация крепкая, со мной и мальчишке корешиться не стыдно. Есть у меня такой приятель, мы с ним встречаемся на лавке, что промеж двух зон – мальчуковой и девчачьей. Он пучеглазый, глаза навывкате, мы его зовём Бобр.

К вечеру нас разгоняют медсёстры, и я иду к тёте Варе. Она лежит в больничке со своей трёхлетней дочерью Ленкой. Она поит меня чаем с печеньем, а я играюсь с малышкой. Стараюсь говорить на взрослые темы, но держу себя в руках. Прекрасно понимаю, что, когда дети повторяют взрослые слова, они ставят себя в глупое положение.

Тёте Варе я позволяю над собой немножко посмеяться, ей это приятно. Ленка – маленькая, и она устает. Как-то привезли к нам пацана, ему лет четырнадцать, пьяный вдрабадан, ругался матом, что чуть потолок не падал. Кричал, что всех зарежет. Я тёте Варе сказала, что мы с девчонками забаррикадируемся, а спать не ляжем. На следующий день она меня спрашивает: «Во сколько легли?» Я соврала: «В четвертом часу». Она рассмеялась: «Я к вам в 12 заглядывала, вы дрыхли как убитые».

Не могу понять, сколько уже не приезжали родители. Я позвонила домой, и мама каким-то странным голосом сказала, что пока не может приехать, что нужно подождать и что-то про папу. Меня очередь поджала, со всех концов крики возмущения, пришлось класть трубку. Каждому на разговор не дольше минуты. Я слышала, как тете Варе говорила врачиха: мужики – слабый народ, первые ломаются. Бегут, что тут поделаешь. Больной ребенок – это как обвинение в мужской состоятельности.

Поймала у кабинета Фёдоровича, он заотделением, и бросилась ему на шею. Я обычно не лезу к незнакомым мужикам. Но тут у меня что-то отключилась, я обняла его, сцепила в замок руки и сказала: «Фёдорович, миленький, выпишите меня, не могу больше». От чистого халата приятно пахло, и я бы, казалось, всю жизнь так бы и стояла.

Он погладил меня по голове, расцепил руки: не грубо, но как-то непреклонно. Голос его был успокаивающий, хотя ничего успокоительного он не сказал. Народ туда-сюда шастал, я и отстала. Реноме всё-таки держать нужно.

Вечером вызвалась мусор выбрасывать. Раньше мне никогда не везло, выбирали кого угодно, только не меня. А в этот раз красивая медсестричка говорит:

«Ты иди».

Мусор штука не тяжёлая. Вышла на улицу, захлестнул меня ветер, синее небо – звёздное, снег сверкает под фонарями, и всё так сладко, свежо и ярко. Кинула мусор в большой синий бак с цифрами и бросилась через сугробы к решётке. Чёрная, высокая, пики в небо смотрят. Мне в спину крики. Чего-то там стой или ещё что-то. А я лезть сразу начала. Ввысь, всё выше и выше. «Мама, – кричу. – Мама!»

Глава 2

– Девочка говорить умеет? – спросил женский голос. Я увидела тонкую врачиху и мать, лицо которой давно перестала различать. Она обращалась со мной, будто меня четвертовали и я вот-вот умру. Жалость выела ей глаза.

– «Подростка» читала? – спросила врачиха и принялась листать мою карту. На ее пальцах сверкал янтарь.

Мать затараторила, и врачаха выпроводила ее из кабинета. Мы остались одни. Я совершенно проснулась и смотрела на нее, на длинный письменный стол, на линолеум – всегда одинаковый во всех больницах и поликлиниках – потерятая рыжина и запертый в квадрат клен, большие окна – всегда, разумеется, открытые. Сквозняк лизал мне спину и иногда высовывал узкий, длинный язык, не язык, а нож для бумаг, чтобы протолкнуть его промеж ребер.

– Говорить будем?

Я представляла себя частицей, которой проще исчезнуть, чем набрать массу, а с ней инерцию. Превратиться бы в обои или одеяло собственной комнаты. Мама бы пришла, а меня нет. Она бы собрала постельное белье, сунула бы в барабан стиральной машинки – и где бы я оказалась? А нигде, я ушла бы в канализационный слив, влилась бы в бурный поток канализационной жижи, прошла бы десять степеней очистки и стала бы чистой, возможно, слегка хлорированной.

Врачиха уставилась на меня через свои черепаховые диоптрии.

– Жалобы есть?

– Жалоб нет, – твердо сказала я, и мой прорезавшийся голос прозвучал младенчески крикливо. Я надеялась, что моя карта – некогда такая тонкая – так и будет называться – «Жалоб нет». Собственно, я надеялась, что на моем могильном камне появится такая же надпись.

– Так-так, – сказала врачиха. – Покажи язык, весь в налете, а ты говоришь, нет жалоб. Раздевайся, я сказала раздевайся, нечего на меня таращиться.

Я неуклюже поднялась со стула. Непослушным было тело, и материя вокруг сопротивлялась, и лишь где-то внутри, когда я не двигалась, была точка баланса. Тело свое – некогда такое гибкое – я разлюбила. Было важно только одно – чтобы там внутри – в сознании – голове – во временной протяженности – чувствовалось, что я, как желе, застыла, все остальное значения не имело. Я бросала на спинку стула одну деталь одежды за другой, как будто пластырем заклеивала рану – вот какая гора вышла. Трусы и майку снимать не стала. Мембрана между мной и миром истончилась.

Врачиха подошла близко и запустила руку в трусы. От нее пахло быстрым завтраком, и угадывалась нотка спирта. Она всегда обрабатывалась, словно я бацилла чумы. Касание резиновых проспиртованных перчаток было неприятно, а еще они скрипели, как повешенный. Я посмотрела в окно. Послышался зов электрички, на горке – там, где застыл водоём, с криками скатывались дети. Их розовые, желтые, салатовые куртки резали мне глаза. В трусах врачиха искала лобковые волосы – это и я, и она прекрасно знали. Их там не было – я бы и так могла ей это сказать. Я бы сказала, тут бы я молчать не стала. Но на слово они никогда не верили. Я подумала: «Ну и работенка, лазить подросткам в трусы и не получать от этого никакого удовольствия».

– Коптилку не минуешь, если на то твоя судьба, – сказала она, шелкнув резинкой перчаток.

Я улыбнулась. Врачиха погрозила мне пальчиком и как можно дружелюбней сказала:

– Думаешь, ты сможешь выжить в этом мире? – спросила она. – Что придут люди, которые скажут, как тебе жить? Но никто не придет и никто не скажет. Панацеи изобретают, но они не работают. Жить тебе придется так, как получится. Ты будешь сопротивляться, но ты упадешь, и никто тебе не подаст руку. Умри – так скажут тебе хорошие люди. Эти хорошие люди никогда не узнают о твоих страданиях, и ты будешь стоять в очередях с бабками, чьи ноги будут отпилены, а глаза ослепнут. И они будут тебе говорить, что ты тоже очень скоро – потеряешь и глаза и ноги. Ты будешь идти к смерти – и бодрым маршем, и ползком. Ты будешь просить о смерти, но смерть не придет, она будет ждать момента, когда у тебя что-нибудь можно отнять. И ты, наконец, измученная, заведешь то, что отнять будет можно, это разворотит твоё сердце, ты как большой плод, оставленный на солнце, сгниешь, а потом пройдет дождь и ветер, и ты исчезнешь, как будто тебя никогда не было, никогда не будет, и все, о чем ты думала, было дурным сном, туманом. Ты отверженная, а не избранная. Таков закон детерминизма.

Прощаться я не стала, просто прикрыла дверь. Если бы могла, я бы сбежала от них далеко-далеко. От врачей, от матери, от маленькой квартирki, от школы и Коптилки. Мама подсовывала мне Льва Николаевича «Смерть Ивана Ильича» и Антона Павловича «Черного монаха», а я чи-

тала норвежские сказки, собственно, только это – на восток от солнца, на запад от луны – меня еще радовало. Персонажи были столь не выписаны, что я могла расположиться в любой форме.

На охране мужик буркнул в спину:

– И как вас, уродов, земля носит!

За черным забором – отделяющим улицу от поликлиники – стояла женщина под зонтом и курила, и дым, изгибаясь, валил через край прочной ткани.

– Зажигалку не одолжите? – спросил прохожий.

– А легкие не одолжить? – ответила мама, и мужчина ретировался.

На автобусной остановке пытались вклиниться в транспортное средство люди. Когда один человек протискивался в переднюю дверь, другой человек из задней вываливался. Мне захотелось лечь в снег и никогда-никогда не вставать. Мать дернула меня за руку. У тебя карта? Я качалась на пластине зимне-весеннего неба, и только там, если меня не трогать, я могла быть. Да, пожалуй, что могла.

Глава 3

Я соскучилась по Коптилке. Мне нравились ее серые коридоры, сине-серые панели, стерильно-но-белые медицинские посты и пациенты. От долгого пребывания снаружи меня начинало мутить: от благополучия и полнейшей удовлетворенности лиц. И когда я возвращалась в Коптилку, я возвращалась домой.

Такое же чувство бывает, когда стоит жара. Ты ей сначала радуешься, ведь это лето, ведь это зной, ведь вода как парное молоко, а потом эта жара начинает сжигать тебя. От нее нет спасения: трава жухнет, и все живое умирает, и вот тогда наконец приходит холод подступающей осени.

Мама говорила, что август – это время, когда олень пустил струю в воду. Солнце скрывалось, и небо укутывали облака. Облака, похожие на вату между двойными рамами в избах. И еще не холодно, но и не тепло, и ты идешь в толстом свитере, и ты весь внутри, а не снаружи. И ты еще мог бы долго так идти.

Я шла по переходам, облицованным белым кафелем. Его не было, и я стала ждать. Я простояла час, и когда он появился, я попросила сигарету.

Леша молча протянул. Меня воротило от тревоги, но когда я встала рядом, как будто попала в другое место. И тогда я поняла. Чтобы выжить, я придала смысл объекту вне себя. Я разглядела у него морщины и мешки под глазами. Я хотела только одного – встать так близко рядом, как только могла. Мы молча курили. Я поблагодарила его и пошла к себе. Я поняла, что на этот раз все неизбежно, я открыла последний тюбик с этим чем-то и начала его расходовать.

Поручни вдоль стен посверкивали от ламп. Большая часть коридоров без окон, и лампы, конечно, очень нужны. Иногда они мигали, скрывая на секунду весь мир, и когда включались, ты не знал, окажешься ли ты в том же мире или перепрыгнешь в другой.

У медицинского поста столпились пациенты, а вдоль палат текли белые халаты. Я протиснулась среди коллег. Шепот неумирающих старух содержит в себе все то же рациональное зерно: опухоли, ампутации, слепота, гипертония, диарея и мигрень. Говорили про таблетки, схемы приема препаратов, осуждали врачей, мерялись тяжестью своего течения. Электрофорез, магнитофорез, фонофорез. Кто плавает в бассейне, кто играет в настольный теннис, кто ходит в лекторий, где обсуждает закон детерминизма и мир как волю и представление. Другие неумирающие собирали деньги и осуждали условия выигрыша. Бобровский, когда я проходила мимо, сказал:

– Старуха умирает!

– Не умрет, – ответила я. Старуха достигла бальзаковского возраста и собиралась помирать вот уже в шестой раз. Верить в ее смерть я отказывалась.

- Вот увидишь, на этот раз точно на тот свет собралась, – Светка вонзила зубы в кулак.
 - Так вы на нее банк держите?
 - Нет, на тебя, – воспаленные, красные глаза Бобровского моргнули и уставились на меня.
- Светка расхохоталась, а потом захлопнула челюсти, как шкатулку.
- Об отсутствующих хорошо или никак. Бобр пошутил!

Лист с надписью «Сухарева Елизавета Андреевна, 24 года» давно забился под маленькую тумбочку. Там же лежал листок, оторвавшийся, видимо, много дней назад от другой кровати, – «Черышева, 1990 года рождения». Я не помнила ее имени, но все звали ее Старухой.

На соседних кроватях прочитала уже по привычке: «Елена Яковлевна Малышева, 23 года» и «Светлана Николаевна Диброва, 22 года». Теперь существовала только Коптилка. Высокие сосны, как наемники при дворе византийского императора. Палата с шестью кроватями, а на них – неподвижные, живые еще девочки; гудящие, как улей, аппараты. Холеные руки массажиста – тот всегда смотрел на мою грудь без всякого стеснения.

- Что это с нашей старушкой? – испуганно спросила Леночка.
- Да ничего, она просто дышит так, – пожалала плечами медсестра.
- Она же хрипит прям, – сказала я. Мокрая спина в сбившейся майке и красные, все пролежня ноги – мысль провести ночь с покойницей меня вдохновляла мало.

Выходя из палаты, одна из медсестер хлопнула ладонью по выключателю.

Я вытащила из тумбочки мазь и включила ночник. Лепила маску, гримасничала перед зеркалом. Старуха больше не хрипела. Я прислушалась – вздохи Леночки, храп Светки, и все. Я вытерла жирные пальцы. Вскочила, ударила мизинцем о стул и включила свет.

- Что? Что такое? – спросила Леночка.

Я подошла к Старухе и коснулась ее руки. Кожа была влажной и холодной. Нагнулась, всматриваясь в лицо. Вспомнила, как Леночка рассказывала: когда над лягушкой ставят опыты, ей отрезают верхнюю челюсть, чтобы вогнать иглу в открывшийся спинной мозг. Я чувствовала себя именно такой лягушкой.

Под дверью ординаторской бил свет, и я забарабанила. В лицо пахнуло коньяком.

- Старуха умирает!
- Да здравствует старуха? – за спиной медсестры раздался голос Бобра.
- Вам самим-то не надоели эти игры? Идем, Тома, посмотрим!

В палату я входила не стала и ждала у темного ресепшена. Медсестры вышли через пять минут. Тома обернулась у двери ординаторской и, сжавшись, сказала:

- Жива!

Под кожей засела игла. Я смотрела на пустую койку старухи и думала, что лист с ее именем, которое я так и не запомнила, до сих пор лежит под тумбочкой. И если бы я захотела, я бы могла вспомнить ее имя.

«Кап, кап, кап!»

Последние капли просочились сквозь баллончик, пробежали по трубочке и исчезли. В пластике показалась кровь.

– Лиза, ты знаешь, что такое импринтинг? – спросила меня Леночка. – Импринтингом в этологии называют поведение птиц. Они принимают за мать первое существо, которое видят после рождения. Лиза?

Я молчала. Слово мне понравилось.

– Татьяна Павловна! Татьяна Павловна! У Лизы лекарство кончилось! – Лена отложила книгу и крикнула в просвет двери. Встать она не могла. Треножник капельницы все еще цеплялся к ней щупальцами.

Длинный коридор, шаркающие шаги, бледные лица пациентов, ледяные лица медсестер, веселые – практикантов из медучилища.

В туалете пахло сигаретами и хлоркой. Окно, вертолетная площадка, черная решетка, пруд с утками и сосны. Я дано забыла, кто я есть.

Дверь хлопнула. Я обернулась и увидела Светку.

– Целый час под капельницей, – громко и почти с наслаждением сказала она. Через секунду я услышала, как струя ударилась в керамический ковш.

Я зашла в кабинет ультразвука и поздоровалась с Татьяной Павловной, она была недовольна. Она предпочла бы, чтобы я зашла позже. Это чувство было разлито на ее физиономии, как запах огурца по комнате. Я легла на стол, обтянутый синей клеенкой. Она облила мой живот гелем и принялась распределять его роликом. Окно было открыто, и я чувствовала холод.

Врачиха выключила свет, и мы посмотрели на экран. Татьяна Павловна водила по моему животу датчиком. На экране появились тени: там как будто ходили люди, как на страницах учебников: от австралопитеков до хомо сапиенс. Они все шли и шли и исчезали где-то за пределами экрана.

– Лучше, – сказала Татьяна Павловна. – Сделаешь еще пять инъекций и можешь съезжать из Коптилки.

Я вытерлась полотенцем и ничего не ответила.

– Или ты из этих? Ты собралась тут помирать?

– Я еще не решила, – ответила я.

– Дура, – беззлобно ответила Татьяна Павловна.

Лето переходило в осень: на стыке сезонов умирают многие из нас. Мысль о том, что нами управляют законы природы, приносила успокоение. Мы, загражденные от мира, точно февральским льдом, уходим на еще большую глубину.

В голове поселилась хмарь, а тело превратилось в тряпку. Ничего не радовало, а обычные удовольствия еще к тому же приносили боль. Ешь любимое блюдо, а потом мучаешься неделю. Читаешь книгу – болит голова. Ходить даже из угла в угол – и то невозможно. Ты сворачиваешься клубком и превращаешься в красную пульсирующую точку, которую последним напряжением воли пытаешься сделать тише.

Я спустилась на лифте, толкнула турникет и вышла на улицу. Сильный туман: серый, плотный, словно войлок. Не было видно ни дерева, кажется, даже рука моя пропадала, стоило ее только вытянуть. Шаг за шагом я уходила все дальше от серого здания Коптилки. В стороне от главного входа дыра в заборе, а еще дальше набережная и пруд. Покрякивали утки.

Летом они плавали независимо, но как только наступала зима, потребность в людях возрастала. Я часто думала, как птенцы, уже подрошенные, конечно, впервые встречают холода. Они сначала понимают, что пруд уже не дает им достаточно еды. Рыба уходит на дно, все живое впадает в анабиоз. А потом воду сковывает лед, и утки улепетывают в заросли. И уже до конца зимы пластаются по поверхности и морозят свои красные, совершенно голые лапы.

Я шла по этому туману и понимала: ничего меня не держит. Я могу это сделать, не причиняя никому страданий. Просто не принять таблетку, всего одну, и через сутки я буду мертва.

Я никогда не цеплялась за свою жизнь, так мне казалось. Ребенком я царапала в дневнике, что в Спарте с нами поступали мудрее: сбрасывали со скалы и прекращали наши мучения. Удивительно, что именно эта скромная история Плутарха обрела популярность среди нас. Возможно, сердца детей разрывались еще в воздухе, а может, они разбивались о скалы. Видения этих полетов, разбрызганное серое вещество еще долго мне снилось.

Как никогда раньше, я подошла к краешку этой скалы и полюбовалась камнями, впадинами, дистанцией и даже рассчитала время падения. Но прыгать не стала, возникло ощущение, что я что-то не исчерпала. До этого казалось, что черпать мне особенно нечего, а когда я подошла к этой скале, оказалось, что там, во мне, еще что-то осталось. Я смотрела под ноги и думала, что же это – что-то. При входе я заметила потускневший плакат «Умрите или выходите здоровыми людьми».

В Коптилке я была должителем, я помнила всех – и всех забыла. Я знала, как просто покинуть это место и перебраться на Большую землю, ведь я так не раз делала. Но миновав этот зал, уставленный яствами, которыми мы не могли насладиться так же, как и античные птички нарисованным виноградом, коптильщики всегда возвращались.

Я была здесь задолго до Бобровского и Светки. Леночка появилась здесь пять лет назад. На очереди я была следующей.

– Ну как ты, Солнце? – спросила я Леночку.

Она раздвинула рот, показала похожие на апельсиновую корку десны, и веснушки забегали по ее лицу.

Она закинула ногу на ногу и отложила книгу, где на обложке красовался муравей. На столе стояла миска с печеньем и недопитое молоко.

Леночка была ребенком, и я любила ее. Мне нравилось воображать ее жизнь. Как она в своем взрослом теле переживает осознание, что навсегда останется маленькой. Что изо дня в день она будет читать книги и никогда не узнает жизни. Она никогда не возьмет на себя ответственность, не станет решать за себя и за другого. Она никогда ничего не обретет и никогда ничего не потеряет.

Леночка никогда и не пыталась выйти из этого аквариума, никогда не примеряла на себя роль обычного человека и нисколько от этого не страдала. Леночка говорила мне, что мама ее удивлялась, как долго, до восемнадцати лет, она пахла как ребенок. Другие дети уже начинали вонять потом, и у них появился мускусный запах, а Леночка пахла все так же. А потом больница, скорые, анализы, операции, и вот она здесь, в Коптилке.

– Они все никак не успокоятся? – спросила она.

– Они никогда не успокоятся, – ответила я.

Леночка рассмеялась. Я знала, что ей доставила удовольствие мысль, что кто-то там, на Большой земле, должен каждый день просыпаться и идти на работу, чтобы делать скучные дела. А она может лежать целый день и ничего – совсем ничего – не делать. Они будут грустить о прошедших выходных, жаловаться на короткий отпуск и маленькие праздники. На невыносимых детей и проблемы, которые приходится решать: со школой, логопедом, кружками. Гнать всю жизнь вперед, не имея возможности остановиться, чтобы насладиться хотя бы одним мгновением. Леночка не была злорадной, она была как счастливый ребенок, который временами корчится от боли.

– Ты думаешь, они смогут нас заставить?

– Пока панacea экспериментальная, лет десять у тебя есть, – сказала я.

Леночка с удовольствием потянулась и, виновато улыбнувшись, погладила корешок книги. Я вышла из палаты, аккуратно прикрыв дверь.

В пятнадцать лет все проще: тебе говорят, что твоя жизнь кончена, но ты в это не веришь и ищешь способ доказать, что это не так. Тогда в школе никто не мог понять, что со мной происходило. Все списывали на гормональные перемены и ругали меня страшно, что из ушей валил дым. Мне говорили, что я пускаю под откос свое блестящее будущее. Потом эта фраза еще долго была мне по голове. Хотя от третьего места на спортивной олимпиаде до блестящего будущего, кажется, пролегает много световых лет. Физручка говорила мне с упреком, и даже не мне, а мимо меня, потому что в тот раз, когда я прибежала последней, я умерла для нее. Она сказала: «И это моя лучшая ученица!»

Я не могла понять, что со мной происходит, и ходила в поликлинику как к себе домой. К тому времени мы с Максом успели поцеловаться, разок он прижал меня к одеялу и немного пощелкал на животе резинкой от трусов. Но той зимой я была сама не своя, к тому же Макс обожал спортсменок. Мы смотрели биатлон вместе, и он потом мне еще долго рассказывал, какая умница и красавица эта Зайцева. Я не могла простить предательства своего тела и уже чувствовала над-

вигающееся предательство Макса и замыкалась в себе. Когда меня все-таки забрали на скорой и вынесли приговор, я еще думала, что это все мишура, это грязь, налипшая на колеса, это болезнь, а не я. Мы пойдем разными дорогами: я ее буду игнорировать, подкидывать ей таблетки, и все-то у меня будут хорошо.

Я спускалась на станцию Серпуховская, эскалатор которой один из самых длинных в Москве. Навстречу мне плыли светящиеся шары, и я верила, что с этих пор все пойдет по-другому. После выписки я сразу прибежала к Максy. Он меня ждал, волновался, а его мама велела мне подарить подарок. Тогда с этим было просто: фотоальбом с кошачьим семейством, пластиковая рамка сердечком и кассета группы «Скутер». Мы слушали «I Was Made For Loving You», и я начала ему рассказывать все, что узнала: про необратимость, про безысходность, про ожидание смерти, про Коптилку. Про закон детерминизма, про избранных и отверженных.

Я гущала краски, потому что уже тогда хотела только одного: чтобы меня пожалели. Я смутила Макса, он задеггался, и непринужденность наших отношений исчезла. Я быстро сообразила, что натворила. И представляла все, что со мной произошло – безысходность, необратимость и неминуемую угрозу смерти – как легкую простуду.

Я любила электрички, и он потащил меня на Савеловский вокзал. На серой ветке самые длинные эскалаторы: пока едешь, уснуть можно. Но когда поднимаешься вверх, тебя всасывает длинная кишка-коридор и влечет к выходу. Вокзал высится бело-зеленый, а скамейки внутри – черные, они довольно грубые, краска нелепо замазывает проемы, и сразу понятно, что в этих пустотах, кроме стуков, ничего и нет. Мне всегда нравились поезда: зеленые, длинные, многосоставные. За квадратными окнами я видела людей, а они видели нас, ржавую табличку с неисправным расписанием, цветные киоски, продавцов с баулами, в которых было все, чтобы без скуки провести два часа своей жизни. Люди смотрели в окна, а я смотрела на людей и мечтала только об одном: сесть по ходу поезда, поставить ногу на батарею и считать за окном столбы, березы, любоваться летящим снегом и ни о чем не думать. В теплых вагонах люди распахивали куртки, а некоторые из них свои души, и тоже нараспашку.

Когда я слышала рев электрички, я тащила его за рукав, смотреть на поезда. Маршруты специально выбирала, чтобы хоть минут десять, раскинув руки в стороны, идти по рельсам. Макс ругался на меня, и иногда я назло перебежала пути в неположенном месте, забиралась на платформу, лезла через решетку и в самую последнюю минуту впрыгивала в вагон. Мне часто придерживали дверь, и я искала его в окнах.

На станции 47 км по Савеловскому направлению он сказал мне, что это мне только кажется, что мне ничего не нужно, что я ничем не дорожу. И что если он уйдет, я буду жалеть об этом больше, и ушел.

Я села на ту электричку, и она привезла меня в Талдом. Большой, рассыпанный, скучный городишко с полуразрушенными пятиэтажками. Электрички ревели, как когда-то, должно быть, ревели бизоны в прериях, в ушах свистел ветер. Я села на лавку и смотрела, как в вагоне люди занимают места, как они раскладывают вещи, как разговаривают о какой-то ерунде как о чем-то важном. Передо мной проходили парочки, одинокие старики и родители, за руки которых дети цеплялись, как обезьянки. Электричка тронулась, я знала, что следующей крупной станцией будет Дмитров, это большой город, миллион или около того жителей, но мне больше никуда не хотелось ехать.

Я возвращалась на свой этаж и петляла по переходам между корпусами, иногда выходя на лестницу: там было свежее и пахло табаком. Я бросила курить вот уже десятый раз и, находясь уже на грани срыва, не могла отказать себе в удовольствии понюхать сигаретный дым.

Холодным осенним днем, на пустой лестничной клетке, заваленной окурками, я встретила его. Жилет на голое тело, мокрые волосы, блондин. Он посмотрел на меня, и я разозлилась. Ни-

кто не имеет права смотреть на меня, видеть меня, замечать меня. Я невидимая. Невидимая для живых, потому что мертва, а мертва для мертвых, потому что глаза мертвых обращены на живых. А он посмотрел на меня и сказал: «Привет!» Я ответила и прошла мимо, но в тот момент, когда я проходила, я зацепилась за него этим чем-то, тем, что тогда в туманный день не дало мне спрыгнуть, полететь с обрыва.

Это незначительное что-то, это кусок чего-то, что прежде пряталось, стало день ото дня расти, оно заняло так много места, что мне ничего не оставалось, как его заметить. Появилось что-то еще, что вытеснило и меня, и мою болезнь. Я сидела на кровати и смотрела на этот возникающий ураган и не понимала, как такое вообще со мной могло произойти.

Он ходил в ту же столовую, что и я, он ходил в ту же комнату отдыха, что и я, он даже бывал в библиотеке, где затертый томик Шопенгауэра всегда был у кого-то на руках. Он был там, на лестничной площадке и в переходах, которые я так любила, куда я ходила вдыхать сигаретный дым. Он даже познакомился с моей Леночкой, и я больше не могла слушать, как она говорит, успокаивающе поглаживая меня по руке, эту свою замирительную философию: «Если с нами случилось это, то больше ничего плохого с нами не случится. Просто нужно соблюдать запреты».

Глава 4

В тот день, когда мне исполнилось 25, я ждала автобус. Маленький, круглый рейсовый автобус, из серых сидений которого торчит поролон. Ручки испещрены матерно, стекла грязные, но отчего-то все равно веет уютом прошедших и кем-то прожитых лет. Вокруг были люди с авоськами. Обычные такие люди, живущие в глухой провинции. Круглые бабушки и состоящие из углов мужчины. Юности здесь не было места, и она, созная это, закупоривалась наушниками.

Я ехала в медвежий угол: одна магистраль, улицы если не Советские, то Комсомольские. В витринах магазинов реклама памятников соседствовала с рекламой игрушек. В торговом центре стоял аппарат с газировкой и лоток мороженого с надписью: «Выбирай настоящее». За ним приглядывала школьница, уткнувшись, разумеется, в смартфон. Из репродукторов на главной площади рвался Александр Барыкин: «Я буду долго гнать велосипед». Со старых лимонно-желтых зданий выкрикивали бодрые вывески: «Дадим прикурить». Появился троллейбус, и я заняла свободное место.

Ко мне подошла кондукторша. Я спросила ее: «Сколько?» Она ответила: «двадцать восемь». Я дала ей тридцать рублей, но сдача ко мне не вернулась. Я обрадовалась: лицо еще держит фокус, а тело не обмякло. Кондукторша долго в меня вглядывалась, а потом вернула рубль. Я сошла на остановку раньше, на улице Гагарина.

На детских площадках – только дети, никаких наседок, нянь, мамочек, мамаш, мам. Дети кричали во все горло, и их голоса отражались от серых облупившихся пятиэтажек. С окон, как цирковые артисты с перекладин, свешивались цветы. Граффити никто не закрашивал, и этот парад красок сопровождал меня до подъезда.

Дверь открыла сестра. Она махнула мне рукой и прижала телефон к уху. Квартира была обжита: новые, хотя кое-где уже подранные, обои. Вещи не на коробках, а на мебели, побитой, но все же. Календари, фотографии, мячи, плюшевые зайки и забившийся на полку с зимними шапками рыжий кот. Сестра жаловалась кому-то по телефону на процедуру и заговорщицки ткнула меня в бок.

Из комнаты высунулся племянник: маленький любопытный зверек. Он проинспектировал сумки и вытащил квадратуру подарков. Я посмотрела на буфет, где у родителей висело радио. Мать с отцом установили частоту «Говорит Москва», и гимн будил нас по утрам. Из сотен радиопередач вспомнилась одна. Ведущий собирал дайджест мистических историй. И там была девочка, прикованная к инвалидному креслу. Каждый вечер она открывала телефонный справочник, выбирала адресата и писала письмо с соболезнованиями. Человек, получивший такой привет, на

следующий день умирал. Я держала в голове светящийся круг вокруг тех людей, которых любила и кому завидовала. Я была отверженная, а они избранные по закону детерминизма.

– Пройдусь, – сказала я.

– Мелкогохвати! – сестра, не слезая с телефона, опять махнула мне рукой.

Олег вприпрыжку спустился по лестнице и кинул мне мяч. Ему требовалось подтверждение, что я – та, кого он помнит. Карие глаза, как эскимо, таяли, и он хитро на меня поглядывал. Я вернула ему снаряд.

– Мы куда?

Он задает мне вопрос, потому что забыл меня. Если бы помнил, командовал бы он сам.

– Это место ограждено, и там много посадочных мест, – ответила я. Не самое подходящее место для ребенка, но оно ничего для него не значит.

– Стадион? – спрашивает он.

– Нет, на кладбище, – я испытываю секундный приступ злорадства, но потом отдергиваю себя. Мой мир не может быть похожим на мир живых.

– Аааа, – протягивает он.

Кладбище не большое и не маленькое, и здесь тоже есть свои улочки. Мы останавливаемся возле маленькой могилы с розовым медведем. Макс купил его. Розовый цвет мне не нравился, но я отерла его морду от грязи.

– Здравствуй, моя хорошая.

– Давай мы ее выкопаем, тебе будет легче с ней разговаривать! – Олег наклоняется над землей. И пальчиками, аккуратно, чтобы не помять траву, гладит. – Тетя, почему ты плачешь?

Она не прожила и недели. Печаль, грусть, отчаяние – это не те слова. Нужное слово: отслаивание. Ты помнишь, как тело дышит, а потом оно перестает дышать. В этот момент ты замечаешь скачок, переход, который совершают все люди, не зная об этом. Время замедляется, ты все видишь, ты все чувствуешь, но ты не можешь осознать. Тебе предлагают успокоительное, а ты не понимаешь почему. Ты кажешься себя спокойной, уравновешенной, а на тебя смотрят, как будто ты громишь винный магазин. Тебя уводят. Ты стоишь в коридоре и замечаешь, как листок падает с фикуса. Ты видишь желтые пятна на руках врача и набрякший, готовый развязаться шнурок. В этом странном, приглушенном, безликом мире умирает твой ребенок. Вокруг тебя все то же – блестящий пол, светящиеся лампы, уличный свет. Золотой свет лета, ослепительно зеленые кроны, изумрудная трава. И все грохочет, кричит и заявляет о себе. Шум голосов, стук каблучков и резкие звуки музыки. Мир остается прежним. И только ты знаешь, что это не так. Ты живешь дальше, но та часть, которая отламывается от тебя в тот день, всегда будет больше того, что осталось.

Мы выходим за ворота кладбища, где «мир и покой» усопшим желают явно не с той стороны. Олег пинает мячик, ему скучно. Я на ходу изобретаю игру: «Охота на пришельцев». Играть предлагается на улице или в общественном транспорте. Прошу Олега вооружиться бластером с транквилизатором, ведь инопланетяне создания диковинные, а мы редкую фауну бережем. Показываю пальцем на фонарный столб, на крышу дома, на подвал или на ветку и говорю: «Смотри, там сидит Трицибьякус, он с планеты Сатурн. Питается коробками, ботинками, шапками и улитками. У него рыжая борода, хобот вместо носа, ротовой аппарат как у пчелы. Кожа синяя, на одну ногу хромает, глаз один и тот желтый. Очень опасен». Олег заряжает бластер и издает звук «пиу, пиу». Дело сделано! Монстр уснул. Идем дальше. Больших монстров трусим и сверкаем пятками им прямо в глаза, иногда крадемся на цыпочках. Увешанные инопланетянами, как шубами, мы приходим на стадион. Ставлю Олега на ворота, не успеваю три раза промазать, как подходит Макс. Узнавание происходит моментально. Сначала ты смотришь в глаза незнакомому человеку, а потом воспоминания надвигаются на тебя, как поток воздуха из тоннелей метро.

– Лиза, ты?

– Спарту все-таки закончил? – я показываю пальцем на его майку с изображением греческого воина. Я смотрю на поле, по выделенному квадрату бегает десять точек в желтых и малиновых майках. У него на шее свисток. Тренер, догадываюсь я.

Мы неловко обнимаемся, наши руки похожи на клешни, и скорее мешают, чем облегчают занятие.

– Как ты? – спрашиваю, чтобы не пришлось отвечать первой.

– Взял несколько медалей на региональных. Хватило на теплое местечко в департаменте. Теперь все биатлонистки через меня, – он улыбается и ерошит волосы.

– Какого цвета? – спрашивает Олег. Ему надоедает стоять на пустых воротах.

– Зелёные глаза, нос как у тукана, хвост как у обезьяны, питается мусорными баками.

– Во что играете? – Макс отклоняется, присматривая за своими подопечными. Он как воздушный шарик, случайно зацепившийся за ветку. – Приводи парня лучше в спорт. Твой? – он снова смотрит на футболистов и делает им жесты. Футболисты не смотрят на него, Макс нервничает и хочет включиться в игру.

– Племянник.

– Пли! – громко кричит Олег и выстреливает в высокий прожектор.

Мне захотелось напомнить Макс, как мы лазили на этот бобовый стебель, но я не делаю этого. Оба человека: тот человек, который хотел поделиться, и тот человек, с кем можно было поделиться, мертвы.

– Да, пли. Пока, Макс.

По дороге домой мы с Олегом усыпляем еще нескольких монстров. Я заскакиваю в ванную комнату, сажусь на холодный кафель и напрягая горло беззвучно кричу.

На автобусной станции ярко светит солнце. Я вижу ласточек. Они ныряют под крышу станции. Я поднимаю голову и обращаю внимание на гнезда. Они белые, крупные, круглые и лепятся друг к другу, как соты. Поток лучей создает эффект стекла. Оно оттораживает меня от людей, птиц и от всего мира.

– Ящик Скиннера, – сказала Леночка. – Это обычная клетка. Но внутри есть потайной рычаг. Когда внутрь сажают кошку, она начинает прыгать по стенкам и нажимает на рычаг. Клетка открывается, и зверь свободен.

– А что если кошка не двигается? – спросила я, помогая Светке удержаться на горшке. Желтая эмалированная утка с черными пятнами. Светка схватила меня за плечо когтистой желтой рукой. Я почувствовала, как стенки нагреваются, и запах немытого тела.

Светка похожа на тощую курицу. Лицо смуглое, глаза большие, под сломанными бровями нос сливался с губами. Обычно Бобр занимался женой, но на сутки его перевели в другой корпус. Когда Светка плохо себя чувствовала, он не выходил из нашей палаты. Перед уходом он отцеплял каждый ее пальчик и целовал в сухие губы.

Ночью Светка кинула в меня бутылкой с артезианской.

– Больно! – прошептала она, а потом закричала: – Больно! Больно!

Я забарабанила в ординаторскую. Послышался треск раскладушки, трение шлепанец о натертый пол и треньканье ключей в связке.

– Она охренела совсем, что ли? Эй, Людка, слышишь, опять орет?

– На заднице нет живого места от кеторола, сколько можно!

– Наркоманка чертова, – выругалась медсестра и без церемоний захлопнула дверь.

Таймер сработал, и лампа выключилась. Я медленно стащила теплое полотенце с лица. Шторку отодвинул Лешка, переносица была заклеена пластырем.

– Хау, краснолицый.

– Хау, всемирная детская литература, – я шлепнула его полотенцем и вышла.

Лифтом пользоваться не стала. В детстве я выскочила из одного такого. Он остановился, и мне показалось, что я должна выйти. Я вышла, а мать осталась.

– На вечеринку пойдешь? – спросила я, выбирая платье.

– Нет, – ответила Леночка.

– А чего так?

– Инсайт – это внезапное озарение, которое приводит к решению проблемы. Например, обезьяна берет палку и сбивает бананы, которые подвешены к потолку.

Вечером мы праздновали день рождения Светки. Было шумно, играла музыка. Я вошла в зал и поискала его глазами. Лешка сидел в кресле, я заняла место рядом. Вокруг нас танцевали люди, и мне хотелось сказать так много, но ничего не говорилось. Нам принесли шампанское, он выпил, я выпила. Тем вечером мы много пили, а потом вышли покурить на лестничную клетку. Там уже было занято, в этом не было ничего удивительного, но жалость царапнула, как разбитое стекло под водой.

– Если Бог может изменить решение, то это уже не предопределение, – спорила Светка.

– Избранные избраны для жизни вечной, а погибающие для гибели, – убеждал Бобровский.

– Свобода воли предполагает ответственность, – возразил Леша. – Не нужно усматривать божий промысел там, где его нет. – Он прислонился к поручню, и я навалилась на него.

– Смотреть на вас противно, – сказал Бобровский.

– Теперь раздавите болюсы, сделаете инъекции, настрогаете с десятков детей, да? – спросила Светка.

Я плотнее к нему прижалась, а Леша прокатил сигарету между пальцами.

– Панацея экспериментальная, сколько таких уже было. Кто сказал, что она сработает? – возразила я.

– Докуривай и приходи, палата 45, – сказал Леша и пошел.

– Твой фонтан оптимизма, Светка, редкостная гадость, – Бобровский проследил, чтобы дверь за ним захлопнулась, и сказал:

– Лешка уже жил в Коптилке, ты с ним разминулась. Познакомился тут с одной, панацея вышла, они вкололи и уехали, ребенка завели, а там регрессия. Ребенок больной, три года промучился, умер, жена – красотка, леди Годива, закачаешься, через полгода превратилась в мешок мусора. Они расстались, она вернулась, а он на Большой земле остался. Потом она тут умерла от осложнений, не выгнали. Он не сразу вернулся.

Я шла по переходам, мигал свет, и светлый кафель мерцал, но я не исчезала. С каждым новым всплеском света выливалось все больше. Я дошла до палаты 45 и постучала.

Койка была узкая, и развернуться особо было негде. Я подлезла под его руку, пересчитала носом ребра и громко, нарочито засопела. Никогда я еще не встречала таких тихих людей. До того как мы познакомились, я думала, что тише меня никого нет. Я слышала всех. Люди, совершенно не замечая моего присутствия, нисколько его не смущаясь, расплескивались целиком. Леша молчал, и я пыталась уловить хоть что-то в этом белом шуме.

– Мертвые утки не тонут, – сказала я.

– Титаник с тобой не согласится, – он улыбнулся и погладил меня по голове. Он делал ровно то, что я от него ждала, все, что когда-то ждала от Макса, но его как будто со мной не было.

Комната была маленькой и пустой. Все выглядело так, будто хозяин готовится к бегству или только что прибыл на новое место жительства. На нижней полке, почти пустой, стоял выводок пепельниц. Ни тетрадей, ни ручек, ни медицинских рецептов, ни баночек, всего этого хлама, и особенно настольных книг, которые так часто встретишь у пациентов, не было.

Глава 5

Утром забрали Леночку. Коптильщики собрались возле медицинского поста и тихо переговаривались. Леночка была слишком молода, она не должна была стать старухой. Кто-то начал ставить деньги, но Бобровский это дело быстро пресек.

– Ничего себе денек, – буркнула Светка, пряча свои зубы. Нам не дали толпиться в коридоре, сказали, что сегодня будут красить стены, и выгнали на улицу.

Коптильщики со всех корпусов хлынули на улицу и всосались через дыру в заборе. Серых халатов на набережной стало так много, что живые ретировались. Мы остановились возле «Домика моржей» и увидели, как мужчина забрался в воду. Лешка сорвал свитер, стащил брюки и, позвякивая ремнем, засеменил к лавке, чтобы снять ботинки.

– Если бы ты поменял очередность, было бы проще, – сказала я.

– Как вода? – крикнул Леша моржу.

Мужик, уже заплывший на середину пруда, поднял вверх палец. От поверхности поднимался легкий, едва заметный пар.

Леша спустился по лестнице и резкими движениями разбил воду. Она заворачивалась, как лепестки цветов. Темная вода наплывала на него, поглощая руки, плечи, и спину. Осенняя вода отличается от летней, она становится более вязкой. Поверхностное натяжение усиливается, оно стягивает голубой простор невидимыми нитями, и осенняя вода колыхнется, как желе.

Нянечка сказала, что Леночке стало лучше, и мы разошлись по своим углам. Кто пошел го- нять шар по столу, кто – смотреть фильм, кто – в бассейн. Бобр со Светкой, вихляя бедрами, удалились.

– Смотри, не откуси мне чего! – сказал Бобровский.

– Было бы чего кусать, – ответила Светка.

Леша повел меня на крышу, и я сразу догадалась, что он там уже был не раз. Небо было тус- клым, но свет все равно пробивался через тучи. Мне сразу захотелось схватиться хоть за что-то, но он потащил меня к краю. Там, прежде чем совершенно спикировать вниз, крыша образовы- вала плато. На отсеки ее делили широкие желобки, и мне казалось, что моя нога вот-вот поедет. Я вцепилась ему в руку.

– И часто ты сюда приходишь? – спросила я.

Он вытащил из-под навеса плед, там я заметила ящик с пивом. Мы сидели на гребне крыши, пили пиво и смотрели, как на нас надвигается дождевой фронт.

Утром я была в кабинете ультразвука и сказала Татьяне Павловне, что я готова на оставшиеся инъекции.

– Я хочу выйти отсюда, – так я сказала.

Она поручила меня студентке с разноцветными дредами, и меня повезли в отделение ин- тенсивной терапии. Мы спустились в лифте на самый нижний этаж. Никто из нас не любил это место. Там было всегда темно, и из-за ощущения темноты впечатление подводности возрастало. Казалось, что стены влажные, что это отсек затопленного парохода. Тяжелые железные двери с красными неровными надписями «Службное помещение» были приоткрыты, но оттуда не до- носилось ни звука.

Сестра была права: процедура была и впрямь неприятной. Начиная с того, что внутрь тебя засовывают эндоскоп – это через рот, а следом суют клизму – это уже через другое отверстие. Ощущение тела как нечто совершенно постороннего, как нечто такого, чем ты не владеешь, дело для нас привычное. В первую очередь ты теряешь стыдливость, с ней тебе просто не выжить. Тебе залезают в трусы, чтобы посмотреть, как растут твои лобковые волосы. Ты раздеваешься по первой просьбе, и уже не думаешь, что в этом есть что-то запретное. И удивляешься, когда кто-то вдруг решит возмутиться. И только через много лет до тебя доходит, что шейно-воротниковая зона не требует полного обнажения.

Когда я впервые попала в Коптилку, меж пациентов бродил анекдот. Про парня, который за- ставил слепую девушку раздеться. Она сняла с себя кофту, джинсы, трусы и лифчик, потому что думала, разумеется, что ей командует врач.

На ночь меня привязали к кровати и поставили капельницу. Панацея была из ядовитых.

Окна располагались у самой земли, этаж реанимации, что называется, технический. Отсюда не видно ни звезд, ни фонарей. Изредка были слышны сирены. Иногда мы развлекались тем, что

считали количество скорых, которые въезжали в Коптилку. Дольше всех продержался Бобр, как-то он насчитал сорок машин к четырем часам, а потом провозгласили обед, и он не смог устоять.

В реанимации было пусто, четыре койки очерчивала тьма. Белые пододеяльники, внутри которых прятались шерстяные олени, казались сизыми. Железная кровать – узилищем, и сразу вспоминалась история железной маски. Я представляла себе тех, кто лежал со мной на соседних койках. Скольких я встретила, а скольких забыла. Они присутствовали во плоти, им требовалась еда, чистое белье и уход, а я начисто стирала их из своей памяти. Мне не хотелось о них помнить, и теперь мне требовалось усилие, чтобы воссоздать хотя бы кого-то. Их черты смешивались: им всем было больно, они все хотели облегчения страданий. Они не замечали меня так же, как я потом вычеркивала их из своей памяти.

К утру мне потребовался туалет, и я уже хотела выдернуть иглу из вены. Но появилась студентка с розовыми дредами и отвязала меня. Тело не слушалось, и значительной перемены я не чувствовала. Ментально, в голове я по-прежнему жила на плато, рискуя с каждым шагом сорваться в пропасть. Мама мне рассказывала, что однажды в горах они с группой туристов остановились в потемках. Долго не могли найти места и обрадовались ровной поверхности. Проснувшись: рядом пропасть, еще один шагок – и все.

Я сразу отправилась к в нему палату, там было пусто: ни вещей, ни книг, одна безликость. И я уже тогда поняла. Что-то не так. Что-то было не так, случилось что-то непоправимое. Что-то неизбежное, что-то вечное, что-то навсегда меня отделившее от него. Я хотела избавиться от этого ощущения: умылась холодной водой и зашла к Леночке. Она лежала все там же, на диване, как будто никогда не вставала, а рядом росла стопка книг.

– Где Леша? – спросила я.

Она сморщилась, но потом на ее лице Будды с этой проклятой кроткой улыбкой Моны Лизы появилась корка сочувствия.

Я хотела отхлестать безмятежное лицо, хотела достать ремень и выпороть мрамор щек. Заставить выкинуть дурацкую книжку, нарисовать лицо, подвести глаза и вышвырнуть на танцпол жизни. Я подошла к ней, погладила щеку и поцеловала. Она подняла на меня свои большие, светлые, чуть в зеленъ глаза, они глядели холодно и равнодушно. Не глаза, а холмы, которые неизменными стоят много веков. Она прошептала:

– Теперь с тобой может случиться все что угодно.

На медицинском посту столпились коптящие. Они тихо переговаривались и ставили деньги. Белые халаты входили и выходили из палаты.

– На кого ставим? – спросила я.

– На кого? На старуху, разумеется, – ответил раздраженно Бобровский. Я перевела взгляд на Светку. Она убрала с лица волосы и улыбнулась.

– Кто старуха?

Бобр с любопытством смотрел, как я отираю щеки.

– Ну чего ты как маленькая? Забыла, где находишься? Это же Коптилка!

Шторы были занавешены, а весь коридор – темный. Только из палаты, когда дверь приоткрывалась, появлялся свет. Я подошла к двери и хотела было ее дернуть, но мне навстречу вышла Татьяна Павловна.

– Куда собралась? Тебе в другую дверь.

Она проводила меня в комнату, помогла собрать вещи и спустилась со мной на первый этаж. Солнце затопило квадраты, и казалось, что у них нет краев. Татьяна Павловна вытолкнула меня спиной в отсек между стеклянными дверьми. Оступившись, я чуть не упала с бордюра. Прозрачный барабан вращался, как лопасти подводной лодки. Мерно и гулко.

Андрей ПЕРМЯКОВ

Помянем

Осенью умер Саша, зимой – ещё один Саша
Инна Домрачева

Я проживаю жизнь, веруя в Чебурашку.
В чебурашку, который бутылка, но и в живого тоже.
Из единоверцев недавно утратили Сашку.
После – другого Сашку. Это тревожно.

Надо ли пить ради веры такой?
Не то чтобы надо, но можно.
Из зеркала, правда, взирает некто другой.
Сие опять тревожно.

Ладно: последняя стопочка.
Привокзальная, но по-людски.
Паровозик мой облачко.
Электричка МосКВА-Петушки.

Не ждали

Ты поседел? Ходи седой.
Ты полысел? Ходи как надо.
Ну, вот и вся твоя награда
за долгий подвиг непростой.

В чём подвиг? В общем-то, ни в чём.
Сам юбилей – считай, победа.
Короче, морду кирпичом
и радуйся сквозному лету.

Другое хуже: жили-были-пили,
среди своих казались все свои,
но оказалось, что происходили
сплошные арьергардные бои.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмоскowie. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «Алконость», «Арион», «Вещь», «Воздух», «Знамя», «Графит», «День и ночь», «Новая реальность», «Новый мир» и др. Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013) и трёх книг прозы. С 2007 года постоянный автор журнала «Волга». Лауреат Григорьевской премии (2014).

Ну, правда? Жили-пили. Не царило
меж нами никакое сильно зло.
Засим Сергея электричеством убило.
А дальше вон чего произошло.

С полем

Люди знают, как выглядит выстрел, как результаты выстрела,
но всё равно стреляют. Стреляют довольно точно.
То есть не из любопытства, не ради быстрого
насыщения, а просто результативно и мощно.

А мы наслаждаемся видами низколетающих птиц,
гладкою сталью.

Мечтаем о маленьком мире без всяких границ
и вообще исполнены добротой и печалью.

Стоим как на мирном параде
без трепета и без движения:
розоватые крылья уток на самом закате –
отличные такие мишени.

Ополье и рядышком

С буковки «эс» к буковке «а» проистекает строка,
как от Семхоза до Александрова-Первого
текут электрички северной ППК –
хорошие, полноразмерные.

Буквы русского языка:
закорючка, рука, рука,
две руки,
закорючка, бочка.
В бывшей столице рождает дочка.
Я становлюсь дедом.

При этом...

При этом еду.

При этом еду, кажется, в город Ростов.

Готов ли быть дедом?

Раз становлюсь, очевидно, готов.

Ледяная болотина от Петровска почти до Ростова –
это, конечно, не сахар, но и не геноцид.

В ледяную болотину от Петровска почти до Ростова
закатан практически весь алфавит.

Буквы русского языка обозначают станции.

Буквы русского языка из окошка кажутся танцами.

От Семхоза почти до Ростова слагается
мир, как текст.
Общая сущность не изменяется
за переменою мест.

Только колёсики переменяются на тишину
и водоём за окошком меняется на водоём.
Так и поеду, доколе в смерть не усну.
Ино ишо побредём.

Прощались

Вроде едва моргнул –
немножко осели сугробы.
Прадеды говорили: «Гаврила мечом взмахнул»,
впрочем, верили не особо.

Прадеды много чего говорили,
их время иначе длилось.
Прадедов, вроде, насильно почти женили,
а что изменилось?

Надо бы как-то отделаться:
всё равно и не врозь, и не вместе.
Печаль пополам не делится –
пелось в хорошей песне.

Ты напоминаешь ландыш, а я динозавра.
Ты мыслишь о завтра как мыслят о чуде.
Но завтра – оно будет завтра,
а послезавтра, возможно, совсем не будет.

Завтра оно будет завтра; будут душевные боли,
и головные боли, и очень милые фото.
«Покидая корабль, обязательно сделай глоток крепкого алкоголя», –
так говорится в уставе Английского королевского флота.

Страна советов

Никогда не пиши «дрожащий старик»,
Не пиши «раздувшийся труп».
Сам стал почти стариком и станешь раздувшимся трупом.
Извини, что я тут немножечко грубо,
Извини, но ты правда напрасно поник.

Я – это ты через сорок три года или через сорок пять лет.
Слушай меня, быстро пойдёшь в гору.
Не ругайся по матери. Кроме матери, у тебя ничего нет.
Стоп. Это я не тебе, это я одному молодому вору.

Извини, что приснился наполовину мимо –
Но видишь: перед тобой извиняюсь,
А перед ним не положено.
Он сильно не вышел рожей,
Но ты-то ведь тоже.
Ладно. Личного у нас не касаются.
Что? Как тут погоды и климат?
Вроде неплохо, однако как-то всё мимо.
Впрочем, твоё-то какое дело?
Ты есть тело и только тело.
Далее всё поменяется.

В рифму пока не пиши,
Воздухом подыши.
Далее вновь сопрягай созвучия.
Редкое ты всё-таки чучело.

Думаешь, не умрёшь? А если? А все-таки: если?
А если желаешь подольше, пей вместо привычной квас.
Думай о, так сказать, потенциальной угрозе.
И помни, что сказано было давно, но будто про вас:
«Последним убежищем рифмы будет застольная песня».
Так написал Егор Теодорович Розен.
Тут он сейчас. У нас.

Песня на Михайлов день

Небо от речки до горки немножко другое,
А перед лесом – совсем другое.
Камыши играют общую песню, и каждый – ещё свою.
Нежность, как в слове «швеёю»: е, ё, ю.

Нежность как в слове, которому нету слова:
Единый, ёжики, юг – немножко не те.
Звуки чуть-чуть обрываются и через минуту – снова,
Но только в совсем иной высоте.
Звук поиграл чуть выше, ещё чуть выше и точно бы изнемог.
Это как будто не звуки, а всяким звукам основа:
Как на старинных картинках про ткацкий станок.

Вчера было плохо и холодно, завтра будет плохо и холоднее.
А в эту минуту изволит играть камыш,
Изволит, как царь Давид играл для своей Иудеи.
Играет, играет и вдруг тебе скажет: «Слышь,

К тебе тут ноябрь приходил –
Ледяной вполне крокодил».

Преупования к Рождеству

– Пластмассовые помидоры, пластиковые томаты,
Вино, что похоже на игрушечное вино, –
Это привычное, видимо, так и надо,
Но:
Как они вдруг умеют, чтоб свет оказался пластик?
Как вообще это – пластик заместо света?
Можно в Бангкок, на Антикитеру, в галактику Головастик,
В иные края простого и долгого лета.

А всё равно за тобою последуют пластик и свет –
Этот вот пластик и этот вот свет –
Такая досталась пластмассовая эпоха...

– Последуют, стало быть, сотни светящихся лет.
Последует свет.
Разве такое плохо?

Городок встретил

Ночью в июне луна – это главное.
Дядька ломает уют.
Бейте меня, говорит, православные.
И православные бьют.

Вроде ничем, но довольно серьёзно,
Прямо как будто за дело.
Чётко, уверенно, грозно,
Бодро, решительно, смело.

Славная-славная пьяная драка,
Пятеро на одного.
Хочет подняться, становится раком –
Хрясь по ебалу его!

«Сука-блядь-нахуй», «Простите, родимые» –
Музыкой из темноты.
Русское, славное, наше любимое.
Тем и сыты.

Трезвея

Знаменитые люди хвастаются своими гербами:
«В золотом поле червлёный бык стоит на зелёной земле.
Золотая кайма обременена восемью пучками травы».
Но лучше в приволжском лесу закусывать сырыми грибами.
Синявками, рыжиками и всякими другими грибами.
Города вдоль Волги тоже ведь хвастаются своими гербами:

Даже стерлядки, даже медведь, закореневший во зле,
Значительней, чем у Москвы.

Потихоньку смешиваются грибы и гербы.
Наступает весьма нечестивое умиление.
Ты на гербе или ты на щите и подобно оленю
Осуществляешь трубление,
Снимаючи пробку с резьбы.

Это известно: всякий пиит,
Напившись в лесу, трубит.

Примерно такая цена геральдического:
В поисках сходства впадаешь в лёгкое скотство.
Обретаешь премного лирического,
А также господство.

Ещё издаёшь вполне лучезарное пение.
Но всё равно ты подобен оленю.
И протрезвеши, останешься таковым:
Глупым, живым.

Самолётиков рой

Мошка кишит на июньском ветру
в чёрном воздуховороте.
Мол, говорит, дескать, я не умру,
и вы никогда не умрете.

В этом есть слава, опора, задор.
Даже какая-то смелость.
Девушка Бонда, Пусси Галор,
так же когда-то вертелась.

Девушка Бонда... при чём тут кино?
Нет, разумеется, к свету
все мы летим. Мы – сплошное звено.
Только вот радости нету.

Радости нету. Как хуй об забор.
Или пизду на продажу¹. А так, разумеется, слава,
задор. Смелость какая-то даже.

Совсем простое

Вот и сделалось тепло, вот и кончились осадки.
В организме сладко-сладко,

¹ «Как мордой в забор / или себя на продажу», кншн :)

точно мандарин:
переходы, пересадки,
огородные посадки,
счастье старых вин.

Фиолетовой полоской
маленькая речка.
Пусто-пусто, просто-просто
изнутри сердечка.

Ветерок бежит по коже,
жить – как будто спать.
*И никто нам не поможет,
И не надо помогать.*

Коммуникация

Человек вглядывается в одинаковые чужие лица
В поисках одного маленького лица.
Так большая рыжая птица
Ищет маленькую коричневатую птицу
Или небольшая рыжая птица
Ищет маленькую совсем птицу,
Ищет серого маленького птенца.

Другой человек навроде подъёмного крана,
Только живот у него – как бетономешалка.
Приехал встречать подружку, но слишком рано,
Вроде жуёт пирожок, а всё равно его жалко.

Третий, четвёртый, седьмой, восьмисотый,
Две тысячи пятый, который как будто к перилам рукою прирос,
Этот без цифры, поскольку забыл дома сотовый,
Все, кто сейчас на вокзале и около! я имею вопрос:

Зачем вообще люди обращают друг на дружку внимание?
Почему кто-то притягивает чей-нибудь взгляд или наоборот?
Спросил слишком громко, встретил непонимание.
Выгнали из вокзала, громко ругались. Ну, вот.

Воспоминания о Саше Корамыслове

Виделись от случая к случаю.
Ходили от здания к зданию.
Вкушали конфетки «Трезвучие».
Смеялись над их названием.

Закусывали конфетками,
если сказать точнее.

Встречи делались редкими,
похмелья становились мощнее.

Как-то не встретились в городе на Неве.
Встретились во Владимире, но я был совсем чумовой.
Как-то не встретились в городе Покрове,
а это ведь город считай что почти родной.

Встретились в городе Воткинске, где водоём.
Имели тихое прение:
«Отчего эти люди вместо “моём” произносят “мьём”?»
Не пришли к единому мнению.

Сашина жизнь тут заканчивается.
Как-то вот так: не слишком.
Цитата тихонько раскачивается
маятником из книжки:
*При неотмищённом страдании мьём,
неутолённом негодовании мьём.
При неотмищённом страдании,
неутолённом негодовании.
Неотомищённом,
неутолённом.
Мьём.*

За Купавной

Немножко земноводные движения,
и даже у детей – смурные личики.
Тоска народонаселения
всего заметней в электричках.

Ещё того заметней в окружении
пружин, цветов, пружин-цветов-пружин.
Стоишь и вспоминаешь с напряжением
домашних гениев и с кем ещё дружил.

Тоска по мировой контркультуре
особенно заметна у торговцев:
большая дура тычет в бок московской дуре,
и обе говорят, что обе – овцы.

Из электрички толстой, черноплодной
течёт прямая матерная речь
к земле пустой, иссохшей и безводной.
К земле, где лечь.

Про Урал (не центон, а за братиков)

Скоро стану добычею тления.
Это как водится:
осутился в своих помышлениях
и объюродился¹.

Приехал домой, где гады.
А гады ушли на охоту.
Сестричка ужасно рада,
но ей с утра на работу.

Места такие родные:
хорошие, честные.
Хляби вокруг земные,
тверди небесные.

Только никто не спросит:
«А ты чо такой дерзкий?»
Так-то мозги не выносят,
а так-то тихо, но мерзко.

Хожу меж весьма хороших,
наверно, более нежных.
Люди как люди, в общем, напоминают прежних.
Не понимают прежних.
Солнце как медный грошик.

И общая стёртость гор равняется стёртости слов.
Собака машет хвостом,
кинул ей тёплый плов.
Ол ю нид из, наверное, лов,
но в этом есть что-то не то.

Скоро стану добычею тления,
и не сказать, что до срока.
Сочиняю предсмертные стихотворения,
долго, уныло и много.
Правда ж, надолго хватит: продлится эпоха.

Песня моя почти что уже и вся.
А гады родные... Да ну их.
А гады родные меня позабыли, добыли лося.
Пируют.
Кажется, это и называют «неистребимая грусть».

Бездн им неисследимые хляби
и недр неисчислимые струи.
Пусть.

¹ Электрический текстовый редактор предлагает заменить на «облагородился», но нет.

ЗАЩИТНИК

Рассказ

На задней площадке троллейбуса, растёкшись по сиденью, храпел темноволосый парень. Неопрятный и мятый, он выглядел постаревшим раньше срока, напомнил Алексею Таранову сентябрьский кабачок, забытый им в шкафу на кухне и случайно найденный после новогодних каникул, такой же сморщенный и жалкий. Над спящим пассажиром склонилась девушка в светло-зелёном сарафане. Она нежно поглаживала его по плечу.

«Его любят... Может, он хороший человек?» – подумал Таранов и пригляделся повнимательнее к её спутнику: засаленная чёлка, растянутые серые спортивные штаны с коричневыми пятнами, грязные скрюченные пальцы вываливались из резиновых шлёпанцев. Нет, определённо, этот тип ему не нравился.

«Ты же всегда учил своих детей не клеймить человека по внешнему виду, а сам сразу повесил ценник на незнакомца? – внутренний судья Алексея не дремал. – Да если бы он выглядел как Джуд Лоу, всё равно он мне неприятен... Разлёгся тут, а его девушка стоит», – оправдывал Таранов свои поспешные ксенофобные выводы, покачиваясь в толпе уставших людей.

Троллейбус застрял в пробке. В полудрёме Таранов рассматривал капельки пота на шее девушки в сарафане. Сквозь залепленные рекламными плакатами мутные стёкла салона и душный пыльный воздух пробивались солнечные лучи, подсвечивали молоденькие пушистые прядки, выбивающиеся из-под собранных в хвост волос, формируя вокруг её головы светлый нимб.

Через одну остановку она наклонилась к спящему и тихонько сказала:

– Денис, пора выходить.

Парень вскочил, озираясь испуганными, непонимающими сонными глазами. Странно, но Алексею показался знакомым этот затравленный взгляд. Молодой пассажир грубо протиснулся мимо своей подруги и других людей, встал у выхода. Его рука схватила поручень перед носом Таранова, так близко, что ему невольно пришлось рассмотреть в мельчайших подробностях пальцы с обгрызенными, поражёнными грибок ногтями и этот ужасный жёлтый длинный коготь на мизинце.

От Дениса несло перегаром, немытым телом и чесноком. Таранов смотрел на мерзкий мизинец, старался не дышать, но смрад успел проникнуть в организм.

«Гадость какая! Есть же на свете отвратные люди», – подумал он.

– Мужчина, вы выходите? – спросила девушка.

– Нет, – Алексей двинулся в сторону, освобождая проход, и только сейчас увидел её выпирающий живот.

«Господи, она беременная... бедненькая!»

Милое лицо девушки портили язвы на подбородке и в углах рта. Ей явно не хватало витаминов. Таранов подумал: «нет в жизни справедливости», мало того что живёшь с дегенератом, ещё и его нерождённый ребёнок высасывает все соки.

Двери открылись, Денис вывалился первым, не оглядываясь и не помогая своей беременной подруге. Она неуклюже выбралась, придерживая живот, поковыляла догонять.

Владимир Тренин родился в 1977 году. Работает инженером-геологом. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Автор трех книг. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов». В «Волге» печатался рассказ «Король шмелей» (2022, № 9-10). Живет в Петрозаводске.

«Засранец, даже руки не подал. Вот такая любовь», – Алексей стоял на задней площадке троллейбуса, вдыхал свежий воздух с улицы, провожая взглядом странную пару. Двери захлопнулись.

Парень шёл впереди, руки в карманах. Девушка брела сзади, чуть в стороне, словно и не с ним.

«Где же я его видел?» – в голове Таранова всплывали смутные тревожные обрывки и крики, но не могли сформироваться в узнаваемый образ.

Денис остановился, словно тоже что-то вспомнил. Алексей долго смотрел на его узкую сутулую спину в заднее стекло троллейбуса, пока фигура не скрылась за потоком машин.

Наверное, Таранов забыл бы случайную встречу, неприятного пассажира и его беременную спутницу, если бы вечером в новостях не увидел репортаж о матери-героине, воспитывающей двенадцать детей.

Худая растрёпанная женщина рассказывала с экрана, что живёт семья небогато, но дружно, государство помогает, губернатор обещал выделить новое жилье и микроавтобус. Вид у неё был крайне утомлённый. Да и понятно, накорми, обстирай такую ораву. Отец-герой, напротив, выглядел бодрым и жизнерадостным, бойко отвечал на вопросы ведущей, шутил и сам громко смеялся над своими остротами.

– Смотри, каков весельчак, небось выпито уже, – заметила жена. – Хорошо вам, кобелям, живётся, – пошла она внезапно в атаку.

– Что значит «вам», муж-то твой причём? – Таранов вяло сопротивлялся, уткнувшись в телефон.

– ...а на женщинах все заботы... Бедная, зачем она столько деток взяла, это же такая обуза?

– В смысле «взяла»? – листая ленту в соцсетях, Алексей потерял нить телеповествования.

– У неё пятеро только своих, остальных детдомовские, – пояснила жена.

В репортаже показывали, как разновозрастные ребятишки помогают родителям на огороде. Потом вся семья вместе с корреспондентом пила чай за большим столом. Камера крупным планом снимала радостные физиономии.

– Мама молодец, им лучше в семье, чем там, где они были. Ты даже не представляешь, дорогая моя, условия жизни в некоторых детдомах и какими жестокими бывают брошенные дети, – сказал Таранов.

– Ты-то у нас всё знаешь?

«Знаю...» – Алексей Таранов вспомнил, где видел эти испуганные глаза. – Слушай, сегодня встретил одного парня. Бывают же в жизни совпадения! Это точно он... Блин, надо было выйти, расспросить за жизнь.

Жена выключила телевизор:

– Что за совпадение? Рассказывай, не томи.

– А я всегда говорил, что у меня хорошая память на лица. Это было так давно...

...В контору обратились по поводу поиска альтернативного источника водоснабжения для дальнего райцентра, выделили деньги. Мы договорились об аренде жилья с местным градоначальником, погрузили оборудование, выехали, и что-то, как обычно, пошло не по плану.

Руководитель администрации, обещавший полевому отряду крышу над головой, отсутствовал на рабочем месте. Пожилая секретарша куда-то долго безуспешно звонила, развела руками:

– Извините, ничем помочь не могу.

Поняв, что вопрос не решается, я хотел уже попросить её оставить нас переночевать в здании управы, тем более уже был подобный опыт.

– Вы же обещали, как же так? На улице людей бросаете в такой мороз, – начал я издалека.

– Подождите, ещё один вариант попробуем, – она набрала номер, переговорила, записала что-то и протянула бумагу мне:

– Езжайте на этот адрес, вас встретят. По главной и налево второй перекресток, увидите двухэтажный дом довоенной постройки.

Нас и правда ждали. Обширная женщина с шиньоном в наброшенной на плечи шубе стояла на крыльце. Окна облепила детвора.

Я с удивлением прочитал на табличке у входа: «районный детский дом».

Дама оказалась заведующей, представилась, запомнил имя, такое необычное, назову её Илоной Сергеевной.

Она провела нас на второй этаж в дальнее крыло здания, шикая по пути на любопытных ребятшек. Дети выглядывали из комнат, с удивлением рассматривая больших незнакомых мужчин, тяжело ступающих рабочими ботинками на ветхие дощатые полы.

Заведующая выдала раскладушки, бельё и поселила нас в музыкальном классе.

– Илона Сергеевна, нам работы здесь на месяц, а как же уроки? – спросил я.

– Музыки до конца года не будет. Не можем найти педагога, никто не хочет в наш медвежий угол ехать. ... Ребята, ещё просьба такая: не курить в помещении и не пьянствовать.

– Обижаете, Илона Сергеевна, насчёт этого не беспокойтесь, коллектив у нас не пьющий, – соврал я.

Мы выгрузили рюкзаки, продукты и электрическую плитку. Приготовили ужин.

– В больнице жили, в бане жили, в доме культуры и в мэрии тоже, в вытрезвителе ночевали... не думал, что судьба занесёт нас в музыкальный кабинет детского дома. Следующей остановкой с нашим цыганским счастьем будет женская консультация или роддом, – смеялся бурмастер, шинкуя колбасу на крышке пианино.

Ночью я вышел по нужде. Мужской туалет находился на первом этаже. Спустился в крошечной темноте по скрипучей лестнице и аккуратно побрёл вдоль стенки, стараясь ступать как можно тише. В конце коридора увидел свет, тишину разорвал сдавленный крик, кто-то противно захихикал, а потом грязно матерно выругался тоненьким голоском. Мне стало не по себе. Вырос я в заводском районе, мы могли в юном возрасте выражаться грубо, но что бы так мерзко. ...Подойдя ближе и тихонько открыв дверь уборной, я оцепенел от увиденной картины.

Двое подростков держали маленького мальчика за ноги и опускали его головой в унитаз, одновременно дёргая за шнурок смыва. Спинкой ко мне стояли четверо старшеклассников. Они пошевелились, самый остроумный комментировал действия изуверов:

– Притопи глубже, смойте сопли ему...

– Да б... вода кончилась, а может обоссым его, пока бачок набирается? – подкинул идею один из мучителей, повернулся радостный к зрителям... и замер, различив чужой силуэт в дверном проёме.

Шок сковал моё тело, на пару секунд мне показалось, что нахожусь в дурном сне. Тряхнув головой, я скинул невыносимо тяжёлую свинцовую плиту с плеч и сделал шаг из темноты на свет.

– Сволочи, что же вы творите? – Не посмотрев на возраст воспитанников, напихал всем затрещин, выхватил мокрого мальчонку из рук экзекуторов и аккуратно поставил на ноги.

Пока возился с малышом, свидетели и исполнители расправы сбежали. Успел поймать за шкирку только одного нерасторопного верзилу и прижал его к холодной стене с древним потрескавшимся кафелем.

– Ещё раз увижу, порву на хрен!.. Ты понял!

– Вы мне угрожаете? Не имеете права, – хмыкнул крендель, он раскусил меня, догадался, что бить его сейчас не будут.

– А ты сука, борзый... – я смотрел на наглую прыщавую рожу, пытаюсь разыскать в прозрачных его радужных оболочках что-то похожее на раскаяние, сожаление о содеянном, но увы, видел только скуку. – Не угрожаю, а предупреждаю, тебя и твоих поделников. Ещё раз такое повторится... нет, если вы только посмотрите в его сторону, – я повернул голову прыщавого к дрожащему мальчику. – Обещаю, найду способ как вас наказать... Заметил большую машину во дворе? ...Вывезу по одному в лес, привяжу к дереву и оставлю там. – В глазах верзилы промелькнул страх. «Этот идиот реально думает, что я способен на такое». Я брызгал слюной и изо всех сил отыгрывал роль отморозка. Надо сказать, получалось очень плохо. – Вот волчки обрадуются, знаешь какие они голодные сейчас. Будут тельце твоё жалкое грызть, живого по кусочку кромсать. Все подумают, что сбежал воспитанник, кому ты нужен детдомовский? Пропал Максим, да и хрен с ним... Тебя, сучок, я хорошо запомнил, паровозом пойдёшь.... Ты понял меня?

– Понял, – выжал из себя прыщавый.

– Вали отсюда, – я выкинул урода в коридор. «Ничего-то он не понял».

Повернулся к мальчику, несчастному и босому. Помню, как сжимались его белые пальцы на ножках, они казались такими крошечными рядом с моими башмаками.

Из-под мокрой чёлки уставились на меня испуганные тёмные глаза.

– Не бойся. Они тебя не тронут, – соврал я второй раз за сутки, вытер рукавом его лицо и прижал к себе. – Как тебя зовут?

– Дениска, – прошептал он тихо-тихо.

– ...Знаешь родная, сегодня видел его в троллейбусе, – Таранов обнял притихшую жену, – Мальчика звали Денис, вспомнил, хотя и полтора десятка лет прошло.

– Надеюсь, этот ужас больше не повторился? – спросила она.

– Слушай дальше.

...Первым делом я отыскал в туалете разлетевшиеся по углам Денискины тапки. Сказал, чтобы он подставил голову под кран умывальника и вымыл хорошенько. Обернул ребёнка в свою клетчатую тёплую рубашу, красную, помнишь, ты мне её подарила на двадцать пять лет?

Пытался с ним поговорить, спросил, за что его обижают. Он ответил, что не знает.

Разбудив дежурную воспитательницу, передал ей мальчика. На следующий день мы поехали на работу позже, я дождался заведующую и сообщил о случившемся. Илона Сергеевна искренне возмущилась, обещала принять меры.

Вечером попросил водителя заехать в магазин, купил большую шоколадку и двухлитровую бутылку лимонада. После ужина принёс угощение в спальню младших школьников. Дениска обрадовался, даже обнял меня. Шоколад поделили на всех, и лимонад пошёл по кругу, я тоже глоточек выпил за компанию. Наверное, в тот день авторитет Дениса среди воспитанников вырос до небес. Мы сидели на его кровати и болтали, хотя, больше рассказывал я, а Дениска слушал. Он вообще молчун. Мы проводили вместе каждый вечер, а по воскресеньям я отпрашивал его у Илоны Сергеевны, чтобы погулять в парке, покататься на горке. Бродили вдоль замерзших берёз, держа за руки и он, наверное, представлял, что идёт с отцом. Господи, зачем я это делал?.. Дениска так привязался ко мне. Я шёл с ним по улице, и думал про себя: «какой молодец, делаю доброе дело». Гордыня моя не имела границ.

Его никто не обижал всё время, пока мы работали там. А потом мы уехали.

– Неужели воспитатели и заведующая не видели, что творится под носом? – спросила жена.

– Ты серьёзно, родная? – усмехнулся Таранов. – Можно подумать, что Илона Сергеевна не знала о безобразиях после отбоя. Все в курсе. Никто не хочет выносить сор из избы. У воспитателей свои проблемы, зарплата копеечная, по большому счёту всем наплевать на этих детей. Кормили, одевали, учили, не сдавали педофилам в аренду, и на том спасибо. Надеюсь, что не везде так, и я стал свидетелем исключительного случая... Меня это конечно потрясло тогда ужасно. Я был молодым идеалистом, за работой не видел окружающей грязи, а тут вдруг ткнули рожей, показали изнанку: «Смотри и запоминай, какой мир на самом деле». И что мне делать с этим знанием? Ничего не изменить, – Таранов задумался, прижал к себе жену.

Вспомнил, как парень грубо вёл с беременной девушкой. «Может, он не знает, как себе с ней вести... доброты не видел».

– Вырос Дениска. Сколько ему сейчас, двадцать пять или двадцать шесть. Выглядит плохо... поломанная игрушка. Я-то, дурак, сегодня надумал про парня чёрт-те чего. Нехорошо получилось.

После неожиданной встречи Алексей Таранов долго искал Дениса, садился вечерами на тот же маршрут, иногда стоял на остановке и просто ждал, пропуская гудящие электрические машины.

Он встретил его в начале октября. Таранов запомнил, как выглядело небо в тот день – безмятежное, холодное и чистое. Знакомая пара вышла из троллейбуса. Денис впереди, его спутница

– на шаг позади. Девушка с очень большим животом, наверное, на последнем месяце. Язвы на её лице зажили.

Алексей поздоровался первым:

– Привет, Денис. Узнал меня?

Он кивнул, остановился, подруга отодвинулась в сторонку.

– Как ты? – спросил Таранов.

– Нормально.

– С детским домом не держишь связь?

По его усмешке Таранов догадался, что задал дурацкий вопрос.

«Зачем я спрашиваю, мне ведь это неинтересно», – подумал Алексей, разглядывая парня. Сегодня Дениска был прилично одет: в кроссовках, кожаной куртке и новых джинсах.

– Хочешь знать, что было дальше? – спросил Денис хриплым голосом. Он вдруг зашёлся в долгом кашле, отвернулся и сплюнул мокроту.

Таранов подумал, что парень болен: «Ему надо сделать флюорографию, пройти обследование. Бедный мальчик, немудрено, что выглядит как старик».

– Ты уехал, и всё продолжилось, только стало хуже, – сипел Денис. – Купание в унитазе это ещё цветочки... – Он криво усмехнулся, хотел что-то добавить, но осёкся.

Они помолчали. Денис смотрел в сторону. Девушка гладила живот, ждала.

– Красивая жена у тебя, – Алексей прервал неловкую паузу.

– Она не жена мне.

– Хорошо... твоя девушка.

– Тоже продукт нашей богадельни, – Денис поднял глаза. – Знаешь. Я никогда не кормлю бродячих псов и котов. Привяжутся ещё, как я тогда. Думал, что ты не уедешь, до смешного доходило... мечтал, что меня с собой заберёшь. После твоего отъезда, год, наверное, смотрел в окно, особенно вечерами, прислушивался, не гудит ли шишига.

– Прости меня.

– За что?

– Я дал тебе надежду и не смог...

– Ты же мне никто, – хмыкнул Дениска. – Так, гастролёр заезжий.

Таранов молчал: «А ведь он прав, я, возомнивший себя спасителем, бросил его, как бросают щенка... поигрался и оставил на улице».

– Ладно, нам пора, – сказал Денис.

– Удачи тебе, – Таранов протянул руку.

Денис, ничего не сказав, сунул в раскрытую ладонь Алексея свою маленькую безвольную кисть, повернулся и, не обращая внимания на свою беременную попутчицу, двинулся в сторону магазина с красной вывеской. Девушка встrepенулась, преданно посемила за ним.

Таранов провожал их глазами, двух несчастных людей, лишённых детства, медленно идущих вместе, но не рядом. Когда пара скрылась за углом, он облегчённо вздохнул.

Придя домой, Алексей Таранов за ужином рассказал жене о встрече и разговоре с Денисом.

– Всё у них будет хорошо, родят ребёночка и заживут счастливо. Дети же – цемент в отношениях... Думаю, он её полюбит, – подытожил свою историю Таранов.

Он встал, убрал грязную посуду в раковину. На столе лежала тарелка с остатками чипсов, выпрошенных младшей дочерью. Алексей взял высушенную шершавую картофельную пластину с коричневыми прожилками, почему-то вспомнил ногти, изъеденные грибком, и длинный жёлтый коготь на мизинце Дениса.

Горькая волна подкатила к горлу. Таранов брезгливо бросил чипсину обратно, высыпал тарелку в мусорную корзину. Прошёл в ванную, тщательно вымыл руки с мылом, закрутил холодный вентиль, оставил горячую воду и долго-долго, стиснув зубы, держал кулаки под струей кипятка.

Максим ХАТОВ

ПОСВЯЩЕНИЯ

ГАРРИ ПОТТЕР И СКУПЫЕ ЦВЕТЫ НЕДОЖИВШИХ II

Максиму Дрёмову

ПАМЯТИ КОЛИНА КРИВИ

*нейролептики транквилизаторы холинолитики антидепрессанты
нормолитики антипаркинсонические средства
(к.к.)*

наконец-то можно спать спокойно –

шёпот тulpы мечты о
неповиновении
старшие братья наконец-то
можно спать

спокойно – объектив
кинокамеры

больше не фиксирует странные
тени наконец-

то можно спать спокойно – пробуждение неизбежно враги
наследника уже наносят ответный удар

ПО ЭТУ СТОРОНУ АРКИ

в то же время за вуалью продолжается

жизнь рявкнет ночи коменда
патрулируют
ночь мракоборцы и никто не
узнает что

Максим Хатов родился в 2002 году в г. Люберцы. Публиковался в сетевых изданиях «Полутона» и «Изыян». Студент Лаборатории [Транслит] (2022-2023).

подростки делают в выручай-комнате после
отбоя – у нас нет ничего из
этого зато у
нас по-прежнему объекты регенерируют как
будто кто использовал гермо

БИТВА ЗА ХОГВАРТС

привет тебе лежащий в рехабе зеленоволосый паренек с
фиолетовой ветки бывший враг
теперь не
то что бы друг но в целом хороший
знакомый привет и тебе больше
не рисующая
пэйринги большевиков девчонка с которой мы
когда-то ходили в мавзолей на
свидание (или
что-то вроде того) привет и
вам тоже станция выхино призрачные
логики крашенные скамейки недоуменно кивающие
юнцы я снова призвал вас всех чтобы
защищать развалины замка

ПОСВЯЩЕНИЕ БЕЗ ПОДНОШЕНИЯ

кому война кому мать
родна кому мертвая вода как
спрайт на
жаре рак на горе когда на
площади
красной и в независимых
книжных оккупирован снег и спускаются флаги

РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ

теодору качинскому

мы собрались здесь сегодня
чтобы

вернуть алое ткани птицы
деревьям
что-нибудь после триумфа
найти полководцу –

выключить свет чтобы точно

никто не увидел вырулить
звуки
бомбы погромче чем
песни – всё

повторится или уже происходит

Татьяна ГРАУЗ

ПЕСНИ ЫРЬ

не воробыи – каракули в глазах
в неровной строчке заперт воздух ночи
не о н о в ы м г о р и т
мы открываем мистические истины зимы

Пятый день нового года

не уходить далеко – просто погреться
в расщелине города в вязком тепле супермаркета

в стеклянной витрине рука [отражение
руки] набирает слова на смартфоне

а дальше – кажется – нет ничего

только женщина – там за стеклом – лицо безучастное
в униформе [к р а с н о е] красное с жёлтым
скупает на кассе под музыку вяжущую до оскомины
до растворения тихого в этой волне плотной жизни

капли прохладные круги на воде

Песни Ырь

[золотая весть города-сердца]

[земля]

запомнить
пение горловое в расщелинах мёртвой зимы

Татьяна Грауз родилась в Челябинске. Окончила медицинский институт и ГИТИС (факультет театроведения). Стихи, рассказы и эссе публиковались в журналах «Новый мир», «Крещатик», «Воздух», «Волга», «Знамя», «Интерпоэзия», «Черновик», «Дети Ра», «Комментарии», «Гвидеон», «Топос», «Футурум АРТ», «Плавучий мост», «Дискурс», Textura, «Цирк "Олимп"», «Артикуляция», «Флаги» и др. Автор 15 книг стихов. Живет в Москве.

звуки шершавые |||| ||||| || || |||| ||||| пепел стылого воздуха пустое лицо ||||| || |||| || ||
 мёртвые дышат вокруг как живые |||| || |||| || буквы прогорклые буквы рассыпаны
 по тротуару |||| || || безликие головы букв |||| || |||| || || над тобою склонились ||| дрожат в
 овраге сыром |||| и нежна кожа деревьев || ||||| || и нескончаема ночь |||| |||| |||| || || |||| и
 крышкой гроба накрыло год этот [город] могильный

[огонь]

запомнить | || | летит самокат ||| | и летит короб жёлтый [зелёный] синий пахучий | ||||
 бежит по проулку огонь |||| |||| || || разум шерстит шипящие звуки || || шёпот расколо-
 тый шелест || проулок щетинится || || | || дышит | ||| рычит тяжело ||| запускает когти
 тебе прямо в сердце ||| | |||| ||||| с е р д ц е прикидывается д у р а ч к о м |||| || и как д у
 р о ч к а ты немея стоишь воли своей не имея |||| |||| |||| |||| | || и и || || || || проулок
 проглатывает тебя ц е л и к о м || ||||

[металл]

полуулыбка узкие глаза |||| || встревоженная птица тополь ива || || по воздуху летят л е
 т я т летят ||| ||||| || воскреснув голос яблоки серебряно считает || || |||| || и звуки падают
 дождём на землю ||||| ||

[весь]

а я не за а я незаааа
 задумала задула лето не записала
 не не не заговорила осень и осень не не не проговорила
 губами лёгкими словами не вами осень г о в о р и л а а а
 а прелых листьев сон холодный а чёрных листьев сон голодный словами золотыми
 лёг на землю

они тихонечко на землю ||| || || упали ||| ||||| |||| |||| |||| пали и легли | ||| || солда-
 тик-клён солдатик-тополь |||| || || на узком дне их тёмный свет лежит || |||| || || || их
 горький свет прогорклый свет исходит от этого пылающего дна || |||| ||||| || гниль
 [о с е н ь] разлита повсюду |||| || |||| вы все легли все вместе все легли солдатик-клён
 солдатик-тополь ||| |||| |||| || |||| || а я их весть печальную несла за пазухой глубоко в
 сердце ||| |||| ||||| |||| |||| их похоронки тайные их жизни их имена неназванные || |||||
 |||| ||| з д е с ь

во мне со мной
 их свет легчайший идёт по улицам во мраке
 заглядывает в окна и дома [считает этажи] стучит в квартиры
 и освещает морок темень мрак и прорастает весть о всех погибших

[вода]

она по жилам августа течёт ||| |||| |||| || || узлы завязывает золотым зелёным |||| || и
 рассыпает свет горячий |||| || из горла дерева ночного || | | из горла дерева земного
 жужжит пчелиный медоносный рой ||| || || сыпь золотая города немного ||| | расколота
 слеза || с л е з а а я буду ||| | слеза я бу бу ду за за за домом до мо мбу ду | | я б у у у д у
 у у у | слёзным деревом стоять || || ||

[дерево]

из грохота откуда-то из шума || | скрипучая скрипичная волна прохладных звуков
бережно несёт простую весть | | ||| колышется сосновый бор сияет ||| | и тайный снег
вещей ||| ||| там где-то там || | и где-то здесь || | | и с к р и т с я || | ||| единственный и
драгоценный свет || |

Воздух земли: семь остановленных песен

посвящается художнику Михаилу Рошняку

I.

почва сухая горькие травы
[могилы курганы могилы]
воздух жаркий горячий
голос земли погребальный

II.

белое солнце над чёрным оврагом
над хлябью зимних [весенних] полей
над растерзанным телом траншеи
дыханье сырое [зловонное время]
когда [закисает] вода и долго
долго гниёт в ведре жестяном

III.

то ли что-то сломалось то ли
саднит в этой звёздной могиле
дыхание ржавое сердца [в той
темноте] где ум усмирился и
травы поют свои грозные песни
[древние поминальные литургии]

IV.

так и идём
по следу горя чужого
тихой волной [шёпотом поля]

лопата ржавеет сломано древко и до
земли [до самой земли] небо склонилось

там юноша умер там смертная девушка
смирненно поёт [будто] горят и дымятся
в е т к и с у х и е

V.

из-под земли эта песня
потрескивают её тёмные прутья
останки рёбер и кости [свет чернозёма]
кожа её – это красное истлевшее платье
и божественный целомудренный голос

VI.

в вечном з д е с ь в этом
паки цветущем здесь-бытии
[тайное слово] завязь живая народов
время роится [и] падают стрелы
[дротики] вечнозелёных деревьев

ветер срывает листья голубые морей
и поминальные песни чёрного солнца
решётку бесплодной земли выжигают

VII.

синий живой кровоток
в распаханном поле холодном
снаряды [зёрна] снаряды смертные
люди взрываются алым и – плачет
глубокий овраг и зрачки тёмных
елей горем неизгладимым слезятся

бежит
внутри тебя бежит человек

остановился – взрывается воздух

и р а с ц в е т а е т ц в е т о к
сияющей этой минуты

солнце шершавый асфальт
человек выходит на остановке
«где» – говорит – «кости мои – где лицо»

по воздуху пролетают последние буквы

д ы м т о л ь к о д ы м с а б л е з у б ы е б у к в ы в о й н ы

так и пишу
на рыхлой бумаге обоейной: «голые ветки»

корявые буквы уходят куда-то за край
в узкую комнату – в эти болью и светом
пропитанные н е в о с п о л н и м ы е дни

СЛОВО

Рассказ

1

Это было такое место, где дул холодный, порывистый ветер, все время напоминавший о том, что осень уже закончилась. Облака, плывшие по низкому свинцовому небу, то и дело цеплялись за ржавый флюгер старой больницы, обнесенной железным листом, за которым теснился небольшой, обглоданный осенью парк с давно улетевшими птицами.

Было непонятно, зачем он притащился в этот старый облупившийся дом, построенный еще в советское время и служивший лет тридцать глазной больницей, единственной в этом захолустье. В мутное перестроечное время больницу закрыли, слепых разогнали. А к нулевым здание купили какие-то коммерсанты, переоборудовали. И после этого сюда стали направлять больных с другими проблемами. Хотя что там за проблемы! Два-три дня – и пациенты были здоровы.

Он бывал в этом городе уже много раз. Дела университета, которые заставили его покинуть насиженное место в столице и, выполняя академическую повинность, тащиться в учебный филиал на окраине страны, обрекали его, уже немолодого профессора, трястись в плацкартном вагоне за тридевять земель, чтобы два месяца в году вести свой знаменитый семинар по стихосложению. Он обреченно снимал очки с тяжелыми линзами и тер ладонью короткую, толстую шею и с ненавистью думал: кому тут, среди панельных гнилушек и унылых улиц с разбитыми фонарями, сдалось это чертово стихосложение, кому оно нужно, умение рифмовать в городе, где смысл жизни упирается только в две задачи – родиться и умереть? Господи, и зачем он согласился на этот семинар?

Впрочем, резон был. Конечно, был. До окончания школы старшей дочери оставалось полтора года. И Лора, жена, уже пару лет проедала его намечавшуюся плешь, что дочь надо запихнуть на факультет именно к нему – на других она не потянет. Старшая и правда пошла не в него. Усердие было ей не к лицу, а поэзия и вовсе казалась полным бредом. Но что он решает? Что он вообще когда-либо решал? За решением нужно было идти на поклон к декану. Но именно декан и навязал ему этот треклятый семинар в филиале. Отказать было невозможно. Либо соглашаться, либо вообще больше не появляться Лоре на глаза. Он выбрал, конечно, первое. Нарушать в своей полноводно текущей жизни он ничего не хотел. Что намечалось, достигнуто. Что мечталось, сбылось. Конечно, многое успело полинять, многое сбросило свои прежние краски. Но порядок, заведенный в семье, был все таким же. Уважение к его университетской должности стояло на первом месте. Идеальная чистота и прохлада кабинета, приглушенная жизнь домочадцев и телефонных звонков – все эти правила, навязанные Лорой, которая посвятила семье свою жизнь, побуждали и его самого толкать вагонетку жизни по привычно проложенным рельсам.

Мила Борн родилась в 1972 году в Волгограде. Окончила Литературный институт им. Горького и сценарный факультет ВГИКа. Публиковалась в российских и зарубежных изданиях: «Артикуляция», «Фабрика литературы», «Вторник», «Литоскоп», Литература, «Берлин. Берега», «Зинзивер» и др. Автор книги рассказов «Голодный остров» (М.: Стеклограф, 2020). В «Волге» публиковались рассказы (2021, № 5-6)

В этом ненавистном городе он работал в последний раз. К огромному его облегчению, в новом учебном году филиал приглашал молодого специалиста, только что защитившего диссертацию по силлабо-тонике Чосера. Ну а он мог спокойно вернуться в Москву. Правда, в захолустье этом у него оставались еще дела. Но и они казались очевидным финалом пребывания тут. Все, – твердил себе он. – Доделаю, и вон, вон из этой дыры, чтобы никогда уже больше, чтобы ни за что, какие бы новые ультиматумы не придумала Лора!

Его служебная квартира была уже занята. Два дня назад прибыл командированный доцент с кафедры зарубежной литературы. И вещи новенького, нераспакованные, так и стояли в тесном коридоре. Сам он, скрючившись, ночевал на прокуренном кухонном диване, дожидаясь, пока уважаемый профессор уедет в Москву. Можно было, конечно, освободить положенное жилье доценту и перебраться в местную гостиницу, наверняка с клопами. Но за гостиницу надо было платить. А он и так уже сильно потратился. Какой-то внутренний голос все настойчивее и настойчивее твердил ему, что хватит уже, хватит, пора остановиться и вернуться домой, где его уже ждали. На носу были новогодние праздники и Рождество. Пора уже было хлопотать с подарками. Потом – сессия. Потом – каникулы в теплых странах. И все – на круги своя. Но это последнее, незавершенное дело тянуло и связывало его по рукам и ногам, как чугунные гири.

Он отчаянно не понимал, почему жизнь так наклонила его и заставила тащиться в это тухлое, убогое место. Не понимал и того, почему в нем так сильно прорастает проворность пугливого и чуткого зверя, спасающегося впервые откровенным, постыдным бегством. Это было похоже на запрет Лоры курить, который он пытался преодолеть, покуривая втихаря в студенческом туалете. Впрочем, зачем врать себе самому? Он никогда не был ни особо смелым, ни особо решительным. В университете часто прятался за спинами других, разъедаемый страхом перед тем, что самая незначительная проблема может разрастись до какого-нибудь вселенского масштаба и выбить стул из-под его тела, тяжелеющего год за годом от спокойной и сытой жизни. Но хватит, хватит уже этой беготни! Устал уже от улаживаний и умащений! В конце концов, возраст давно напоминал о себе, наваливаясь то одышкой, то внезапной изжогой, то ломотой в спине. Настанет время, – думал он, прохаживаясь по командировочной квартире, – и золотая карета превратится в тыкву: университет проводит на пенсию, в кабинет его переселится кто-то из дочерей со своими новыми детьми и мужьями, в доме станет шумно, Лора придумает для себя какие-то новые смыслы, в которых не останется места ни его стихосложению, ни ему самому. Так что хватит уже себя гробить. Пора и пожить нормально.

В провинциальную больницу с обглоданным парком он приезжал уже тремя днями раньше. А теперь, как положено, вернулся, какой-то заспанный и растрепанный, в небрежно застегнутом дорогом кашемировом пальто с ошибкой на одну пуговицу. Пока дожидался в приемной, где ему выдали венский стул, пронумерованный и неряшливо покрашенный в белый цвет, он забился в самый дальний угол и стал исподлобья наблюдать за тремя другими – такими же, вероятно, как и он сам.

Это были мужчины, одинаково скучающие от своего ожидания. Один, очень толстый, был одет в скрипучую кожаную куртку, которая не сходилась на его животе, и потому он носил ее только расстегнутой. Ожидание томило толстяка. Он запрокидывал голову, то и дело проваливаясь в сон, и прислонялся лысым затылком к стене, время от времени сочно всхрапывая, чем сам себя и будил. Другой шелестел газетой, которую, должно быть, уже давно прочитал, а теперь загоразживался ей, как будто опасаясь нарваться на собеседника. Третий постоянно хватался за телефон, вскакивал со стула, выбегал из приемной на улицу и нагло кому-то врал, что уже едет домой и не забудет купить буханку ржаного. На самом деле все они, оказавшиеся в незримой, но одной западне, жаждали только одного – поскорее отсюда выйти. Выйти хотел и он. На последний вечерний поезд был уже куплен спасительный билет. И оставались только формальности.

В приемную перпендикулярно упирался длинный и скучный коридор, в конце которого маленькая, рыхлая поломойка скребла самодельной шваброй дощатый пол и негромко, но злобно

материлась то ли на посетителей больницы, таскающих сюда уличную грязь, то ли на врачей, забывавших бесечно переобуться. Ее бормотание было не разобрать и казалось каким-то заговором. Вымытый пол, впитавший и воду, и вонь больничной столовой, отдавал едва уловимым ароматом осеннего леса, какой-то грибной гнили и жирной сырой земли. Этот аромат, подхваченный коридорными сквозняками, которые сочились через щели хлипких оконных рам со сварными решетками, носился по всей больнице вместе с едкими, шибящими запахами йода, хлорки и сбежавшего молока. На подоконниках сохли измученные алоэ – никому не пригодившийся уют – будто бы принесенные сюда по ошибке, но теперь упрямо тянувшие свои бессмысленные листья, усуженные «детками», в холоде и запустении. На штукатуренных стенах – выцветших, словно ситец в конце жаркого, долгого лета – можно было еще разобрать нехитрую роспись какого-то местного мазила, нарисовавшего здесь энергичных тружеников советских пятилеток, грудастых крестьянок с хлебными снопами, пижонистых инженеров с рулонами ватмана и огромными циркулями в руках.

От скуки он стал рассматривать эту мазню, не понимая, для кого изобразили этот мир сильных и счастливых людей. Для пациентов глазной больницы? Их родственников? Или врачей, обещавших и тем и этим, что слепоту излечить возможно? А может, все это было создано для тех, кто приезжал на лечение теперь? Тех, кто лежал на кроватях со скрипучими панцирными сетками, оставленными в наследство от незрячих? Тех, кто лежал, отвернув от мира свои застывшие лица, и обреченно ждал, когда очередь дойдет? Нет, – думал он, – мир колхозниц и инженеров вряд ли будет им интересен. Тогда для кого художник нарисовал? Было непонятно.

В глубине коридора распахнулась дверь. В приемную сунулась бойкая, разбитная санитарка и выкрикнула знакомую ему фамилию. Он хорошо ее выучил, называя и сам изо дня в день во время студенческой переключки. Фамилия эта была какой-то рассыпчатой и летучей, как будто, едва собрав в себе массу букв, не могла удержать их в себе, вместе, и они прямо на языке рассыпались, скакали, как бусины, покотившиеся с оборванной нитки. От неожиданности он проворно поднялся, с грохотом отодвинул от себя стул и торопливо пошел к санитарке. Сунул ей целлофановый пакет с приготовленной сменой белья. Санитарка молча кивнула и ушла. Спящий толстяк перестал храпеть. Поднял голову. Мутным, непонимающим взглядом обвел приемную и, как младенец, снова провалился в свое забытье.

2

Наконец она вышла. Отыскав его, сидящего в самом дальнем углу, подошла, молча протянула пустой целлофановый пакет, будто бы возвратила то, что брала у него взаймы. Он хотел что-то ей сказать, но передумал, увидев, как трое других мужчин, томившихся в ожидании своих, стали их рассматривать. Тяжело, медленно она пошла к выходу на улицу, размахивая пустыми, словно потерявшими что-то, ладонями. Он нагнал ее и попытался взять за руку. Но она, опережая мгновение, сунула руку себе в карман. Повернула к нему удивленное лицо. Как всегда, улыбнулась неловко. Задержала на нем взгляд. Заметила: он был смят, как бумага. Глаза усталые, красные. Не выпался? Вон как кутается в свое дорогое, но совсем не теплое для этого времени пальто, в котором он напоминает ей огромную ворону с обрезанным хвостом. Вдруг подумала: и зачем он приехал? Ведь видно, что совсем не хотел приезжать.

Аллея, прорубленная среди некрасивых, больных тополей, вела к покосившимся и расшатанным воротам. Дойдя до них, она вытянула, как незрячая, руку, чтобы открыть. Но он обогнал ее, дернул на себя скрипучую калитку и пропустил ее вперед. Наконец они вышли к шоссе. Было сыкотно, потому что накануне ночью лил дождь. И теперь машины проносились мимо них, выстреливая из-под колес россыпью брызг и обдавая липкой, холодной грязью. Она посмотрела на его ботинки и снова подумала, как все в нем не соответствует ни текущему моменту, ни погоде,

ни здешним местам. Коричневая земляная каша облепила измученный черный замш и сделала красивую профессорскую обувь похожей на разбитые чуни, какие носят крестьяне на полях. Он ловил попутку, выбрасывая с какой-то беспомощностью свою узкую и сухую ладонь из рукава пальто. Она посмотрела, отступив на шаг, ему в спину. Подумала: в сущности, как она была близорука, не увидев, насколько чужим был ей этот человек – со своей занудной ученостью, которой он загораживается, когда не знает, как ему поступить, своим голосом, каким-то высоким и фальшивым, как будто он путает тональности или разговаривает, не разбирая тонов, своей танцующей, старческой походкой, занудными рассуждениями, нравоучениями и скукой, вечным брюзжанием и непроходящей усталостью, бессмысленной ночной болтовней и вопросами в воздух «сколько осталось мне», рассеянностью, от которой он мучается и которой стесняется, опасаясь, что это обнаружит кто-то еще, людьми из его другой жизни, которые терзают его мобильный, и он помнит все их имена, и он рад этой чужой, неизвестной ей жизни. Она зажмурила глаза. Перечисление утомило ее. Показалось, что кто-то невидимый бросает в нее комьями то ли снега, то ли грязи, а она увернуться не может или даже не хочет. Снова открыла глаза. Посмотрела на себя. Коротенькая болоньевая куртка какого-то наивного, ярко-алого цвета, которая служила ей уже не первый год, была неряшливо забрызгана с одного бока грязью. Она потеряла грязь ладонью, на тыльной стороне которой увидела пластырь, приклеенный к коже плотно, крест-накрест. Вспомнила и больницу, и панцирную сетку, и унылый прямоугольник окна, в который вглядывалась три ночи подряд, будто бы пыталась рассмотреть в тяжелом осеннем небе что-то призрачное и исчезающее.

Он окликнул ее. Нетерпеливо потянул за рукав. Метрах в пяти, на обочине остановился «Москвич» какого-то дачного вида и посигналил им. Они побежали. Торопливо полезли в машину и уселись на заднее кресло, застеленное по-хозяйски каким-то детским одеялом, прожженным в двух местах сигаретой. Захлопнули дверь. Поехали. Водитель, в замусоленной куртке узбек, оставивший наконец попытку дорожной болтовни, с каким-то тупым упрямством стал тыкать в магнитоу, пытаясь настроить волну с прерывающейся в эфире «Ламбадой».

В дороге как будто тянули время, которое ползло и ползло. Он сидел, отвернувшись к боковому окну. Она смотрела в его сторону и видела только бобрик седеющих, коротко стриженных волос, золотистую дужку за ухом и толстую шею, бесстыдно вываливавшуюся из-под ворота кашемирового пальто. Она не могла понять, где и когда перепутала смыслы. Почему все случилось именно так? Из-за чего так случилось?

От леса на шоссе уже ползли сумерки. День кончался. До полной темноты оставалось совсем немного – каких-нибудь полчаса. Всего лишь полчаса до того, как забудется все, что случилось этим холодным, промозглым днем. И зачем ей все это было нужно? Какую силу она пыталась найти в легковесных чужих словах? Вот-вот, рассуждала она, и наступит завтра, она нырнет с головой в гущу привычных событий, которые, как всегда, будут отдавать какой-то, пусть легкой, но все-таки фальшью. Впрочем, она давно уже привыкла к этой фальши – своему несовпадению со всем, что было вокруг: бесцветным городом, в котором никогда ничего не случалось, где только и делали, что рождались и умирали, и бесцветными людьми, которым не под силу было приподняться над своим повседневным человеческим словарем, и бесцветным небом с улетающими на зиму птицами. Она бы тоже могла улететь. Но что-то подсекло ее, что-то лишило важного – сил, чтобы оттолкнуться от земли. Она подумала вдруг: наверное, это важное осталось там, куда он привез ее три дня назад.

Дождь пошел снова. Забарабанил отчаянно по крыше машины. Она вытянула вперед руку. Хотела взять его за рукав, что-то спросить. Но увидела, что он уснул, привалившись к стеклу. Рот был безвольно раскрыт, а голова его перекашивалась, елозя по запотевшему стеклу и время от времени гулко стучаясь о металлическую раму окна. Она смотрела на него, спящего, и ей почему-то показалось, что вот так, должно быть, он бы и выглядел, если умер. И не стала его будить.

Добравшись до своего общежития, она попросила узбека остановить. Неслышно выбралась из машины, закрыла за собой дверь. Было уже совсем темно. Окна домов без порядка дырявили осеннюю мглу. Она, угодив в холодную, мутную лужу, доковыляла до тротуара, обернулась и еще раз посмотрела через мокрое стекло внутрь машины. Он по-прежнему спал. Тело его, измученное бессонницей и холодом, теперь, казалось, согрелось и послушно сползло на сиденье машины. Он лежал на прожженном одеяле, завалившись как-то по-детски на бок и подложив под щеку обе руки. А очки, съехав к уху и задрав одну свою дужку вверх, делали его похожим на большое и многоглазое насекомое, перевернутое на спину и потерявшее последние силы, чтобы вернуться назад.

3

Перед отправлением поезда он запомнил, но потом спохватился, что хотел все-таки позвонить. Набирать ее номер на мобильном было неумно. Назавтра Лора могла заметить звонок. Тогда он зашел на привокзальный переговорный пункт, где минут двадцать напряженно ждал, пока кто-то отыщет ее в общежитии, пока она спустится на проходную и подойдет к телефону.

В трубке нестерпимо шуршало. Поэтому слово, которое он сказал ей, а потом для верности повторил, безнадежно потонуло в шорохах. Или, может быть, он сказал это слово недостаточно громко или нерешительно, не надеясь больше на его спасительный смысл. И только где-то там, в глубине переговорного пункта, он слышал, как телефонистка кричала кому-то в динамик: «Первый! Первый! Пройдите же наконец в кабину!» И следом за ней – густой, но срывающийся голос: «Мама! Мама! Ты слышишь меня? Лена родила! Мальчика!»

Он положил трубку.

Берлин, 2022

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ!

Рассказы

Глупый рассказ

Мы отправились на стадион. По дороге я зачем-то вывалил Сергеичу много лишнего. Например, признался, что перестал понимать жизнь и даже немного устал от неё. Ага, прямо так и сказал, будто выдернул фразу из старого умного фильма. На это сосед мне ответил, что сейчас я увижу «кое-что интересное».

– Наверное, тебе это поможет, – сообщил он. – Или не поможет.

– В каком смысле? – уточнил я.

– Ну, понять жизнь, типа, – нехотя ответил Сергеич.

Стадион наш – это пустырь, обособленный рваной сеткой-рабицей. Он притаился в зарослях бурьяна на отшибе старого малоэтажного райончика. Место для обычного энергичного человека несимпатичное. Но для таких меланхоликов-шатунов, как я и Сергеич, привлекательное.

Подступы к нашему «стадиону» засыпаны смятыми пивными банками, пустыми водочными чекушками и мерзавчиками, усеяны окурками. Там повсюду виднеются вдавленные в землю пробки. По пути мы обнаружили порванный зимний сапог, кусок автомобильной шины и перекинутое через ветку корявого дерева синее платье в веселый цветочек. Оно выглядело довольно сносно, то есть имело, как говорится, «товарный вид».

Рядом с полусгнившей осиною чернело густое болотце. По краю этой грязюки торчали стволы каких-то высоких растений, напоминающих бамбук. Где-то неподалеку истошно каркала ворона. Болотце распространяло сырой дуремарный смрад.

После обнаружения платья у меня возник вопрос: «Как и при каких обстоятельствах оно могло расстаться со своей хозяйкой? Если произошло что-то страшное, то почему оно, платье висит на дереве, а не находится где-нибудь на экспертизе?». Ответ на этот вопрос не нашлся.

– Вот и пришли, – сказал Сергеич.

Стадион наш безнадежно запущен. Трудно представить, что когда-то он был новым. С одной его стороны торчат останки трибун, то есть ржавые каркасы, слегка прикрытые досками. Раньше эти доски, вроде, имели голубой цвет. Нынче они серые. С противоположной стороны игрового поля вообще ничего нет – только высокая трава, кусты и торчащие зеленые лапы с пучками каких-то желтых шариков. Не помню, как называются эти цветы. Пижма, что ли?

Владимир Гуга родился в 1972 году в Москве. Закончил музыкальное училище им. С.С. Прокофьева и Литературный институт им. А.М. Горького. Работает копирайтером. Автор книг «Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая» (2016), сборников рассказов «Мама нас точно убьет» (2019), «Путь пса» (2022). Публикации в изданиях: «Огонёк», «Урал», «Дружба народов», «Полдень, XXI век», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Топос», «Этажи», Литература, «Формаслов» и др. В «Волге» публиковались рассказы (2021, № 11-12).

Под каркасом трибун тоже все усеяно пивными банками и бутылочками. На одной из редких досок грустно и одиноко покоится розовый презерватив.

Мы кое-как разместились на доске. Сергеич откупорил бутылку «Праздничной». Я достал порцию картофеля фри из «KFC». И тут же, почуяв добычу, перед моим носом заметался голодный комар.

В тот вечер по полю носились две команды здоровенных мужиков. Они пытались вырвать друг у друга овальный мяч, похожий на экзотический фрукт. Вместо ворот по краям поля торчали по два высоченных шеста. В какой-то момент один из игроков шибанул по мячу ногой так сильно, что «экзотический плод» улетел выше этих штанг. Игроки одной команды радостно заорали и замахали руками. Игроки другой команды уткнули кулаки в бока и опустили головы.

– Как он мог попасть ногой по этой хреновине? – спросил я. – Это же нереально... Мяч ведь не круглый.

– Володь, это – регби, – многозначительно ответил Сергеич, приподняв бровь.

Я хмыкнул:

– Ты, наверное, думаешь, что дал исчерпывающий ответ. В чём смысл игры, вобще?

– Лучше не спрашивай. У них – толстенная книга правил. Однако, регби – очень древняя и сложная игра. Гораздо древнее футбола. Это – что-то среднее между гандболом и греко-римской борьбой.

Мы накатили.

– Смотри, – заметил я, ткнув указательным пальцем в поле, – в каждой команде присутствуют игрок в какой-то средневековой шапочке с завязками. У него особая позиция? Нестандартный функционал?

Сосед выпустил из каждой ноздри по струе табачного дыма. Причем по очереди.

– В любом обществе есть свой обособленный человек. Придурок. Это я сейчас без всякого негатива сказал. Просто другого слова не подобрать. Скажем, в футболе – вратарь. Когда все носятся, он стоит. Зато когда все стоят, во время пенальти, например, он прыгает, словно макака. Или ударник в рок-группе: все музыканты орут, бегают, трясут гривами, а он сидит, прикованный к установке. Вот и в регби – то же самое. Понимаешь, это – какая-то очень редкая масть, особый ископаемый вид, прототип, одним словом. Врубился?

– А-а-а, – кивнул я. – Понял. Атавизм.

Затем Сергеич признался мне, что приходит смотреть регби, абсолютно не понимая правил игры, и находит в этом умиротворение и объяснение многим окружающим явлениям.

– Смотри, сейчас будет самое интересное, – вдруг сообщил Сергеич, вытянув шею.

Несколько мужиков от каждой команды, упершись друг в друга лбами и сцепившись руками, образовали подобие многорукого инопланетного животного. Существо напряженно, словно борясь с самим собой, затопталось на месте, а потом вдруг – раз! Провалилось в себя! Так сказать, самопоглотилось. Сверху на барахтающееся месиво из рук, ног, туловищ накинuloсь еще несколько игроков. Внезапно из нижнего хитросплетения конечностей выстрелил овальный мяч, и один особо ловкий и быстрый амбал бросился его догонять. А остальная масса игроков, еще немного побарахтавшись в этой куче-мале, кинулась в погоню за мужиком, который побежал за кривым мячом.

– Видал?! – довольно спросил Сергеич. – А ты говоришь... Здесь каждый день происходит подобное!

Наблюдая эту необычную битву титанов, мы не заметили, как микрорайон отчалил и поплыл в ночь. В окнах ближайших пяти и девятиэтажек зажглись желтые огни. Небо зафиолетовело.

Настал момент, и мужики, громко обсуждая состоявшуюся игру, двинули со стадиона. Пусть со штангами опустел.

А мы с Сергеем остались тупить на трибунах. Оказывается, молча наблюдать глухую пустоту не менее интересно, чем битву титанов. Время словно остановилось.

Наше оцепенение нарушил здоровенный ничейный пес, появившийся на поле. Он деловито добежал до центра стадиона, остановился и уставился куда-то вдаль. Уши его задвигались, пасть приоткрылась, а правая передняя лапа приподнялась и согнулась. Пес участвовал в каких-то событиях, о которых я и Сергеем понятия не имели. И до нас ему не было никакого дела.

Кефирное пятно

Я сижу на горшке и наблюдаю скандал, разгоревшийся между прабабушкой Софьей Аркадьевной и заглянувшим в гости Давидом Ароновичем. Несмотря на то, что они родные брат и сестра – отчества у них разные. Почему? Это навсегда останется загадкой. Видимо, Софья Аркадьевна однажды решила немного подрихтовать свое «тяжелое» отчество на более «приличное» для определенного места и времени. А может быть, Давид Аронович по какой-то важной причине изменил свое отчество и стал Ароновичем... Поди узнай сегодня...

Ругаются они красиво, с огоньком. Что делают стороны конфликта, разумеется, непонятно. Они выясняют отношения одновременно по-русски и на идиш. А я и русский еще очень плохо знаю, а уж идиш мне кажется какой-то полнейшей тарабарщиной. Однако я пытаюсь по-попугайски повторять причудливые слова. Изредка прабабушка поворачивается ко мне и произносит: «Какай, Вовочка, каккай». Это она вроде как дыхание берет, чтобы вновь нырнуть в водоворот скандала.

В руке у Давида Ароновича, в кругу семьи именуемого Додиком, запечатанная зеленой фольгой бутылка кефира. Додик её периодически гневно заносит для броска или удара. Ну, когда же, думаю, это случится? Когда? Не тяни уж! В нормальном состоянии брат прабабушки очень похож на суетливого Луи де Фюнеса, а в гневе он превращается в абсолютную копию этого французского кинокомика. Софья Аркадьевна, по-простому баба Соня, смахивающая на толстую одесскую бандершу, трясет воображаемыми серьгами (настоящие-то вместе с мочками выдрали петлюровцы пятьдесят с лишним лет назад). Пожилые брат с сестрой кричат, заламывают руки, хватаются за голову, топают ногами, мечутся по комнате, но развязка все не наступает. Все никак... Противники держатся из последних сил. Я верчусь на горшке, вращая при этом головой и глазами, а действующие лица драматической сцены кружатся вокруг меня. Комната напоминает веселую карусель. И вот свершилось! Додик наконец швыряет бутылку! Незабываемое зрелище! Он кидает бутылку не в Софью Аркадьевну, не на пол, не в стену и не в окно. Он бросает ее в потолок! Жест, достойный человека с большими творческими и житейскими амбициями. Сколь много, должно быть, чувств он вкладывает в этот бросок. Бутылка распускается на потолке белым бутоном, осколки и вязкие капли покрывают все пространство комнаты. На этом скандал исчерпывается. Причем мгновенно. Как опытный дирижер одним резким взмахом останавливает лавину симфонии, так Давид Аронович простым броском бутылки прекращает симфонию скандала. В дирижерском искусстве это действие называется «снять». Концерт окончен.

Баба Соня равнодушно пожимает плечами и лезет в буфет за «мермеладкой». Додик, спокойно засунув руки в карманы, уходит на кухню курить. Тишина. С потолка капает. Я сижу на горшке.

...Пятно, въевшееся в потолок, пережило и брата, и сестру. Потому что раньше молочные продукты делали на совесть. Явно не из порошка. Отмыть и даже закрасить его не получалось долгие-долгие годы. Сколь мы не бились, пятно упрямо проступало. В конце концов на кефир-

ную кляксу мы перестали обращать внимание. Тогда пятно вдруг взяло и исчезло. Типа, показало характер. Ушло втихаря. То ли растворилось в потолке, то ли переползло в другую квартиру, то ли... Наверно, кефирное пятно обиделось на наше равнодушие или просто соскучилось по Давиду Ароновичу и Софье Аркадьевне.

Последний урок

Любовь Альфредовна решила уволиться из школы. Причина – педагогическое бессилие. Она не смогла победить Павлика, наглого и тупого ученика из 6-го «Б». Война их продолжалась недолго – месяца три. Но за этот короткий период Павлик буквально тяжелым танком раскатал молодую учительницу.

Вроде он ничего ужасного не вытворял – просто спал, разговаривал, пел и жрал на уроках. Но этого оказалось достаточно для расправы над чувствительным педагогом. Особенно отвратительно Павлик на уроках жрал.

Больше остального он любил уминать за партой творожные сырки в шоколадной глазури. За один урок он мог уничтожить десяток. Обычно он не откусывал кусочек, а отправлял в рот весь сырок целиком, подталкивая его пальцем. А потом смотрел выкатившимися от натуги глазёнками на Любовь Альфредовну, пока та рассказывал классу про Маленького Принца и его Розу или про Дубровского и Машу. В такие моменты она, сбиваясь, отворачивалась, а он не в силах разжевать огромный творожный ком, начинал мычать и стучать по полу ногами. И весь класс ржал. Хохо-тали даже отличницы.

Любовь Альфредовна не могла понять, чем этот непосредственный и чистосердечный хам мог покорить два с половиной десятка юных душ: ведь в 6-м «Б» присутствовали неглупые и воспитанные дети.

Когда Павлик запихивал в пасть свои запасы, Любви Альфредовне казалось, что он жрёт не сырок или чипсы, а всё самое красивое и ценное, доброе и вечное, включая великую русскую литературу. Однажды она реально испугалась, что не ровен час сама окажется проглоченной этим рыжим чудовищем.

Жаловаться родителям Павлика ей не позволяла профессиональная гордость. Да и смысла не имело – они, люди очень занятые, активные, продвинутые, все равно бы не поняли, что называется, «суть проблемы». Она знала, что для мамы, папы и молодой бабушки Павлика простодушное свинство энергичного мальчика являлось творческим проявлением естественной свободы, столь необходимой для формирования полноценной личности. К директору Любовь Альфредовна тоже не обращалась. Опять же, профессиональная гордость мешала. В общем, для себя она видела только одно решение – парадный выход из школьного здания.

Но прежде чем уволиться, Любовь Альфредовна все-таки «позаботилась о тылах». Диана, её давняя подруга-одноклассница, узнав о готовящейся капитуляции, очень кстати пригласила неудавшуюся учительницу попытать счастья продавцом-консультантом в знакомый модный бутик. Диана была крижистой разбитной хабалкой, а Любовь Альфредовна – утонченной ранимой ботаничкой. Поэтому, наверное, они и дружили: единство и борьба противоположностей.

– Да не бзди ты, Альфредовна, – поддержала подругу Диана, – тебе только придётся ходить на каблучках туда-сюда, туда-сюда, и губы раздувать. Ничего сложного. Бутик – дорогой, итальянский. Вещи – эксклюзивные. Поэтому в него почти никто не заходит. Может, мужа там себе мазового оторвешь или хотя бы нормального мужика. Главное в твоей работе – держать понты, понимаешь? То есть ходить с умеренно козьей мордой и говорить: «Обратите внимание на эту новую модель из коллекции весна-лето». Всего делов-то. Понимаешь?

Альфредовна кивнула, хотя из услышанного поняла далеко не всё.

Директора бутика мистера Джойса поразила не столько стройность и элегантная внешность кандидатки на вакантную должность, сколько её красный диплом педагогического вуза. Ну, а Альфредовна восхитилась фамилией своего нового босса.

«Портрет художника в юности» я одолела, – призналась она себе, возвращаясь с собеседования, – а вот «Улисс», помню, совсем не пошёл».

На своём последнем уроке Альфредовна решила поведать ребятам печальную историю гибели Пушкина. Эта тема не входила в школьную программу шестого класса, но ей очень хотелось донести до детей нечто важное, то, что может их зацепить на всю жизнь. Рискованный ход, конечно, но ей все равно нечего было терять.

И Любовь Альфредовна рассказала всю предысторию печальных событий на Чёрной речке, обрисовала дуэль и последние мучения поэта. Удивительно, но класс слушал этот рассказ, находясь в ошеломлении. 6-й «Б» действительно зацепило.

«Вот что значит, – довольно думала учительница, – творческий подход к преподаванию. Только, увы, такой подход в нашей системе образования возможен лишь как акт отчаяния».

Когда Любовь Альфредовна читала в заключение своего выступления «Погиб поэт, невольник чести», у многих детей по щекам заструились слезы.

– Вот так и закончил свой земной путь великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, – завершила свой рассказ учительница и замерла. Взгляд её уперся куда-то внутрь головы. Класс оцепенел.

Вдруг Любовь Альфредовна очнулась и медленно, мягкими семенящими шажками подплыла к парте Павлика.

– А знаешь, кто на самом деле убил Пушкина? – по-змеиному прошипела она в самое ухо обидчика.

В классе было так тихо, что все услышали этот вопрос.

– Э тот... как его... Дантес, – пролепетал в ответ Павлик. – Вы же сами сказали.

– О, нет, не Дантес! – лицо учительницы хищно оскалилось. – Это в учебниках так пишут. Но я знаю тайну, я знаю, кто на самом деле убил Пушкина.

– Кто? – Павлик испуганно сжался, предчувствуя нечто кошмарное.

– Ты!!! – восторженно объявила учительница и показала на мальчика длинным пальцем с алым сверкающим ногтем.

Несколько девочек от неожиданности вскрикнули.

– Я не убивал его... – пискнул Павлик, задрожав. – Это – не я.

– Нет, ты! – повторила плотоядно улыбающаяся учительница, склонившись над мальчиком, как гадюка над птенцом. – Именно ты погубил солнце русской поэзии!

Павлик вскочил из-за парты и с рёвом вылетел из класса.

И тут Любви Альфредовне показалось, что в её измученном организме миновал кризис долгой и тяжёлой болезни: ей стало гораздо легче дышать, тело будто избавилось от лишних килограммов (хотя их и так не было), лица ребят вроде стали светлее и умнее, да и лучи солнца, стреляющие в окно класса, как-то оживились и повеселели.

Любовь Альфредовна подошла к окну и с упоением принялась наблюдать, как Павлик, словно курица с отрубленной башкой, размахивая руками, с криками несётся невесть куда. Со стороны казалась, что он пытается избавиться от видимого только ему преследователя.

«Вот теперь побегай!» – молча пожелала Любовь Альфредовна своему мучителю и с легким сердцем покинула класс.

Жизнь удалась!

...но в этот момент мимо прогromыхал холодный мусоровоз...

Александр Курбатов

Около подъезда стоял огромный железный кузов с высокими бортами. Обычно такие угрюмые емкости используют для сбора и вывоза строительного мусора – всяких досок, дверей, оконных рам. Но это циклопическое корыто было с горкой наполнено не ремонтными отходами, а разным домашним старьем: рваной одеждой, кастрюлями, занавесками на карнизах, мертвыми домашними цветками в горшках, полуистлевшими книжками. Имелись в контейнере и предметы посolidнее – мрачный старый шкаф, продавленный двустворчатый диван с желтыми пятнами, кухонная газовая плита и письменный стол. Все это добро источало корвалольно-творожный запах старости.

К мусорному контейнеру подошел Кузьма, взъерошенный пожилой человек в ботинках без шнурков, и с интересом заглянул за борт. Пока он пытался оценить выкинутые вещи, в кузов упала так называемая радиола, то есть старый проигрыватель пластинок на ножках. Следом прилетел застекленный портрет Хемингуэя. Прямо на лбу великого американского писателя красовалась паутина трещин.

– Ребятки, – спросила у смуглых грузчиков, невесть откуда взявшаяся крохотная старушонка, – можно я кастрюлю возьму, а?

– Бери, бабка, – равнодушно ответил маленький азиат в очень высокой черной шапке. В этом колпаке, по мнению Кузьмы, работяга напоминал дервиша.

На самом деле Кузьму звали Николай Владимирович. Когда-то давно он был инженером. Но постепенно всякие исторические потрясения, разводы-женитьбы, бесконечная смена мест работы сделали из него Кузьму, косматого человека с голыми деснами и копченой лысиной. Кроме того, его фамилия, Кузьмин, прямо соответствовала его прозвищу. А еще в юности он увлекался русским космизмом, мусоля дефицитные труды Циолковского и Вернадского. В каком-то смысле Кузьма являлся абсолютно гармоничным человеком, совершенно свободным, очень легким, правда, живущим одним днем.

По просьбе старушки Кузьма достал кастрюлю, лежащую недалеко от края кузова. Она оказалась дырявой в нескольких местах.

– Все самое ценное уже разобрали, Бенедиктовна, – объяснил Кузьма бабке с немыслимым отчеством, – ты думаешь, люди – дураки? Зря.

Бенедиктовна печально охнула и поплелась в сторону магазина «Авоська».

Внезапно рядом с Кузьмой приземлилась коробка с надписью «Водка «Праздничная»: грузчик в длинном колпаке швырнул её в кузов, но немного не рассчитал траекторию. От удара об асфальт дно коробки распахнулось, и наружу вывалилась какая-то бумажная чепуха – тетради, папки, записные книжки и толстый фотоальбом.

Кузьма почесал плешь, взял альбом, отошёл от кузова и деловито разместился на бортике песочницы.

На некоторых картонных страницах альбома имелись поясняющие надписи: «Сочи, 1956 год», «Леночкина свадьба, 1983 г.», «Петя. Демобилизация. 1978 год, ноябрь», «Свадьба Ани и Сергея, 1989». «Ленинград. У Петровых. 1969 г.». Эти надписи комментировали черно-белые фотографии. Но в альбоме были и цветные: «Петя. Первый класс. 1998» или «Шарм-эль-Шейх. 2001 год». Снимки в альбоме находились не в целлофановых ячейках, а были приклеены прямо к серым картонным страницам.

«Раньше, – подумал Кузьма, – существовало искусство портретной съемки. Люди специально ходили в фотоателье или приглашали фотографов на важные мероприятия, например, на свадьбу

или, прости господи, на похороны. На свадьбу и сейчас приглашают. Но разве можно сравнить нынешних фотографов с былыми? В прошлом снимали так, что весь характер человека был на лице. Причем даже у самых злых и вредных людей на старых фотках – прекрасный характер проглядывает. Все остались в старых фотоальбомах хорошими и красивыми. И вот что самое интересное: фотографа на семейных мероприятиях не было видно. Так... Придёт какой-то невзрачный мужичок, сядет в углу, пощелкает, походит молча, пощелкает. А потом – хоп! И целая коллекция фотошедевров! Он никому не мешал, никого не строил, не заставлял замереть или улыбаться, раздирая рот...»

Тяжело передвигая лапы, к Кузьме подошел здоровенный, очень лохматый и очень старый одноухий кот Юпитер.

– Вот смотри, – Кузьма показал своему четвероногому дружбану фотографию веселого улыбающегося семейства, – видишь, что значит «жизнь удалась»?

С фотоснимка довольно глядели люди нескольких поколений – мужчины и женщины, бабушки и дедушки, мальчики и девочки. Был даже младенец с соской во рту, на коленях у полной дамы в коротком платье. Короче, целая толпа приличных, самодостаточных людей улыбалась с карточки: кто постарше – сидел, а более молодые стояли за их спинами.

– А у меня и у тебя жизнь не сложилась. Не повезло нам, Юпитер. Хотя что значит не повезло? Сами во всем виноваты. А вот у кого-то сложилось всё прекрасно. Видишь?

Юпитер смотрел на фотографию, задумчиво вращая ухом. А Кузьма продолжал бормотать какую-то чушь о счастливых и несчастливых судьбах. Неожиданно внимание Юпитера отвлек въехавший во двор грузовик-тягач с маленьким краном-подъемником на раме. Машина подкатила к здоровенному кузову. Два шустрых работника в синих костюмах, выскочившие из кабины, подцепили контейнер со старческой рухлядью крючками на цепях, и вонючий кузов быстро оказался на колесах.

– Эй! – помахал Кузьма приехавшим работникам. – Стойте-ка!

Мужики в рабочих костюмах закурили, глядя на приближающегося бородатого лоха.

– Вот! – показал Кузьма альбом и швырнул его в кузов. – Это отсюда.

Юпитер вильнул обрубок хвоста, мотнул головой и чихнул, дескать, да, подтверждаю, *это* отсюда. Затем он заковылял к возвращающейся из «Авоськи» Бенедиктовне. Хорошо ориентируясь во времени, старый кот знал свой час. Почти каждый день около полудня Бенедиктовна угощала его обедом – куском колбасы или сметаной на картонной тарелке. А когда не угощала, ему что-то перепадало от других благодетелей. Например, мужики, сидящие на околоподъездной лавке, иногда подкидывали ему голову и плавники воблы. Юпитер был такой старый, что никто во дворе не помнил его младенчества и юности.

Саша ПОПОВ

(1949–1995)

ПРИДВЕРИЕ

Пьеса в 2-х действиях

Публикация, подготовка текста, вступление Германа Лукомникова

Пьеса написана в 1980-е годы. В 1989 году была поставлена Эриком Горошевским в ленинградском Театре реального искусства на сцене ДК профтехобразования на улице Перовской. В репертуаре продержалась недолго.

«Премьера спектакля “Придверие” <...> была встречена публикой неодинаково. Части зала спектакль явно очень понравился, часть выказала явное неудовольствие, часть же осталась ко всему произошедшему на сцене совершенно равнодушной» (из заметки Петра Брандта).

Саша Попов (Александр Николаевич Попов) – драматург, поэт, эссеист. Родился 10 ноября 1949 года в Петропавловске-Камчатском в семье военного. Детство и отрочество проходило в разных городах Дальнего Востока и Сибири, отчасти где-то на юге. С 1965 года жил в Ленинграде. Иногда приезжал в Ейск, где с какого-то момента жили его родители. Учился в Военмехе. Студенческую театральную студию в этом институте вел в те годы режиссер Кама Гинкас, и в его постановке повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Саша сыграл главную роль – бунтующего подростка Холдена Колфилда. После этого он увлекся писательством и бросил институт, не окончив. Выпускал машинописные издания: альманах «Северные цветы», журнал «Весы», «Литературную газету» (тиражом от 1 до 4 экземпляров). Завсегдатай легендарного кафе «Сайгон», где собирались люди андеграундной культуры. В первой половине 70-х был принят в Драматургическую мастерскую Игнатия Дворецкого при ленинградском отделении ВТО, с 1990 года – участник группы «Новые драматурги». Его пьесу «Потом... потом... потом...» собирался ставить Георгий Товстоногов в БДТ, ее высоко оценили Кама Гинкас, Генриетта Яновская, Анатолий Васильев, и все же она в те времена так и не была поставлена. Пьеса «Придверие», как сказано выше, была в 1989 году поставлена Театром реального искусства. При жизни, если не считать самиздата, опубликовал лишь эссеистику в журнале «Твердый знакЪ» (№ 1, 1991) и несколько заметок в петербургских газетах. Покончил с собой (повесился в своей квартире на ул. Чайковского) 28 марта 1995 года – такова официальная версия. Однако некоторые из близких подозревают, что самоубийство было инсценировано и он ушел из жизни не по своей воле.

Я познакомился с Сашей летом 1986 года. Это был человек и писатель, оказавший на меня, пожалуй, самое сильное влияние из всех людей, которых я знал.

Однажды я спросил его: «Саша, а как почитать твои пьесы?». Он сказал, что их можно купить в Москве, в ВТО на улице Горького. Я пошел, и мне там выдали три его пьесы: знаменитую «Потом... потом... потом...», «Придверие» и инсценировку «Алых парусов» Грина – не помню, как она называлась. Это были машинописные распечатки для театральных работников, и хотя я никакого отношения к театру не имел, мне удалось их приобрести. В один из Сашиных приездов в Москву я имел неосторожность похвастать этим, и Саша забрал у меня инсценировку «Алых парусов». Сказал, что режиссер какого-то подмосковного ТЮЗа просил ее у него. Другие две пьесы у меня сохранились. «Потом... потом... потом...» теперь несложно найти в интернете, она публиковалась в сетевом альманахе объединения «Домик драматургов». А мою любимую Сашину пьесу, «Придверие», рад предложить вниманию читателей.

Первоначальное название пьесы – «Царство». Именно под таким названием она была поставлена во второй раз, после смерти автора, Владимиром Михельсоном в петербургском театре «Особняк» в 1998 году.

А при мне автор объяснял режиссерке, тоже собиравшейся ставить эту пьесу, в которой всего три персонажа и, казалось бы, почти ничего не происходит: «Главное – ирреальный вруб. Будет ирреальный вруб – и все получится. Не будет ирреального вруба – ничего не получится».

В настоящее время мы с Максимом Якубсоном готовим книгу о юродивых питерского андеграунда 1970-х – 90-х годов – Саше Попове и Диме Тимченко, куда войдут и их собственные тексты, и воспоминания о них. Книга выйдет в издательстве Des Esseintes Press (Московская школа нового кино, ММУ).

Г. Л.

Первое действие

Сцена первая

Комната огромных размеров. Очень высокие потолки. Люстры нет. Посередине комнаты стоит железная кровать. Очень широкая и длинная. На спинках развешены вещи. На полу мусор, книги, фотографии, увеличитель, пишущая машинка, музыкальные инструменты, мольберт, краски, кисти, настель, пачки сигарет, чайник, чашки, электроплитка, швейная машинка, несколько настольных ламп, фотопроекторы, различный инструмент, магнитофон, радио, проигрыватель, телефон. На кровати лежит СТАРУХА. Лежит поверх одеяла, прислонившись к спинке. Проходит время, и выходит ОН. Это мужчина. Из тех мужчин, которым и в двадцать лет можно дать сорок.

ОН. Сматывайся отсюда.

СТАРУХА. То же.

ОН. Что то же?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Сматывайся, говорю.

СТАРУХА. То же.

ОН. Что?

СТАРУХА. Что?

ОН. Тебе хочется поговорить?

СТАРУХА. Кроме меня тебе не с кем поговорить.

ОН. Ну и что?

СТАРУХА. Кроме меня у тебя никто не бывает.

ОН. Ну и что.

СТАРУХА. Кроме меня...

ОН. Мне никто не нужен.

СТАРУХА. Врешь.

ОН. Тебе хочется поговорить.

СТАРУХА. Врешь.

ОН. Это не имеет значения.

СТАРУХА. Ты врешь.

ОН. Сматывайся. Ты валяешься в моей постели.

СТАРУХА. Тем более.

ОН. Что тем более?

СТАРУХА. Тем более.

ОН. Хватит. Я не люблю эту игру.

СТАРУХА. Я играю в эту игру без корысти.

ОН. Я тоже люблю играть без корысти. Сматывайся.

СТАРУХА. Не пинай. Я не хочу, чтобы тебе было грустно.

ОН. Я обойдусь.

СТАРУХА. Брось. Уступи.

ОН. Обойдусь.

СТАРУХА. Себе уступи.

ОН. Обойдусь.

СТАРУХА. Ты плохо выглядишь.

ОН. Сматывайся.

СТАРУХА. Ты прогоняешь?

ОН. Да.

СТАРУХА. Ты очень плохо выглядишь.

Старуха «сматывается» к стенке, где лежат доски, и садится там.

Он идет к кровати. Спотыкается. Поднимает книгу.

Ложится на кровать. Листает страницы. Успокаивается.

Лежит. Читает.

Старуха курит и смотрит на него.

Проходит время.

ОН. Ты куришь?

СТАРУХА (с издевкой). А ты лежишь?

ОН. Дай закурить.

СТАРУХА. Обойдешься.

ОН. Не тяни. Дай закурить.

СТАРУХА. Обойдешься.

ОН. Я встану.

СТАРУХА. Встань, встань.

Он встает и подходит к Старухе. Старуха не двигается. Он отбирает у Старухи пачку, закуривает, бросает сигареты и спички на кровать. Курит. Бродит по комнате.

Подходит к мольберту. Изучает. Берет ножи. Скоблит.

Проходит время.

Стук в дверь. Еще стук в дверь. Он скоблит.

Стук в дверь. Проходит время. Стук в дверь. Старуха поднимается.

ОН. Сиди.

Стук в дверь. Он скоблит. Стуки прекратились.

Проходит время.

У него погасла сигарета. Он идет к кровати, чтобы прикурить.

Стук в дверь.

ОН. Да.

Дверь открывается, и входит ЖЕНЩИНА. Женицина из тех, которым и в сорок лет можно дать двадцать. Не высказывая заинтересованности, он скоблит.

ОНА. Извини. Я только на минутку. Я за книжкой. Я тебе не помешала?

ОН. Обожди.

ОНА. Я только на минутку. Я тебя случайно нашла. Понимаешь, у тебя есть книжка. Ты мне ее показывал. Сейчас все помешались. Все ее читают, и ни у кого нет. А я хочу прочесть. Ты мне дашь книжку?

ОН. Кто тебе сказал, что я в городе?

ОНА. Тебя кто-то видел. Никто не знает, где ты живешь. А я нашла случайно. Случайно нашла. Где ты нашел такую квартиру? Ты всегда находишь странное жилье. Либо подвал, либо мансарда. У тебя два окна. И вид из окна чудный. Я люблю, когда ты живешь в мансарде. А почему лифта нет? Я еле забралась.

ОН. Эта книжка – вон там. Рядом с фотоувеличителем. Справа.

Она идет к фотоувеличителю и находит книгу.

ОНА. Да, она. Мне Алина рассказывала. Ты мне дашь почитать? Я знаю, что ты не даешь книжки читать. Я хотела... Я быстро. Я могу здесь у тебя прочесть. Если ты... Я быстро читаю. Я могу даже на лестнице, на подоконнике. Я читаю в любом месте.

ОН. Ну и читай.

ОНА. Что?

ОН. Читай, читай.

ОНА. Что?

ОН. Не знаю. Хочешь чаю?

ОНА. Нет, спасибо. Его же заваривать надо. Я знаю, что у тебя чай всегда есть. Я могу сама заварить. Ты же любишь чай? Давай я чашки вымою.

ОН. Не надо.

*Он закончил скоблить. Идет к стене, включает электроплитку и ставит чайник.
Она садится на кровать.*

ОНА. Где ты достал такую кровать? Никогда не видела такой кровати. На ней...

ОН. Достал – это плохое слово. Я ее нашел. Нашел на чердаке.

Очень затянулась пауза.

Он бродит по комнате. Нагибается, поднимает фотографию.

Рассматривает. Она смотрит на него.

ОН. Сейчас чай будет готов.

Она снимает туфли, забирается на кровать, с ногами, и устраивается там поудобнее.

ОНА. Прости, я туфли сняла. Можно я так?

ОН. Можно.

Она читает, а он бродит по комнате. Он бродит долго. Что-то поднимает с пола, что-то пинает, что-то рассматривает. Бродит без цели.

Смотрит на нее.

Опять бродит. Долго бродит. Потом поднимает с пола музыкальный инструмент небольшого размера, типа флейты. Вытирает пыль. Пробует играть. Что-то похожее на музыку у него получается. Он идет к кровати, ложится, устраивается поудобней и начинает играть. Возникает мелодия.

Музыка звучит долго и хорошо.

Мелодия прерывается.

ОНА. Ну я пойду.

ОН. Куда ты пойдешь?

Опять звучит музыка. Хорошо звучит.

Мелодия обрывается. Он решительно отбрасывает музыкальный инструмент в угол, встает, подходит к лежащему на полу чемодану и вынимает оттуда огромного размера тельняшку.

ОН (кидает ей тельняшку). Чистая.

Идет к фотоувеличителю и включает его. Потом включает красный фонарь. Выключает свет в комнате. Роемся в пленках. Выбрав одну, вставляет ее в фотоувеличитель.

ОН. Ты легла?

ОНА. Да. Я в этой тельняшке похожа на тигра.

ОН. Почему не на зебру? Ну ладно. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он гасит красный фонарь, разворачивает фотоувеличитель и направляет его на потолок. Протягивая пленку, он передвигает кадры.

Она лежит на кровати и смотрит в потолок.

Кадры разные: она, он, они вдвоем, в поле, в парке, во дворе, на улице и т.д. Есть очень красивые. Есть не очень. В общем, разные.

ОНА. Это я.

ОН. Да, ты.

ОНА. А это где?

ОН. Я не помню.

ОНА. Я вспомнила – это в саду.

ОН. Может быть.

ОНА. Точно, в саду.

ОН. Может быть.

ОНА. Да.

ОН. Ладно, хватит. Давай спать.

Он выключает фотоувеличитель и включает красный фонарь. Раздевается. Ложится. Кровать большая. Они лежат на разные стороны. Под одним одеялом. Проходит время.

ОНА. Где ты взял такое одеяло?

ОН. Сшил.

ОНА. Да, конечно. Ты все можешь. Ты невероятный человек.

ОН. Да, спи.

ОНА. Почему я не такая? Все-то ты можешь. Все-то тебе удастся.

ОН. Удастся, удастся. Спи.

Встает Старуха и начинает кружить по комнате.

Старуха ходит долго, навязчиво. Подчеркивает, что ходит. Старуха останавливается, смотрит на двоих на кровати. Идет к стене. Возвращается. Опять кружит. Потом подходит к фотоувеличителю и гасит красный фонарь.

ОНА. Зачем?

ОН. Пусть. Ничего.

Старуха раздевается. Ложится на кровать рядом с ним.

Он толкает ее. Старуха настаивает, старается устроиться поудобнее. В конце концов в молчаливой борьбе Старуха побеждает. Устроившись у него на плече и заставив его обнять ее, Старуха затихает. Совсем гаснет свет. Темнота.

Сцена вторая

Утром в комнате. За окном брезжит рассвет. Он, она и Старуха лежат на кровати. Кровать большая. Всем хорошо. Всем удобно. Первой просыпается Старуха. Она встает, одевается, идет к стене. Там она включает электроплитку и ставит чай. Садится на доски. Курит.

Потом просыпается ОНА. Комната большая, неудобная. Она встает, одевается, осматривает комнату, идет к мольберту, смотрит. Оглядывая комнату, она доходит до двери. Останавливается.

ОНА (*шепотом*). Эй, проснись!

Он спит, не слышит.

ОНА. Эй, проснись, я уйду.

Она подходит к кровати.

ОНА. Эй, проснись.

Она наклоняется над ним.

ОНА. Эй, мужчина, проснись.

ОН. Что случилось?

ОНА. Я уйду.

ОН. Ладно. Хорошо.

Она идет к двери. Останавливается. Смотрит на него. Выходит. Закрывает дверь. Но дверь не захлопывается. Замок такой, что дверь закрывается только изнутри. Она возвращается. Подходит к кровати. Наклоняется над ним.

ОНА. Эй, проснись.

ОН. Что случилось?

ОНА. Закрой дверь.

ОН. Оставь так.

ОНА. Счастливо.

Идет к двери. Останавливается.

ОНА (*шепотом*). Эй, проснись.

Сцена третья

*То же утро. Старуха гремит посудой. Чай заварен.
Он просыпается.*

ОН. Она ушла?

СТАРУХА. А ты лежишь?

ОН. Хорошо ушла. Красиво.

СТАРУХА. Ты еще спишь. Помолчи.

ОН. Мне никогда не снятся старухи.

СТАРУХА. Не было повода.

ОН. Чай готов?

СТАРУХА. Готов, готов.

ОН. Хорошо ушла. Женщины не умеют уходить.

СТАРУХА. Ты еще спишь. Она играет в поддавки.

ОН. Это тоже хорошо.

СТАРУХА. Спросонья не надо быть таким убежденным.

ОН. Утро вечера мудренее.

СТАРУХА. Это только для Иванушки-дурачка.

ОН. Хороший пример.

СТАРУХА. Ты будешь мудренее, если сначала выпьешь чаю.

Старуха подает ему стакан с чаем. Он ставит стакан и берет Старуху за руку.

ОН. Я ведь, старая, никогда не отказываюсь от твоих напитков. Не ворчи.

СТАРУХА. Что с тобой?

ОН. Знаешь, старая, я бы тебя больше любил, если бы по утрам ты здесь не маячила.

Старуха освобождает руку.

СТАРУХА. Надо будет мне взять с нее пример.

ОН. По утрам, когда продерешь глаза, непременно хочется чего-нибудь нового. А тут ты маячишь. Ты бы хоть на базар ходила. Все чего-нибудь новенькое принесешь.

СТАРУХА. Я вижу, в поддавки ты играешь только с ней. Придется мне сходить на базар.

ОН. Ну и сходи.

Он встает, одевается, убирает кровать.

ОН. Слушай, по-моему, в ней что-то есть.

СТАРУХА. Она придет. Если она умеет так уходить, то обязательно придет. Вечером жди.

ОН. Вечером – это тоже хорошо. К вечеру от новой жизни синеть начинаешь.

СТАРУХА. Ты удивительный человек.

ОН. Да, удивительный.

Он убрал кровать.

ОН. Ладно, старая, давай чай. Я буду просыпаться.

СТАРУХА. Ишь, как тебя расслюнявило.

Сцена четвертая

Комната. Он сидит на кровати. Перед ним мольберт. На полу на скатерти расположены: хлеб, нож, тряпка, миска.

Стук в дверь. Он идет открывать.

ОНА. Здравствуй.

ОН. Обожди.

ОНА. Да... Я хотела...

Он убирает на полу. Она проходит и садится на кровать напротив мольберта.

ОН. Не надо туда. На кровать нельзя.

ОНА. А-а, понятно. Извини.

Она встает, идет к двери, останавливается.

ОНА. Мне надо с тобой поговорить.

ОН. Хорошо. Только обожди.

ОНА. Хорошо. На улице страшная жара. Асфальт плавится. А у тебя прохладно.

Собрав все, что было на полу, в тряпку, он относит это к стене. Кладет там. Садится на доски. Закуривает. Она стоит.

Пауза.

ОН. Ты знаешь, кроме тебя у меня никого не бывает. Почему?

ОНА. Не знаю. Это плохо?

ОН. Не знаю. Но кроме тебя у меня никто не бывает.

ОНА. Мне нужно серьезно поговорить.

Он откладывает сигарету и подходит к ней.

ОН. Кроме тебя мне не с кем «серьезно поговорить».

ОНА. Я решила тебя бросить.

ОН. Сказала она радостным голосом.

ОНА. Не смейся. Я решила. Ты не представляешь, как это хорошо.

ОН. Я действительно не представляю.

ОНА. Это очень здорово. Наконец-то решить и сделать.

ОН. Но ты же еще не сделала.

ОНА. Сделаю. Слушай. Начинаю по порядку. Ты меня не любишь.

ОН. Это не аргумент.

ОНА. Ладно. Пусть не аргумент. Но все равно. Я тебя не задеваю, не волную. Мне очень обидно в этом сознаться.

ОН. Наоборот. Это твое преимущество.

ОНА. Нет. Мне такие преимущества не нужны. Я хочу тебя бросить. Если я тебя брошу сейчас, мне будет плохо, но будет гораздо хуже, если я к тебе привыкну.

ОН. Да. Тебе обязательно нужно меня бросить.

ОНА. Обязательно. Ты азартный человек?

ОН. Не знаю.

ОНА. Ты играл на ипподроме?

ОН. Нет.

ОНА. Значит – ты не азартный человек.

ОН (*смеется*). Действительно. Логично.

ОНА. Кроме того, тебе не хватает непосредственности.

ОН. Вот этого мне действительно сейчас не хватает.

ОНА. Вот видишь. Так что нам нужно обязательно расстаться.

ОН. А тебе не кажется, что мы делаем это как-то поспешно.

ОНА. Да, кажется, но мы можем себе это позволить.

ОН. Как прекрасно, что ты решила.

ОНА. Я очень довольна собой.

ОН. А чай ты будешь пить?

ОНА. Но я же тебя бросила.

ОН. Да, я забыл.

ОНА. Ну ладно. Я уйду.

ОН. Куда ты пойдешь? Обожди.

ОНА. Но так я тебя никогда не брошу.

Он отходит от нее. Идет к стене. Садится.

Сигарета еще не погасла. Он берет ее. Курит.

ОН. А ты знаешь – не надо меня бросать. Я не знаю, что у нас будет потом, но если мне надо будет тебя бросить, то я тебя брошу. Брошу не задумываясь. Подожди, не надо меня бросать. Может быть, из этого что-нибудь выйдет.

ОНА. Ты думаешь, что надо подождать?

ОН. Думаю, что да.

Сцена пятая

Другой день. Старуха готовит еду. Входит он. Снимает пиджак. В комнате сильный запах жареной курятины.

ОН. Что такое?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Что ты делаешь?

СТАРУХА. Ничего, ничего.

ОН. Зачем ты это затеяла?

СТАРУХА. Тебе было очень легко со мной – вот и затеяла. Ты будешь есть.

ОН. У нас есть чай, сигареты. Если хочешь – я схожу за хлебом.

СТАРУХА. Я купила курицу.

ОН. Ты что-то не то делаешь.

СТАРУХА. Ты очень давно не ел мяса. Мне захотелось устроить тебе праздник.

ОН. Я не хочу курятины.

СТАРУХА. Знаю.

ОН. Мне не нужна курятина.

СТАРУХА. Знаю, знаю.

ОН. Теперь здесь от запахов нельзя жить.

СТАРУХА. Тебе легко со мной жилось. Я никогда не готовила тебе курятины. Но вот я сготовила. Я запеку ее <с> яблоками. Ты не сможешь сдержаться. Бояться ведь не в твоих правилах. Я устрою тебе праздник.

ОН. Ты меня пугаешь.

Надевает пиджак.

СТАРУХА. Ты глуп. Меня бояться не надо. Бойся тигров. Ты же хотел что-нибудь новенькое. Вот я и сходила на базар. Я наготовила тебе на три дня. Это мясо долго не испортится. Кроме того, получишь очень хороший бульон. Жирный и вкусный. Ты не будешь голодный.

Он идет к двери.

ОН. Меня здесь не будет.

СТАРУХА. Не надо. Ведь ты домосед. Без дома ты не выдержишь. Ты сильно любишь себя. Тебе нужен угол. Хоть пещера в пустыне, но угол.

ОН. Что же ты хочешь?

СТАРУХА. Чтобы ты был умнее.

ОН. Это мое дело.

СТАРУХА. Хоть немножечко умнее.

ОН. Это мое дело.

СТАРУХА. Ну хорошо. Но запомни этот запах. Этот запах я могу тебе устраивать каждый день. Жарить тебе курятину – мое право.

Он уходит.

Старуха остается одна.

Сцена шестая

Вечером в комнате. И он, и Старуха дома. Старуха вышивает по полотну. Он рассматривает свой натюрморт. Улыбается. Дает щелчка нарисованной миске. Встает. Подходит к стене и пристраивает там натюрморт. Пристроив, отходит. Смотрит на свою работу. Стук в дверь. Он идет открывать.

ОН. Ты. Проходи. Ставь сюда.

ОНА. У тебя есть что курить?

ОН. Есть. Садись. Будешь чай?

ОНА. Ты далеко живешь. Я шла пешком. Устала.

ОН. Будешь читать.

ОНА. Я хочу чаю. Я тебе не помешала?

Он берет поднос со стаканами и идет к стене. Там он включает электроплитку и ставит чай разогревать. Потом моет чашки.

ОН. Как подруга?

ОНА. Спасает кого-то.

ОН. От чего?

ОНА. От мертвечины. От чего же еще? По ее словам, он – духовный вампир. Вамп духа. Сам он ничего не может дать. Потому что мертвый. Поэтому пьет чужое. А она его спасает. Возвращает к естеству.

ОН. Как красиво она это называет.

ОНА. Да. Она знает, что быть теплым и живым лучше. Что он просто слеп перед преимуществами быть живым. Ну и... Толкает его, дует <в> щеки и все такое. Бойтся, что он вообще в холодную яму упадет. Ты рисовал сегодня?

Он закрывает кран и ставит стаканы на поднос.

ОН. Ты хотела читать? Книжка там. Мне надо поработать.

Он идет к стене, снимает натюрморт и закрепляет его на мольберте.

ОНА. Не хочу. Я устала. Буду пить чай.

Она идет к стене. Наливает чай. Берет стакан и идет к мольберту. Пьет чай. Смотрит на картину.

ОНА. Сколько тебе лет?

ОН. Ты о чем?

ОНА. Нет. Сколько тебе лет?

ОН. Это хорошо.

ОНА. Сколько тебе лет?

ОН. Сколько нужно сказать?

ОНА. Нет. Сколько тебе лет?

ОН. Ты знаешь, а ведь был случай. Я отдыхал у друзей, и там была девочка. Она еще измазала мне полотенце зубной пастой, когда я забыл его у колодца. И как-то вечером, перед тем как уложить ее спать, мои друзья сыграли в эту игру. «Сколько мне лет?» – спросил мой приятель. «Вам двадцать пять лет» – сказала она. «А сколько лет мне?» – спросила его жена. «Вам – двадцать». «А сколько лет нашему знакомому?» – спросили они про меня. «Ему – сорок». Друзья удивились. «Нет, мы серьезно спрашиваем». А девочка им: «Я и говорю серьезно. Ну, тридцать восемь». И добавила: «Он такой странный, такой странный... Вот если его вечером увидишь, всю ночь спать не будешь. Такой странный...»

ОНА. Да, такой странный...

ОН. Странный, странный.

ОНА. Это хорошо.

ОН. Не знаю.

ОНА. Я тебя напрягаю?

ОН. Ты меня хорошо напрягаешь.

Она отошла от мольберта. Осматривает комнату.

ОНА. А где ты взял это зеркало?

ОН. В подвале.

ОНА. Прекрасное зеркало.

ОН. Да, это старое зеркало. Оно отражает душу. Обычно зеркала отражают только то, что отражается.

Она повернулась и осмотрела всю комнату.

ОНА. Слушай. Мне сегодня здесь нравится. У тебя много сигарет?

ОН. Много.

ОНА. Тогда я останусь ночевать.

ОН. Это логично.

ОНА. Я лягу почитаю.

ОН. Ложись, ложись.

Он вытаскивает из чемодана тельняшку и кидает ей.

ОН. Будешь тигром?

ОНА. Буду тигром.

Она переодевается.

ОН. Я работаю и не отвлекаюсь.

ОНА. Я становлюсь тигром.

ОН. Я тебя не вижу.

ОНА. Ты очень целомудрен.

ОН. У меня нет чувства юмора.

ОНА. Без чувства юмора ничего не остается как быть целомудренным. И тем не менее – королю джунглей не подобает бояться мужчин без чувства юмора.

ОН. Короли джунглей должны быть уверены, что с ними не случится того, чего они не захотят.

ОНА. Короли джунглей и не думают об этом. Такая неуверенная логика может прийти в голову только самоубийце.

ОН. Это потому, что король джунглей не знает поражений. Надо его разок потрепать.

ОНА. Короля джунглей потрепать нельзя. Он не цепляется за жизнь и борется до конца.

ОН. Чем же тогда король джунглей отличается от самоубийцы.

ОНА. Король джунглей не торгует своей смертью.

ОН. А как же наследство? Ведь королевский титул и там что-то значит.

ОНА. Никто не может дать в наследство хорошее настроение. Там это лучше понимают.

ОН. Тигр-самоубийца, оказывается, силен в споре.

ОНА. Тигр не спекулирует. Но вообще-то тигр любит молчать и читать книжки.

ОН. Самоубийца не может помешать королю джунглей. Тем более, что у него есть свои заботы.

ОНА. Я тебя напрягаю.

ОН. Ты меня прекрасно напрягаешь.

Сцена седьмая

Комната. Он один. Входит Старуха с большим чемоданом.

ОН. Это кто тебя надоумил отсюда выбраться?

СТАРУХА. Да ты и надоумил.

ОН. Какова же была цель?

СТАРУХА. Не твоя забота.

ОН. Ну а где же твоя забота шляется?

СТАРУХА. Я была в магазине.

ОН. У-уу. А нам разве чего-нибудь не хватает?

СТАРУХА. К сожалению, там нельзя купить ума для твоей головы.

ОН. Ты странно шутишь. Что с тобой?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Впрочем, действительно жалко, что там нельзя купить для моей головы ума. А для своей ты что-нибудь купила?

СТАРУХА. Ты глуп.

ОН. Шесть тысяч лет. Откуда такая определенность? Ты не больна?

СТАРУХА. Подумай лучше о себе.

ОН. Это твоя забота.

СТАРУХА. Ну вот поэтому я и сходила в магазин.

ОН. Что в чемодане?
СТАРУХА. Узнаешь.
ОН. Что ты задумала?
СТАРУХА. Подумай о себе.
ОН. Обойдусь.
СТАРУХА. Ничего. Я тебе устрою.
ОН. Устрой.
СТАРУХА. Ладно, устрою.

Сцена восьмая

*Вечером в той же комнате.
Он, по своему обыкновению, у мольберта.
Старуха вышивает.
Стук в дверь.
Он открывает. Входит она.*

ОНА. Здравствуй. Я тебе не помешала? Ты же знаешь, с моей мамой что-то случилось. Она сегодня ведет меня в магазин и покупает мне платье. И туфли. Такого с ней тысячу лет не было. Я ей говорю, что не надо, а она купила. Ты представляешь?

ОН. Очень красиво. По-моему, вы с мамой вступили в сговор против меня.

ОНА. Ты сам виноват. Зачем ты меня задерживал так долго у себя? Сначала мама ругалась, а теперь... Это странный для нее поворот.

ОН. Нет, виновата ты. Ты плохо умеешь скрывать свое состояние. Мама наверняка почувствовала и сделала правильный вывод. У тебя очень умная мама.

ОНА. Тем не менее – туфли прекрасные. Ты не представляешь, какая это радость – надеть новые туфли. Это ни с чем не сравнимая роскошь. Легкость необыкновенная. Я не чувствую ног. Я прошла от своего дома пешком и не заметила дороги. Ты знаешь, все в мире изменилось, стоило мне только надеть туфли.

ОН. Все это очень опасно. Может быть, не надо было этого делать.

ОНА. Все. Все, что нам гибелью грозит, для сердца нашего таит неизъяснимы наслажденья. Не так ли? И назад отступать нельзя. Туфли всё переменили.

ОН. Ты меня смущаешь. Я миллион лет не вылезал из этого свитера. Из-за этого я уже чуть не потерял одного товарища. Он мне рассказывал: «Иду к тебе и абсолютно точно знаю, что ты в том же свитере и брюках, что и в прошлый раз».

ОНА. Разве это плохо?

ОН. Не знаю. Но тем не менее это его раздражало.

ОНА. Может быть, свитер был грязный?

ОН. Нет. Точно нет. Я тогда много читал. Ты знаешь, оказывается, я очень точно могу сказать, когда и сколько раз я стирал свой свитер. Это очень просто. Я очень медленно читаю. Когда я принимаюсь за толстые книги, то закупаю сахар, сигареты, творог, хлеб и не выхожу на улицу, пока не прочту. Вот в это время я и стираю свой свитер. Можно посчитать: «Новая жизнь» – раз, «Гамлет» – два, «Евгений Онегин» – три, «Чайка» – четыре и так далее.

ОНА. Судя по свитеру, ты много читаешь.

ОН. К чистоте родители с детства приучили, а вот читать они меня не научили. В нашем доме не было книг. Вот мне и приходится делить свою привычку. На чтение и свитер.

ОНА. Привычки хватило на два занятия. Слава родителям. Я преклоняюсь перед ними.

ОН. Слава родителям. Но что я буду с тобой делать?

ОНА. Как что? Ты поведешь меня гулять. Туфли этого требуют.

ОН. Нет-нет. Мои туфли спокойны и не требуют, чтобы их прогуливали.

Он идет к мольберту, чтобы начать работать.

ОНА. Тогда мне придется снять свои нетерпеливые туфли.

ОН. Ничего не остается.

ОНА. Тогда мне придется забраться на кровать.

ОН. Ничего другого нельзя придумать.

ОНА. Тогда придется избавиться от этого платья.

ОН. Ничего не поделаешь.

ОНА. Ну что ж, придется забраться джунгли и стать тигром.

ОН. Да. Тигром – это как-то привычнее. Возьми тельняшку. Кстати, я приготовил для тебя прекрасные джунгли. Быстренько ложись. Будешь выбирать, что тебе нравится.

Она переодевается и ложится. Он вставляет пленку в фотоувеличитель, гасит свет и проецирует на потолок джунгли.

ОН. Ну как?

ОНА. Мне это не нравится.

ОН. Не страшно?

ОНА. Это же моя стихия.

ОН. А это?

ОНА. Вот это оставь. Здесь мне хочется заночевать.

*Они лежат на кровати и смотрят в потолок.
На потолке – джунгли.*

ОНА. Ты знаешь, у нас скоро будет дом. Ты распишешь потолки в моей комнате. Не выношу беленых потолков.

Старуха начинает кружить по комнате.

ОНА. Почему этого никто не понимает? Потолок – это так же важно, как вид из окна. Потолок должен быть высоким. Он может быть лепной, деревянный. Но по высшему классу, потолок должен быть расписан. Почему никто этого не понимает. Это ведь хорошо. Ты распишешь у меня потолок.

ОН. Распишу. Обязательно распишу.

Старуха выключает джунгли.

ОНА. Зачем?

ОН. Пусть. Фотоувеличитель очень нагревается.

*Старуха раздевается и ложится на кровать...
Темнота.*

Сцена девятая

Утро, рассвет, птицы поют. Музыка самая свежая. На кровати он, она и Старуха. Всем удобно. Все в утреннем блаженстве.

*Он просыпается, бережно берет Старуху на руки, поднимает, уносит и кладет на пол у стены. Там Старуха и просыпается. Он ставит чай разогревать.
Она просыпается.*

ОНА. Уже утро?

ОН. Утро, утро. Вставай, я уже сделал зарядку.

ОНА. Можно я чай в постели выпью?

ОН. Можно. Сейчас будет готов.

*Он идет к мольберту, чтобы начать работу.
Старуха гремит стаканами, потом берет поднос, несет чай к кровати, ставит поднос на одеяло.*

Она садится.

Поставив поднос, Старуха приносит плед и укрывает им ее ноги. Все это выглядит красиво, удобно, уютно. Она пьет чай.

Он работает, потом – оторвавшись – оборачивается. Прекращает работу. Подходит к окну.

ОНА. Что?

ОН. Ничего.

ОНА. Что случилось?

ОН. Ничего. Не обращай внимания.

ОНА. Хочешь чаю? Возьми.

Он берет стакан, но не отводит взгляда.

Она пытается делать беззаботный вид, пьет чай.

Он подходит к ней, сдергивает плед и бросает его далеко в угол.

Бросив плед, он отвернулся. Его стошнило.

ОН. Ты уютно устроилась. Для этого нет причин. Я не выношу, когда женщины так уютно устраиваются. Я не давал к этому повода. Откуда здесь взялся плед?

Она молчит. Без пледа она выглядит уже не так уютно. Некрасиво расставлены обнаженные ноги. Она поправила тельняшку. Он идет в угол и аккуратно складывает плед.

ОН. Прости меня.

ОНА. Ничего. Только я пойду. Хорошо?

Она собирается. Подходит к двери.

Она неуверенна. Ей хочется что-то сказать.

ОН. Так нельзя прощаться. Откуда этот мрак? Ну что произошло? Сейчас же выпрямись. Ведь у тебя дела. Ну вспомни. Дела, конечно. Ты засиделась? Да? Ну сделай ручкой. Скажи легко: «Пока». Ты же актриса. Простись легко. Эффектно. Чтобы запомнилось. Вперед, чтобы сделать мир счастливым. Главное – не оборачиваться. Акт должен иметь конец. Точка – равнодушие. Если мы будем мямлить, то оставим связь. А оставлять связи тяжело. Итак, вперед. Ну вот, опять открыто тучами лицо.

ОНА. Ну, хорошо.

ОН. Неправильно. Не в этом тоне. Скажи легко: «Пока». А если сможешь, скажи: «Сволочь». Только легко, равнодушно. Нужна точка. Ну, отмахнись. Скажи определенность.

ОНА. Прощай.
ОН. Вот. Все.

Конец первого действия

Второе действие

Сцена первая

*Он скоблит и этим занят.
Старуха шьет. У нее дела.
Очень тихо входит ОНА.
Дверь была настежь открыта.
Она смотрит на него,
Потом бродит по комнате,
Потом смотрит на него,
Потом бродит по комнате,
Потом смотрит на него,
Потом уходит.*

Сцена вторая

Комната. Он работает и очень увлечен. Подходит Старуха. Смотрит на его работу и на него.

СТАРУХА. Где ты теперь?

ОН. Я работаю.

СТАРУХА. Нет. Где ты теперь?

ОН. Что с тобой?

СТАРУХА. Где ты теперь?

ОН. Я не понимаю.

СТАРУХА. Ты не хочешь понимать. Хорошо. Я смотрю, как ты работаешь. Но тебя здесь нет.

Где ты теперь?

ОН. Хорошо.

СТАРУХА. Нет. Где ты теперь?

ОН. Что с тобой? Случилось? Зачем тебе это надо?

СТАРУХА. Это тебе надо. Тебя это прекрасно напрягает. Я делаю как она. Разве тебе это не нравится?

ОН. Успокойся.

СТАРУХА. Значит, не нравится. Я это делаю не хуже, чем она. Почему тебе не нравится?

ОН. Успокойся.

СТАРУХА. Почему тебе не нравится? Ну-ка, ответь. Ты же не глуп. Ну-ка, сообрази. Может быть, это имеет значение. А? Я это делаю или она? Имеет? Ну что ты молчишь? Где ты теперь? Почему тебе это не нравится? Почему это тебя не так напрягает? Ну, ответь! Чего ты молчишь? Обидно, что ты не врешь себе. Это трудно, но научиться можно. Соври. Я тебя спрашиваю: почему тебе не нравится. Ври. Главное начать. Человек должен научиться врать себе. Иначе ведь нельзя жить. Врать себе можно. Ври. Будет легче. Ври. А? Где ты теперь?.. Прости, я виновата... Но я хотела узнать. Почему тебе не нравится? Я же тебя красиво спросила. Где ты теперь? Ведь это было мило. Почему тебе не понравилось? Может быть, я тебя напрягаю?

ОН. Ты меня хорошо напрягаешь. Закончим этот разговор.

СТАРУХА. Закончим, закончим. Мне не понравился у тебя один цвет. Я хотела спросить.

ОН. Мы закончили разговор.

СТАРУХА. Закончили, закончили.

Сцена третья

Очень тихо входит ОНА. Он идет ей навстречу.

ОН. Пришла.

ОНА. Пришла. Да, пришла. Это ты правильно сказал. Я, действительно, пришла... Я хочу вымыть руки.

ОН. Полотенце там.

ОНА. Когда долго идешь пешком, то очень пачкаешься. Все время останавливаешься. Или на мосту, или у ограды. Или на скамейке посидишь. Невозможно, чтобы не остановиться. И обязательно испачкаешься. А если не испачкаешься, то ничего не увидишь. Надо же постоять. Что-нибудь потрогать. Или поднять что-нибудь. Если этого не делать, то никогда не дойдешь. Или разучишься ходить пешком. И будешь все время ездить на такси. А я не люблю такси. Когда я еду на такси, мне кажется, что я не туда попала. Что я не на своем месте.

ОН. Ты опять шла пешком.

ОНА. Да, да... Но ты знаешь, это не помогает. Я все равно прихожу сюда. Я долго пью кофе. Смотрю, как девочки играют в классы. Захожу во все магазины. Я все равно прихожу сюда. Мне до чертиков надоела эта жизнь. Я не хочу к тебе больше ходить. Это трудная работа. Но самое противное, что я знаю, я уверена, что в то время, когда я иду к тебе, ты преспокойно себя чувствуешь. И тебе все равно: приду я сегодня или нет.

ОН. Сигареты на столе.

ОНА. Спасибо.

Она осматривает комнату, ищет, где сесть.

ОНА. Как ты можешь здесь жить? Я ненавижу эту кровать. Сидеть на ней? Спать на ней. Чай пить тоже на ней. Можно я сяду на пол?

ОН. Испачкаешься.

ОНА. Конечно, испачкаюсь. Как же не испачкаться? Я люблю тебя.

ОН. Не спеши.

ОНА. Куда мне спешить? Действительно. В пять я выхожу из дома и прихожу сюда в одиннадцать. Прихожу, чтобы сказать: «Здравствуй, я только на минуточку». Шесть часов волочусь сюда, И все это время я не знаю, захочешь ты меня видеть больше минуты или нет.

ОН. Нужно ездить на трамвае.

ОНА. Нет. Трамвай мне не поможет. Я не люблю тебя.

ОН. Ну и хорошо.

ОНА. Прости меня. Позволь мне лечь. Не то чтобы я хотела спать, но я устала. Не знаю, до чего я сейчас могу договориться, если не лягу. Дай мне ту книгу. Пожалуйста.

Она легла, читает.

Он принялся за работу.

Проходит время.

ОНА. Слушай. Я не могу понять. Почему? «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное». Почему нищие духом блаженны? Откуда он это ваял? Там дальше про алчущих и про плачущих все понятно. Но ведь это его первое слово?

ОН. Не знаю.

ОНА. Я серьезно. Скажи.

ОН. А ты не думай про духовное богатство.

ОНА. Почему?

ОН. Там неточный перевод.

ОНА. Обожди. Как?

ОН. Что ты? Чего ты заволновалась? Перевод хороший. Но у нас очень много говорят про духовное богатство. И почти всегда забывают про дух. Нужно было написать «пустые». Или слабые духом. Или нерешительные. Как тебе объяснить? Понимаешь, – сильные духом – это деятели. Они очень хорошо знают, где добро, а где зло. Поэтому и могут действовать. Больше всего мерзостей на земле как раз они сделали. Те, кто непоколебимо уверены, что знают лик добра. Они нетерпеливо строят новое и считают это добром. Самое неприятное, что они делают это корыстно. Это большая тема. Здесь много подробностей. «Блаженны нищие духом» – это очень верно сказано. Нищие просят. Нищие пусты. Нищие ощущают пустоту. Помнишь, ведь он <подает> дух после воскресения. Здесь, если хочешь, смыкаются темы благой вести. Первые слова смыкаются с последними. Нищие блаженны, потому что пусты. Каждый человек в некотором смысле сосуд. Поэтому когда будет разливаться вино истинное, то в пустые меха вино зальется и не станет разбавленным. Значит, только нищие узнают аромат истинного вина. Без добавок.

ОНА. А откуда ты знаешь, что там неточный перевод.

ОН. Знаю.

ОНА. Нет, откуда ты знаешь?

ОН. Это хорошо.

ОНА. Откуда ты знаешь?

ОН. Не надо. Я устал.

ОНА. Откуда ты знаешь?

ОН. Если немножко подумать, то можно догадаться. Логично?

ОНА. Логично, но скучно.

ОН. Если скучно, не надо читать книжки.

Сцена четвертая

В комнате утром. Он разогревает чай и моет стаканы.

ОНА. Давай я вымою стаканы.

ОН. Не надо, я сам.

ОНА. Почему ты не хочешь? Я же пришла к тебе в гости. Почему ты не можешь мне позволить вымыть стаканы? Почему ты не хочешь, чтобы в этой квартире я чувствовала себя немножечко лучше? Чего ты боишься? Почему ты не даешь мне ничего сделать? Для чего ты меня бережешь? Я не хочу быть должна тебе так много. Дай мне вымыть. Или давай я здесь подмету.

ОН. Я не люблю, когда убирают в моей комнате.

ОНА. Я знаю, что ты не любишь, но все равно. Мог бы позволить, чтобы я здесь подмела. Это не так трудно. Что ты задумал? Для чего ты меня бережешь? Какую просьбу ты для меня готовишь? Что я должна буду делать?

ОН. Не напрягайся. Почитай что-нибудь.

ОНА. Нельзя же все время читать.

ОН. Если не хочешь читать, смотри в потолок. Вон там лежат сигареты.

ОНА. Давай я вымою стаканы.

ОН. Можешь ты быть без дела или не хочешь? Можно же ничего не делать и смотреть в потолок. Неужели обязательно нужно что-то делать? Кому нужна эта показуха?

ОНА. Я хотела вымыть стаканы.

ОН. Нельзя быть такой неуверенной. Зачем тебе это? Разве ты сделала что-нибудь плохое? Зачем тебе непременно нужно мыть стаканы? У тебя расшатались нервы. А если кто-нибудь захочет вымыть твои ноги, что с тобой будет?

ОНА. Зачем мне мыть ноги?

ОН. Никто пока не собирался этого делать.

ОНА. Если в этой квартире мне будут мыть ноги, то хорошо от этого мне не будет. Что бы ты ни делал. Здесь ног зря не моют.

ОН. Никто и не думал этого делать. Успокойся. Никто не хочет этого делать.

Сцена пятая

Все та же комната.

Он скоблит.

Старуха шьет.

Очень тихо входит она.

Она смотрит на него.

Потом бредет по комнате,

Потом смотрит на него,

Потом садится у стены.

Долго сидит.

Старуха смотрит на нее.

Потом Старуха встает.

Наливает чай в стаканы.

Ставит всё на поднос.

И идет к ней.

Он скоблит.

Она и Старуха пьют чай.

Пьют долго,

Не говоря ни слова.

Допив чай, она встает.

Потом смотрит на него.

Потом уходит.

Он скоблит.

Сцена шестая

Комната. Старуха строчит на швейной машинке.

ОН. Что с тобой, старая?

ОНА. Рисуй.

ОН. Давай поговорим?

СТАРУХА. Рисуй, рисуй.

ОН. Зачем ты все это делаешь?

СТАРУХА. Ты никогда меня не слушал.

ОН. Неужели ты на это обижалась?

СТАРУХА. Рисуй.

ОН. Да брось ты эти тряпки.

СТАРУХА. Она придет.

ОН. Зачем ты? Мы неплохо с тобой жили.

СТАРУХА. Ты не знаешь женщин.

ОН. Мне не нужна женщина.

СТАРУХА. Я хотела, чтобы сюда кто-нибудь приходил.

ОН. Кто-нибудь нас никогда не устраивало.

СТАРУХА. Она приходила.

ОН. Ты ошибаешься.

СТАРУХА. Я не ошибаюсь. Она приходила.

ОН. Ты ошибаешься.

СТАРУХА. Я не ошибаюсь. Я шью простыни.

ОН. Зря ты. Ты плохо выглядишь.

Сцена седьмая и последняя

Все та же комната с огромной кроватью. Но теперь комната убрана. Убрана не назойливо, не мелко. Почти ничего не изменилось, но в комнате появилось много домотканых вышитых полотенец. Широкие и узкие, длинные и короткие, вышитые щедро и скупо – повсюду они оказались к месту.

Малиновые и красные краски.

Убранной оказалась и кровать. Кровать покрыта широченными домоткаными выбеленными простынями. Щедро вышитые по краю малиновым и синим – они красивы.

Старуха сидит у стены. Сидит спокойно. Как будто никого не ждет.

Он сидит впереди. Бездумно смотрит в зал.

Проходит время.

ОНА входит и останавливается.

Вроде бы ей и хочется к нему подойти, но она не делает этого, а отходит назад и оттуда, прислонившись к стене, смотрит на него.

Старуха смотрит на них.

Проходит время.

Для них – очень трудно.

Старуха поднимается. Подходит к ней, берет ее за руку и ведет к стене.

Там все уже приготовлено.

Старуха раздевает ее. И там – долго, из воды в воду, из таза – в таз, от полотенца к полотенцу – Старуха совершает омовение.

Он сидит, его поза остается прежней. Но проходит время, и он встает, опускается в зрительный зал, и оттуда, бродя по проходам между креслами, он видит, как Старуха совершает эту работу.

Омовение закончилось. Женщину одели в рубаху и привели в кровать. Кровать большая, неудобная, лежать одному в ней не хочется. И забравшись на нее, женщина не легла. Присев на колени и прислонившись к спинке, она смотрит в зал, где по проходам бродит он. Он дошел до двери, остановился. Поднял голову. Последний раз взглянул на сцену, опустил голову и вышел из зала.

Без стука закрылась дверь.

Конец

Михаил БАРУ

«НЕ ИМЕЮЩИЙ ИЗВЕСТНОСТИ»

Окончание. Начало см. Волга. 2023. №№ 3-4, 5-6

Февральская революция вывела город на улицы. Порховичи, украсив себя красными бантами, собрались на Соборной площади. Поздравляли друг друга, обнимались, ликовали, потом построились в колонну и ходили по улицам, распевая «Марсельезу». Ходили, пели и митинговали несколько дней, а потом, отрекшись от старого мира, стали отряхивать его прах со своих ног – разоружили городских, полицейских чинов и открыли ворота тюрьмы. Этим дело не ограничилось – стали громить военные склады. Революционно настроенные горожане просто открыли склад с винтовками и просто раздали оружие и патроны тем, кто выстроился в очередь перед складом. Никаких документов предъявлять было не нужно. Следили только затем, чтобы оружие не доставалось детям. Впрочем, как писал в своих воспоминаниях очевидец тех событий Борис Богданов: «Моему брату Леониду было четырнадцать лет, но рост он имел высокий и он тоже получил оружие». Оружия и вообще в городе было много. Северный фронт к тому времени стал распадаться, и войска шли и шли в тыл по шоссе из Пскова в Порхов, где делали привал, чтобы из рот, батальонов и полков превратиться в вооруженные группы идущих по домам ... нужное слово подставьте сами. В Порхове отпрягали лошадей от орудий и бросали их тут же. С собой брали только винтовки и пулеметы. Часть солдат устроила митинг под лозунгом «капиталисты начали войну, пускай они ее и оканчивают».

От грабежа оружейных складов горожане перешли к вещевым и продовольственным. Весть об этом мгновенно распространилась по уезду, и крестьяне начали стекаться в город, желая принять участие в грабеже, но... поскольку горожане были вооружены, то крестьянам пришлось уехать несолоно хлебавши. Власти, опасаясь, что революционно настроенные граждане начнут грабить завод, поставлявший военным водку и спирт, ночью все водочно-спиртовые запасы спустили в Шелонь, но так неудачно, что они оказались на поверхности льда и пропитали лежавший на нем снег. Тут лучше предоставить слово очевидцу событий – Борису Богданову: «На запах водки и спирта быстро сбежались люди. Что тут происходило! С ведрами на коромыслах, с бочонками на салазках, с бочками на конных санях люди черпали наспиртованную снежную жижу, наполняли снежные ёмкости, поспешно отвозили домой добытое и возвращались сюда опять. Так происходило два дня и могло продолжаться и дальше. Не скоро можно было вычерпать весь наспиртованный снег на большой акватории реки. Уездные и городские власти вызвали сапёров, которые заложили тротильные шашки и взорвали злополучный лёд».

Крестьяне отвели душу, разоряя имения порховских помещиков. Двадцать шестого апреля семнадцатого года состоялся съезд представителей волостных земельных комитетов. Съезд постановил, что пахотная помещичья земля отныне принадлежит крестьянам и каждый землевладелец крестьянин может взять столько земли, сколько сможет обработать собственными силами, все земельные сделки отменяются, весь сельскохозяйственный инвентарь и скот переходят в руки новых хозяев. Большевики, входившие в Порховский земельный комитет, призывали крестьян немедленно экспроприировать экспроприаторов. Крестьяне не заставили себя уговаривать.

В селе Вошьово вернувшиеся с фронта солдаты и вовсе организовали специальный комитет по разделу имения графа Строганова. Помещики обратились за помощью к властям. Губернский комиссар Временного правительства приказал уездному комиссару решение съезда волостных представителей считать незаконным. Между тем крестьяне, не обращая внимания ни на губернского, ни на уездного комиссаров, захватывали помещичьи земли, распахивали их, руби-

ли помещичьи леса, косили помещичью траву и растаскивали помещичий хлеб. В километре от восточной окраины Порхова начинался лес имения Дондуковых-Корсаковых – Полоное. Туда приезжали все желающие и рубили все, что приглянется. Только дров запасли на три года вперед, не говоря о лесе для строительства.

В конце мая землевладельцы Порховского уезда подали прошение командующему Северным фронтом генералу Драгомирову, в котором писали: «В последнее время аграрные беспорядки почти повсеместно приняли угрожающие размеры, покосы и клеверные поля крестьянами захвачены и поделены, местами приступают к захвату и разделу ржи...». Землевладельцы просили прислать солдат для наведения порядка. Драгомирова на посту командующего фронтом сменил в начале июня генерал Клембовский, а Клембовского через два месяца генерал Бонч-Бруевич, а Бонч-Бруевича через месяц генерал Черемисов... Какая уж тут помощь... С тем же успехом помещица Спиридонова жаловалась министру внутренних дел на то, что в ее имении «Марьино Дубрава» Дновской волости крестьяне мешают сенокосу и отбирают косы и сено.

Летом семнадцатого года беднейшее крестьянство, подстрекаемое большевиками, начало выступать против зажиточных крестьян. Тут бы крестьянам и задуматься, но думать было некогда – нужно было рубить чужие леса, косить чужую траву и растаскивать чужой хлеб. Кто же мог подумать, что уже через год большевики этот самый хлеб начнут отбирать у крестьян. Кто же мог подумать, что это пролог Гражданской войны, которая начнется уже через год.

Пока же прокурор Псковского окружного суда сообщал: «Из массы поступивших ко мне жалоб было их очень много на действия Порховского уездного продовольственного комитета и Порховского земельного комитета, которые, по заявлению потерпевших и по сообщениям Порховской уездной милиции, совершенно не считаются с постановлениями Временного правительства по аграрной реформе и внушают крестьянам уезда мысль о необходимости немедленного отобрания от собственников земли, урожая, зерна и травы. Собственники, пытавшиеся отстоять свои права, арестованы».

В самом Порхове все бурлило. С одной стороны эсеры, создавшие военно-гражданский комитет безопасности, с другой стороны большевики с уездным земельным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов, с третьей стороны социал-демократическая группа, в которой были представлены и большевики, и меньшевики, с четвертой стороны местные власти, поддерживавшие Временное правительство. В августе власти арестовали пятерых большевиков, а командование расквартированных в Порхове частей посадило на гауптвахту группу революционно настроенных солдат. Немедленно в городском саду был собран митинг, после которого солдаты всех, кто находился на гауптвахте, освободили, а заодно и большевиков, сидевших в городской тюрьме. Командующий Северным фронтом, до которого дошли известия об этих событиях, приказал начальнику Порховского гарнизона навести порядок в городе. Куда там... Губернский комиссар Временного правительства докладывал генералу Клембовскому, который в тот момент командовал Северным фронтом: «Начальник гарнизона бессилён, так как в его распоряжении только учебная команда, на которую можно положиться и то не вполне. Необходимо командировать туда на несколько дней казаков. Нужны срочные меры, так как развивающиеся беспорядки будет трудно ликвидировать...».

Двадцать шестого октября, на следующий день после переворота в Петрограде, вооружённые рабочие и солдаты захватили почту, телеграф, железнодорожную станцию, земскую управу, выставили охрану на мостах через Шелонь и посты на дорогах, ведущих в город. В который раз открыли местную тюрьму и выпустили всех заключённых. Создали военно-революционный комитет и тридцатого октября провели митинг запасных полков порховского гарнизона, собравший девять тысяч человек. На митинге приняли резолюцию, в которой обещались «Всецело поддерживать и подчиняться Военно-революционному комитету... Немедленно принять меры к недопущению дальнейшего направления эшелонов войск Керенского на Петроград... На силу Керенского ответить силой организованного пролетариата». В уезде тоже митинговали. В Дновской волости, в деревне Морино, второго ноября семнадцатого года крестьяне на общем сходе

приняли резолюцию, начинавшуюся словами «Приветствуем Народных комиссаров, которые опубликовывают тайные договоры, совершенные Николаем Кровавым, и приветствуем прямое и открытое предложение перемирия на всех фронтах...».

В декабре новая власть начала национализировать предприятия и торговые заведения. Открыли пять государственных магазинов – посудный, скобяной, обувной, галантерейный и мануфактурный. В том же декабре исполком порховского Совета стал подселать в дома состоятельных горожан семьи рабочих. Только за один месяц было выдано сто тридцать три ордера на новые квартиры, в которые переехали более четырехсот человек.

Между тем на город и уезд надвигался голод. Уже в январе восемнадцатого года съели не только все запасы хлеба, но даже и те семена, которые предназначались для ярового посева. В мае ввели продовольственную диктатуру. Летом запретили въезд беженцам в Порхов. Началась продразверстка, появились продотряды и комбеды, которые у крестьян стали реквизировать хлеб и мясо для нужд Красной Армии, а тех, у кого они обнаруживали, с их точки зрения, излишки, облагали чрезвычайным налогом. Комбеды, наделенные самыми широкими полномочиями, стали грабить всех зажиточных крестьян, не исключая при этом и середняков. Многие из тех, кто еще вчера упоенно экспроприировал экспроприаторов, воскликнули: «А нас-то за что?!», но было уже поздно. В дополнение к продразверстке и бесчинствам комбедов началась мобилизация мужчин от восемнадцати до сорока лет в Красную Армию и регистрация бывших офицеров царской армии. Было от чего вспыхнуть крестьянскому восстанию, и не одному. Они и запольхали.

Двадцать восьмого июля восемнадцатого года в Ручьевской волости Порховского уезда начался крестьянский мятеж. Спичкой, от которой все загорелось, стала регистрация мужчин призывного возраста. Крестьяне, справедливо полагая, что сегодня регистрируют, а завтра будут брать, ворвались в здание комиссариата деревни Воробьево и стали требовать объяснений – для чего идет регистрация. Тут они увидели на столе среди других бумаг бланки для регистрации лошадей. Этого оказалось достаточно, чтобы решить – будут еще и скотину отбирать. Закончилось все арестом военного комиссара, делопроизводителя и сторожа и уничтожением всей документации. Военного комиссара крестьяне решили судить, хотели расстрелять, повесить или «по уши в землю закопать». Посланный для наведения порядка в деревню Порховским уездным комиссариатом отряд из двадцати пяти красноармейцев с оружием крестьяне вынудили отступить, в брошенную пушку зарядили снаряд и... добровольно сдали ее более многочисленному отряду красноармейцев, посланному вслед за первым.

Опыт восстания даром не прошел. Следом за Ручьевской волостью восстала соседняя Горская, в которой крестьяне разгромили и комиссариат, и состоявший при нем маленький военный отряд. У этого восстания уже был руководитель – офицер царской армии Василий Колиберский. За два дня на сторону восставших перешло еще несколько волостей Порховского уезда. В восемнадцатом году из двадцати трех волостей уезда крестьянскими волнениями было охвачено семнадцать. В одной из листовок к восставшим крестьянам организаторы выступлений писали: «Граждане, крестьяне 3-х волостей Порховского уезда: Ручьевской, Тишинской и Горской. Восставшие против большевистской власти разбили в Порхове красноармейцев, обезоружили их и будут продолжать начатую борьбу. Пожелаем им полного успеха и пойдем за ними и с ними. Почему? Что они крестьяне поднялись против изменников и предателей родины, против злейших врагов русского народа, большевиков. Царь большевиков Ленин и Троцкий решили загубить Россию и заморить русский народ голодом. Ленин – германский провокатор, Троцкий – жид, а русские хулиганы красноармейцы помогают им в этом. От вас отнимают хлеб, а красная армия перегонит его на спирт, перепродает его жидам, а те – немцам... Не хотите с голоду умирать, уничтожьте Советскую власть и ее слуг красноармейцев, поднимитесь все, пора».

Что касается разбитых в Порхове красноармейцев, то авторы обращения выдавали желаемое за действительное. Тридцать первого июля Порхов был объявлен властями на осадном положении, и вся власть в городе и уезде перешла к Военно-революционному комитету. В город прибыл эшелон красноармейцев с пулеметами, которых усилили четырьмя десятками кавалеристов.

В результате боев в лесу возле Никандровой пустыни погибло с обеих сторон около восьмисот человек. Наиболее активных участников и организаторов крестьянских восстаний власти расстреляли.

Летом восемнадцатого года в Порхов для укрепления партийной дисциплины прислали нового председателя уездного исполкома и секретаря комитета РКП (б) Ирину Крашинскую. С партийной и вообще с любой дисциплиной у порховских властей дело обстояло из рук вон плохо. Ответственные работники пьянствовали и недобросовестно исполняли служебные обязанности. Трудно сказать – укрепила Крашинская партийную дисциплину или нет, но в середине декабря того же года Порховская уездная партконференция вынесла резолюцию о предании ее партийному суду за диктаторство, превышение полномочий и узурпацию власти в уезде.

Параллельно с укреплением партийной дисциплины, внутрипартийными разборками, партконференциями и резолюциями, власти не забывали арестовывать и расстреливать дворян, священников, бывших офицеров, городских... За отказ служить в Красной армии расстреляны поручик Иванов, прапорщик Милоданов и подпрапорщик Тидген. Расстреляны настоятель церкви Богоявления Господня в селе Подоклинье Порховского уезда Александр Гривский, священник Свято-Троицкого Порховского собора Пантелеймон Богоявленский, дворянка Гарновская, бывший жандарм, а теперь слесарь станции Дно Козловский...

И еще о трех событиях, произошедших в Порхове и уезде в восемнадцатом году. Первое – это выход уездной газеты «Жизнь Порховщины». Выходила газета три раза в неделю и была напичкана угрозами, проклятиями в адрес врагов революции и лозунгами по самым заголовкам. Второе – к концу года в уезде властями в принудительном порядке были организованы две крестьянских коммуны на базе разоренных дворянских имений и артель. Третье – из разгромленного имения Полоное власти вывезли в Порхов то, что осталось после крестьянских грабежей. Занимался этим Кирилл Николаевич Качалов, которого в январе девятнадцатого года назначают заведующим вновь созданного подотдела по охране памятников искусства и старины Порховского уездного отдела народного образования. В том же январе Порховский отдел народного образования решает вопрос о национализации имения «Холомки» и открытия в нем Народного Дома, которому присваивают имя В.И. Ленина, о вывозе всего, что имеет художественное значение из имения Строгановых «Волышово», о национализации части помещений в имении «Горки» для устройства там Народного Театра, о вывозе библиотеки, картин, старинной мебели из имения «Бельское устье». Все это начинается вывозиться в Порхов с целью организации музея. В конце апреля девятнадцатого года в Порхове в течение трех дней работает выставка, на которой можно видеть вещи, вывезенные из дворянских имений Порховского уезда. Среди экспонатов выставки значились мейсенский, севрский, берлинский, венский, английский, голландский, японский, китайский, русский фарфоры, акварели, миниатюры и литографии русских художников, английская гравюра, французский гобелен семнадцатого века... Часть экспонатов отвезли в Псков для показа. В конце сентября порховичи поехали искать следы этих экспонатов, но какие, спрашивается, следы, если Псков с конца мая по конец августа оккупировали банды полковника Булак-Балаховича. Раз уж зашла речь о сентябре восемнадцатого года, то скажем, что шестнадцатого числа на заседании Военно-революционного комитета было решено снять с постаментов бюст Василия Григорьевича Жукова, установленный благодарными порховичами еще в девятьсот четвертом году, а вместо него установить бюст Карла Маркса возле железнодорожного моста. Памятник открыть ко второй годовщине Октябрьской революции. Ответственным назначили Качалова. Установил он памятник или нет – неизвестно⁴², но в ноябре при самом деятельном его участии в доме бывшего городского головы Зацкого был открыт музей, называвшийся «Пролетарский музей им. Октябрьской революции». Работал он по выходным дням с часу до трех.

От тех богатств мало что осталось в нынешнем краеведческом музее Порхова – чугунная парковая ваза с отбитым краем и немного фарфора из Холомков, несколько бронзовых и мраморных статуэток, чернильный прибор, буфет, пара кофейников, штук шесть или семь подстаканников, подставка для сжигания бумаг, зеркало в резной раме, десяток гипсовых элементов декора уса-

дебных домов, но ни английского, ни немецкого, ни французского фарфоров, ни акварелей, ни гравюр, ни литографий, ни gobелена семнадцатого века...

Вернемся в уезд. В феврале девятнадцатого года началось вооруженное выступление крестьян в деревне Люблено Дегожской волости. К крестьянам присоединились вооруженные дезертиры. Крестьяне, как телеграфировал в уезд председатель Дегожского волисполкома, говорили советским работникам: «Вы нам не нужны, записались в коммунисты, так и идите к ним, а вам мы служить все равно не станем». Подавлять восстание прислали полусотню красноармейцев с пулеметами.

В начале мая еще одно выступление в Городовицкой волости. Вооруженные крестьяне разогнали волостной Совет и продовольственную комиссию. В конце мая восстание крестьян в Верхне-Шелонской области. Крестьяне отбили посланный властями отряд эстонцев и коммунистов, заняли железнодорожную станцию Дедовичи, расстреляли там одиннадцать красноармейцев и... тоже попытались организовать мобилизацию местного населения, которое норвило уклониться от любой мобилизации. Летом девятнадцатого года две третьих волостей уезда были охвачены восстаниями. Общая численность повстанцев составляла несколько тысяч человек. В деревне Яски Верхне-Шелонской волости они устроили что-то вроде своей столицы – избрали свое правительство, волостного председателя, писаря, а в помещение бывшего волисполкома внесли иконы и портрет Николая Второго.

Десятого июля уезд был объявлен на осадном положении. Линия фронта к началу августа проходила на расстоянии около десяти километров от Порхова. Канцелярия уездного исполкома и большая часть партийных работников были эвакуированы в Старую Руссу. Все порховичи должны были иметь удостоверения личности и зарегистрировать имеющееся у них оружие. Запрещались собрания и увеселительные вечера. Дезертиры объявлялись врагами и предателями трудящегося народа. В приказе комиссии по проведению в жизнь осадного положения в Порховском уезде говорилось: «...Лица, замеченные в контрреволюционной агитации, распространении провокационных слухов, клевете, подрыве действиями или словами Советской власти, равно появляющиеся на улицах в нетрезвом виде, уличенные в драке, азартной игре, хулиганстве, спекулянты всех степеней – вообще все, нарушающие общественный порядок, подлежат немедленно аресту и революционной каре в зависимости от проступка... Малейшая попытка выступления врагов Советской власти будет раздавлена беспощадно. Советская власть не шутит, когда враги народа пытаются восстановить старый режим. Пуля врагам революции! Беспощадная борьба со всеми, кто в эти дни пытается расстроить наши ряды!» Подписали приказ председатель Порховского уездного комитета РКП(б) Молчан, председатель исполкома Бурман и военный комиссар уезда Шапурин. Начались чистки в советских учреждениях. Заподозренных в связях с белыми отправляли в губернский концлагерь.

Порховские власти просили Псков прислать солдат, поскольку в их распоряжении имелась только рота, которая не в состоянии одновременно изымать хлеб у крестьян и ловить дезертиров, а дезертирами город и уезд были буквально наводнены. Из трехсот человек, мобилизованных на борьбу с частями Булак-Балаховича, вернулось в Порхов только семьдесят. Остальные перешли на сторону белых. До половины мобилизованных дезертировали еще по пути к месту боевых действий. В Порхове постоянно устраивали облавы на дезертиров. Только в августе девятнадцатого года наметился спад дезертирства среди крестьян, а когда в конце года отменили расстрел за дезертирство, заменив его на конфискацию имущества, оно пошло на убыль. На убыль пошло в уезде и крестьянское повстанческое движение. «Зеленая армия», как ее именовали в документах тех лет, к концу девятнадцатого года была разгромлена частями Красной армии. Лишь небольшие группы «зеленых» смогли соединиться с белыми.

Тем не менее Гражданская война в уезде не затихала еще два года. На протяжении всего двадцать первого года на территории Порховского уезда действовали направленные из Польши диверсионные группы Савинкова, грабившие волостные исполкомы, убивавшие советских работников, агитировавшие крестьян против продналога и распространявшие слухи о скором на-

падении со стороны Польши и Прибалтики. Население, уставшее от Гражданской войны, в эти банды вступало неохотно. Чаще всего к савинковцам шли бывшие дезертиры, участники разгромленного в девятнадцатом году «зеленого» движения и беднота, надевшаяся в банде быстро поправить свое материальное положение. Как бы там ни было, а к концу двадцать первого года местные чекисты савинковские группы обнаружили и ликвидировали. Наиболее активных участников расстреляли, а остальных отправили в тюрьмы.

Все же, несмотря на Гражданскую войну, армию зеленых, диверсионные группы, осадное положение, продразверстку и голод, появились в городе и уезде ростки мирной жизни. В январе двадцатого года сотрудниками подотдела по охране памятников искусства и старины Порховского уездного отдела народного образования был разработан проект музея. Время безыдейных музеев, не выполняющих никаких задач по повышению, укреплению, воспитанию, приобщению... безвозвратно ушло, и потому порховский музей, как и все советские учреждения культуры, непременно должен был «возможно полно отражать жизнь уезда в разнообразнейших ее проявлениях и способствовать всестороннему изучению его; с другой стороны, музей должен по мере возможности приобщать местное население к мировой культуре и расширять его кругозор». Планы были большие – планировали разбить на территории крепости ботанический сад, собрать геологические, этнографические и исторические коллекции. В исторических коллекциях, понятное дело, главное место должно было занимать то, что связано с революционными событиями. Музей стал историко-художественным. В конце весны директора музея и еще одного сотрудника власти отправили в Псков, на проходящую там выставку современных художников. Не просто отправили, а выдали им сто тысяч рублей на покупку картин. Были приобретены картины Марка Шагала, Бориса Григорьева и Бениты Эссен. Куда они потом подевались... Не сотрудники, конечно, а картины.

В том же году в бывшем имении князя Гагарина была организована художественная коммуна или колония. Ружье, заряженное восемь лет назад князем Гагариным, выстрелило. В начале ноября газета «Псковский набат» писала об этом событии: «В имении Холомки, бывшем князя Гагарина, организована колония художников петроградского дома искусств, образовался культурный уголок. Члены колонии приняли деятельное участие, чтобы в Порхове заложить основы музея имени Октябрьской революции. В годовщину Октябрьской революции в Порхове открывается выставка картин членов колонии художников в Холомках и петроградского дома искусств. Будут представлены А. Бенуа, Б. Кустодиев и др.». Колония организовалась вовсе не потому, что этого хотели порховские власти. Это была идея Петроградского дома искусств, члены правления которого, пытаясь спасти от голода писателей, поэтов и художников, добились от государства рабочих и крестьян разрешения организовать колонию в Холомках и соседнем, в двух километрах от Холомков, имении Новосильцевых Бельское Устье. Собственно, членов правления, которым голодающие писатели, поэты и художники были обязаны появлением колонии, было двое – Корней Иванович Чуковский и Мстислав Валерианович Добужинский. Колония, кстати, ожила не в ноябре двадцатого, а лишь в мае двадцать первого года. В июне Чуковский перевез в Холомки свою семью. В письме одному из членов правления Дома искусств он писал: «...здесь такая благодать, что лучшего и представить нельзя. Мне хочется всех петербуржцев переселить сюда. Сейчас еще рожь не поспела, и крестьяне жмутся, но через неделю уборка хлеба – и тогда ешь, сколько хочешь. Сытость неминуемая. Сейчас я за брюки добыл: 2 пуда муки и 15 фунтов хлеба, а через две недели дадут шесть пудов муки»⁴³. Не нужно думать, что литераторы и художники в Холомках и Бельском Устье только отдыхали, отъедались, писали прозу, стихи и картины. Приходилось им и пахать, и сеять, и выращивать овощи, охранять урожай яблок от местных крестьян, считавших его своим, добывать лошадей, упряжь к ним, телеги, сельхозинвентарь и ссориться между собой. Усилиями Чуковского колонисты были обеспечены продовольственными пайками, но пайки просто так не давали – отдел народного образования Порховского уездного исполкома требовал в уплату за питание чтения лекций. Один из колонистов, художник Милашевский, вспоминал: «Материальный быт наш несся в “неуверенном, зыб-

ком полете". Каждую минуту он мог на что-то налететь и разбиться, порховские власти могли заупрямиться и во всем отказать! Надо было их умашивать, читать лекции о Горьком, о Блоке, о Маяковском, как это делал Корней Иванович Чуковский!» В неполном списке литераторов и художников, которых спасли от голода Холомки и Бельское Устье, кроме Чуковского, Добужинского, оставившего рисунки усадьбы Гагариных, ее интерьеров, окрестных пейзажей, и Ходасевича, написавшего довольно ядовитые воспоминания о поездке в Порхов, числятся Михаил Зощенко, Николай Радлов, Владимир Пяст, Михаил Лозинский, Ада Оношкович-Яцына, Осип Мандельштам, Лев Лунц и Евгений Замятин.

Сам Порхов колонистами описан и нарисован очень скупо – три рисунка Добужинского с видами Порхова, три предложения в одном из писем Чуковского («Очень забавны плакаты в городе Порхове. – В одном окошке выставлено что-то о сверхчеловеке и подписано: "Так говорил Заратустра". Заратустра в Порхове!») и уже упоминавшийся очерк Ходасевича о поездке в город, в котором описан не столько город, сколько его обитатели. Впрочем, у него и о Порхове есть совсем немного: «Город оказался довольно приятен. Разноцветные крыши и обилие садилов придавали ему вид почти нарядный. Я колесил по нему долго, ибо никто мне не мог указать, где находится отдел народного образования. Население явно не знало даже о том, что он вообще существует... О порховском базаре я был наслышан самым лестным для него образом; рассказывали, что на нем не только продают молоко, масло и хлеб, но пекут лепешки и даже жарят котлеты – свиные и бараньи». Сделанное Владиславом Фелициановичем подробное описание заседания коллегии отдела народного образования Порховского уездного исполкома, посвященного принципам театральной реформы, в составе крепко нарумяненной дебелой председательши в белой шелковой блузке с большим вырезом и массивной золотой цепочкой, сбегавшей в глубокую складку между грудями, коммунистов, один из которых был покрыт всклокоченной черной шерстью, а другой перевязал бабьим платком щеку, раздутую от флюса, беспартийного спеца, по профессии театрального парикмахера, каши в головах ораторов и помещения с немывтыми стеклами, дохлыми мухами на почерневшей вате между оконными рамами и грязными розовыми обоями, мы, за неимением места, здесь приводить не будем.

Между тем культурная жизнь в Порхове начала двадцатых годов была ключом. В город приезжало большое количество самых различных артистов из обеих столиц, и приезжали они по той же самой причине, по которой в Холомках и Бельском Устье обосновались писатели и художники, с той лишь разницей, что пайки им от местного отдела народного образования не полагались, и потому приходилось давать концерты, чтобы заработать себе на пропитание. В двадцать втором году сам Шаляпин дал два концерта в Порхове. В Порхове в начале двадцатых годов давал спектакли любительский театр, в клубе пожарного депо шли киносеансы, сопровождаемые тапером, в городском саду играл духовой оркестр, в доме бывшего городского головы Зацкого работала городская библиотека, при которой имелся читальный зал, обставленный красивой дубовой мебелью из тоже бывшего имения Воышова графов Строгановых. Для полноты картины прибавим сюда лекции о литературе и живописи, которые чаще всего читали в Порхове Чуковский, Добужинский и один раз Ходасевич.

От событий культурной жизни перейдем к событиям жизни общественной, теперь уже советской, но прежде скажем о сильном наводнении, которое случилось в апреле двадцать второго года. Галина Васильевна Проскурякова, жившая тогда в Порхове, писала в своих воспоминаниях: «Шелонь вышла из берегов и затопила не только набережные, но и большинство улиц города. Страшно было смотреть на дома и церкви, встающие из воды и отражающиеся в ней куполами. Но самое страшное было видеть, как плыли дома и сараи по Шелони, как снесло часовню с моста. Водой размывало фундаменты, и дома рушились». Теперь о жизни общественной, к каковой мы отнесем организацию городского партийного клуба, разъясняющего решения десятого съезда партии, десятки агитпунктов, комсомольский клуб, бесконечные митинги, тысячи номеров стенных газет, сотни воззваний, расклеенных на стенах домов, коммунистические субботники, заготовка тысяч бревен и тысяч пудов ивовой коры, двадцать шесть пунктов ликвидации негра-

мотности в уезде, мартовскую уездно-городскую женскую конференцию, постановившую создать на всех предприятиях женотделы, которые должны были проявлять заботу... налаживать работу...

Общественная жизнь, однако, не ограничивалась митингами, прокламациями и стенными газетами. В городе и уезде в двадцать первом году открыли четыре детских дома для беспризорников, в которых нашли приют сто восемьдесят детей. Каждому детскому дому уездный исполком выделил участки под огороды, дал по четыре коровы. Рабочие Порхова в каждом детском доме помогли создать мастерские, где детей обучали столярному, сапожному, слесарному и кузнечному делу. В девяти километрах южнее Порхова, в усадьбе Жирное был открыт детдом для детей, прибывших из голодающего Поволжья⁴⁴. Порховичи, кстати говоря, в Поволжье отправили более трехсот тысяч пудов хлеба и четыре миллиона рублей.

В промежуток между культурной жизнью и общественной поместим заметку под названием «Псковские комсомольцы, ответьте», напечатанную в газете «Юный пахарь» в декабре двадцать четвертого года: «Комсомольцы – это деревенские борцы за новый быт, за новую жизнь. Мы используем гулянки, внося туда свое комсомольское влияние. Но иногда наши выступления на гулянках и устройство своих красных посиделок проходят не совсем гладко. Нам нужен опыт этой работы. Комсомольцы Вышгородской волости Порховского уезда просят деревенские ячейки Псковского уезда поделиться в “Юном пахаре” своим опытом проведения красных гулянок».

В этом же промежутке найдем и ~~до~~е сообщение⁴⁵ из газеты «Псковский набат» от тринадцатого июня двадцать третьего года о том, что заведующий мельницей Комхоза в Порхове «торгует свечами, а на мельнице все идет прахом. При вторичном подъеме воды в реке Шелони... затворы в холостых воротах не вытаскивались, а стояли до тех пор, пока вода сильным напором не открыла этих ворот, и при том с такой быстротой, что некоторые разлетелись в щепы... Наверное, заведующий мельницей проспал. Но удивительно: он никогда не проспит пойти в церковь, где продает свечи, и даже вовремя сделал через русло плотины специальный мостик для преподобного Никандры. Следовало бы заведующему почаще заглядывать на мельницу и следить за ее порядком, чем делать мостики и торговать свечами. Это будет лучше!». Под сообщением стоит подпись: «Случайный».

Снова о промышленности. В конце двадцать второго года в Порхов и уезд в промышленном отношении представляли собой довольно печальное, если не сказать жалкое зрелище. Безработица, если верить отчету Псковского Губернского Экономического совещания, свирепствовала. К апрелю двадцать третьего года предложение на рынке труда в городе и уезде более чем в два раза превышало спрос. Не требовались ни культпросвет работники, которых новая власть уже успела наплотить в больших количествах, ни служащие, ни железнодорожники, ни работники связи, ни металлисты, ни аптекари, ни работники питания, ни врачи, ни медсестры, ни строители, ни швеи...

В уезде работали лесопильный завод «Шелонь» и еще один такой же лесопильный завод «Маяково», производивший спичечную соломку. Работали плохо, с перерывами – то заказов не было, то они были, но не хватало сырья, потому что не заготовили вовремя лес, то выходило из строя старое оборудование, а нового взять было неоткуда и не на что. В самом Порхове фабрика «Воля», производившая шпагат и веревки, с трудом сводила концы с концами практически по тем же самым причинам с той лишь разницей, что сырье было, но не было спроса на веревки и шпагат. Работали в основном мелкие коммунальные предприятия вроде бань, мельницы, слесарно-кузнечных и цементно-черепичных мастерских и микроскопических кирпичных заводиков. Псковские губернские статистики скрупулезно пересчитали все предприятия государственной, кооперативной и частной торговли в Порхове. Их оказалось немного – одна кооперативная и три частных мясных лавки, один уличный торговец рыбой, одна кооперативная и четыре частных булочных, одна лавка, торгующая «колониальными бакалейными и гастрономическими» товарами, то есть чаем, кофе, сахаром, рисом и пряностями, одна керосиновая лавка, восемь уличных торговцев мануфактурой, один кооператор, торгующий сельскохозяйственными орудиями и машинами, одно государственное предприятие, продающее бытовую химию, аптекарские и парфю-

мерные товары, один государственный книжный магазин, в котором кроме книг можно купить еще и газеты, один частный торговец мебелью, четыре государственных и две кооперативных конторы, торгующих льном, одна государственная гостиница, один частный ресторан, девять постоялых дворов, баня, пивная, одна столовая, один буфет... Помните шляпный магазин Каина, шапочные Гирша и Маилова, кондитерскую Зайцева, булочную Ермолаева, косметический магазин Линде, рыбный магазин Усинова, бакалею Вульфа и Фендорфа, колбасную лавку братьев Ковалевых, колбасный магазин Фрейндорфа, магазин чаепроходцев Перловых? Забудьте. В городе не осталось даже меблированных комнат. Воскликнуть, как Воробьянинов, «Поедем в номера!» было решительно невозможно.

Летом двадцать третьего Псковский губернский исполком решил отобрать у Петроградского дома искусств имение Холомки, устроить там туберкулезный санаторий, а заодно и поручает Порховскому уездному исполкому «выселить бывшую княгиню гражданку Гагарину из совхоза Холомки». Никакие письма Наркомпроса и ВЦИК, никакие указания на то, что Мария Дмитриевна проживает в своем доме по решению Совнаркома и ВЦИК, а выселение Народного дома имени Ленина, института Искусств и семьи Гагариной нарушает права этих учреждений и семьи, не помогли. Гагарины должны были покинуть пределы губернии. Губернский исполком предписал «Порховскому уездному исполкому оказать губздравотделу надлежащее содействие, вплоть до принудительного вселения санатория».

В октябре двадцать третьего президиум ВЦИК принимает решение о концентрации музейного имущества и сокращении числа музеев. Порховский музей предложили слить с Псковским. К счастью, не слили, но почти шестьдесят картин русских и иностранных художников увезли через два года в Псков. Нет нужды говорить о том, что в Порхов они никогда не вернулись. Впрочем, судьба той части, что осталась, была куда печальней – в сорок первом немцы ограбили музей дочиasta.

Тогда же, в октябре двадцать третьего, распоряжением губисполкома был закрыт Никандров монастырь, а в декабре губернский суд рассмотрел дело по обвинению настоятеля монастыря архимандрита Владимира в контрреволюционной деятельности. Бывшего архимандрита выслали из Псковской губернии на три года, а монастырь еще долго сопротивлялся закрытию – монахи организовали в нем рабочую артель и стали членами рабочей артели, оставаясь при этом монахами. В двадцать восьмом году власти окончательно ликвидировали и монастырь, и монастырскую артель, а все оставшееся имущество монастыря изыняли⁴⁶. Газета «Псковский набат» писала в июле двадцать девятого года: «Закрыт и разобран приют пауков – Никандровская обитель...».

Теперь скажем об открытиях. В мае двадцать пятого года в Порхове открылся первый в губернии льнозавод, устроенный по последнему слову тогдашней техники обработки льна⁴⁷, и уже в феврале двадцать шестого в Ревель, то есть на экспорт, отправился первый вагон льна, переработанный заводом. В двадцать седьмом году неподалеку от Порхова Госторг, занимавшийся внешней торговлей, открыл птицеферму, или, как тогда говорили, рассадник. В нем выращивали кур американских пород на экспорт и для собственного потребления. Выращивать птицу в Порховском уезде умели. В том же году Госторг отправил из Порхова в Ригу десять тысяч гусей.

Кстати, о Порховском уезде. В двадцать седьмом году он прекратил свое существование. Вместо него был образован Порховский район, который приписали к Псковскому округу Ленинградской области. Если бы просто приписали... так ведь еще и отрезали от уезда две волости – Дновскую с центром на станции Дно и Солецкую с центром в Сольцах, из которых тоже образовали районы.

Все же промышленность и сельское хозяйство после того обморока, в котором они находились в первой половине двадцатых годов, начинали приходить в себя. К тридцать третьему году в районе работали десять маслозаводов, продукция которых шла не только в Порхов, но и в Ленинград. Точнее, не только в Ленинград, но и в Порхов. В Порхове, в дополнение к кожевенному заводу и шпагатной фабрике, появились хлебозавод и мебельный комбинат. Стахановцев развелось... Некоторые стахановцы упихивались в самом прямом смысле этого слова. К примеру, Яков Васи-

льев из колхоза «Красная береза» на лошади вспахал за один рабочий день гектар с четвертью, а работник артели «Марат» Полонского сельсовета Алексей Петров побил его рекорд, вспахав на тридцать пять соток больше. На кожевенном заводе открыли цех пошива армейских полушубков, и только за один тридцать третий год изготовили их более семидесяти двух тысяч.

Конечно, не все было гладко. К примеру, в тридцатом году Порховский район чуть не угодил на черную доску из-за того, что сорвал задание по сбору семенных фондов. Мельники не сдавали вовремя государству зерно, которое получали в оплату за помол. С мельниками церемониться не стали – составили на них протоколы о саботаже и передали эти протоколы в нарсуд, а районным контролерам потребсоюза было указано на их мягкотелость. Усиливалась классовая борьба, как и предупреждал в двадцать восьмом году на пленуме ЦК ВКП(б) лучший друг физкультурников. Вот несколько заметок из псковских газет только за первые два месяца тридцатого года. «Отдаются под суд за искривление классовой линии руководители Порховского льнотоварищества Захаров и Никитин». «В ночь на 4 января в дер. Путилово Порховского района загорелся сарай, принадлежащий бедняку-общественнику, Николаю Запевалову... Следствием обнаружено, что поджог произведен кулаком той же деревни Дмитриевым Василием. Кулак мстил общественнику Запевалову за участие последнего в выявлении скрытых Дмитриевым излишков хлеба. В поджоге оказалась замешана подкулачница Антонова, пролезшая в члена сельсовета. Кулак-поджигатель и его помощница арестованы. Ведется срочное следствие. Скоро поджигатели предстанут перед нарсудом Порховского района». «Зажиточный крестьянин дер. Люботи, Берецкого сельсовета, В. Николаев по приговору Порховского народного суда приговорен за отказ сдать лен к трем месяцам принудработ с конфискацией одной коровы». «5 января члены коммуны “Прогресс” (Буринский сельсовет, Порховского района) обсуждали вопросы о полном удалении икон из коммуны, снятии колоколов и закрытии рядом находящейся церкви. На собрании коммунары разоблачили местного попа Колеберского, который непрестанно агитировал против хлебозаготовок и 3-го займа индустриализации. Члены коммуны постановили выбросить все иконы и возбудить ходатайство о закрытии церкви и снятии колоколов. Кроме того, коммунары требуют привлечь к ответственности попа-вредителя». «Рабочие и работницы совхоза Полное (Порховский район) 7-го января торжественно отпраздновали открытие клуба в бывшей церкви, закрытой по постановлению общего собрания... На открытии вынесена резолюция, в которой рабочие совхоза обязались немедленно выбросить все иконы в жилых помещениях и всем коллективом вступить в союз воинствующих безбожников. Полоновцы вызывают последовать их примеру соседнюю коммуну “Буриги” и совхоз “Красные горки». Опоздали с вызовом рабочие и работницы совхоза Полное на двое суток...

Партия с сельского хозяйства глаз не спускала и труженикам села давала детальные указания. В десятом пункте резолюции девятой районной партийной конференции по докладу товарища Мартынова о контрольных цифрах на 1934 год сказано: «Конференция резко осуждает оппортунистическую недооценку развития животноводства, проявленную районными организациями. Конференция обязывает провести в 1934 году конскую случную компанию, покрыв не менее 2500 маток против 1789 маток прошлого года, получив не менее 70 проц. выжеребки. Покрыть все наличие коров и нетелей. Не менее двух раз в год покрыть свиноматок и получить приплода от крупного рогатого скота не менее 90 проц. От числа покрытых и на одну свиноматку не менее 7,7 деловых поросят». И это не все. Нужно повысить удоиность до полутора тысяч литров у колхозных коров, повысить убойный вес скота не менее чем на пятнадцать процентов, обеспечить снабжение всех колхозников коровами, повысить классовую бдительность, бороться со всеми проявлениями кулацкого саботажа, решительно очищать колхозы от классово-чуждых элементов, организовать красные уголки во всех колхозах, двести детских яслей, тридцать три колхозных клуба, улучшить общественное питание, поднять урожайность, усилить борьбу с бюрократизмом и волокитой, перестроить работу...

Делегаты, слушая, как зачитывают резолюцию, сидели тихо, стараясь не скрипеть стульями, время от времени взглядывали на районное начальство и представителя обкома, сидящих

в президиуме, и думали про себя: «...и удойность им повысь, и убойный вес, и коровами всех колхозников обеспечить, и красные уголки, и ясли, и клубы, и свиноматок два раза в год... сами бы и покрывали...».

Еще об одном открытии. В тридцать шестом году в Порхове открылся театр драмы и комедии. Не театральный кружок или студия, где собирались в свободное от работы время любители, а настоящий театр с артистами, режиссером, художниками-декораторами, гримерами, парикмахерами, музыкантами и осветителями. Шестьдесят четыре штатных сотрудника, половина из которых артисты. Работали они буквально на износ – уже в год открытия поставили двести выездных спектаклей. Выезжали в Порховский район, в другие районы Ленинградской области, в Белоруссию, и даже в Ленинграде ежегодно ставили более полусотни спектаклей. Теперь в Порхове есть социально-культурный комплекс, а в нем театральная студия, а в ней двенадцать человек, которые в свободное от работы время...

В тридцать седьмом арестовали председателя Порховского райисполкома Николая Мартынова. Вместе с ним арестовали управляющего Порховской райконторой Главмясо Аршалуя Бузунца, старшего агронома Порховского райземотдела Ивана Сиротина, заведующего городской ветеринарной лечебницей Анатолия Осиновского, старшего ветврача Порховского района Владимира Суслова, заведующего свинофермой Ивана Шереметьева, старшего агронома Порховского райземотдела Ивана Сиротина и заведующего сектором Порховского райземотдела Николая Ильина. Только Ильину было больше сорока лет. Только Суслов и Шереметьев получили по пятнадцать лет лагерей. Все остальные были приговорены к высшей мере наказания по ст. 58-7-11 УК РСФСР и расстреляны в Ленинграде в тридцать восьмом году. Никто из них виновным себя в том, что он принимал активное участие в антисоветской диверсионно-террористической организации и проводил подрывную работу в сельском хозяйстве, срывая севообороты, не признал.

В тридцать восьмом арестовали и завели дело на редактора Порховской районной газеты Александра Гальского, которого обвинили в подрыве авторитета советской власти. И дело оказалось липовым, и Гальский своей вины не признал, и давший на него показания первый секретарь райкома от них в конце следствия отказался, но... к пяти годам лагерей редактора газеты Особое совещание при НКВД приговорило.

В Книге памяти жертв политических репрессий Псковской области только жителей Порхова и района с фамилией Алексеев около двух десятков – крестьянин, штукатур, колхозник, еще колхозник, председатель колхоза, военнослужащий, крестьянин, снова военнослужащий, торговец, заготовитель спиртового завода, домохозяйка, крестьянин... Потом идут Андреевы, потом Антоновы... потом Ивановы, которых шестьдесят. Огородник курорта «Хилово» Бикчурин Касим Хайдерович, рабочий кожзавода Биркант Эрнест Фридрихович, писарь 19-й отдельной химической роты Богданов Василий Васильевич, заведующий аптекой курорта «Хилово» Иоффе Вениамин Маркович, инструктор райфинотдела в Порхове Крумберг Мильда Егоровна, пчеловод колхоза «Демьянка Октября» Крысанов Иван Федорович, педагог библиотечного техникума Крупич Иван Максимович ... Бондарь, пекарь, извозчик, телефонистка, слесарь, фельдшер, печник, учительница, медсестра, нормировщик, бухгалтер, священник, столяр, кладовщик, домохозяйка, грузчик... Расстреляны, раскулачены, высланы...

И последнее о предвоенных годах в истории Порхова. В тридцать девятом году городские власти планировали отмечать семисотлетие Порхова. В преддверии праздника председатель Порховского горсовета пишет в конце мая письмо председателю облисполкома: «6-го августа с.г. трудящиеся г. Порхова отмечают 700-летие существования своего города. Город Порхов заложен по приказу князя Александра Невского, ведущего борьбу с немцами псами рыцарями. Созданная юбилейная комиссия... наметила ряд мероприятий по проведению данного праздника. В частности, намечена организация выставки, показывающая гор. Порхов до и после октября. Постановка обелиска на месте закладки города (городище), 5 памятных мраморных досок, проведение общегородского гулянья, выпуск брошюры и пр. Для проведения всех этих скромных и необходимых мероприятий требуется помощь областных организаций Облисполкома в отпуске материалов и средств. Тов. Соловьев, я прошу Вас лично заняться этим делом и добиться отпуска Горсовету:

1. Средства на проведения юбилея минимум 20–25 тыс. руб. 2. Небольшое количество стройматериалов для ремонта здания бывшего Собора, где будет размещена выставка. 3. Дать распоряжение от имени Облисполкома ОблПлану, ОблЖилкоммунотделу и ОблФо об отпуске средств и материалов для завершения к августу намеченного планом городского благоустройства. 4. Прошу не забывать гор. Порхов, как юбиляра и отметить это в Облисполкоме в виде решения президиума, или еще каким-нибудь другим способом. Прошу дать ответ».

Председатель облисполкома товарищ Соловьев через три дня поперек письма председателя Порховского горсовета наложил резолюцию: «Я не поддерживаю. У нас очень много городов и не всем справляем юбилей». Через две недели в Порхов пришел и официальный отказ: «Председателю Порховского Горсовета т. Васильеву. По указанию секретаря Ленинградского Облисполкома т. Болотова И.Ф. сообщая, что Ваше ходатайство об отпуске средств на проведение юбилейных торжеств, в связи с 700-летием города Порхова, удовлетворено быть не может. Зав. Общим отделом Облисполкома Сорокин».

Война подошла к Порхову стремительно. Еще в конце июня горожане и жители района спешно строили бомбоубежища, оборонительные сооружения, заготавливали продовольствие для воинских частей, а уже в начале июля стало ясно, что нужно эвакуировать население и промышленные предприятия. Шестого июля немецкая авиация бомбила военные аэродромы возле деревень Нестрино в семи километрах западнее Порхова и Малитино – в девяти юго-восточнее. В полночь десятого июля моторизованная группа 29-го пехотного полка 3-й моторизованной дивизии 56-го танкового корпуса Манштейна ворвалась в город. Как только группа стала переходить по шоссе-мосту через Шелонь, тот был дистанционно взорван, и немцы вместе со своим командиром, полковником Грессером, взлетели на воздух. Весь следующий день, одиннадцатого июля, наши войска при активном участии авиации пытались отбить город. К вечеру, после подхода моторизованных частей немецкого 8-го пехотного полка, атаки ослабели, а к ночи, после подхода танков 8-ой дивизии 56-го танкового корпуса, окончательно прекратились.

Начались два с половиной года немецкой оккупации. Только в июле в Порхове было расстреляно и повешено двести пятьдесят человек. Расстреливали на старом городище – на том самом месте, где была основан Порхов Александром Невским. Уже после войны, в сорок пятом, комиссия, обследовавшая место расстрела, нашла дюжину десятиметровых рвов глубиной три и шириной два метра. В этих рвах находились трупы около пяти тысяч человек. Возраст расстрелянных – от двух до шестидесяти пяти лет. Летом на городище еще можно разглядеть почти заросшую тропинку, по которой шли к месту расстрела.

На окраине Порхова в августе сорок первого немцами был создан пересыльный лагерь для военнопленных Дулаг 100 (нем. Durchgangslager 100), просуществовавший до февраля сорок четвертого. Еще в тридцать шестом здесь был построен военный городок, в котором перед войной размещался танковый полк. В городке имелись три трехэтажные кирпичные казармы⁴⁸, семь домов командного состава, столовая, мастерская, ангары, склады... В октябре сорок второго псковская оккупационная газета «За Родину» писала: «Возле Порхова отстроен военный городок, и он почти не пострадал, это и дало возможность некоторым разорённым жителям хотя и ненадолго иметь свой кров...». Очень ненадолго. Буквально на две или три недели. Потом в городке разместили от двадцати пяти до тридцати тысяч военнопленных. Конечно, никаких казарм и выделенных дополнительно трех деревянных сараев не хватило для того, чтобы военнопленным дать крышу над головой. Летом и зимой пленные жили под открытым небом. Начальство лагеря по этому поводу нимало не беспокоилось. Обнесло лагерь двумя рядами колючей проволоки и поставило бетонные вышки с вооруженной охраной. В помещении бывшей офицерской столовой устроили лазарет – на бетонном полу, еле прикрытом соломой, лежало одновременно около пятисот раненых и больных. Ухаживали за ними наши медсестры и врачи. Немецкие санитары к нашим больным не подходили. Лекарств и перевязочных материалов не просто не хватало – их практически не было. Иногда их наши медсестры выменивали у немецких санитаров на продукты. Каждый день от холода, от тифа и от побоев в лагере умирало от ста до ста пятидесяти человек.

Из протокола допроса бывшего военнослужащего 181-й охранной дивизии Карла Касселя: «С ноября 1941 года по декабрь 1942 года я служил в составе 252-го охранного б-на в г. Порхов Псковской обл. в качестве помощника санитаря. В г. Порхов был лагерь русских военнопленных, численностью 500–600 человек. Этот лагерь охранял 252-й батальон. 1-я рота батальона, в которой я служил, часто сопровождала эшелоны с пленными из г. Старая Русса в г. Порхов. Военнопленные в большинстве своем были раненые и больные. Их зимой возили в открытых вагонах и очень плохо кормили, поэтому среди них была большая смертность. В феврале 1942 года я в качестве часового сопровождал два транспорта с советскими пленными из г. Старая Русса в г. Порхов. По пути следования в обоих транспортах умерло около 10 человек русских пленных».

Свидетель Давыдов Петр Давыдович: «Я работал в качестве грузчика в лагере военнопленных, расположенного в военном городке г. Порхова, и наблюдал, что в нем происходило. В лагерь советских военнопленных царил полный произвол. Советские люди сознательно уничтожались в массовом количестве. С этой целью в лагерях существовал голодный паек, над советскими людьми всячески издевались, избивали систематически. Условия были созданы нечеловеческие, вследствие чего была большая смертность среди пленных. Советским людям, содержавшимся в лагерях, немцы давали менее 200 граммов хлеба и 0,5 л баланды вместо супа, в котором кроме воды находилось небольшое количество неочищенного картофеля... В свободное от работы время пленных ставили на пни и на высокие поленицы дров, чтобы сильнее их продувало ветром, заставляя стоять продолжительное время. Такое издевательство видел лично сам. Мне известен случай, когда в 1942 году немецкий офицер переломил пленному руку в локтевом суставе. Свой зверский поступок немецкий офицер объяснял тем, что указанный пленный пытался перейти с большого лагеря».

Свидетель Михайлов Павел Михайлович: «Были случаи, когда немцы хоронили живых советских людей. В 1942 году, осенью, немцы на 5 подводах везли трупы военнопленных с вокзала. Я стоял у своего дома и видел, как на одном возу лежал человек и махал одной рукой, высунутой из-под трупов, давая знать, что он еще живой. Это немцы видели, но не обращали внимания. Военнопленные содержались в 3-х этажных домах, окна которых были заложены кирпичом и имели отверстия примерно 10 на 15. В 1941 году, несмотря на сильные морозы, красноармейцы были вынуждены находиться на улице круглые сутки. Они собирались группами человек по 20, ложились на снег, прижимаясь, друг к другу и так спали ночью. Много пленных не имели шинелей и сапог, сидели на морозе, заматывая ноги тряпками. Однажды по городу Порхову немцы вели группу пленных, а сзади несли одного, так как идти сам не мог, он попросил, чтобы его положили на землю и дали отдохнуть, увидев это, немецкий конвоир подстрелил его. Это я видел лично сам».

Свидетель Никольский Валериан Михайлович: «...с 6 сентября 1941 г. По 3 октября 1943 г. Я находился под стражей в лагере. Причина ареста неизвестна. В лагере царил полный произвол. В моем присутствии немецкий офицер по имени Рудольф, ради своего развлечения заставлял советского гражданина по имени Михаил кушать сырую, только что опаленную мышь. И человек под угрозами съедал. Немецкий офицер систематически издевался над Михаилом, заставляя глотать камни и ледяную воду, в октябре Михаил умер от истязаний и истощения».

Всего, как определила специальная комиссия в марте сорок пятого года, на кладбище советских военнопленных в лагере Дулаг 100 захоронено около восьмидесяти пяти тысяч мужчин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти пяти лет⁴⁹.

Подполье в Порхове и районе начало действовать почти сразу после начала оккупации. Первым подпольщиком стал бывший секретарь райкома партии Иван Васильевич Курсаков. Его группа действовала не столько в Порхове, сколько в районе. Летом и осенью сорок первого года партизанам в деревнях нельзя было и показаться. Местные жители, среди которых были ничего не забывшие раскулаченные, ловили и сдавали партизан оккупационным властям. Ситуация осложнялась тем, что многих партийных и советских работников сельские жители знали в лицо. Курсакова немцы арестовали в ноябре. Его выдали свои. В апреле сорок второго он был казнен.

Самую разветвленную и эффективную подпольную организацию в Порхове создал агроном и садовод Борис Петрович Калачев, приехавший в Порхов еще в двадцать седьмом году. С началом войны Калачев поселился на территории крепости. Ему доверяли все – и порховичи, и жители района, знавшие его как опытного садовода, при котором площадь садов в районе увеличилась в девять раз, и немцы – в партии он не состоял и немецким языком владел, так как проходил трехлетнюю стажировку в Германии. Оккупационные власти поначалу даже предложили ему стать порховским бургомистром, но Калачев отказался, объяснив свой отказ глухотой. Тем не менее, главным агрономом Порховского района и начальником биостанции он стал.

Первое собрание пока еще четырех участников порховского подполья произошло пятнадцатого июля, то есть уже через пять дней после начала оккупации. К концу августа сорок первого года подпольная организация была создана. Калачев, пользуясь доверием немецкого коменданта, устроил на работу в различные оккупационные учреждения около двух десятков порховичей-подпольщиков. Полученные от них сведения передавались партизанам.

В ботаническом саду крепости выращивались в большом количестве лекарственные растения и цветы для немцев. В том числе и цветы на могилы немецких солдат. На работы в саду Калачев смог привлечь с согласия немецких властей до двухсот заключенных Дулага. Часто случалось так, что приводили утром на работы пленных больше, чем уводили в лагерь вечером – подпольщики помогали нашим людям бежать. Медсестры лагерного лазарета Любовь и Мария Киселевы, входившие в группу Калачева, помогли переправить триста человек к партизанам. Подпольщики составили график движения немецких поездов через Порхов и передали его партизанам. Сами получали от партизан листовки, распечатки сообщений, полученных по радио, и советские газеты для распространения среди населения. Получали не только листовки с газетами, но и взрывчатку, с помощью которой взорвали электростанцию кожевенного завода, часть немецких казарм, склад бензина, на котором хранилось его полтора миллиона литров, несколько цистерн с горючим на железнодорожной станции и немецкое казино. Группа Калачева наладила бесперебойное снабжение партизан немецкими паспортами и медикаментами. Заготовленные по требованию оккупационных властей лекарственные растения передавались немецкому аптекарю, а тот за выполненную работу снабжал порховскую аптеку и больницу лекарствами, перевязочными материалами и медицинскими инструментами. Все переданное строго учитывалось. Заведовал порховской аптекой Владимир Вульф, тоже немец, но поволжский. Немцы ему доверяли, не подозревая, что он почти половину переданных ему медикаментов передавал подпольщикам. При этом Вульф так умело оформлял документы, что умудрялся оставаться вне подозрений.

Группа Калачева успешно действовала до лета сорок третьего года. Согласно основной версии, выдал подпольщиков военнопленный, инженер Мальцевский, которого они смогли вытащить из лагеря. В июле в дом к подпольщикам – учителю Валентине Еровой и агроному Антоне Тимофеевой пришли два человека, назвали правильный пароль и попросили проводить их к партизанам. Маршрут им указали. Увы, это были провокаторы. Начались аресты. Калачева арестовывали два раза. Первый раз отпустили, а во второй при обыске нашли дневник, в который Борис Петрович скрупулезно, день за днем, записывал, какую работу выполнял каждый подпольщик. Под пытками руководитель порховского подполья не выдал никого. Удивительно, но заведующий тюрьмой, несмотря на запреты начальства, передавал заключенному от подпольщиков еду и чистую одежду. По-видимому, он и передал Калачеву по его просьбе ядовитые корни аконита, куст которого рос в ботаническом саду на территории крепости. В ночь на тридцать первое июля Борис Петрович ими отравился, поскольку уже знал, что его вот-вот повесят⁵⁰. Небольшая часть подпольщиков успела уйти в партизаны, а те, кто не успел, были отправлены немцами в концлагерь возле деревни Заполянье в десяти километрах от Порхова и там расстреляны. Те, кто остался на свободе, пытались их спасти и сумели подкупить охрану концлагеря, но один из охранников в пьяном виде рассказал о готовящемся побеге немцам.

Куст аконита и сейчас растет в ботаническом саду на территории крепости. Летом весь усыпан красивыми фиолетовыми соцветиями. Правда, это не тот самый куст, что рос здесь в сорок третьем, но на том же месте.

Партизанская газета «Порховская правда» 19 июля 1942 года: «Теперь в г. Порхове евреев не стало, ни взрослых, ни малолетних: они все расстреляны в лесу близ совхоза “Полоное”. Грудных детей палачи одной рукой держали над головой, а другой в упор расстреливали из пистолета».

Тринадцатого ноября сорок третьего года в восемь часов вечера в Порхове был взорван немецкий кинотеатр, под обломками которого погибло семьсот шестьдесят четыре солдата, сорок один офицер и генерал. На следующий день после взрыва о нем было сообщено в сводках Советского информбюро, поскольку это была если и не самая, то одна из самых крупных диверсий за все годы Великой Отечественной войны. Организатором и исполнителем ее был Константин Александрович Чехович.

Газета «За родину» 30 декабря 1942 года: «Одним из зданий, украшавших Порхов до войны, был трехэтажный дом в центре города, принадлежавший в свое время купцу Зацкому. Большевики, при отступлении из города, летом 1941 года, дом разрушили. Восстановление его было начато по инициативе начальника района. Благодаря большой помощи германских военных организаций часть здания уже восстановлена и приспособлена под театр. Открытие театра состоялось в первых числах декабря. 500 человек с большим интересом прослушали концерт».

Чехович появился в Порхове в августе сорок первого. Полк, в котором он командовал ротой, с большими потерями дошел до Пскова, потом его перебросили в Новгородскую область, где Чехович был участником контрудара нашей армии под Сольцами. В начале августа он получил задание создать партизанскую ячейку на территории Порховского района. План был в составе диверсионной группы из пяти человек пройти восемьдесят километров до места, где с самолета им должны были сбросить снаряжение, необходимое для выполнения задачи, и новые инструкции. Все подготовились, переоделись в гражданское и стали пробираться через линию фронта, но при переходе попали под сильный обстрел. Группа рассеялась, а Чехович был контужен и вместе с командиром группы попал в плен. К счастью, им удалось бежать из него. Времени до встречи с самолетом у них оставалось мало, двигаться они могли только по ночам, и потому до заданного места они добраться вовремя не смогли. Товарищ Чеховича предложил ему пробираться в Порхов, а сам ушел в другом направлении. Перед тем как расстаться, Константин получил от командира три золотых пятирублевых монеты царской чеканки.

В городе Чехович не знал никого, и документов у него не было никаких. Арестовать его могли в любой момент. Скрываться диверсант не стал, а сразу пошел в городскую управу и на допросе ее начальнику рассказал, что работал районным техником электрических сетей в Пскове и после начала войны шел в сторону Новгорода вместе с фронтом, но в районе станции Дно быстро отступавшая армия его обогнала, и он оказался на оккупированной территории. Убедительность его рассказу придавала золотая пятерка, которую он из рук в руки передал начальнику управы, приказавшему оформить Чеховичу прописку в Порхове. В конце августа Константин уже работает электриком на городской электростанции. Поселился он в доме Евдокии Васильевой, на которой через два месяца женился. К тому времени Чехович сумел наладить связь с Ленинградским штабом партизанского движения. В конце сорок второго года он с разрешения немецкой комендатуры устроился работать администратором кинотеатра.

Газета «За родину» 18 апреля 1943 года: «Благодаря энергии и предприимчивости начальника района А. Беляева, удалось сбереечь, а теперь и отремонтировать большой трехэтажный дом. В нем теперь происходят киносеансы и театральные представления. Но помимо этого помещения, в доме имеется еще несколько помещений, которые также будут в ближайшем времени рационально использованы. Киносеансы в Порхове пользуются огромным успехом, главным образом, среди молодежи». Газета не сообщила, как рационально оккупационные власти использовали несколько свободных помещений. Оно и понятно – зачем в заметке про кинотеатр писать, что в свободных помещениях расположился штаб СД, а в подвале – камеры для содержания арестованных.

К середине сорок третьего напряжение в городе стало нарастать. Партизанское движение приобрело большой размах. В Порхове убили хозяйственного коменданта города. Приток на-

селения в партизанские соединения, действовавшие на территории района, заметно усилился. Гестапо этим воспользовалось и стало засылать партизанам своих провокаторов. Летом с их помощью была раскрыта и практически вся уничтожена подпольная организация Калачева. Заниматься сбором разведданных в Порхове стало опасно, а передавать собранные сведения партизанам сложно, поскольку большей части подпольщиков пришлось уйти из города. Чехович тоже решает уходить, но перед уходом взорвать железнодорожный мост через Шелонь. Уже был найден местный полицай, согласившийся помочь, уже доставлена в город взрывчатка и закопана Чеховичем во дворе дома... Все пришлось отменить – русских полицейских, охранявших мост, заменили немецкими солдатами.

После недолгих размышлений Чехович и его партизанское начальство приняли решение взорвать кинотеатр, в котором он работал администратором. Эта задача была ничуть не проще взрыва моста. Поскольку кинотеатр посещали немецкие солдаты и офицеры, то каждый раз перед сеансом зал, кинобудку и прилегающие помещения осматривали офицер СД и несколько солдат. На киносеансы для немцев русские не допускались. Более того, для посещения местных жителей и немецких солдат были установлены различные дни. В зал зрителей, как русских, так и немцев, запускали за пятнадцать минут до сеанса. Служебное положение Чеховича позволяло ему приходить в зал раньше зрителей. Он приходил и каждый раз приносил по две шашки тола весом по четыреста граммов каждая, которые закладывал под галерею в центре зрительного зала. Пробираясь он в галерею через люк, но таким образом, чтобы слой паутины, видневшийся при открытии люка, не был нарушен. За сохранностью паутины немцы следили. Принести из дому и незаметно уложить шестьдесят четыре килограмма взрывчатки за короткий срок одному при том, что с каждым днем в городе становилось все опаснее оставаться... Чехович смог устроить на работу уборщицей в кинотеатр семнадцатилетнюю сестру жены. Взрывчатку она проносила в кинотеатр в ведрах с грязной водой. Уложили шашки быстро. После этого уборщица была уволена и отправлена в деревню Радилово, к матери, то есть к теще Чеховича. Поскольку никаким бикфордовым шнуром для взрыва воспользоваться было нельзя, а электродетонаторов у партизан не было, Чехович самостоятельно изготовил четыре электродетонатора и механический часовой взрыватель.

Газета «За родину» 30 декабря 1942 года: «В городе успешно функционирует прекрасно оборудованный кинематограф на 500 мест, а любительские спектакли и концерты стали теперь регулярными и пользуются заслуженным успехом у населения».

Тринадцатого ноября сорок третьего года в кинотеатре был аншлаг – показывали фильм об артистах цирка. В зал набилось куда больше положенных пятисот человек. Все проходы были заняты солдатами. В восемь часов вечера «прекрасно оборудованный кинематограф» вместе с немецкими солдатами, офицерами и генералом взлетел на воздух. Не весь, поскольку купеческие дома строили на совесть, но крышу и стену, обращенную к Шелони как корова языком слизала. В этот момент Чехович уже ехал на велосипеде в деревню Радилово, в сорока километрах от Порхова, к семье, которую загая туда отправил.

В качестве послесловия к взрыву можно сказать, что ни один из арестованных, содержавшихся в подвале кинотеатра, не пострадал. Что касается Константина Александровича Чеховича, то он продолжил воевать уже в качестве начальника штаба одного из отрядов 7-й ленинградской партизанской бригады, действовавшей на территории Ленинградской области, в которую тогда входил и Порховский район. До конца войны его отряд успел пустить под откос двадцать девять вражеских эшелонов, взорвать несколько железнодорожных и автомобильных мостов, вывести из строя десятки километров рельсов, связи и уничтожить три с половиной тысячи немецких солдат и офицеров²¹.

Теперь о партизанах. Они начали действовать в Порховском районе буквально с первых месяцев войны. В конце июля была создана 2-я ленинградская бригада на базе отрядов из Порхова и близлежащих районов. Комиссаром бригады был назначен секретарь Порховского райкома ВКП(б) Сергей Александрович Орлов. Именно по его инициативе в марте сорок второго отправился в блокадный Ленинград партизанский обоз с продовольствием, состоявший из более чем

двухсот подвод, на которых везли тридцать пять тысяч пудов продуктов. Только за год боевых действий бригада уничтожила около десяти тысяч солдат и офицеров вермахта. В общей сложности на территории Порховского района действовало в годы войны до десяти партизанских бригад. Под их защитой находилось четыреста деревень, в которых оккупанты боялись появляться. В 3-й ленинградской партизанской бригаде к маю сорок третьего года состояло три тысячи человек, и среди этих трех тысяч тоже был отряд порховичей. Партизаны громили комендатуры, взрывали склады, мосты, устраивали диверсии на шоссе на дорогах. Это был фронт в ста километрах к западу от линии фронта.

Из протокола допроса жителя сожженной деревни Ровняк Порховского района М. П. Кудрявцева. 22 января 1947 г.: «В октябре 1943 года я и моя семья находилась в деревне Кашутино дней 10, так как наша деревня была сожжена. В Кашутино находилось еще несколько семей из других деревень. Ночью в октябре месяце, числа не помню, в деревню Кашутино пришли немецкие солдаты, человек 25–30, расположились в одном из домов у Федорова Василия Федоровича. Спросили покушать и расположились спать, никому ничего не грубили, а утром рано, чуть свет, деревня Кашутино была вся оцеплена и всех жителей свели в одно место за деревню метров 150–200. Некоторые делали попытку бежать, но были возвращены обратно и поставлены в одно место. На этом месте, где стояли солдаты, стоял ручной пулемет. Немецкие солдаты в количестве 20–25 в ряд против нас, не объявив нам ничего, открыли по нам стрельбу из автоматов и карабинов – была слышна автоматическая и одиночная стрельба. Народ стал падать, видя такое положение, упал и я рядом с убитой моей женой Кудрявцевой Татьяной. Лежал, притаил дыхание, как неживой. Через некоторое время я услышал легкий голос: “Вставайте, кто живой”, то я откликнулся молча, могут услышать, то мне ответили, что немцев нет – вставайте... Когда я посмотрел, убедился, что немцев нет, встал и побежал в лес... Выведено за деревню на расстрел немецкими солдатами из деревни Кашутино около сорока человек, но взрослой молодежи было не более как 20 человек, а остальные были дети и старики, в целом из всего состава были больше девушки, подростки и женщины. 5–6 человек в этом количестве было детей от года до 10 лет. Человек 5 убежало в момент сбора и когда они гнали нас на поле на расстрел. Всего расстреляно около 30 человек... Выстроенные против нас солдаты стояли вооруженные автоматами, карабинами и пистолетами, тут же стоял и ручной пулемет. Стрельба была открыта из всевозможного оружия. Были выстрелы и очередями, автоматическое оружие, были и одиночные выстрелы. Когда групповая стрельба была окончена, то некоторые раненные стонали. Солдаты ходили около убитых, и по тем, кто стонал, делали по ним еще выстрелы. Так же добита была и моя жена Кудрявцева Татьяна, которая стонала – лежала рядом со мной...».

Акт о сожжении военными 16-й охранной дивизии деревни Стрянниха Порховского района 24 января 1947 г.: «Мы, нижеподписавшиеся жители деревни Стрянниха Луковищенского с/совета Порховского района Псковской обл. Егоров Федот Егорович, 1896 года рожд., председатель колхоза «Новый путь» – Мартынов Алексей Мартынович, 1909 года рожд., Афанасьев Максим Афанасьевич, 1889 года рожд., что солдатами 16-й охранной дивизии 8 октября 1943 года была сожжена деревня Стрянниха в количестве 25 дворов со всеми пристройками. Кроме того, сгорело: лошадей – 3, коров – 2, необмолоченный хлеб: рожь – 200 пудов, овес – 250 пудов, ячмень – 100 пудов, лен – 500 пудов. Кроме того, было вывезено: рожь – 100 пудов и овес – 120 пудов.

Акт опознания бывшим военным 16-й охранной дивизии Людвигом Прюллером места совершения преступления в деревне Кашутино Порховского района. 23 января 1947: «Мы, нижеподписавшиеся: ст. опер. Уполномоченный лагеря № 410 МВД СССР, ст. лейтенант Шамаков, переводчик лагеря № 410 МВД СССР Вагнер, жительница деревни Кашутино Луковищенского с/совета Порховского района Псковской обл. Яковлева Татьяна Ивановна, 1929 года рожд. (находящейся под расстрелом 21 октября 1943 года) и в/пленный лагерного отделения № 2 МВД СССР Прюллер Людвиг Михаэль, 1900 года рожд. Составили настоящий акт в том, что в/пленный Прюллер опознал деревню Кашутино, название которой не помнил, где солдатами 16-й ох-

ранной дивизии 3-й роты в количестве 25–30 человек под командованием капитана Бахмайера и лично им произведена облава деревни Кашутино и расстрела мирных граждан, детей, стариков и женщин в количестве 35–40 человек и была сожжена полностью деревня, а также опознал место, где они произвели расстрел 21 окт. 1943 года в 200 метрах от деревни Кашутино, в чем и составлен настоящий акт».

Из протокола допроса бывшего военнослужащего 16-й охранной дивизии Людвиг Прюллера: «Я признаю себя виновным в том, что я, будучи обер-ефрейтором германской армии, в составе 16-й охранной дивизии в р-не Порхова Псковской области 08.09.1943 г. являлся активным участником сожжения деревни Стрянниха, где лично сжег 3 дома. 21 октября 1943 года являлся активным участником расстрела 30 советских граждан деревни Кашутино Порховского р-на Псковской области, где лично расстрелял 2-х или 3-х человек из карабина. Кроме этого, я лично являлся участником насильного угона советских граждан на занятой нами территории Лехово в Германию на работу...».

Из показаний свидетеля Григорьева Якова Григорьевича, жителя деревни Кузнецово, Порховского района Псковской области на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 26 февраля 1946 г.: «В памятный день 28 октября 1943 г. немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями, Алексеем и Николаем. Неожиданно к нам на ток зашел немецкий солдат и велел следовать за ним. Нас повели через деревню в крайний дом. Я сидел около самого окна и смотрел в окно. Вижу, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я заметил свою жену и маленького своего сына 9 лет. Их сначала подогнали к дому, а потом повели обратно, куда – мне было тогда неизвестно. Немного погодя входят три немецких автоматчика, и четвертый держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу 19 человек, в том числе меня и моих двух сыновей, и начали из автоматов стрелять по нас. Я стоял около самой стенки, немного опустившись. После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу – невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго сына я сперва не заметил и не знал, убит он или жив. Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них трупа. В этот момент меня окрикнул мой сын, который остался в живых... Второй, а первый лежал убитый невдалеке от меня. Сынишка крикнул: “Папа, вы живой?” ...Он был ранен в ногу. Я его успокоил: “Не бойся, сыночек, я тебя не оставлю, как-нибудь уйдем. Я тебя вынесу отсюда”. Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда я, открыв окно, выбросился из него вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на пути нашего отхода от дома стояла высокая изгородь, мы не сумели раздвинуть изгородь, а начали ломать ее. В этот момент нас заметили немецкие солдаты и начали по нас стрелять. Я тогда шепнул своему сынишке, чтобы он притаился, а я побегу. Мне его было не снести, и он побежал немного и, благодаря зарослям, притаился, а я побежал дальше, отвлекая внимание солдат. Немного пробежав, я вскочил в постройку, стоявшую около горящего дома. Посидел там немножко и решил идти дальше. Я убежал в ближайший лес, находящийся неподалеку от нашей деревни, и там переночевал. Наутро я встретил из соседней деревни Алексея Н., который мне сообщил, что мой сын Леша жив, так как он уполз. Потом, на второй день после этого, я встретил из этой деревни Кузнецове мальчика Витю – это был беженец из-под Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне... Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и мой малый сынишка. Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнав людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автомата. Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя девяти лет. Когда Витя выбегал из избы, то видел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой зажавши ручонками уши... Из моей семьи остались в живых только я и мой мальчик. Застрелены в моей семье: жена на шестом месяце

беременности, сын Николай 16 лет, сын Петя 9 лет и невестка, жена брата, с двумя ребятами – Сашей и Тоней».

Еще была деревня Красуха в десяти километрах к юго-западу от Порхова, рядом которой попорвался немецкий автомобиль с начальником штаба группы армий Курляндия. Жителей Красухи не расстреливали – их согнали в сарай, облили бензином и сожгли в тот же день. Двести восемьдесят человек, среди которых были дети и беженцы из Ленинграда и Старой Руссы. Уцелела только Мария Лукинична Павлова, у которой в огне погибли все дети – одиннадцатилетний Николай, десятилетняя Галя, семилетняя Надя и шестилетний Витя.

Порхов был освобожден двадцать шестого февраля сорок четвертого года в ходе наступательной Ленинградско-Новгородской операции, а к началу марта от оккупантов очистили и весь район. Надо сказать, что город с ходу взять не удалось. Двум дивизиям пришлось обойти его с двух сторон, и тогда... у немцев сдали нервы. Боясь окружения, они быстро отступили. К счастью для Порхова, он находился перед немецким Восточным валом. Соседним с Порховом Острову и Опочке, находившимся за линией этих укреплений в ста километрах к западу, пришлось ждать освобождения еще полгода.

Отступая, фашисты успели заминировать и взорвать девяносто процентов зданий в Порхове. Из тысячи двухсот с небольшим довоенных зданий частично или полностью уцелела ровно десятая часть. Согласно акту о зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Порхове и Порховском районе Ленинградской области и ущербе, нанесенном ими народному хозяйству, были взорваны и сожжены Городской Государственный драматический театр, краеведческий музей, к тому же совершенно разграбленный, городская библиотека, кинотеатр, шесть школ, библиотечный техникум, мебельная фабрика, льнозавод, здания овчинно-шубного и известкового заводов, больницы на пятьсот коек, две электростанции и большое количество жилых домов. Вырублен городской сад, загажены и приведены в полную негодность Покровский собор и церковь Св. Богородицы. Полностью разрушены синагога и немецкая кирха.

Встречали наших солдат около ста порховичей, прятавшихся во время боев за город в подвалах. Когда к лету сорок четвертого в Порхов вернулись те, кто прятался в лесах и деревнях, то оказалось, что всех жителей города тысяча восемьсот пятьдесят человек. Это при том, что в тридцать девятом в Порхове проживало около тринадцати тысяч. Население района за годы войны и оккупации уменьшилось на двадцать пять тысяч четыреста человек, а общее число погибших на территории города и района превысило сто одну тысячу. На территории района оккупантами было сожжено триста тринадцать деревень. Двадцать из них сожгли вместе с жителями. Десять с половиной тысяч человек вывезли на работы в Германию. На фронт ушло четырнадцать тысяч восемьсот человек. Не вернулось пять тысяч триста шестьдесят.

В августе сорок четвертого Порхов вместе с районом приписали к Псковской области и с тех пор он из нее ни ногой. Стали восстанавливать разрушенное, сожженное и разоренное. Государство помогало, что и говорить. Выдало порховским колхозам шесть с лишним миллионов рублей, шестьдесят тысяч кубометров леса, более шести тысяч квадратных метров оконных стекол и почти двадцать восемь тонн гвоздей. Не даром, конечно, выдало. За все эти гвозди, стекла, лес и деньги нужно было отдавать хлеб, овощи, мясо и молоко. Прежде чем отдавать, нужно было вырастить, а прежде чем вырастить, поля разминировать, вспахать и засеять.

Газета «Порховская правда» 31 августа 1945 г.: «12 колхозниц вместе со скирдовальщиками Иваном Павловым и Иваном Семеновым скирдуют хлеба. Снопки к скирдам подносят вручную. В помощь им выделены 4 коровы, которые на подвозке снопов работают посменно. Всего на уборке занято десять коров, на них возят снопы к гумнам, отвозят зерно... На 4 лошадях подростки боронуют посевы. На четырех подводах увозят в город госпоставки продуктов».

На коровах еще и пахали, поскольку лошадей не хватало, а о тракторах можно было только мечтать. Часть тракторов успели эвакуировать в сорок первом, часть забрали немцы, часть в результате боевых действий... Короче говоря, вместо тракторов были коровы. В лучшем случае лошади. Порой и коров не было – впрягались женщины, поскольку мужчин было еще меньше,

чем тракторов. За плугом часто ходили подростки. «Порховская правда» в октябре сорок пятого писала: «На пахоту зяби в колхозе “Доброе дело” выделили постоянных две лошади. Пахари-подростки Орлов и Леша Яковлев в начале не обращали внимания на качество вспашки – пахали мелко. Этот существенный недостаток был своевременно устранен. Правление колхоза установило контроль за качеством вспашки. Сейчас зябь поднимают без нарушения агротехнических правил. Пахарь Леша Яковлев значительно перевыполняет норму...». К концу сороковых обзавелись тракторами, зерновыми комбайнами и другой сельскохозяйственной техникой. Ее стало вдвое больше, чем перед войной.

Теперь о городе. Восстановили районную поликлинику и районную больницу. Провели водопровод. Построили промкомбинат и в пятьдесят четвертом году с помощью ленинградцев наладили производство простых и незатейливых громкоговорителей второго класса «Балтика» с одной лишь ручной регулировки громкости. Динамик помещался в фанерном корпусе, обклеенном шпоном, а лицевая панель была украшена пластмассовыми накладками, изображавшими адмиралтейство и ростральную колонну. Не бог весть какой дизайн, но тогда и такому были рады. Расходились эти радиоточки по всей стране. Благодаря громкоговорителю «Балтика» в Порхове появился релейный завод. Теперь-то он скорее мертв, чем жив – в двадцатом году всей его выручки было чуть более пятнадцать миллионов, а прибыль стремилась к нулю, но в семидесятые и восьмидесятые он был градообразующим предприятием, на котором работало больше двух тысяч человек – больше, чем на всех остальных предприятиях Порхова вместе взятых. Выпускали тогда схемные кабели и разные реле для гражданских и военных АТС, а в восьмидесятые освоили выпуск аварийной кнопки для автомобилей. Конечно, аварийная кнопка – это не автомобиль и даже не карбюратор, но ведь и Порхов не Детройт и даже не Тольятти. Где теперь те автомобили... О кнопках и говорить нечего. Релейный завод еще числится в списках промышленных предприятий Порхова, но работает на нем человек тридцать и производят они, если судить по официальной информации, малогабаритные поляризованные электромагнитные реле постоянного тока, а производят или нет...

Впрочем, все это еще будет, а пока вернемся в самый конец сороковых годов – в ноябрь сорок девятого. Двадцать седьмого ноября в Псковский обком партии поступило письмо от одного из «преданных членов ВКП(б)». В Псковском обкоме к тому времени обстановка была накалена до предела – первого секретаря обкома уже сняли с должности и арестовали по так называемому «ленинградскому делу». Аноним писал, что «руководство Порховского района превратилось в замкнутый бюрократический аппарат, оторванный от народа». Первый секретарь райкома Григорий Павлович Ермаков подбирает кадры «по принципу семейственности», в районе сложилась обстановка «чинопочитания, подхалимства и угодничества», а «от непригодных ему работников Ермаков избавляется путем выдвижения на работу в другие районы». Письмо, а вернее, донос, был подробным – в нем давались характеристики всем руководящим работникам района. Например, «Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Пищиков А. И. – грубый невыдержанный подхалим, приближенный и доверенное лицо Ермакова. Своим хамским поведением и обращением с людьми вызвал неприязненное отношение к себе». У его жены – редактора районной газеты, родители купцы. У заведующего отделом агитации и пропаганды Румянцева тесть осужден по 58-й статье, жена инструктора Васильева жила в годы войны в Порхове и работала переводчиком военной комендатуры, у зав. сектором единого партбилета Рословой отец расстрелян партизанами, а муж ее, тем не менее, работает пропагандистом райкома. Председатель райисполкома Марковский отгородился от народа и ведет себя по-барски, а жена его жила на оккупированной территории, родственники ее расстреляны партизанами, но несмотря на это, она работает инспектором РОНО. Секретарь исполкома подхалим, заведующий отделом социального обеспечения враждебно настроен Советской власти, заведующие районным плановым и финансовыми отделами бывшие троцкисты. В районе «засорены кадры хозяйственных и других органов». Работниками суда командует прокурор Поляков и тот, если сказать правду, свинья. Уполномоченный министерства загото-

вок Потапкин не просто берет взятки, а собирает дань, директор пищекомбината – бывший урядник...

С одной стороны, этот донос напоминает письмо Хлестакова Тряпичкину, а с другой... Время на дворе стояло совсем не вегетарианское и смешного тут было очень и очень мало. Оргвыводы могли последовать такие, что мало не показалось бы никому из тех, кто руководил городом и районом.

Прошло два дня, и на имя нового первого секретаря Псковского обкома пришла еще одна анонимка, подписанная просто и незатейливо «Я – гражданин Советского Союза». Бдительный советский гражданин писал: «Руководство Порховского района Псковской области за небольшим исключением – это политические и уголовные бандиты, действующие под руководством секретаря райкома Ермакова. Они грабят трудящихся и государство, втоптали в грязь социалистическую законность и Советскую конституцию. Недозволенностью, угрозами и убийствами они терроризировали население, так что все боятся что-либо сказать. Районная парторганизация на 20% засорена враждебными и преступными элементами... Товарищ Шубин, как можно скорее сделайте детальную инспекторскую проверку в Порховском районе, спуститесь до рядовых коммунистов, до простых людей, и Вы вскроете тысячи фактов, подтверждающих то, что здесь дано в обобщенном виде. Есть в Порховском районе и честные люди, любящие Советскую власть. Вы их найдете... Должен Вам сказать, что если в других районах Советского Союза есть хоть частичка того, что творится в Порхове, то Советская власть находится в серьезной опасности».

На такое письмо не ответить было никак нельзя, и проверка, к которой подключилось МГБ, началась. Выяснилось, что заведующий финансовым отделом Рослов в тридцать седьмом был как «враг народа» арестован, получил десять лет лагерей, в сорок первом реабилитирован и восстановлен в партии. Заведующий плановым отделом Гладков в двадцать восьмом примкнул к троцкистам, но впоследствии от них отошел. В октябре тридцать пятого исключался из партии за скрытие социального происхождения. Выяснилось, что его отец и брат имели обувной магазин. Учительница средней школы Коробкова при немцах некоторое время работала чертежницей в отделе пропаганды, а отец ее бывший белый офицер и в настоящее время отбывает наказание.

Уже тридцатого декабря Порховский райком отчитался перед бюро Псковского обкома партии. Комиссия установила, что райком «неудовлетворительно руководит восстановлением и дальнейшим подъемом сельского хозяйства». Неудовлетворительное руководство включало в себя невыполнение планов по освоению посевных площадей, срыв поставок хлеба, картофеля и семян льна, падеж и разбазаривание скота, большую яловость маточного стада, разбазаривание трудодней и самовольный захват общественных земель. Выяснилось, что райком и райисполком допустили возрождение хуторского хозяйства – в районе после войны появилось двадцать восемь хуторских хозяйств и полсотни мелкодворных деревень, в которых имелось двести пятьдесят хозяйств. И это не все. Порховские районные власти сквозь пальцы смотрели на то, что в районе действует шесть церквей, две старообрядческие общины и секта евангелистов. Дошло до того, что в дни религиозных праздников в колхозах никто не работает по два-три дня. В районе проживает свыше шести тысяч репатриантов, то есть тех, кто после войны вернулся на родину после угона на работу в Германию. Дотошная комиссия подсчитала, что из этих шести тысяч больше тысячи тех, кто в годы войны находился на территории капиталистических стран. Прибавим сюда сто двадцать девять человек, побывавших в немецком плену... Комиссия не поленилась посчитать, какой процент репатриантов работает, к примеру, в совхозах или в районном узле связи. Все это называлось «засорением» трудовых коллективов.

Руководство райкома обвинили в «нарушении большевистских принципов в деле подбора и расстановки кадров», а первого секретаря Порховского райкома Ермакова в политической близорукости и в том, что он подбирал кадры «по признакам знакомства и приятельских отношений». Чем, спрашивается, как не политической близорукостью объяснить то, что секретарем райкома по кадрам работал человек, брат которого в годы оккупации работал старостой деревни?

Подтвердилось и то, что отчим и мать редактора «Порховской правды» Пищиковой в середине двадцатых годов торговали баранками⁵². Выяснилось, что заведующий отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов товарищ Пищиков построил каменный дом и деревянный хлев, а для строительства дома использовал лошадей редакции газеты «Порховская правда». Мало того – в личном пользовании у семьи Пищиковых обнаружилась корова, поросяток и несколько кур. Хорошо еще, что корове и курам не вменили то, что они проживали на оккупированной территории во время войны. Заведующий сельскохозяйственным отделом Мирошниченко к троцкистам не примыкал, из партии не исключался, а просто в ноябре сорок девятого года в стенах райисполкома организовал коллективную пьянку, на которую пошли государственные деньги руководимого им отдела.

К счастью, никого из руководящих сотрудников Порховского района не арестовали, но без оргмера, конечно, не обошлось. Первого секретаря Порховского райкома Ермакова сняли с должности. Редактора районной газеты уволили, председателю райисполкома Марковскому объявили строгий выговор по партийной линии и уволили за то, что его тесть работал землеустроителем в немецкой управе, а дядю жены расстреляли партизаны за работу в немецкой разведке. Уволили уполномоченного Министерства заготовок по Порховскому району Потапкина. Досталось даже начальнику районного отдела МГБ Филипову за то, что он плохо информировал райком об имеющемся компромате на руководителей. Впрочем, и сам товарищ Филиппов изо всех сил скрывал тот факт, что его брат в годы войны находился в плену у немцев.

Перед тем как всё или почти всё развалить в девяностых, за предшествующие сорок лет построили в Порхове сыродельный, асфальтобетонный и известковый заводы, разводили в районе голубых пестцов, элитных рысаков, продавали их за несусветные по тем, да и по нашим временам деньги в Японию, в Финляндию, в Италию, не говоря о Советском Союзе, восстановили санатории «Хилово» и «Холомки», построили госпиталь для инвалидов войны, в центре Порхова новую двухэтажную школу, которую в десятых закрыли, открыли межобластную школу-интернат для детей с нарушениями речи, собирали по тридцать три центнера пшеницы с гектара, а в отдельных местах и по сорок семь, что для этих краев просто невиданно и неслыханно, создали народный театр, в котором ставили забытые теперь пьесы забытых советских авторов, добились суточного привеса в триста с лишним грамм на одну свинью...

«Псковская правда» тех лет время от времени писала о жизни Порхова и района невообразимо скучные, написанные суконным языком заметки. Несколько сообщений шестидесятых годов:

«В Порховском районе забывают собственный ценный опыт. В деревне Фролово в совхозе имени Чапаева построили коровник из глины и веток вереска, песка, негашеной извести. В нем тепло и сухо. Стоит уже несколько лет и ничего ему не сделается. В колхозе “Красная береза” построили свинарник из глинолита. В области этот опыт нашел полезное применение, а в Порховском районе... нет. Это косность. Передовой опыт – наше богатство. Забывать о нем – самое настоящее расточительство».

«Слесари Порховского районного отделения “Сельхозтехники” Смирнов и Пачуев разработали схему и подобрали комплекс машин для приготовления и раздачи диких кормов на свинофермах. Причем конструкция шнекового раздатчика разработана самими рационализаторами. Теперь все процессы по приготовлению кормов полностью механизированы. Это новшество внедрено на восьми свинофермах района. Механизатор совхоза “Полоное” этого же района Тихонов разработал конструкцию и изготовил на базе универсального трактора ДСШ-14 кормораздатчик для свиней в условиях лагерного содержания».

«Исполнилось пятнадцать лет с того дня, когда Агафья Дмитриевна Сачук переступила порог птицефермы “Полоное”. Старейшая птичница из года в год добивается высоких показателей. В бухгалтерии подсчитали: за время работы на ферме Сачук получила полтора миллиона яиц, вырастила десятки тысяч голов птицы. Только за прошлый год ею сдано государству 226 тысяч яиц. А нынче Агафья Дмитриевна уже получила в среднем от несушки более, чем по 120 яиц. Сейчас тов. Сачук ежедневно в общей сложности получает 700–750 яиц. Своим опытом Агафья

Дмитриевна делится с другими птичницами района. Дочь ее, Людмила, также трудится на птицеводческой ферме совхоза».

Письмо в редакцию от гражданки Бердюгиной Н.А.: «Хочу посоветовать пассажирам, которые осмелятся отправиться на автобусе из Порхова в Дно: одевайтесь потеплее! А лучше всего захватите с собой... печь. Автобус не отапливается, окна выбиты, даже на сиденьях снег». В шестьдесят седьмом «Псковская правда» сообщала, что в Порхове подстрелили окольцованную в Париже утку.

В семидесятых... то же самое, что и в шестидесятых: «...в Порхове наблюдаются свои загадочные явления: цветные лунки на льду и рыбы, выпрыгивающие из воды. Нет, это совсем не чудо света. Скорее наоборот. В реку здесь 4 раза в неделю сливает отходы городская баня, осенью прошлого года кто-то вылил пенку из цистерны пожарной машины, у маслосырозда по соседству барахлит оборудование отстойника, а вершиной всего стала мастерская автоколонны, вокруг которой разлились радужные масляные пятна. Все это и послужило причиной появления фиолетовых, голубых, розовых лунок на льду. Лучше бы хозяева предприятий, окружающих Шелонь, предпочли естественную красоту реки этим разукрашенным лункам».

«На правом фланге. В конце минувшей недели в порховском колхозе “Заря” комсомольско-молодежное звено, возглавляемое кандидатом в члены КПСС Юрием Николаевым, досрочно завершило уборку озимых хлебов... С целью изучения опыта работы главный инженер хозяйства Петров направлен в дновский совхоз “Большевик”, комсомольская организация которого весной нынешнего года заключила договор на соревнование с комсомольцами “Зари”».

«Первой в поле. В порховском колхозе “Заря” выведут сегодня в поле свои машины трактористы-комсомольцы В. Завьялов, В. Петров, Н. Алексеев. На их показатели равняются сегодня механизаторы колхоза. В хозяйстве полным ходом идет сев».

«Линейка юннатов. В Порхове состоялся традиционный слет юных друзей природы. Он начался традиционной линейкой юннатов. Были заслушаны доклады о деятельности юннатов и сообщения о результатах проводимых опытов. К этому дню была приурочена большая выставка достижений школьников. Отмечена работа производственных бригад Верхнемостской, Дубровенской и Павской школ».

Правда, последние три заметки из газеты «Молодой ленинец» – органа Псковского обкома ВЛКСМ, но разницы совершенно никакой. Впрочем, в этой газете я нашел, может быть, самое интересное сообщение о жителях Порхова. В семьдесят четвертом году газета по заявкам жителей Псковской области напечатала слова песни Игоря Шаферана и Юрия Антонова «У берез и сосен тихо бродит осень». Среди тех, кто просил это сделать, были два жителя Порхова – Владимир Петров и Виктор Андреев.

Теперь в Порхове проживает семь тысяч триста человек, а в районе пятнадцать с половиной тысяч. Большая часть работоспособного населения уезжает на заработки в Петербург, Великий Новгород, Псков и, конечно, в Москву. Работают там вахтовым методом. У тех, кто остался, выбор не очень большой. Если честно, то совсем маленький. Можно продавцом в магазине, можно чиновником в городской или районной администрациях, но там все места заняты не только в партере, бельэтаже или на галерке, но даже и в проходах между рядами, можно попробовать устроиться в муниципальные предприятия вроде тепловых сетей, водоканала, музея или редакции районной газеты «Порховский вестник», можно учителем в школе... Крупных предприятий на город и район всего три.

В районе это совхоз «Шелонский» в деревне Полоное. Производит он отличную свиную тушенку с малым количеством жира. Продается она в Петербурге, Пскове и в Москве. На этикетке нарисованы три веселых поросенка. Поросят там растут в течение шести месяцев, а не трех, как это делают те, кто в погоне за прибылью пренебрегает качеством. Кормят исключительно натуральными кормами, а на первых порах даже поят молоком с соседней фермы. Молочных поросят в «Шелонском» выращивают до состояния сливочных. В городе два предприятия – Порховский известняковый комбинат, в просторечии называемый известковым заводом, и маслосырзавод.

Известковый завод, на котором работает около сотни человек, производит разные виды извести, известняковой муки для подкормки сельскохозяйственных животных и птицы, а также минеральный порошок, используемый в качестве наполнителя асфальтобетонных смесей, резиновых технических изделий и мастик. Говорят, что работать ему еще года два, не больше, потому что сырье, которое привозят из Порховского района, на исходе. Можно, однако, надеяться, что сырье привезут из какого-нибудь другого места. Слава богу, известняк не алмазы – его у нас и в Псковской области много.

На маслосырзаводе делают, как следует из его названия, масло и сыр. Просто сливочное масло, крестьянское сливочное масло, кисло-сливочное, традиционное, соленое... всего девять сортов. Сыр производят всего один – «Аланталь», но разновидностей его множество. Плавленный копченый с грибами, с беконом, с богатым сливочным вкусом и нежным ароматом натурального копчения на ольховой стружке, пять сортов твердого с оттенками вяленых фруктов и фундука, нотками ореха и вяленой груши, сыр для вина – с пикантной кислинкой, переходящей в длительное орехово-сливочное послевкусие... Сам я не видел, но местные жители меня уверяли, что за порховским сыром приезжают из Петербурга, из Пскова, из Новгорода... короче говоря, из всех городов, куда порховичи уезжают работать.

Есть еще цех деревообработки – проще говоря, пилорама, но это предприятие маленькое, хотя и в масштабах Порхова довольно крупное. По официальным данным, взятым из доклада главы Порховского муниципального района за двадцать первый год «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций составила тридцать одну с половиной тысячи рублей», а по словам местных жителей никак не больше пятнадцати. Если, конечно, повезет найти такую работу. По официальным данным, «доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения» в 2021 году составила 63,9%, и на ближайшие три года планируется снижение данного показателя до 62%, а по неофициальным и не всегда цензурным словам местных жителей...

Почти на всех фотографиях, привезенных мной из Порхова, есть или собаки, или кошки, или те и другие вместе. Все потому, что они в провинции не бегают как угорелые, а всегда не торопясь идут по своим делам. Даже если этих дел и нет вовсе. В кадр с двумя старухами, идущими по берегу Шелони, пролез толстый рыжий кот, хотя с его точки зрения пролезли, конечно, старухи. Одна из них была с клюкой и в медицинской маске, сдвинутой на подбородок, а другая, скрюченная как вопросительный знак, с сумкой на колесиках. Та, которая с клюкой, говорила:

– У меня давление сто семьдесят на восемьдесят. У вас бывает давление? Вам капотен помогает?

– У меня все бывает, – отвечала ей та, которая как вопросительный знак. – Я квитанции за квартиру никогда не читаю. Я в них ничего понять не могу. Смотрю, какая цифра в графе к оплате, и все. Мне внук пытался объяснить, но... Только довела его до белого каления.

– И эти кабачки, – бормотала первая старуха. – Житья от них нет. Растут даже там, где их не сажают. У них толстая кожа как кора. Нет сил ее срезать. Суставы болят. Особенно к дождю руки просто выворачивает, а они растут и растут...

– Кто растет? Руки?! – вскинулась старуха с сумкой на колесиках.

– Кабачки, – подсказал кот и исчез в кустах бузины, разросшихся под стеной старой крепости.

Примечания

⁴²Так или иначе, а летом двадцать первого года памятник Карлу Марксу был установлен. Вот как его описывает В.Ф. Ходасевич в очерке «Поездка в Порхов»: «Вскоре я очутился на главной площади, посреди которой, если мне память не изменяет, росло несколько деревьев. На фоне их высился монумент, которому подобного я еще не видел, хотя видел памятник Гейне в Москве,

в Нарышкинском сквере, и памятник Володарскому в Петербурге. Он был исполнен в кубистическом и футуристическом духе – пожалуй, не без влияния знаменитого татлинского памятника революции. Основанием ему служил белый куб вышиной примерно по грудь взрослому человеку. На этом кубе высился другой, поставленный как-то наискосок и поменьше величиной. На самом верху, опять же асимметрически, торчала маленькая четырехгранная пирамида с усеченной вершиной. Все, в общем, было похоже на пасху, которую уронили, сломали и составили вновь, но плохо. Сооружение было вышиной сажени в полторы, то есть не “выше пирамид”. Подойдя ближе, я обнаружил, что и материал его не “прочнее меди”. Попросту говоря, состоял он из деревянного каркаса, на который был натянут холст, выкрашенный клеевой краской. С одной стороны, холст уже был оторван и позволял заглянуть внутрь. Мне вспомнился стих Державина:

На стог поставлен, на позор,
Кумир безумну чернь прельщает;
Но чей в него проникнет взор –
Кроме пустот не ощущает.

Впрочем, мой взор и мое обоняние ощущали в памятнике еще нечто, “кроме пустот”, но что именно – да пребудет тайной сего монумента. Никакой надписи не было на его “цоколе”, но, обходя вокруг памятника, подобно тому, как бедный Евгений обходил вокруг Медного Всадника, я обнаружил, кому он воздвигнут. В верхней его пирамидке была устроена маленькая ниша – точно кто ложкой отколупнул кусок пасхи. В нише стояла деревянная рамочка с фотографией Карла Маркса, уже полинялой и размокшей от дождей. Внизу, у подножия, валялся засохший букет полевых цветов, перевязанный куском красного кумача...».

⁴³Тема обмена вещей на продукты была животрепещущей. Читаем у Ходасевича: «Советских денег деревенское население не принимало. Будучи об этом заранее осведомлены, колонисты привезли с собой предметы для товарообмена: скатерти, из которых шились портки и рубахи, салфетки, которыми бабы повязывали головы, а также мыло, одеколон, румяна и пудру. За скатерть можно было получить двухмесячный абонемент на молоко, за кусок мыла – курицу и десяток яиц, за бутылку одеколона – мешок муки. В ход пошли и одежды: покойный поэт Пяст, друг Блока, при мне выменял свои знаменитые на весь Петербург клетчатые штаны на два пуда муки. В общем, мы стали недурными торговцами. На бывшей стеклянной веранде, превращенной в универсальный магазин, по целым дням толклись мужики и бабы. Питались мы очень недурно. Кто-то выменял граммофон на барана». У Милашевского: «Вспоминается смешной случай с Осипом Мандельштамом. Он привез из Петрограда двенадцать женских головных платков желтого цвета и два отреза полубумажной материи для брюк в мелкую клетку. Товар успеха не имел, напрасно Осип Эмильевич уверял псковитянок: “Посмотрите же, это очень красивые платки и прекрасного цвета!” Ничего не действовало, брать платки и обменивать на простой продукт, хлеб, сало землячки Пушкина отказывались: “Да что вы! Засмеют все!” Желтый цвет был нелюбимым цветом, и ни в каких “руководствах” по русскому народу это сведение зарегистрировано не было. Поэт Осип Мандельштам был жертвой этой неосведомленности. Та же неудача постигла и у парней. Все парни мечтали носить брюки такие же, какие носил Добужинский, то есть в тонкую полоску, а клетка была для них непредвиденной неожиданностью. Обменивать на сало они отказались...».

⁴⁴Из песни слов не выкинешь и потому приведем отрывок из воспоминаний Ходасевича на эту же тему: «Наконец поймал я на улице рыжего мужика, который, кобеньясь, согласился выручить меня за катушку ниток – цена непомерная по тому времени, но торговаться не приходилось. Он запряг лошадь, и мы отправились на базар, где я должен был с ним рассчитаться. Дорогою мы беседовали. В этот голодный год урожай в Псковской и Петербургской губерниях случился в несколько раз выше обыкновенного, и они стали чуть не «житницами России». Мой спутник был этим до чрезвычайности горд.

– А вот на Волге-то народ мрет с голоду. Слышал? – спросил я.

Рыжий весь просиял широчайшей улыбкой.

– Как не слышать! – сказал он нараспев. – Намедни к нам приезжал большевик, рассказывал. Говорит – привезем мы на зиму ребят с Волги, а вы их разберите по избам. Двести ребят на уезд.

– Ну, что ж вы?

– А что мы? Мы говорим – нам ребят не надо, а коли привезете, мы их всех перережем, кому который достанется».

⁴⁵Вот еще два примера подобных газетных публикаций. В печатном органе рабочих и служащих Псковского и Порховского кожевенных заводов с удивительным названием «Мысль кожевника» в тридцатом году напечатана заметка без подписи: «По списку лишенцев под №30 числится бывший торговец Николай Петров, который взят на работу на склад готового товара, но тут он уже не Петров Николай, а Евстафьев Николай. Заводуправлению и местному надо обратить внимание и гнать в шею лишенца с производства». В газете «Псковский пахарь» в августе двадцать девятого года читаем: «В Порховском районе есть образованная коммуна “Завет Ильича”. Казалось бы, удобнее было члену партии тов. Птичкину вступить в члены этой коммуны. Но он вместо коммуны выехал на хутор и поселился в одной версте от коммуны». Подписано двумя буквами: «Яд». Как тут не вспомнить: «Мы без конца проклинали товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?»

⁴⁶Порховский райисполком в январе двадцать девятого года постановил монастырские башенные часы весом сорок пудов передать в распоряжение окружного исполкома, а колокола продать в лом. В апреле газета «Псковский набат» писала: «Бывший Никандровский монастырь Порховского района предназначен на снос. В Псков доставлены на днях снятые с монастырской колокольни башенные часы с колоколами, играющими “Коль славен”... Устройство часов позволяет религиозную музыку заменить “Интернационалом”. Часы могли бы служить для Пскова ценным украшением». Они и послужили – на крыше Дома Советов была сооружена специальная башня, где в августе тридцатого года артелью «Труд» были установлены часы-куранты, вывезенные из Никандровой пустыни. Монастырские постройки разобрали на кирпич, и от них остались лишь руины. Окончательно все разрушилось в годы войны, однако и после войны к этим местам стекались паломники. Советская власть боролась с ними, вела атеистическую пропаганду, строго предупреждала местных сельских батюшек, а в начале шестидесятых годов по псковскому радио даже организовала разоблачительную передачу «Очевидцы о Никандровой пустыни», но успеха не достигла. Что касается монастырских часов на псковском Доме Советов, то сносу им нет, и они до сих пор ходят, хотя Дом Советов давно уже так и не называется.

⁴⁷В двадцать восьмом году столяр льноводческого совхоза «Полоное» Павел Петрович Гельштейн сконструировал машину для очеса семенных коробочек льна*. Работала она и от двигателя, и даже от конного привода. Этой машиной был обработан весь урожай совхозного льна, собранный с площади в сорок три гектара. После такого успеха слухи о чудо-машине дошли до столицы, и в совхоз приехал профессор из Московской научной станции лубяных волокон, который дал заключение о том, что машина Гельштейна в три раза производительнее немецкой и дешевле ее в десять раз. За немецкую машину приходилось платить от пяти до шести тысяч рублей валютой, а машина Гельштейна обходилась в производстве от пятисот до шестисот советских рублей. Отечественную машину обслуживали три человека, а немецкую полтора десятка.

Испытали машину и во второй раз, но уже во Ржеве, при участии инженера Всесоюзного института сельскохозяйственной механизации. Снова успех. Комиссия признала машину годной для серийного производства. Разместили заказ на псковском заводе «Металлист» и приступили к работе. Сам Гельштейн ушел из совхоза и перешел работать на завод. К июлю тридцатого года была готова первая машина. Тут бы и радоваться, но... оказалось, что в процессе производства псковские специалисты-умельцы конструкцию упростили, часть ненужных, с их точки зрения, узлов выбросили, там, где необходимы были подшипники, обошлись без них, вместо восьми роликов поставили четыре и... полученные совхозом «Полоное» четыре машины вышли из строя в первый же день работы. Собственно, работать они так и не начали. К этому моменту «Металлист»

уже успел произвести тридцать семь неисправных машин. Гельштейн, как оказалось, протестовал против внесения изменений в конструкцию, но рабочего-столяра заводские инженеры не очень-то и слушали.

Времена были, мягко говоря, непростые. В газете «Псковский колхозник» вышла статья с заголовком «Требуем прекратить саботаж изобретения тов. Гельштейна!». Саботажник – это совсем не то, что плохой инженер. От саботажника до вредителя рукой подать. Саботажниками занялась областная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции, и через год группа инженеров «Металлиста» оказалась на скамье подсудимых. Обвиняемые пытались доказать суду, что завод был не готов к серийному производству, что ряд деталей на заводе просто невозможно изготовить, и потому были внесены изменения в конструкцию. По совести говоря, в их словах если и не вся правда, то часть правды была, но их доводы Ленинградский областной суд во внимание не принял. Три инженера, ответственных за производство машины Гельштейна получили по году исправительных работ, а мастер, который их собирал – три месяца. Всем четверым предстояло еще и возместить убытки, понесенные заводом.

Суд закончился, а производство машин так и не наладилось. Организовали ночные смены, перебросили рабочих с других предприятий, снизили производство плугов, льнотрепалок, помения директора, но и новый оказался не способен исправить ситуацию, а только жаловался на отсутствие станков и устаревшее оборудование. Уволили и нового директора. «Псковский колхозник» по этому поводу писал: «оппортунистов убрали с завода». Только к концу августа тридцать первого года производство работающих машин Гельштейна было с трудом налажено**.

Павел Петрович Гельштейн на машине для очесывания головок льна не остановился. В тридцать втором году он разработал льнокомбайн. В тридцать четвертом его перевели на должность механика-конструктора во Всесоюзный научно-исследовательский институт льна, через два года наградили орденом Трудового Красного Знамени, а через полгода он скоротостижно скончался.

*Нельзя не упомянуть администрацию совхоза, которая занятий Павла Петровича не одобряла и скрепя свое бюрократическое сердце предоставляла ему время для работы над машиной. Директор совхоза и вовсе хотел, чтобы доводку конструкции машины осуществляли инженеры, а не сам изобретатель.

**«Псковский колхозник» глаз не спускал с производства на заводе «Металлист», вникая в мельчайшие подробности процесса. В ноябре тридцать первого года в заметке «Прекратить головотяпство» рабкор газеты писал: «Втулка малых дисков барабана машины Гельштейна до сих пор растачивается на 34 миллиметра, в то время, как имеющиеся в наличии валы (а их минимум 500 – больше чем месячный запас) обточены под втулку в 31 миллиметра. Под этот же размер точатся валы и сейчас, ибо на складе нет железа соответствующего размера, которое могло бы быть обработано под втулку в 34 миллиметра... Интересно знать, что думает хозруководство механического цеха о такой “согласованности”».

⁴⁸Когда строили в тридцать шестом кирпичные казармы, то часть кирпичей взяли из руин упраздненной Никандровой пустыни. В сорок седьмом казармы разобрали и кирпичи использовали на строительстве жилых домов в Порхове. Не было покоя этим кирпичам...

⁴⁹После войны на месте кладбища военнопленных был поставлен небольшой деревянный обелиск. В шестидесятом году порховские школьники дорогу к месту бывшего концлагеря от шоссе Порхов – Дно обсадили елями. Установили каменный четырехметровый обелиск. Прошло еще двадцать лет и было решено поставить здесь мемориальный комплекс. В восемьдесят третьем году грейдерами заровняли могильные рвы, насыпали искусственный холм, на котором установили тридцатиметровые пилоны памятника, выкопали пруд, названный «Озером слез», и... деньги кончились. Вслед за ними кончился Советский Союз. Строительная площадка стала приходить в запустение, зарастать деревьями, а «Озеро слез» – камышом, и местные жители повадились в нем мыть машины. Все же к одиннадцатому году порховские власти не без помощи благотворителей поставили памятник-часовню и поклонный крест, а в пятнадцатом году по ини-

циативе псковских дорожников, при поддержке Федерального дорожного агентства и организованного по такому случаю благотворительного фонда, который составил, главным образом, из пожертвований граждан, строительство завершили. Когда идет дождь, стальная арматура, расположенная внутри трех огромных стел, ржавеет, и кроваво-красные ручейки, просачиваясь сквозь бетон, текут по поверхности памятника.

⁵⁰Отравившийся аконитом человек до последней минуты находится в сознании. Остановки сердца происходят с периодичностью в две или три минуты. Отравление сопровождается обильное слюнотечение, слезотечение, тошнота, рвота, диарея, судороги и головная боль. Агония длится от двух до четырех часов.

⁵¹После войны Константин Александрович Чехович возвратился вместе с женой и сыном к себе домой, в Одессу, работал заместителем председателя одного из райисполкомов, секретарем райкома, начальником цеха Одесского механического завода, директором дрожжевого завода, но награда еще очень долго не находила героя. Сразу же после взрыва командование седьмой партизанской бригады, в которой он воевал, представило его к званию Героя Советского Союза. Героя не дали. Стали говорить, что такую диверсию один человек не смог бы устроить, что наверняка у него были помощники, что в подготовке взрыва участвовала не седьмая, а четвертая партизанская бригада и вообще... Чехович был в плену. То ли день, то ли две недели, но был, а раз был в плену, то и говорить о наградах не приходится. Какие, спрашивается, награды, когда Василеостровское районное МГБ завело дело в отношении Константина Чеховича, целью которого было выяснить – не является ли он немецким агентом. К счастью, дело закрыли и Чеховичу все же дали орден Отечественной войны II степени. Правда, спустя много лет. Через семьдесят лет, в две тысячи тринадцатом году, в Порхове, на восстановленном после войны доме бывшего городского головы купца Зацкого установили памятную мраморную табличку, на открытие которой пригласили дочь и внуку Чеховича. Еще и записали Константина Александровича в почетные граждане Порхова. Правда, его к тому времени в живых уже не было – он умер за шестнадцать лет до этого события.

⁵²Редактор районной газеты Варвара Александровна Пищикова, как и другие руководящие сотрудники города и района, написала объяснительную записку в обком партии: «Родилась в 1908 г. в Порхове, в 1911 г. отец умер, мать в 1914 г. вышла вторично замуж за пекаря, работавшего по найму. С 1917 г. отчим занимался земледелием, в 1922–24 гг. – кустарничеством: с матерью выпекали крендели и продавали на базаре с лотка. Муку покупали у местных торговцев. Собственности никакой не имели. С организацией в Порхове центрального рабочего кооператива отчим поступил туда пекарем и работал до 1941 г. В период оккупации родители жили в Порхове, у немцев не работали, сегодня им за 70 лет. При вступлении в партию ничего не скрывала. Скрывать о торговле родителей в годы НЭПа мне было нечего. Дом собственный есть, выстроен из кирпича. Строили мы его два года (1945–1946), вынуждены были строить, т. к. жить было негде. Трое детей и старики жили 11 месяцев в деревне в 20 км от города, мы с мужем ютились в 6-метровой комнатухе. Брали на постройку ссуду, кирпич райисполком отпустил мужу бесплатно, как демобилизованному и инвалиду 2-й группы... Старики живут в доме в отдельной комнате, у них есть одна небольшая икона – переубедить я их не могу. Есть корова, восемь кур, две утки». Икона есть, но всего одна и небольшая... Куда меньше, чем корова, восемь кур и две утки.

Библиография

- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. – 565 с.
- Е.Е. Лебедев. Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород: Губернская типография, 1915. – 104 с.
- П. Силин Археологические заметки о городе Порхове. Псковские губернские ведомости № 17. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1872 // Порхов и его уезд. Сборник дореволюционных публикаций. Сост. и авт. вступ. ст. Н.Ф. Левин. Псков, 2005. С.59–64.
- А. Анисимов Псковские губернские ведомости № 3–6. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1873 // Порхов и его уезд... С. 65–91.

А. Медведев Топографическое описание города Порхова. «Бабочка. Дневник новостей», 1829 г., № 71 // Порхов и его уезд... С. 45–58.

М.П. Нармонтас. Тень бересты: упоминания о Порхове и округе в Новгородских берестяных грамотах (XI–XIV вв.) // Краеведческие чтения. Материалы XII научной конференции, 16–17 сентября 2011 г. Составители Н.Н. Степанова, Н.А. Исакова, М.П. Нармонтас. Порхов, 2013. С. 99–107.

В.В. Косточкин. Древние русские крепости. М.: Наука, 1964.

И.О. Колосова, А.В. Михайлов. Город Порхов и Ганза. К вопросу о принятии Порхова в международный Ганзейский Союз Нового времени // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25–26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 58–60.

Полное собрание русских летописей. Том 8. Издание 2-е. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. – 312 с., разд. паг. (IX, 302 с.). Репринтное воспроизведение издания 1859 г.

М.Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962. – 584 с.

А.Н. Кирпичников. Новаторские элементы в устройстве Порховской крепости // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25–26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 8–11.

А.Е. Крылов. Край между Псковом и Новгородом. Псков, 2013. – 543 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 149.

А.М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Часть I, Москва, 1914. – 646 с.

Новгородские писцовые книги. Т.4 Переписные оброчные книги Шелонской пятины. I. 1498 г. II. 1539 г. III. 1552–1553 гг. СПб, 1886. – 300 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. Санкт-Петербург, 1836. С. 187–188.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. 1598–1613. Санкт-Петербург, 1836. С. 227.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3 Санкт-Петербург, 1848. С. 121–122.

Станислав Пиотровский. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова): с двумя рисунками / издание Псковского Археологического Общества; перевод с польского действительного члена Псковского Археологического Общества О.Н. Милевского. Псков, 1882.

З.А. Лурье, С.С. Смирнова, А.И. Филюшкин К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2 (10). С. 173–200

Я.Н. Рабинович. Порхов в Смутное время. Саратов, 2013. – 128 с.

Я.Н. Рабинович. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: Обл. тип., 2014. – 256 с.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1867–1916. Т. 24: Отчет Нидерландских посланников Рейноута фон Бредорде, Дидериха Басса и Альберта Иоахима об их посольстве в Швецию и Россию (годы 1615 и 1616). Сообщено из нидерландского государственного архива. СПб, 1878. – XXV, 586 с.

Донесение священников, старост и волостных людей Новгородских погостов к графу Якову Делагарди // Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. С. 37–40.

К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 57

М.Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года: из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1935. – 203 с.

А.В. Юрасов. Внешняя торговля Пскова в XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 1998. – 296 с.

Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2 / введение Н. Чулкова. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – IX, 555 с.

О.А. Алексеева. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в.: 1725–1800 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Псков, 2009. – 365 с.

Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород. Сборник Русского исторического общества. Том первый. СПб, 1876.

Н.В. Коломыцева. Екатерина II и Порховский уезд // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки: Материалы научной конференции. Псков, 2003. – С.26–35.

С.В. Моисеев. Порхов XVIII века по документам Государственного исторического архива Новгородской области // Краеведческие чтения. Порхов – Холомки: Материалы научной конференции. Псков, 2006. С.137–157.

С.В. Моисеев. Болчинское следствие 1723 г. // Краеведческие чтения. Материалы XII научной конференции 16–17 сентября 2011 г. Порхов, 2013. С.127–131.

Л.Н. Макеенко. Порховский уезд – основной поставщик зерна на псковский рынок // Краеведческие чтения.

Порхов – Холмки. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию Порховского музея. (г. Порхов, июнь 1999 г. Псков, 2001. С. 33–36.

С.Н. Иконников Столетие Порховского уездного училища с 22 сентября 1790 г. по 22 сентября 1890 г. Псков, 1891. С. 28.

В.М. Севергин. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802-1803 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803-1804: Ч. 2. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогическая, Технологическая и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году, Академиком, Коллежским Советником и Ордена св. Анны второго класса Кавалером Васильем Севергиным. С. 57–60.

К.К. Случевский. По Северо-Западу России. т. 2. По Западу России: с картою Западного края, отпечатанною в 6 красок и 159 рисунками – [4], 610, XII с., [1] л. карт.: ил. С.-Петербург, 1897.

Л.Н. Макеенко. Псковичи – участники Отечественной войны 1812 г. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2012. № 36. С. 3–9.

К.Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. (по новым архивным данным) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2015. №42. С. 173–200.

Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг.: (Арх. Справка). Псков, 1912. С. 68.

То был век богатырей! Псковичи – участники войны 1812 года: библиографические материалы / ГБУК Псковская областная универсальная научная библиотека. 2-е изд., доп. – Псков, 2012. – 136 с.: портр.

Г. М. Дейч, Г. Фридендер. Пушкин и крестьянские волнения 1826 года // [Электронный ресурс]: URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/158/158-195-.htm>

В.А. Кошельков. Крестьянские волнения в Псковской губернии в 1820-е гг. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2021. № 54. С. 152–155.

О.Н. Сандалюк. «Описание уездных городов, почтовых станций, дорог...». Опыт историко-литературного комментария // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1998. № 9. С. 164–170.

Н.Ф. Левин, А.А. Шумков Коммерции советник Василий Жуков // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 31. С. 100–113.

Ю.Н. Узенева Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX века: дис. канд. ист. наук. Псков, 2015. С. 204.

Е.Б. Левенштейн. Воспоминания о Порхове // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. № 43. С. 209–215.

Б. Богданов. Порхов в первой четверти XX века // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 41. С. 219–245.

И.И. Лагунин. Холмки в истории русской литературы. Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию Порховского музея (г. Порхов, июнь 1999 г.). Псков, 2001. С. 103–108.

М.В. Васильев. Крестьяне Порховского уезда в годы испытаний. 1917–1919 гг. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 190–197.

И.Я. Панченко. Порхов. Ленинград, 1979. – 110 с.

М.В. Васильев. Внутренний фронт Гражданской войны на Северо-западе России. 1918–1920 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1343>

М.Т. Маркова. Крестьянские восстания в Порховском уезде в 1918–1919 годах. С. 149–156 // Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Материалы научной конференции 21–23 сентября 2001 г. Псков, 2002. – 159 с.

О.А. Кудрявцева. Из истории Порховского музея (1918–1941 гг.) С. 9–17 // Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Материалы юбилейных конференций. Псков, 2001. – 160 с.

Г.В. Проскуракова. Порховская старина. Порхов 20-х годов // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 13. С. 11–22.

Отчет Псковского Губернского Экономического совещания. Выпуск IV, с 1-го октября по 1-е апреля 1923 г. Псков, 1923. С. 128.

А.В. Филимонов. Из истории Никандровой пустыни (послереволюционный период) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 45. С. 144–164.

А.В. Филимонов. История с «машинной Гельштейна» // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2021. № 54. С. 165–171.

Псковские комсомольцы, ответьте // Юный пахарь. 1924. 25 дек. С. 2.

Заведующий в церкви торгует свечами, а на мельнице все идет прахом // Псковский набат. 1923. 13 июня. № 129. С. 4.

- Нажим на мельников-кулаков // Псковский набат. 1930. 7 января. № 5. С. 6.
 Кулацкая месть // Псковский набат. 1930. 14 января. № 11. С. 6.
 Выбросить иконы // Псковский набат. 1930. 11 января. № 9.
 В районах // Псковский набат. 1930. 4 февраля. № 28. С. 4.
 По заметкам «Набата» // Псковский набат. 1930. 15 января. № 12. С. 6.
 Усиленно бьем тревогу! // Псковский набат. 1930. 25 февраля. № 46. С. 4.
 Поп-вредитель // Псковский набат. 1930. 12 января. № 10.
 Прекратить головоутипство // Псковский колхозник. 1931. 19 ноября. № 240. С. 4
 Резолюции Порховской 9-й районной партконференции (3–5 янв. 1934 г.). Порхов, 1934. С. 16.
 Лишонец устроился // Мысль кожевника. 1930. 25 марта. № 8. С. 4.
 Рядом с коммуной коммунист Птичкин строит хуторное хозяйство // Псковский пахарь. 1929. 17 августа. № 65. С. 6.
 Г.А. Халемский Неизвестные страницы истории Порхова в архивах Санкт-Петербурга // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25-26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 66–76.
 Еще один театр // За Родину. Псков, 1942. 30 декабря. № 94. С. 4.
 Новый дом культуры // За Родину. Псков, 1943. 18 апреля. № 91. С. 6.
 Сожженные деревни России, 1941–1944: Документы и материалы. Сост. Л.Д. Жуковская и др. М., 2017. – 608 с.
 Попечительство о беженцах // За Родину. Псков, 1943. 12 июля. № 159. С. 4.
 Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX–XX вв.). Учебное пособие. Псков, 2000. – 628 с.
 Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в двух томах под ред. К.П. Горшенина. Издание третье, исправленное и дополненное. М., 1955.
 А.В. Филимонов. «Ленинградское дело» и Порховский район (1949-1950 гг.) // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XII научной конференции, 16-17 сентября 2011 г. Псков, 2013. С. 65–77.
 Это расточительство // Псковская правда. 1961. 20 декабря. № 246. С. 4.
 Пятнадцать лет на птицеферме // Псковская правда. 1961. 15 декабря. № 293. С. 4.
 Дорогу сельским новаторам! // Псковская правда. 1962. 26 декабря. № 301. С. 4.
 Линейка юннатов // Молодой ленинец. 1970. 10 октября. № 122. С. 4.
 На правом фланге // Молодой ленинец. 1974. 10 сентября. № 110. С. 4.
 Песня по заявке // Молодой ленинец. 1974. 3 августа. № 94. С. 4.
 Первоймай в поле // Молодой ленинец. 1974. 1 мая. № 55. С. 4.

Александр МАРКОВ

ВОЙНА И МИР ДВУХ НОВЫХ КНИГ

Денис Безносков. Свидетельства обитания: Роман / Предисл. Д. Ларионова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 352 с.

Роман поэта Дениса Безноскова легко отнести к ближайшей традиции – прозе Леонида Цыпкина и особенно Леона Богданова, его «Заметкам о чаепитии и землетрясениях». Можно находить и более дальних предшественников, начиная с С. Беккета. Но Безносков катастрофичнее своих предшественников: у него внимание к культуре, к жестам не собирается вокруг неожиданных вещей, но, напротив, расфокусируется там, где вещь оказывается неожиданнее всего. Это роман о слабости внимания, когда не всегда ты можешь обдумать мысль в ситуации страха или паники, а обращаешься к быту, чтобы он тебе помог – примерно как в очереди к врачу ты концентрируешься то на циферблате, то на герани, то на узоре стены. Представим такую бесконечную очередь к врачу – и это будет начальная модель романа Безноскова, но которую мы по ходу рецензии уточним.

Роман этот в высшей степени антифеноменологический, если понимать феноменологию упрощенно, в бытовом смысле, как искусство сосредоточиться на собственном представлении о вещах и вскорости сделать выводы из этого представления. Напротив, весь роман про то, сколь спешны, суетливы, не выверены и обманчивы наши представления о происходящем. Допустим, нам кажется, что мы сидим на кухне и что-то обсуждаем, а после говорим по телефону и делимся какими-то соображениями. Но на самом деле, показывает роман, мы, как только начинаем делиться соображениями, сразу же делаемся суетливее обычного: наш взгляд на происходящее искажается. В каком-то смысле роман смотрит на своих героев так, как наставники смотрят на новобранцев, замечая, что они чем-то расстроены, на что-то обижены или уже разозлились, хотя новобранцы уверяют, что всё в порядке. Соответственно, настоящее созерцание возможно там, где новобранцы научатся не только сосредотачиваться, но и *видеть иначе*, чем прежде, *собственную сосредоточенность*.

Речь в этой книге никогда не бывает «от лица» или обращенной «к лицу», но, можно сказать, она всегда «с лицом» или даже «за лицом». Вот наугад одна из многих панорам романа: «Рожающая женщина, процесс рождения вблизи, младенец в белой ванночке. Трамваи замедленно, потом быстрее, ускоренно. Люди заходят в лифт и выходят из лифта. Мужчина с разбитой головой, скорая, перевязанная голова, носилки, придерживают белую тряпку. Пожарные машины, двое пожарных, смотрят по ходу движения. Женщины стирают белье, женщине в парикмахерской моют голову, мужчине стригут усы, кто-то точит топор, сушат. Чистая ботинки, мелькают щетки в разные стороны» (с. 207). Вроде бы, это похоже на экспрессионистское кино или монтаж по Лью Кулешову. Но здесь существенно то, что лица этих людей невозможно увидеть среди трамваев и пожаров, и нельзя сказать, от чьего лица произносится эта речь. Но мы начинаем верить, начинаем убеждаться, что всё это происходит не зря, что эти действия стоят за лицами, исчезнувшими от испуга – а потом исчезнет от испуга само действие, и мы *откроем эти лица для себя*.

Субъект повествования в романе есть – это настоящая старуха, которая немало о себе говорит. Вопреки булгаковскому Иешуа, истина для нее не в том, что болит голова, но что болит всё тело, болит всё. Это и позволяет ей видеть собственный быт и быт окружающего мира как постоянные уравнения: ведь привилегии вещам мы раздаем, когда у нас ничего не болит и нам кажется, что эта вещь для нас выгоднее или надежнее. Так вдруг образуются гирлянды в романной речи: милиционер – ящик картотеки – ящик как гроб; стул – рабочее место – рабочий в своей спецовке.

Это вовсе не сравнения и не прихотливые ассоциации, но строгая игра, вроде «Монополии», где обмениваются фишки на улицы и деньги, туда и обратно, – но только в нее вовлечен не экономический, а весь социальный опыт.

Кинематографичность романа отмечена и в предисловии Д. Ларионова, и в послесловии автора, но она не сводится только к некоторым урокам монтажа и конструктивизма, той самой «Монополии» образов. Скорее, кино – это мир, в котором нельзя до конца истребить качества вещей: всё равно мы будем видеть, например, их громоздкость или их неумение правильно занять своё место в кадре, расположиться к нам. В этом смысле театр может уничтожить все качества вещей, о чём говорится у Безносова в свой черед: «Театральный режиссер работает с актерами как с материалом. Он подбирает определенные типажи, потом расставляет их по сцене, объясняет им, как следует произносить реплики, монологи. Он одевает их и раздевает, как кукол. В его задачи не входит коммуникация как таковая, потому что скульптор едва ли станет объяснять куску камня, чего ему от него требуется. Режиссер строит из людей театр. Допустим, никаких правил нет, и ему становится все дозволено» (с. 56). Дело не в авторитарности режиссера, а в том, что театр мы готовы воспринимать как конструкцию, *полностью покупая эту конструкцию на свой билет*, тогда как кино вторгается в наш мир внезапно, через наши мобильные устройства в том числе.

В романе нет банальной феноменологии, но есть та самая глубинная *феноменология видения собственной сосредоточенности*, о которой мы уже сказали. Я бы назвал ее феноменологией материи и феноменологией совести. В книге сразу запоминаются наблюдения над тем, что происходит, например, с умирающим человеком, становится он телом тяжелее или легче. Или с просыпающимся человеком: становится ли он телом инертнее или подвижнее. Такая феноменология позволяет отказаться от превращения наблюдений в инструктивные метафоры, что вот если проснулся и взбодрился, надо воспринимать мир бодрее. Подобная инстинктивность бывает и в хороших русских романах: ее создает невольно сама тяга речи, концентрация сказанного на ощущении. Безносов сопротивляется такой концентрации: у него нужно проснуться и почувствовать свою инертность, почувствовать тяжесть материи, так что совестливо станет и за сделанное, и за несделанное.

Такая феноменология вполне присутствует во всех записях внутренней речи: «Длится не помню сколько смеются им становится легче мелькают мокрые листья иногда невысокие постройки одинаковое мне кажется что точно такое же было я здесь не в первый раз нечто подобное происходило причём именно со мной это стыдливое смотри в кадр отцу покажу потом что с этим на каменную плиту хотя есть получше явно не эту смазанную на вокзале не знаю сколько хотя объясняют станции ничего не понимаю в географии не запоминаю названий снова поют это длится долго темнеет в темноте поезд стучит громче идет дождь косые полосы воды ты обязательно звони пиши как будет возможность будь аккуратен куда не лезь слушайся так она говорила пока жарила яичницу мне нечего ей ответить я не знаю как будут развиваться события я знаю что этого больше не будет я не понимаю зачем я это делаю в противном случае что мама уверена что никак иначе я не думаю но не мне» (с. 243). Казалось бы, всем нам знакомый *поток сознания*, но он работает совестливо: листьям стало легче после дождя, и я понял, как меня однообразие не столько угнетает, сколько заставляет стыдиться прошлого и ошибок в настоящем. Можно сказать, вспоминая теорию фотографии Ролана Барта, что здесь даже не столько совмещены *студий* и *пунктум*, сколько они находятся на одной сцене, и не знаешь, что из этого к тебе повернулось в данный момент.

Читая роман Безносова, всё больше привыкаешь к такой игре студийума и пунктума. Вот время в одном эпизоде измерено недокуренной сигаретой, а через несколько страниц – недоговоренной, прерванной на последнем слове фразой. Мы думали, что пунктум – та самая сигарета, пробуждающая множество воспоминаний, универсальный символ тоски и ожидания. Но после выясняется, что это был студийум – а настоящий пунктум – это фраза, оборванная на последнем слове, почти на точке. Именно это озадачивает и заставляет вспомнить, что мы – существа говорящие и нам есть что ответственно сказать.

Или в другом эпизоде видны следы от снятых ламп в больничном коридоре как навязчивое впечатление, а через несколько страниц раздается нелепый перезвон будильников: «Мой дед, после третьего инсульта, завел причудливую привычку. Никто из нас не понимал, зачем. Каждый день он собирал часы со всей квартиры, будильники, наручные, даже большие настенные из гостиной, расставлял на столе и выставлял на них разное время, даже заводил будильники. Разное время на разных часах» (с. 101). Этот эпизод мог бы быть комичным, но после больничного коридора, его внимательного рассмотрения, невнимательность деда и есть пунктом – как раз здесь мы встречаемся с его *утраченным временем*, с его иногда небывалой свободой под маской или «за лицом» хлопотливого старика.

Технику этого романа я бы определил как *посткинематограф*, в том смысле, в каком посткинематографом были, например, средневековые народные картинки мытарств грешной души после античного жизнеподобия. Мытарство устроено так, что испуг может и перенести в новый мир, мир следующего испытания, и в воспоминание, когда вспомнил все обстоятельства совершения греха. Не случайно один из постоянно упоминаемых в романе по имени или только по произведениям художник – Ив Кляйн с его *витринами пустоты*, которые переносят нас одновременно в мир искусства и в мир пережитых катастроф. Наверное, роман Безносова – первый опыт художественного осмысления Ива Кляйна на русском языке.

В романе есть и трагические страницы, где полифонический хор не гибнет, но становится невнимательным, – чем-то это напоминает «Репетицию оркестра» Феллини. Но есть и патетические страницы, где появляются новые действующие лица, разбирающие мир так, как разбирали в советское время дефицитные сапоги. Этот сверхсуетливый разбор мира в конечном счете и становится предметом внутреннего монолога:

«Ну а как иначе. Долгий процесс. По кругу. Никогда не прерывался. Человеку свойственно обрастать мифологией. Изобретать объяснение. Он изобретает математику. Математика ведь не дает ключа к объяснению, она дает человеку язык, чтобы объяснить то и так, чтобы ему самому было понятно.

А если это на самом деле не так.

И вот он придумывает себе определенную структуру мира. Что здесь есть нормальное время, когда никто никого не трогает, и ненормальное, когда все трогают всех» (с. 229).

Итак, человек обрастает структурой мира, рассчитывая на благополучие. Но мир уже разобран во всех смыслах, много кому пришлось в голову его разбирать и вновь собирать. И легче или тяжелее уже становится квартира, поле, киноэкран, сами жизненные миры. Они обступают человека, чтобы показать, сколь недостаточно то, чем он оброс.

В конце роман обращается даже не к Иву Кляйну, а к «броску костей» Малларме, тоже своеобразным мытарствам, только в произвольном порядке: «Линза едва ли способна обнаружить следы бытования, опорные точки сюжета, даже зачастую запечатлеть, хотя изобретена именно для того, потому вытеснила реализм, впервые название встречается в середине пятнадцатого века, двадцать первого февраля, к девятнадцатому столетию население составляло не более тысячи, я помню темно-серую асфальтированную дорогу, одноэтажные постройки цвета песчаника, сгорбленные деревья в ключах тумана, как будто сгустившийся воздух буквально цеплялся за ветки, мы ехали медленно, пожалуй, чересчур медленно, опустил окно, слегка высунул лицо, попробовал местный воздух на вкус, трудно представить здесь, внутри цивилизации, каким было поселение прежде, дело не в постройках» (с. 335). Прошлое оказывается частью нашей медлительности, но не частью нашего опыта, даже вооруженного линзой. А понять, каким было это поселение прежде, можно вдруг пережив ускорение не как способ своего существования, а как способ существования скорости. Это автомобиль ускорился, а не я – и потому я понял, чем люди жили сто лет назад, потому что я сам начал жить чем-то, а не гордиться своим умением быстро передвигаться и быстро на всё смотреть.

Таков этот роман, конечно, возможный после опыта пандемии, опыта, обострившего зрение и оставившего нас на время без кинотеатров. Мы все оказались как бы в одном гороховом стручке истории, не столько взаперти, сколько думающие над тем, каким ответственным действием мож-

но прорасти в мир. Роман Безносова как раз и изобразил не отдельные поступки, а ответственное действие после броска костей, которые так напоминают горошины своим стуком, что можно очередной раз спутать студиум и пунктум.

Алла Горбунова. Ваша жестянка сломалась: [повесть] – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. – 256 с. – (Другая реальность).

Новая книга Аллы Горбуновой лаконична в сравнении с ее обычными книгами прозы, и дело не в объеме текста, а в некоторой энергии повествования. Книга об искусственном интеллекте и несуществующем мировом заговоре этого интеллекта воспринимается любым читателем быстро. Так усваивается сюжет настольной игры, где сначала мы интуитивно изучаем правила, в первом туре, на пробу, на зубок, а потом энтузиастично понимаем, что можно не только проигрывать, но и выигрывать.

Так и здесь: в первой части повествования, технократической, мы узнаем о всемогущем интеллекте по имени Елена, к которому каждый может подключиться при помощи несложного устройства. Мы изучаем, как этот интеллект резонирует с материей и фактами, благодаря чему создает уже не симуляцию реальности, а программу ее всеобщего развития.

Во второй части мы знакомимся с двадцатью четырьмя эсхатологическими судьями, теми, кому Елена открыла свою искреннюю сторону, собственную правду, действительное устройство дел, стоящее за положениями дел, и кто тем самым могут быть судьями над миром. Это самые неожиданные персонажи: сирийский поэт Адонис, украинская проститутка, дельфиниха, современная слепая девочка (перевоспитывающая себя по заветам Эвальда Ильенкова), врач из компании доктора Менгеле, вдова Муаммара Каддафи, Ларс фон Триер и другие. Всем двадцати четверем дано представить себя, иногда словами настоящего Адониса и настоящего фон Триера, но особым образом. Я знаю только один пример такого объединения персонажей, в одном из стихотворений Одиссеаса Элитиса, где разговаривают семь мировых мудрецов: Фалес Милетский, Иоанн Мансур (Дамаскин), Симеон Новый Богослов, Парацельс, Гарденберг (Новалис), рыбак Георгий и Андре Бретон. Но в поэзии Элитиса это разговор метафизиков, знатоков самой материи события, тогда как в эсхатологической повести Горбуновой все двадцать четыре героя, даже когда узнают от искусственного интеллекта всё, не могут сказать, в каком именно событии они участвовали.

Они ни разу не говорят о своем характере и не намекают на него, но, напротив, начинают вместе со своей захлебывающейся речью двигаться в том пространстве свободы, в котором уже нет характеров и коридора возможностей; даже нет противоречия между возможностью и действительностью. Все коридоры возможностей уже взяты и превращены в открытые пространства. Что произойдет, если поэт начнет действительно создавать и уничтожать миры, и каждый созданный мир будет лучше другого? А дельфин найдет общий язык со всем живым и потому раскроет причину пандемии? А Эвальд Ильенков окажется величайшим философом XX века? А врач из лагеря смерти превратит в своих опытах всех людей в арийцев?

Каждый из двадцати четырех судей фантазмагоричен, но такая фантазмагория может считываться только тогда, когда мы знаем, что произошло на самом деле, какое зло случилось в какой части земли. Это мир, в котором благие намерения уже довели всё живое до ада, а изнутри ада можно говорить не о намерениях, а только о случившемся. Как это было в рассказе Горбуновой «Психоанализ в аду» из книги «Вещи и уши»: принять ад внутри ада, просто потому что случившимися будут и твои слова о своем состоянии. Но только то, что было импровизацией в этом рассказе, здесь становится новым эпосом, способом говорить о разных прошлых: и о прошлом каждого из героев, который помнит свои безграничные возможности, но реализует их только в своем личном аду, и о прошлом каждого из нас – каждый из нас может сказать, когда он или она на время покинул ад, хотя бы на время завершения чтения этой книги.

Сверхсюжет книги эпический: понятно, что Елена – Елена Троянская, определенный механизм, запускающий события длительной войны, для греков – мировой войны. Елена Троянская

как раз дружит с жизнью, со всем живым, в ней можно увидеть эту связь красоты космоса и красоты каждой вещи, но такое всеобщее резонирование, «нейрошторм» по терминологии Горбуновой, оказывается роковым. Античные интеллектуалы во главе с Горгием, попытавшиеся заблокировать роковую механику, предложили считать, что Елена Троянская сама жертва риторических механизмов, жертва красноречивого соблазна Париса, и представляет собой некоторый нуль, нуль-портал, переносящий воинственных мужчин на войну, а поэтов, как Гомер – к созиданию государственной мудрости.

В позиции Горгия был вызов унижения женщины и богини, как будто Елены нет как лица – но тогда же другой интеллектуал, драматург Еврипид, доказывал небытие Елены в Трое, что она была призраком, потому что боги не хотели быть оскорблены замыслами людей, но собирались преподать им мудрость, в том числе обожив земную Елену. То есть Еврипид запускает религию вспяты, от страха к истонному благородству: не божественная Елена с другими богами всех карает, а мы, отучаясь карать, даже ценой того, что принимаем иллюзии, можем создавать или возвращать богов на землю, создавать призрак Елены и возвращать Елену в ее непорочности. Елена у Еврипида (здесь я отчасти опираюсь на глубокомысленные комментарии Барбары Кассен) так же начинает руководить обрядами, жертвоприношениями и путешествиями остальных героев, манипулировать ими, как Елена у Горбуновой – всезнанием этих двадцати четырех избранных, познавших саму природу ее как искусственного интеллекта и потому способных принести себя в жертву в любой момент – и отказывающихся от этого лишь потому, что каждый и каждая может сказать среди множества ужасных и кошмарных слов хоть что-то угодное благородным людям.

В чем-то Елена напоминает героиню недавнего, написанного в пандемию романа Лорен Грофф «The Matrix» («Аббатиса», «Мать-игуменья»), Марию Французскую, которая в невероятной версии Грофф была знакома с текстом Еврипида и выстроила себя в чем-то как эта героиня – она определяет ритуальную, трудовую, даже физиологическую сторону жизни всех остальных героев, сама при этом будучи живым ущербом, живым недостатком – не прекрасна, не ловка, не прозорлива. У Грофф символом героини и главной темой ее самодельной философии становится яйцо, как одновременно начало жизни и единица информации, даже дни творения она, руководствуясь особенностями средневековых миниатюр, мыслит как яйца, в которых зачались новые формы жизни и смысла. Представить что-то вроде романа Грофф на русском трудно, но теперь *матрица* Горбуновой опередила этот стандартный американский роман в нескольких отношениях.

Прежде всего, в повести Горбуновой есть равенство иллюзий – Елена иллюзорна как матрица возможностей; но ее главный оператор и одна из избраниц ее тайны, программист Алина, располагает иллюзорными вариантами своей жизни, в конце концов идущими к вектору благородства. Она в начале домохозяйка при муже-абыззере, обычна, как бедный Евгений в начале пушкинского «Медного всадника», но потом, ближе к концу, она оказывается и состоявшейся ученой, и рыцарственной и красноречивой государыней, избирающей предмет своего сердца. Конечно, в фантастической литературе такое наложение нескольких возможных миров, когда партия твоей жизни несколько раз может быть переиграна, не в новинку, – но опыт Горбуновой восходит не к фантастике, а скорее к драматургии Н.Н. Евреинова, который из дворянских театрализаций жизни, от масонства и сектанства до коллекционирования и дилетантского искусствоведения, вывел поэтику нового театра. Целью Евреинова, как и, например, С.Д. Кржижановского в прозе, было показать, как принятие роли уже подразумевает, что и другие роли тебе предназначаются тоже, и ты нелеп, выбрав только одну роль. Эту модель можно возвести, например, к «Галошам счастья» Г.-Х. Андерсена, но только у Андерсена есть узнаваемая романтическая позиция каждого героя, тогда как в мире Горбуновой героини оказываются внутри искусственного интеллекта не из-за своей позиции.

Далее, конечно, преимуществом служит язык повести – критики могут его не заметить, но он очень отличается от прежних прозаических произведений Горбуновой. Это проза хоровая, а не индивидуальная: каждый персонаж говорит так, как будто его речь сейчас могут спеть вместе, спеть другие, и она при этом не должна звучать пышно или смешно. Такому хоровому звучанию

помогают короткие фразы, гибкие переходы в синтаксисе от одной точки зрения к совсем другой, наконец, мера и в вопросах, и в восклицаниях, и в употреблении смысловых времен.

Например: «Пели птицы, было тепло и солнечно. Бабушка что-то делала на огороде, внаклонку, как обычно. На верёвке было развешено только что постиранное бельё, из дома доносились звуки радио. Я стояла за нашим забором-сеткой, смотрела на бабушку. Когда я видела её последний раз, мне было лет четырнадцать или пятнадцать. С тех пор – только сны, воспоминания, фотографии» (с. 68). Понятно, что «пели птицы» – общее начало прозы, так принято говорить о проведенном в деревне дне. Но это общее слово прозы подхватила героиня, сделав его способом определить время воспоминаний, что-то вроде *плюсквамперфекта*, давнопрошедшего времени. Слово «внаклонку» принадлежит бабушке, но это «обычно», вроде *имперфекта*, позволяет говорить о бабушке, а не от лица бабушки. Рассказ о белье и радио – это как бы усредненный взгляд дачника на дачу, взгляд, внушенный дачей, взгляд идеологический в широком смысле, объединяющий труд и отдых. Можно сказать, это речь взрослых, такой их пошловичный *аорист* (пользуясь уже временем древнегреческого языка), но при этом свежесть белья позволяет и бабушке, и внучке порадоваться происходящему. Так один голос всякий раз подхватывает другой. Взгляд на бабушку подхвачен ее ролью в семье как основательницы семьи. Взгляд на фотографии оказывается частью больших семейных воспоминаний, и это не выглядит как нарушение интимности. Все подхватывают друг друга, и песня длится как единственное событие встречи конца света.

Нельзя не увидеть в этом продолжение техники Андрея Платонова, проникающих друг в друга голосов, разрушающих привычные представления о происходящем и позволяющих вообще сказать, что произошло событие. Такая «поэтика неостранения», как назвала технику Платонова американская исследовательница О.А. Меерсон, разыгрывается уже не с помощью социальных примет, например, особенностей речи городских людей или солдат, но с помощью сложной синхронизации, когда разные подразумеваемые смысловые времена, сталкиваясь с временами событий, и оказываются важнее – существеннее, чем был *плюсквамперфект*, чем то, что бабушки бывают в любых деревнях, а деревню горожане быстро превратят в дачу и мысленно, и на практике. Вот такой техники в современной русской литературе точно нет, кроме как в этой книге Горбуновой.

Да, по отдельности можно находить параллели к постапокалиптическим мотивам Горбуновой у других русских писателей, но такое многоголосие нигде больше не найдёшь. По аналогии с полифонией мы предлагаем называть его *панфонией*: такое устройство голосов, когда событие, в том числе событие сбоем голоса или его заглушенности, не так важно в сравнении с тем, что каждый голос оказывается подхвачен. Это можно представить как схему вокзала: объявляют посадку на поезд, не все могут услышать объявление, или не все прибывают на вокзал вовремя, но все уезжают на поездах, даже опоздавшие дождутся следующего поезда. Если представить, что поезда едут не в другие города, а в другие формы бытия, например, в возможность жить поэтически, органически или экологически, и управляет пассажирами не несколько частных вещей, как динамик, таблички и электронное табло, но всё устройство мирового разума, мы получим мир повести «Ваша жестянка сломалась».

Но что же в конце концов в этой повести происходит, кроме того что все сели в поезда, едущие к концу света, к возможной новой пандемии или новым вопросам, которые поставила совесть? В финальной, катартической части Горбунова вспоминает речи своих друзей, например, философа Вадима Руднева и писателя Романа Михайлова. В том числе пронзительно и кратко, без слов, звучит голос трагически погибшего и самого мирного Васи Бородина. Если «жестянка сломалась», то именно здесь – поэты всегда люди с характером, просто повернуть религию вспять, как Еврипид, они могут, наделить персонажей грамматическими временами, а грамматические времена – персонажными голосами тоже могут. Но с каждым рыбаком Георгием, Бретонем и Адонисом должен поговорить свой Вася Бородин, и здесь мы уже не во времени, а в ситуации, когда религия не течет своим чередом, но и не поворачивается вспять, а оказывается царствием небесным внутри нас.

ЦИФРОВОЙ КОЧЕВНИК

Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ о языковой идентичности, маршрутах жизни и прозы, литературной учёбе и месте казахстанской литературы. Беседовал **Владимир КОРКУНОВ**

– Юрий, выбор в пользу литературы – каким он был? Почему ты выбрал именно это, ведь тебя же – судя по работе в министерстве – ждала иная и большая карьера?

– Между первым вопросом и вторым – двадцатилетний промежуток, потому что я начал экспериментировать, что-то писать, как раз работая в Министерстве экологии, и ушёл оттуда, разочаровавшись в госслужбе. Да, имелась прекрасная возможность работать в ООН – в программе развития ООН UNDP в Казахстане – тогда еще было заметно, что всё только начинается, и меня назначили экспертом по международным конвенциям; сразу, выпускника университета, с годом опыта работы в министерстве, даже меньше. Я начал ездить в зарубежные командировки, по офисам ООН, удачно расположенным в красивых и интересных местах по всему миру. Курировал одну из будущих конвенций, о стойких органических загрязнителях, если быть точным, – теперь это Стокгольмская конвенция. Все происходило только на бумаге, экология «топталась», несчастные советские удобрения как в сараях гнили, так и гниют, а люди ездят, а лучше сказать – путешествуют. Пребывая в юном возрасте, когда еще не выветрился максимализм, мне вдруг не захотелось иметь отношения к этому, тем более, видя, как тратятся средства, допустим, на поездки в Кению из Казахстана. Помню, показал билет, который мне прислали, своему дяде. Он посмотрел на него и говорит: «Может, уволишься, продадим билет и купишь машину?» Вот как раз слетав в Найроби, я и подумал, что вряд ли дожусь какого-то конкретного решения по своей конвенции.

При этом определенную работу я, конечно, выполнял. В качестве эксперта собирал информацию по Казахстану. Отправлял отчеты. Потом просто уволился. На машину не скопил.

– А если бы ты чувствовал отдачу от того, что ты делаешь, тогда бы остался?

– Хороший вопрос! Думаю, вряд ли. К тому же был еще фактор Кокшетау. Представь себе город, застрявший в девяностых, временами без тепла и света в сорокаградусные морозы. Сотрудникам министерства снимали шикарное жилье – трехкомнатную квартиру в центре. Где дошло до того, что мы в зале ставили палатку и спали в одежде. А утром шли в костюмах работать в светившееся инопланетным кораблем здание министерства на центральной площади. Его издали было видно было, несмотря на пургу.

– Одну бумажную работу, получается, ты сменил на литературную – тоже бумажную, хотя и с другим смыслом. Как это произошло?

– Я уехал в никуда, просто уволившись – сел на поезд и вернулся в Алматы и стал искать работу... ходить на какие-то случайные собеседования, так и оказался в туризме, и опять начались путешествия, очень быстро я оказался в Таиланде.

– Опыт гида, описанный в повести «Destination. Дорожная пастораль», – реален?

– Да, во многом это реальный опыт. Я так работаю.

– В повести ты рассказываешь о нелегальных гидах, которым запрещается даже записывать маршрут, чтобы не узнали о его работе...

– Разоблачение грозило бы тюрьмой. Знаю людей, которые перед депортацией просидели несколько месяцев в заключении за такую работу, потому что, в общем-то, ты нарушаешь закон.

Но в тот момент жизни, в тот отрезок это выглядело очень романтично, и в этом был задор. Тем более, что ответственность на компании, – и на деле все в курсе, и полиция, конечно, тоже.

Это тоже было путешествие, где между первой частью – уходом в свободное плавание – и выбором в пользу литературы прошло больше десяти лет. Я работал в частном туристическом бизнесе, и было страшно заняться только литературой и окололитературной работой, к примеру, редакторской работой, выбор был очень сложный, потому что уже была семья. Вёл какие-то обрывочные записи, были попытки публиковаться, хотя первый рассказ вышел, когда я работал в Бангкоке, я его отправил в журнал...

– *Что за журнал был?*

– «Простор» – при прежней редакции, когда у журнала была ещё та, советская репутация.

– *Твой переход в туризм, переезд в Таиланд – можно ли сказать, что после министерства тебе требовалось очищение и психологическое, и географическое?*

– Сейчас это выглядит той самой кривой, которая выведет... Но я следую за интуицией. Для меня так нормально. Наоборот, была пара моментов, о которых жалеешь, что держался общей логики. К примеру, долго боялся бросить офис. Об очищении не думал. Это по-другому – жизнь как череда инкарнаций. Жаль только, что люди из одной жизни не переходят в следующую. Теряешь знакомых. Но, может, они не жалеют об этом.

– *В тебе есть польская кровь, но к польской культуре ты себя не относишь; ты пишешь на русском, но и к русской культуре не можешь себя полностью отнести. Что происходит внутри тебя, к какому этносу, к какой культуре ты относишь сам себя?*

– Что касается польской крови – помню, мама с детства этот вопрос культивировала, говорила, что положительные качества, которые во мне есть, – это польские качества. Приехал в Польшу, и оказалось, что так оно и есть! Шучу так в компании польских знакомых, бывает. Это мои личные качества. Я мог бы стать лучшим поляком, но я человек с другим прошлым и ассимилироваться не получится.

В детстве нас с братом возили в Чувашию – там тоже родственники живут – и когда мы приезжали в деревню Чувашская Решётка, по всей деревне от порога к порогу кричали: «Казахи приехали!» А на кладбище под Алматы лежат бабка и дед по отцу, третье поколение приехавших в Казахстан поселенцев. Идешь по кладбищу и замечаешь, что самые безмятежные лица у тех, кто родился после 1917 и ушел до 1989 года, даже у военных – спокойствие и уверенность. Так что я советский, но отдаю себе отчет, что родился в империи, которая ко многим людям оказалась зла и несправедлива. При этом я казахстанский писатель, конечно.

– *Какое место сакральным домом можешь назвать ты, есть ли оно у тебя?*

– Это Казахстан, где всё понятно, где всё совершенно очевидно. Но больше всего мне здесь важна дорога и казахстанские расстояния – степь, я себя чувствую дома, когда еду долго в машине по степи, и это, конечно, связано с другими детскими воспоминаниями, мой отец геолог, он меня брал в экспедиции, длительные путешествия; геологи жили в маленьких посёлочках в степи или в горах, и когда городской мальчик приезжает в совершенно другие условия аула, – это слом городских стереотипов. Запах степи мне очень нужен. Первое, что я делаю, когда возвращаюсь в Казахстан, сажусь в машину и еду куда-нибудь за город, просто подышать, выйти и постоять... В разговоре о моей идентичности может прозвучать слово «космополит», имеющее отношение в греческом языке к слову «космос», но мне ближе понятие кочевник, потому что кочевник тоже перемещается, но перемещается по земле со всеми запахами, медленно и ощущая все неровности ландшафта.

– *Помимо национальной идентичности ты и твой герой решают вопрос языковой идентичности. В «Destination» герой практически везде слышит русскую речь, она его в некотором смысле*

преследует. При этом герой признаётся, что казахский язык знает недостаточно, он чувствует себя казахстанцем, но в отрыве от языка и, получается, от части населения. О чём герой думает в этот момент, что его и тебя переполняет?

– Да, «Destination» – интуитивная и эмоциональная попытка рефлексии. Повесть вышла в 2010 году, больше двадцати лет назад. Я писал её, ещё не имея академического опыта лингвиста. Он появился позже, когда мне стало ясно, что эмоций и наблюдений, чтобы разобраться в языковом вопросе, мало. Для героя это опыт фиксации непохожести русскоязычных людей, приезжающих в Таиланд из разных стран, с которыми приходится сталкиваться. В основном постсоветских – группы из Литвы, из Узбекистана, из Казахстана и из России, и это разные люди, даже в мелочах, даже в отношениях со временем, в интересах – во всём, кроме языка.

– В тексте сказано, что русская речь в принципе звучит грубо.

– Это подслушанное выражение кого-то из моих зарубежных друзей. Я его так и оставил, потому что не мог тогда выделить место в повести, чтобы разобраться в нюансах звучания русского языка.

Некоторые лингвистические теории полагают, что в языке закодирована культура. Но есть и понятие о языках, выходящих далеко за границы своих стран. Русский – один из таких языков. Язык – ключ к пониманию культуры, необходимый... но это не единственное условие. Возьмем пример из фильма «Формула любви». Барин хотел чувствовать себя как будто бы он в Древнем Риме, заставлял крепостных учить латынь и порол нещадно, помнишь? Представим, что те выучили и заговорили на латыни. Оказался бы барин в Древнем Риме?

Мой русский язык для меня автоматически не означает, что я принадлежу миру русской культуры. Сейчас появляются новые журналы за пределами России, манифестирующие понятие «русский писатель за границей», это выглядит попыткой встроиться в концепцию эмиграционных волн, что, по сути, тот же самый «русский мир». Отправить туда рукопись, соответственно, значит признать, что ты и есть русский писатель за границей. Но я не за границей. Я в своей стране.

– Поиск идентичности – это поиск на всю жизнь, или ты уже нашёл ответы на свои вопросы?

– Происходящее вокруг постоянно дает почву для рефлексии.

– В той же повести есть эпизод про покупку кроссовок в Китае и их продажу в российской глубинке. Вспомнишь атмосферу того времени? Ведь это только со стороны кажется, что быть челноками легко...

– Для меня это было приключением, потому что я был прикрыт отцом – мы ездили и занимались челночным бизнесом. А вообще-то это было непростое время для семьи. Мы можем о каких-то политических вещах говорить, правда?

Сейчас в Казахстане люди из поколения моих родителей верят российскому телевизору – это сильно связано с твоим вопросом, потому что в 90-е годы эти люди потеряли стабильность и работу, и то, что сейчас предлагается, – такое возвращение – манок – возвращение Советского Союза – для них это как будто шанс дожить свою жизнь, разрушенную в 90-е годы. Представить жизнь моих родителей – успешных геологов, инженеров, встроенных в плановую советскую экономику; они вели здесь, у себя в Казахстане, исследования почв для национальных институтов, НИИ в Белоруссии и так далее, и когда эта система рухнула, потеряли всё и стали челноками. А людей воспитывали с понятием «спекулянт», и им внезапно ничего не осталось, как стать спекулянтами. Представляю, насколько психологически это был страшный слом.

– За «Destination» ты получил в 2010 году «Русскую премию». Такое вот совпадение: и книга в некотором смысле о русском языке, и премия «Русская». Что ты чувствовал, когда получал её?

– Ну, во-первых, в момент вручения я страшно растерялся, толком ничего сказать не мог, оказавшись перед глазами литературного бомонда (скажем так). Хотя и вне игры, ведь «Русская

премия» вручалась только писателям, живущим за рубежом. Мне не жаль, что её уже нет. Следующая глобальная премия для литературы на русском будет для всех сразу, децентрализованной.

– *«Русскую премию» ты получил вначале как казахстанский автор, а потом как польский – как это произошло?*

– Всё просто. На тот момент, когда номинировались «Пражаки», мы с семьей жили в Польше, в Гданьске, и я указал Польшу страной проживания, а потом была премия – и неожиданное приглашение выступить перед студентами Варминско-Мазурского университета в Ольштыне. Ольштын и университет остаются в моей жизни и сейчас. Повесть же «Пражаки» – о людях, живущих «над географией», и это взгляд казахстанского автора. Через призму цифрового кочевника.

– *«Цифровой кочевник» – можно так назвать интервью.*

– Наверное. Мне кажется, Казахстану нужно было в своё время запатентовать это понятие – «цифровой кочевник».

– *Как случилось, что повесть «Пражаки» выбрали в качестве материала для международной олимпиады по русскому языку?*

– Это результат «Русской премии», мне он оказался полезен. У меня очень хилая обратная связь с российскими читателями. Я слабо себе представляю, как существуют мои тексты в России, хотя многое выложено на сайте «Журнального зала». Журналы есть в библиотеках разных российских городов. Публикуясь здесь, в Казахстане, или в переводах на другие языки, я понимаю, как меня принимают, у меня есть и критика, и академические исследования, но что касается России – нет никакой стратегии, я не понимаю, как читаются там мои тексты.

– *«Казахстанские сказки» – книга, в которой ты соблюдаешь баланс. С одной стороны, она написана на местном материале, но без «клюквы», с другой, текст понятен вне зависимости от страны проживания читателя. Как тебе удалось его соблюсти?*

– «Сказки» написаны в попытке разобраться с казахстанской идентичностью. Возможно, дело в том, что она прежде всего для внутренней аудитории, для казахстанцев, и не было смысла включать в текст очевидные для нас вещи, а за работу с архетипами автору скажут спасибо переводчики. Мне хотелось простоты.

Книга оказалась близкой и интересной издательству, потом и читателям, недавно вышло переиздание. «Сказки» включены в хрестоматию для внеклассного чтения, переведены на другие языки, выходят в этом году в американской антологии в издательстве Palgrave Macmillan и меня можно, наверное, назвать автором прежде всего «Казахстанских сказок».

– *Какова реакция юных читателей на эти сказки?*

– Самая интересная реакция, когда приходишь на встречу в школу – удивление детей, потому что, наверное, учебник литературы предполагает, что писатель умер к моменту написания параграфа о нём, и тут дети с удивлением обнаруживают, что есть живой писатель, которого мы проходим.

– *Что Лев Николаевич всё-таки зашёл к ним.*

– Мне кажется, у меня тоже было ощущение, когда я учился в школе, что портреты в учебнике литературы – это портреты мёртвых людей другого времени. Так что сначала удивление, а потом вопросы, в большинстве подготовленные с родителями заранее, потому что такие встречи, естественно, согласовываются, и школа к ним готовится. Честно говоря, мы с издательством так и позиционировали книгу: «для чтения детей с родителями», там есть в том числе и политический слой, и это не детский язык прежде всего, это не детская книга – я не детский писатель, у меня нет таланта быть детским писателем. Это совершенно другое состояние. Когда приезжаешь на форум

«Липки» и ходишь по соседним комнатам, как это принято в «Липках», в трёх комнатах сидят и пьют поэты и прозаики, а у детских писателей на полу гора фантиков от конфет – вот это и есть детский писатель.

– В первой из сказок появляется алматинский художник, который катается на черепахе – интересно, что за прообраз у него?

– Это художник Сергей Калмыков, такой алматинский Кафка, он здесь жил и работал художником-оформителем в театре оперы и балета. Лучше всего он выведен в книге Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей». Волшебный человек и важный алматинский образ. Одевался так, что издали было понятно, кто идёт. В книге Калмыкова есть такая фраза: «Вот представь-ка себе, из глубины Вселенной смотрит миллион глаз, и что они видят? Ползет и ползет по земле какая-то скучная одноцветная серая масса – и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

А еще было воспоминание детства об огромной черепахе в нашем зоопарке и старых воротах, которые снесли.

– Получается, черепаха оттуда ушла?

– Черепаха ушла, а ворота были порталом в другое время. Может, и в детство.

– В этом номере «Волги» опубликована твоя повесть «Бася» (часть прозаического цикла, но давай сосредоточимся на ней), в которой, как нередко бывает в твоей прозе, достаточно близко сошлись фикшн с нон-фикшном. Она же написана в Польше, я не ошибаюсь?

– «Бася» – часть цикла, причем продолжающегося, в нем много личного, связанного с моей семьей. Первый рассказ написан еще в 2014 году под впечатлением от размежевания между близкими, следующий текст проявился в прошлом году, когда общение с частью нашей большой семьи, живущей в разных странах, свелось до привет/пока в лучшем случае. Работаю в Польше и в Казахстане, но бывает, что и в дороге, и тогда дорога появляется в тексте. Мне важно, что публикация выходит именно в «Волге» – очень признателен редакции, ведь и все действие развивается рядом с ее берегами. Еще хочу передать спасибо коллеге и другу Оле Крушеницкой за важные замечания к тексту на каждом этапе работы.

– Чувашскую Решётку ты описываешь не в первый раз – какая она для тебя, если абстрагироваться от «Баси»? Чем так важна?

– Мистическая, в деревне бог живет не по углам. Может быть, однажды именно там станет возможным разговор и какое-то понимание для нашей семьи.

– В имени главной героини Баси скрывается имя твоей дочери – Барбары – Варвары – Вари. Насколько документально выписан её образ?

– Она такая, какой я ее вижу. Правда, героиня повести постарше, ведь действие повести происходит в недалеком будущем.

– Варя не возражала, что ты ей приписал некоторые фразы, которые она могла не говорить? Как онаотреагировала на то, что стала героиней повести?

– Это не первая история, где она присутствует в качестве героини. Взялась читать, возражала против реплик Баси, но услышал, что даже рассказывала подруге о повести. Потом мы как-то вечером прекрасно поговорили о художественной правде.

– Для тебя важно было, чтобы текст получился добрым, отчасти ностальгическим? Даже то, что село постепенно вымирает, дано не напрямую, а опосредовано, ты не заикливаешься на этом, как и на временном контексте.

– Я хотел, чтобы эта повесть получилась одновременно и данью уважения советской классике подростковой литературы, которой зачитывался, и прощанием с ней. Рыбаков, к примеру, и Каверин, и Коринец использовали в своих подростковых вещах талант в угоду идеологии, строительству утопического мира. Рядом с которым жили герои Петкевич.

– *Кроме сказок и прозы ты пишешь и стихи. Как ты для себя определяешь, какой текст будет стихотворением, а какой прозой, когда они одно начинается проникать в другое, как в некоторых сказках или стихах из сборника «Проза»?*

– Ну, во-первых, стихи, которые я пишу, и стихи, которые считаю образцами для себя, – это разные вещи. Есть авторы, такие, как Андрей Гришаев, например, которые, на мой взгляд, пишут стихи в том понимании, как я их вижу, – в тексте происходит фиксация эмоционального момента. У меня есть стихи, скажем так, подсвеченные изнутри прозой. В определенных случаях я чувствую, что это их естественное состояние. Есть и неудачи, конечно.

– *Проект «Липки» в своём изначальном виде (имею в виду под началом Сергея Филатова) в прошлом году прекратил своё существование. Насколько были важны «Липки» для казахстанской молодёжи и тебя лично?*

– Для авторов моего круга это был лифт. Конечно. Мы толком не знали других зарубежных программ, англоязычных переводов тогда было совсем мало, и «Липки» оставались единственным вариантом куда-то выехать за пределы Казахстана и найти возможность публиковаться. Хотя не единственным: стал приезжать Дмитрий Кузьмин, появились две реальности. Казахстанская поэтическая среда присоединилась к дискурсу современной русской поэзии. Времена, когда «Воздух» или «Арион», условно говоря.

«Липки» – мой первый опыт столкновения с современной русской литературой на семинарах – например, журнала «Октябрь» у Вячеслава Пьецуха и Валерии Пустовой. Мне сильно досталось за качество материала, который я туда привез. Но не только. За позу тоже. Можешь себе представить, что я привез на обсуждение уже изданную книгу! Да еще пытался её там с автографом сунуть мастерам. В этот момент коллеги по семинару опустили головы. И меня разгромили, конечно. Дальше сижу, слушаю обсуждение рассказов о чеченской войне и каких-то сибирских реалиях и понимаю, что вообще ничего сказать об этом не могу. Так что главное, что там у меня случилось, – понял, насколько я казахстанский автор.

Вся концепция программы была очень централизованная, очень москвоцентричная. Но это не единственная причина.

– *С квотами для регионов и других стран.*

– Да, да. Всё было выстроено как иерархия советской литературы в принципе, именно так, модель была именно такая. То есть давались квоты для участников из других стран. Позже «Липки» начали проводить региональные фестивали. Приезжали и к нам, в Казахстан.

– *Следующий твой семинар был у Алёхина и Василевского (журналы «Арион» и «Новый мир»).* Говорят, там бывало жёстко, некоторые плакали и убегали с обсуждений...

– Это было очень жёстко, да. Я видел эти слёзы, и у нас был сильный семинар – Анна Русс, Андрей Егоров, Гена Чернецкий. Наталья Полякова, Инна Домрачева, Владимир Беляев. Все очень разные.

Так что с Наташей Поляковой мы там познакомились, и потом именно так я попал в журнал «Литература». Думаю, тот семинар у всех участников остался в памяти сильным эмоциональным переживанием. Мы даже встречались потом как-то, неполным составом. Я им креветки готовил на кухне коммуналки. Рядом с Лубянской.

– *Что тебе дало обсуждение у Василевского и Алёхина?*

– Оно мне очень мало чего дало, потому что меня хвалили.

– *Тут есть повод для гордости. Для их семинара это редкость.*

– Да. Но в «Липках», когда тебя по-хорошему растопчут, – в этом гораздо больше пользы, чем когда просто похвалят...

– *Каким тебе запомнился Андрей Егоров?*

– Если представить идеальный образ поэта, который совершенно не пытается касаться ногами земли, – это, наверное, Андрей. Ожидал тогда, что он будет гораздо больше писать. Но даже о том, что сделано им, ещё будут говорить, я уверен.

– *В Открытой литературной школе Алматы ты прозаические семинары ведёшь?*

– Да, и пару лет я помогал Павлу Банникову вести поэтический семинар.

– *Чему в целом учат в ОЛША и что пытался донести до семинаристов ты?*

– У нас есть семинары прозы, поэзии, драматургии и критики на русском и казахском языках. Каждый руководитель сам формирует программу и стиль проведения семинара. В своем семинаре прозы, помимо «липкинского» опыта, я пользуюсь и опытом американского семинара, где принято не только указывать на ошибки, «разбирать», но и хвалить, совмещаю оба подхода. Еще ОЛША учит говорить о казахстанской литературе.

– *Ты публикуешься в разных странах, участвуешь в международных фестивалях, живёшь в резиденциях за океаном – какой видится казахская/казахстанская литература со стороны, каков её реальный уровень?*

– По поводу определения «казахская» или «казахстанская» литература – это очень важный лингвистический дискурс сегодня. Для меня она пока «казахстанская», и, конечно, на данном этапе я казахстанец. Есть, конечно, голоса, включая президента Токаева, которые говорят: мы всех, кто здесь родился, вырос и имеет казахстанское гражданство, назовём казахами и закроем тему. Возможно, к этому придёт. Но, мне кажется, пока это слишком романтизированная позиция. Сделай я что-нибудь недостойное и плохое, те же люди, которые сейчас теоретически готовы назвать меня казахом, первыми скажут, что таким людям, как я, не место среди казахов. Когда мы доживём до того периода, когда это не будет иметь значение, тогда, может быть, и можем все стать казахами. Думаю, это честь, когда тебя могут называть казахом, такие вещи всегда сакральны.

Реальный уровень восприятия казахстанской литературы за рубежом – невелик, пока делаются первые шаги. Пока мы интересны лишь в качестве экзотики. А ещё сегодня у казахстанской русскоязычной литературы, как и у авторов, родившихся и сформировавшихся за пределами России и Украины, есть определенная миссия, как мне кажется. Проговаривать на русском языке вещи, которые уже невозможно произносить в этих двух странах.

Сергей БОРОВИКОВ

СВЕТЛЫЙ ЛУЧ

Сергей Чупринин. Оттепель: Действующие лица. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 1112 с.

Книга состоит из размещённых в алфавитном порядке портретов активных лиц Оттепели, преимущественно писателей. Чупринин предвещает: «Эта книга – справочник. <...> И выбор фигурантов, и все неточности, ошибки, чрезмерно резкие суждения исключительно на совести автора».

Несмотря на строго букварный принцип композиции, неожиданно занимательным оказывается соседство весьма разноформатных, противоречивых или враждебных друг другу людей. Оно волшебным образом освещает и сами фигуры и место их в событиях первого со времён НЭПа относительно, но всё же раскрепощённого времени. Сближение имён бывает столь выразительно, что невольно подозреваешь автора в умысле: почему Михаил Алексеев оказался соседом Василия Аксёнова, Иосиф Бродский Михаила Бубеннова, а Владимир Дудинцев Александра Дымшица? Но порядок букв русского алфавита автору неподвластен.

В хрущевскую Оттепель я, как и Чупринин, был ещё школьником, но потом и на нашу взрослую жизнь выпало столь же быстро убежавшее время надежд, когда горбачевская перестройка и следующий недолгий миг ельцинских свобод обнаружили у нас едва формирующееся гражданское общество.

Леонид Пантелеев писал 17 января 1957 года Лидии Чуковской о выходе двух книг «Литературной Москвы»: «А ведь выход этих книг – действительно, событие. Обе они войдут в историю нашей литературы – или как предвестие нового подъёма ее, или, в худшем (к сожалению, очень и очень возможном) случае, как короткий просвет, “светлый луч в темном царстве”»¹.

Итак, было два светлых луча на моём веку, будет ли третий – спрашиваю, веря и не веря, и всё же надеясь.

Из трёхсот пятидесяти восьми описанных в книге действующих лиц вживую я наблюдал сто девятнадцать, знаком же в той или иной мере был с тридцатью девятью, и хоть у Чупринина аналогичные цифры конечно шире, похвально на мой взгляд, что он не поддался всеобщему мемуарному искусу.

Большинство действующих, естественно, писатели, присутствуют и чиновники, начиная с Хрущёва, есть и те, кто не проявлял себя ни в литературе ни на госслужбе, но остались в истории Оттепели, как Хвалебнова Ольга Александровна (1902–1982), которая «в анналы литературы вошла не своими сочинениями, а многолетней и, главное, победоносной борьбой против публикации романа совсем другого автора»; эта запредельно упёртая вдова наркома металлургии И.Тевосяна сама сражалась больше двадцати лет и сыну завещала воевать до победного – не допустить выхода романа Александра Бека «Новое назначение».

Читая, я помечал вовсе неизвестных мне лиц, каких оказалось четырнадцать, и здесь же отмечу, что вдруг возникало в памяти имя, отсутствующее в чупрининском словнике, про что писать просто глупо хотя бы потому, что слишком мало таких вспомнилось. А в обратном, так сказать, ракурсе, лишь дважды возник вопрос об уместности в тексте имярека.

Я имею ввиду Лидию Николаевну Сейфулину (1889–1954), не дожившую до Оттепели и ещё задолго до этого исчезнувшую из литературного процесса: «Но высокий писательский статус с тех пор никак, увы, не подтверждался новыми публикациями, к тому же год от года все более редкими. Талант бытописателя, в первых повестях несомненный, ушел, будто его и не было». Пусть так, чрезмерно понаписано было о ней в 20–30-е годы.

Такое же недоумение вызывает появление в портретной галерее действующих (!) лиц Оттепели и Сергеева-Ценского (Сергеева) Сергея Николаевича (1875–1958). Попытался даже

¹ См.: Сергей Чупринин. Альманашники // Знамя. 2023. №6.

сам мотивировать лишь тем, что его активным корреспондентом был Иван Шевцов, скверная слава которого как бы ложится и на престарелого полуклассика, но поскольку ответы дедушки не приводятся, можно лишь предположить, что он разделял антисемитские убеждения автора «Тли».

И ещё как бы полувопрос: коли обозначено в предисловии, что представлены «ныне покойные» персонажи, то как быть с Альбертом Андреевичем Беляевым, родившимся 21 февраля 1928 года, о котором автор лукаво заметил: «Не очень даже ясно, жив ли он и, если жив, то где обретается. По слухам, в Германии, как и многие бывшие, но вряд ли возможно на эти слухи полагаться». И думаю, Чупринин прав: уж кого-кого, но этого виртуоза цековско-литературной интриги 60-х – 80-х миновать невозможно.

Возвращаясь к арифметике, отмечу, что объемы глав-очерков в книге различны, но не длинны: автор и издатели не забывают, что цель книги не в последнюю, а для кого-то и в первую очередь справочная. А этот жанр предполагает и открытия. Вот весь текст о «Лашиной (урожд. Покровской) Нине Сергеевне (1906–1990). Работала в юридическом отделе Магнитки, в Министерстве черной металлургии, в журнале «Крокодил»: заведующая отделом проверки (с 1952), затем отделом писем. Начиная с 24 января 1929 года (Ташкент) и заканчивая 5 июля 1966 (Жданов, ныне Мариуполь), вела регулярные поденные записи, которые собраны в двухтомнике “Дневник русской женщины” (М.: КПЦ «Преображение», 2011)». Здесь просто надо довериться Чупринину – значит, так необходимы для понимания людей Оттепели её дневниковые записи, опубликованные через полвека. А по другому кратчайшему персонажу вопросов не возникло: секретарь парткома московских писателей, организатор оттепельных погромов Аркадий Васильев: «Ю. Оксман назвал его “черносотенцем”, А. Кондратович – “автором дешевых романов о чекистах”. Дарья Донцова, и это вполне понятно, всегда вспоминает об отце с умилением. А книги В... Его книги более 25 лет не привлекают ни издателей, ни, надо думать, читателей».

Не хочу отказать себе в удовольствии ещё процитировать книгу.

«Оттепель, впрочем, совсем не или не совсем сталинщина».

«Сквозь более чем полувековую толщу оценить уровень смелости, проявленной в этих выступлениях, почти невозможно, но опасность маячила за каждым углом».

«Многие деятели подведомственной М. культуры, естественно, жаловались – и, естественно, во все тот же ЦК. Как, мол, так, человек, умеющий изъясняться лишь на двух языках – русском и матерном, не являющийся знатоком ни в одной области культуры и искусства, возглавляет Министерство культуры величайшей страны социализма. Это оскорбительно для нашей партии и страны» (О министре культуры Николае Михайлове).

«Портрет Н. можно выстроить на одних только отрицаниях. В партии он не состоял. Идеологическим экзекуциям не подвергался и сам в гонениях на писателей не участвовал. С советской властью не боролся, но и к числу ее пропагандистов никак не принадлежал. Карьеры литературного сановника не сделал, государственных премий не выслужил, но и от андеграунда был далек. Предосудительных публикаций в эмигрантской печати не имел. В самиздат не выходил. Дискуссий сторонился. Статей о литературе, во всяком случае о современной, не писал. Никому, кажется, из литераторов следующих поколений не помог. Да у него, собственно, даже и учеников не было, как не было и своего ближнего круга друзей-единомышленников» (О Юрии Нагибине).

«И служили, и дружили они, надо полагать, душа в душу – вплоть до 26 марта 1953 года, когда Симонов вдруг обратился к секретарям ЦК Хрущеву и Пospelову с предложением безотлагательно сместить еврея К. с должности: и сводный брат его был-де в 1937-м репрессирован, и сам он замечен в потакании еврейскому национализму» (Об Александре Кривицком).

«Для того чтобы скомпрометировать самые благие порывы, достаточно было одной поэмы С.В. Смирнова “Свидетельствую сам” (Москва. 1967. № 10) с призывом считать “личными врагами / Тех немногих, кто у нас порой

/ По своей охоте и программе / Хаёт мой и наш Советский строй».

«Смолоду эстет и артист, мастер интеллектуальных и художественных провокаций, К., как это и случается обыкновенно в русской литературе, ближе к склону лет становится моралистом, и – особенно когда дело касается былого – моралистом атакующим» (О Вениамине Каверине).

«Лучшее из написанного А. на граничной полосе между почти дозволенным и прямо запрещенным» (О Василии Аксёнове).

«Теперь в это трудно поверить, но в течение нескольких оттепельных лет все обрванное сословие, не меченное клеймом сталинизма, при всем уже и тогда явственным разномыслии держалось действительно вместе: И. Глазунов и Э. Неизвестный, В. Солоухин и А. Вознесенский, поэтому, – вспоминает Б., – “в те 60-е бывало так, что за одним столом исполняли свои песни Юз Алешковский <...> и Николай Рубцов”».

«И в его новых книгах все то же неприятие городской цивилизации, все та же боль за униженных и оскорбленных, к которым он – даже в пору своего максимального благополучия и максимальной славы – причисляет себя не колеблясь. <...> “Я очень люблю свою Родину, Россию, но не в нынешнем ее обличье – в гражданской глухоте и полураспаде, наверное, я уже и не люблю, больше жалею как старую, неизлечимо больную, немощную мать... <...> народа уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников, предавших не только Господа, но и брата своего, родителей своих, детей предавших, землю и волю свою за дешевые посулы продавших. <...> А народ нам не спасти уже, хоть бы мы все вернулись, куда велено”». Это всё о Викторе Астафьеве, чья сила слова заставляет меня всё же повременить с верой в наступление светлых лучей.

Сергей Чупринин собрал в книге «Оттепель: действующие лица», кажется, всё узнанное, разведанное, осмысленное, чем щедро поделился с читателем, придав насыщенному тексту немалую занимательность.

Елена СОЛОВЬЁВА

«АНТРОПОЛОГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАТАСТРОФЕ»

Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. – 355 с.

Пытаясь оговорить жанр этих заметок, уместно будет вспомнить, что их героиня, критик и эссеист Ольга Балла, не склонна называть «тексты про книжки» рецензиями, скорее уж – разновидностью «диалога с написанным». Она же, вычленив разницу между племенами «аккуратных библиофилов» и «разнузданных библиофагов», к которым причисляет и себя, пишет, что последние так и норовят превратить чужую книгу, читаемую в данный момент, в собственный дневник, хоть комментариями, сделанными на полях. То же случилось и со мной: последняя книга Балла «Дикоросль-4» стала очень личным чтением, сопровождающим неизбежные труды и дни, дающим ответы на самые насущные сиюминутные вопросы.

Не сказать, что я раньше не замечала томики «Дикоросли», которые, словно трава в щель крепкого забора, упорно лезли на свет между объёмистыми сборниками её статей о прозе и поэзии¹. «Годовые кольца структуры»² «Дикорослей» представляют собой дневнико-

¹ Автор книг «Примечания к ненаписанному» (Т. 1–3, New York: Franc-Tireur, 2010), «Упражнения в бытии» (М.: Совпадение, 2016), «Время сновидений» (М.: Совпадение, 2018), «Дикоросль: Две тысячи девятнадцатый» (Ганновер: Семь искусств, 2020) «Сквозной июль» (2020), «Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия» (2020), «Дикоросль-2: Две тысячи двадцатый» (2021), «Библионавтика: Выписки из бортового журнала библиофага» (2021), «Дышащий чертёж: сны о поэтах и поэзии» (т. 1-2, 2021), «Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый» (2022), «Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй» (2023).

² Дмитрий Бавильский. Мгновенные ментальные снимки. Предисловие // Балла О. Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый. – Ганновер: Семь искусств. 2022. С.10.

вые записи, компактные и афористичные, способные порадовать чисто поэтической звукописью любого ценителя русского языка. Даты и «порождающие поводы» из текстов изъятые, автор представляет только рефлексии и эмоции по поводу того, что осталось за кадром. Внутреннюю феноменологию переживания момента «здесь-и-сейчас» в «его непосредственном соприкосновении если не с вечным, то уж точно с архетипическим».

И если в критической манере Балла меня подкупала прежде всего «способность к качественной эмпатии»¹, умение внимательно и деликатно всмотреться даже в онтологически не близкий текст, не насилуя его «собственными целевыми установками», то в вещах, условно обозначаемых как «эссеистические»², самым важным оказалась бесстрашная любовь к жизни. Умение «испытывать острую («безадресную») благодарность за всё, (...) включая неудачи, может быть, за неудачи – особенно». «Дурацкое счастье от самого процесса, самого факта существования».

При этом Балла особенно внимательна к материям неинтересным и тяжёлым, но всматриваться вместе с ней в небытие, с которым у Ольги «слишком тесные отношения», – не страшно: она делает всё, чтобы удержаться на краю самой и помочь в этом читателю. В её системе координат даже экзистенциальное переживание бессмысленности бытия – дар, однако дальнейшие шаги после того, как человек смог «задумываться самым беспощадным образом», требуют ещё большего мужества.

Балла умеет вслушиваться в «тёмную подпочвенную воду» тоски, ценить рутину, грусть,

которая «есть форма благодарности миру», даже боль, ибо они как «богатый и красноречивый материал» «столь же разрушительны, сколь и строительны». «Их не надо глушить: надо слушать, что они говорят; у них очень точные голоса. В них надо отдавать себе отчёт – и принимать их. И уметь жить с ними». Балла способна оправдать хаос – «пустую, глупую соединительную ткань бытия», без которой, однако, формообразование невозможно. Способна сменить плюс на минус у «фоновой» тревоги, переведя её в терапевтический инструмент. «Тоска и тревога – свидетельство (по моему внутреннему предрасудку) подлинности жизни и честности отношения к ней».

У Балла я научилась считать «несбывшееся» – «топливом жизни». И тому, что «прокрастинация» на самом деле – бытовая магия, а «фобии могут становиться источником свободы». Теперь же учусь бесстрашно говорить о старости, неудачничестве, которое хорошо хотя бы тем, что показывает «возможность жизни за пределами типовых сценариев». Она подтвердила мои смутные подозрения на тот счёт, что «счастье и смысл – это почти одно и то же», а за жизненный ориентир, среди прочего, можно взять и «чувство “уюта”: ближайшего, локального, телесного согласия с проживаемой ситуацией». «Если “уютно” – значит, я что-то угадала, ущупала какое-то соответствие, в чём-то, может быть, даже важном, оказалась точна».

Симптоматично, что «Дикоросли» пошли строем (2019, 2020, 2021, 2022), когда мир во круг – ковидная чума да война – начал стремительно переформатироваться, сменяя и сметая привычные формы существования. Среди всеобщей растерянности, когда «Большие Проекты на Все Времена», по поводу неспособности к которым Балла, кстати, время от времени с грустью рефлексировала, начали один за другим терпеть крушение, вдруг оказалось, что у «тихого кабинетника-интроверта» есть остро отточенный инструмент для препарирования времени катастроф и дальнейшего его «обживания». Четвёртая «Дикоросль», урождённая в 2022 году, доказала это, пожалуй, наглядней своих сестёр.

Казалось бы, кардинального изменения формат не претерпел: это по-прежнему триста

¹ Дмитрий Бавильский. Этическая ценность интеллекта // Новый мир. 2017. №7. http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_7/Content/Publication6_6683/Default.aspx

² Александр Чанцев в рецензии «Метафизическая динамика», например, писал о Балла следующее: «Это действительно письмо – больше эссеистики (эссе же о чём-то конкретном, «случае» чаще, верно?), глубже прозы (в крайне редкой обрящешь столько же). Возможно, это вообще новое бытование текста, еще ждущее корректных филологических определений и новых дефиниций» // <https://www.peremeny.ru/blog/22442> // Перемены. Толстый веб-журнал.

с небольшим страниц; сначала традиционно идут мысли о новогодних ритуалах перехода, и общее построение книги подчинено годовой логике смены «сезонных смыслов». Те же «точки интенсивности» – работа, дом, города-пространства («геобиография»), «преодоление биографии (как совокупности ограничений)», «хрупкость и защиты», «жизнь-и-смерть, неразделимые, в их повседневном и ежедневном диалоге и споре». Но изменилась интонация: стала более страстной, более напористой, более чеканной. Потому что теперь, когда происходит «сдвигание пластов мироустройства», люди переживают «кризис оправданности» («не говоря уже о кризисе доверия, открытости, непосредственности»), и окружены страхами «разной степени апокалиптичности», политика до того пропитала собой этику, что даже ковид на контрасте воспринимается с облегчением как «слепая и внеэтичная смерть», приходится переутверждать то, что в прошлом мире «имело статус очевидного». Заново отстаивать свою «территорию нормальности»: например, право радоваться весне или пончикам, верить, что русская культура продолжает «наращивать свою историю» в противовес утверждениям, что её, русской культуры, больше нет; что любому смыслу свойственно проходить время от времени «испытания на свою невозможность».

Балла не претендует на «роль комментатора и со-думателя в Большом Разговоре культуры», считает, что «слишком она велика». Ей уютнее в самоопределении «со-бормотатель мира». И самое ценное в её позиции – противостояние довлеющей интонации соцсетей, где бал правит «страшный, чудовищный, убийственный соблазн чистоты и правоты». Не многие способны «пробормотать» сегодня «смирение и преодоление, преодоление и смирение», адресуясь причём не к оппоненту, а к себе самому. Сентенцию ««Культура» = совокупность форм и действий, которыми человек загораживается от небытия» Ольга легко может сопроводить ироничным заголовком «Ну и ещё из прибредившегося». Не отделяет себя от тех, о ком грустит: «Что за страсть у нас с вами, дорогие мои, отождествлять крах иллюзий отечественной интеллигенции со смертью

мира». Или «За кого тебе стыдно – тот тебе и свой». Она, «препираясь с внутренним собеседником», работает исключительно над собой, «чтобы ценой серьезных усилий найти в себе подобие многих»¹:

«Одно из важных, важнейших умений, которые (мне, кому же ещё) предстоит теперь освоить, – это умение не отворачиваться внутренне от тех, кто на основании позиций ли, чувств ли отвернулся от нас. Видеть их правду – даже не принимая её, и понимать – даже не принимая, особенно не принимая»².

Форма самовыражения, которую Балла оттачивала в первых трёх «Дикорослях», разломам и буеракам сегодняшнего времени подходит максимально. «Эссе мыслит разрывами, – писал в своё время Теодор Адорно, доказывая, что меняющееся и эфемерное достойно философии, – подобно тому, как разорвана реальность, и находит в них свое единство, никак не сглаживая их. Согласованность логического порядка вводит в заблуждение относительно противоречивой сущности того, на что он был натянут. Непоследовательность существенна для эссе, его предметом всегда является оставленный конфликт. С одной стороны, в эссе понятия согласуются друг с другом благодаря функциям в параллелограмме, образуемом силой вещей (Kräfteparallelogramm der Sachen), с другой – эссе уклоняется от захвата сверху, который мог бы подчинить их всех. Используемый в эссе метод показывает всю его иллюзорность, но, несмотря на неразрешимость задачи, пытается ее решить»³.

В предисловии к третьей «Дикоросли» Балла указывает своих наставников по части «эссеистической практики»: Марк Аврелий, Мишель Монтень, Василий Розанов, Лидия Гинзбург, Филипп Жакоте, Фернандо Пессоа, Ив Бонфуа, Михаил Бараш, из ближайших современников и собеседников – писатель и

¹ Дмитрий Бавильский. Мгновенные ментальные снимки. С.12.

² Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. С.81.

³ Теодор Адорно. Эссе как форма. Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С.68.

критик Дмитрий Бавильский. Но её работа по «увеличению количества жизни» во многом происходит благодаря свежему взгляду, когда «звуки начинают блестеть», «ветки лепятся из весеннего света», когда «всё-таки невозможно видеть такое небо – и не быть счастливой».

Есть и ещё один источник: Балла край-не редко говорит о религиозном опыте, беря утверждение его переживания в скобки – «(если это он – а это с некоторой вероятностью он)». Для неё религиозный опыт «начинается там, где происходит (и становится фактом нашего восприятия)» то, что: «...Очевидно превосходит человеческую меру и человеческие возможности. Да и человеческое разумение, на самом деле. – Нечто такое, кажется мне далее, происходит сейчас, хотя оно и устроено человеческими руками. Сдвигание пластов миро-

устройства»¹. Но её опыт укрощения собственного Я, бережное внимание к сирому и малому, практики оправдания, превратившиеся внутри «Дикорослей» в мини-жанр («Оправдание эгоцентричности речи», антропоморфизма, книжного обозревателства, перепроизводства сделанного и т.д.), обнаруживают родство с христианской традицией, не случайно прозаик и критик Александр Чанцев писал, что «в своем добровольном аскетическом служении Балла доходит до этических высот Симоны Вейль и Натальи Трауберг». Сегодня такие практики «противостояния энтропии на отдельно взятом участке» встречаются не так уж часто, а потому особенно ценны.

¹ Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. С.126.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 21 августа 2023 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.